

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

*20-годдзю Цэнтра беларускай
мовы і культуры МДЛУ
прысвячаецца*

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 2 красавіка 2021 г.

Выпуск 20

Мінск МДЛУ
2022

УДК 94(476+430).6
ББК 63.3(4 Бей) + 63.3(4 Гем)
Б 43

Рэкамендаваны Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 3 (61) ад 08.11.2021 г.

Рэдакцыйная калегія: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), У. В. Здановіч, У. К. Коршук, А. М. Літвін

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, прафесар А. П. Жытко (БДПУ імя М. Танка); кандыдат гістарычных навук, дацэнт А. М. Сцебурака (Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы)

Канферэнцыя праводзіцца ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма 1.5. «Гісторыя». Заданне 2.5. «Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў і першае пасляваеннае дзесяцігоддзе: гістарыяграфія і крыніцы» (навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар А. М. Літвін); 2.7. «Палітыка, практыка і наступствы нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. (на матэрыялах нямецкіх трафейных дакументаў НАРБ)» (навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт С. Я. Новікаў)

Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар.
Б 43 навук. канф., Мінск, 2 крас. 2021 г. Вып. 20 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2022. – 240 с.

ISBN 978-985-28-0104-1

У выданні змешчаны матэрыялы выступленняў, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

ISBN 978-985-28-0104-1

© УА «Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт», 2022

ПРЫЎІТАЛЬНАЕ СЛОВА
ПРАРЭКТАРА ЎНІВЕРСІТЭТА ПА НАВУКОВАЙ ПРАЦЫ
ЛАРЫСЫ АЛЯКСАНДРАЎНЫ ТАРАСЕВІЧ

Шаноўныя ўдзельнікі і госці канферэнцыі! Паважаныя калегі!

Дазвольце ад імя аргкамітэта канферэнцыі сардэчна вітаць вас на юбілейнай XX Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, прысвечанай 20-годдзю стварэння Цэнтра беларускай мовы і культуры ў МДЛУ.

Яна ладзіцца напярэдадні 80-й гадавіны з пачатку Вялікай Айчыннай вайны і праводзіцца ў камбінаваным фармаце (он- і офлайн). Аб сваім удзеле ў ёй заявілі амаль 50 даследчыкаў з Беларусі, Германіі, Польшчы і Расіі. Мы вельмі рады гасцям, асабліва замежным, сярод якіх добра нам вядомы гісторык з Расіі – прафесар Юлія Кантар, доктар гісторыі Дзмітрый Панцё з Польшчы, дактары гісторыі Крысціян Ганцар і Крысціна Янеке, а таксама магістр гуманітарных навук Гундула Польш з Германіі.

Канферэнцыя арганізавана сумесна з Цэнтрам ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі і адбываецца ў рамках выканання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг. «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя) (падпраграма «Гісторыя»). Навукоўцы кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму разам са студэнтамі факультэта нямецкай мовы забяспечваюць выкананне тэмы НДР «Палітыка, практыка і наступствы нацысцкага эканамічнага генацыду на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. (на матэрыялах нямецкіх трафейных дакументаў НАРБ)». Мне прыемна адзначыць, што асновай другога пленарнага пасяджэння з’яўляюцца выступленні прадстаўнікоў гэтага архіва, у тым ліку яго былога дырэктара, які шмат год кіраваў гэтай установай, – кандыдата гістарычных навук Вячаслава Дзмітрыевіча Селяменева.

Знаёмства з праграмай канферэнцыі дае магчымасць адзначыць таксама той важны факт, што ў фокусе асабістых навуковых пошукаў і калектыўных даследчыцкіх праектаў знаходзіцца праблематыка, датычная гісторыі Беларусі перыяду Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

Асабліва мне хочацца сказаць, што ваенныя падзеі вывучаюцца вамі на аснове не толькі дакументальных крыніц, але і вынікаў найноўшых навуковых распрацовак нямецкіх даследчыкаў. У гэтай сувязі хачу падкрэсліць яшчэ адзін важны момант, менавіта зварот да асабістых біяграфій людзей ваеннага часу: у вашым выпадку гэта ўспамін доктара гістарычных навук, прафесара, заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь Уладзіміра Канстанцінавіча Коршука, шматгадовага загадчыка кафедры гісторыі Мінскага іняза 1970-х – пачатку 1980-х гадоў.

Не менш цікавым мне бачыцца ўключэнне ў праграму прэзентацый дзвюх новых навуковых прац. Але асабліва кранальнай у праграме з’яўляецца заключная частка, прысвечаная памяці аднаго з заснавальнікаў традыцыі

правядзення канферэнцыі ў МДЛУ, старшага выкладчыка кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Сяргея Паўлавіча Кубекі, які на 81-м семестры працы ў нашым універсітэце пайшоў з жыцця.

Упэўнена, што новыя ідэі і высновы, да якіх вы прыйдзеце ў выніку абмеркавання пастаўленых праблемных і дыскусійных пытанняў, не заста-нуцца толькі ў сферы акадэмічнай навукі, але паўплываюць на вырашэнне надзённых выхаваўчых задач у нашым грамадстве, асабліва ў справе патрыя-тычнага выхавання і прафесійнай падрыхтоўкі студэнцкай моладзі.

Шаноўныя калегі, госці і сябры МДЛУ! Дазвольце аб’явіць адкрытай юбілейную XX Міжнародную навуковую канферэнцыю “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць” і пажадаць вам поспехаў.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ ПЕДАГОГИКИ НАТАЛЬИ ПЕТРОВНЫ БАРАНОВОЙ

Дорогие друзья, коллеги!

Мне очень приятно приветствовать всех участников нашей сегодняшней международной конференции.

Помню, как это было 20 лет назад – в 2001 году, когда мы встретились здесь, в инязе, в первый раз. Тогда мы, как-то неожиданно для самих себя, с глубоким интересом и каким-то светлым внутренним волнением слушали друг друга, мысленно погружаясь в трагические события середины XX века и связывая те дни с сегодняшним.

Могли ли мы тогда предугадать, что такие встречи станут ежегодными, жизненно необходимыми, что потребность в них будет возрастать, что они станут для многих из Вас мощным внутренним стимулом последующих исследований?

Наверное, нет. И, наверное, это естественно – воспринимать историческую науку как науку о прошлом. Но иногда Прошлое настойчиво напоминает о себе и стучится в день сегодняшний не просто для того, чтобы помочь, подсказать, озадачить, служить уроком нынешним поколениям, а с угрозой возрождения.

И тогда История как наука помогает разобраться в том, что было, в том, что происходит и может произойти. Так и в нашем случае.

Годы шли. И мы увидели и осознали, что большое действительно видится на расстоянии: открывались архивы, становились доступными ранее закрытые для ознакомления документы, возникали возможности для широчайшей всеобъемлющей систематизации фактов.

Укреплялось Ваше сотрудничество с исследователями Германии, между Вами возникло доверие и взаимопонимание, в основе которого было стремление не просто описать каждую страничку жизни того тяжелого времени, но сделать это предельно точно, выявляя причины каждого отдельного события, для того чтобы исключить возможность повторения ужасов прошлого века в будущем.

Вас волновали события, факты, люди. И все, что вы находили, открывали, доказывали, формировало позицию не только каждого отдельного исследователя, но позицию многих поколений наших студентов, Ваших зарубежных коллег, всех нас.

За 20 лет выросло новое поколение ученых. Это Ваши ученики, которые сегодня вместе с Вами на наших глазах делают Историю доступной и понятной каждому.

Меня до глубины души трогает, что на нынешней конференции много тех, кто был и на первой; тех, кто присоединился к нам и остался с нами. Низкий Вам поклон за Вашу преданность делу правды и истины.

Меня очень трогает, что те, с кем Вы встретились на Вашем двадцатилетнем пути в сегодняшний день, стали нашими друзьями, что их узнали и полюбили наши студенты.

Замечательно, что наша кафедра истории активно сотрудничает с учеными Института истории Национальной академии наук Беларуси, со своими коллегами многих белорусских вузов, с учеными Российской Федерации, Германии, Польши, других стран.

Смотрю на тематику докладов и сообщений, и перехватывает дыхание: сегодня Вы вновь обмениваетесь новыми ранее неизвестными фактами. Вновь, признавая значение прошлого для завтрашнего дня, для каждого отдельного человека на нашей планете, замрут сердца и возникнут новые идеи, желание работать для будущего.

Впереди у Вас много работы. Так случилось, что чем дальше от нас середина XX века, тем настоятельнее становится необходимость сохранения исторической правды для вступающих в жизнь поколений. Вам по силам решить эту задачу. Успеха Вам в Вашем благородном и непростом труде.

Успеха нашей конференции!

ПРЫВІТАЛЬНАЕ СЛОВА
АКАДЭМІКА-САКРАТАРА АДДЗЯЛЕННЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК
І МАСТАЦТВАЎ ЧЛЕНА-КАРЭСПАНДЭНТА НАН БЕЛАРУСІ
А. А. КАВАЛЕНІ ЎДЗЕЛЬНІКАМ НАВУКОВАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ

Шаноўныя гаспадары навуковага форуму
Ларыса Аляксандраўна,
Наталля Пятроўна,
Сяргей Яўгенавіч!

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Прыміце самыя лепшыя пажаданні ад вучоных-гуманітарыяў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сёння ў нас юбілейная навуковая сустрэча, якая праходзіць у няпросты перыяд развіцця беларускага грамадства. Вядома, што кожная новая сустрэча вучоных павінна дапамагаць высвятляць многія праблемы гісторыі міждзяржаўных адносін, пытання грамадска-палітычнага, сацыяльна-эканамічнага і духоўна-культурнага жыцця грамадства. Зразуме-

ла, толькі аб'ектыўнае асвятленне гістарычных падзей з'яўляецца важнейшым фактарам кансалідацыі грамадства, умацавання міжканфесійнага і міжнацыянальнага ладу і, вядома, паспяховага развіцця беларускай дзяржаўнасці. Для беларусаў і нашых замежных сяброў 2021 год – гэта год яднання беларускага народа і 80-годдзя трагедыі пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Перад вучонымі нашай краіны шмат задач, каб з найбольшай дакладнасцю асвятляць многія складаныя старонкі мінулага беларускага народа, у тым ліку і адстойваць праўду аб укладзе савецкага народа ў разгром нацысцкай Германіі і, вядома, паспяховага будаўніцтва сумеснага еўрапейскага дома.

Хачу пажадаць усім удзельнікам навуковага форуму здароў'я, дабрабыту, плённай тварчасці і багатых навукова-даследчых вынікаў!

Шаноўныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Некалькі слоў пра арганізацыю навукова-даследчай работы па праблеме беларуска-германскага супрацоўніцтва. Вядома, ёсць цікавыя напрацоўкі, аб чым яскрава сведчыць традыцыйнае правядзенне нашых сумесных форумаў. Сёння, як ужо адзначалася, мы праводзім 20-ю сустрэчу. Значная ўвага надаецца праблемам асэнсавання Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

На жаль, у наш час робіцца шмат, каб дыскрэдытаваць Вялікую Перамогу савецкага народа над нацысцкай Германіяй. Разгорнута нябачная раней фальсіфікацыя ваенных падзей, з'явілася нямала «шукальнікаў праўды», якія імкнуцца выяўляць і адкрываць толькі негатыўныя факты ваеннай гісторыі, перабольшваючы, а то і выдумляючы і падтасоўваючы розныя падзеі і факты, ствараючы розныя небывіцы. Уяўляецца, што наваўяўленыя «даследчыкі», асабліва ангажаваныя публіцысты, многія з якіх, несумненна, маюць сваяцкія сувязі з тымі, хто пацярпелі паражэнне і прайгралі вайну, з былымі калабарантамі і здраднікамі, якія зыходзячы з уласнай духоўна-псіхалагічнай крывадушнасці працягваюць брудную справу, імкнучыся ганьбіць гераізм і самаадданасць савецкіх людзей.

Калі раней асобныя, найбольш агрэсіўныя антысаветчыкі спрабавалі абвінавачваць Савецкі Саюз у распальванні Другой сусветнай вайны, то сёння прымаюцца адпаведныя рэзалюцыі на міждзяржаўным узроўні. Вядома, што Парламенцкая асамблея Арганізацыі па бяспецы і супрацоўніцтве ў Еўропе (АБСЕ), якая праходзіла ў Вільнюсе з 29 чэрвеня па 3 ліпеня 2009 года, прыняла дэкларацыю, якая складаецца з 28 рэзалюцый. У рэзалюцыі “Уз'яднанне падзеленай Еўропы: заахвочванне правоў чалавека і грамадзянскіх свабод у рэгіёне АБСЕ ў XXI стагоддзі” адзначаецца, што ў “многих странах, в том числе в странах с устойчивыми демократическими традициями, гражданские свободы вновь подвергаются опасности, нередко в связи с принятием мер по борьбе с так называемыми «новыми угрозами», напоминая об инициативе Европейского парламента объявить 23 августа, т.е. день подписания 70 лет назад пакта «Риббентроп–Молотов», общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней”¹.

¹ Вильнюсская декларация парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. Вильнюс, 29 июня – 3 июля 2009 года. С. 53–55.

Як бачна, у рэзалюцыі адзначаецца, што Савецкі Саюз нараўне з Германіяй нясе адказнасць за развязванне Другой сусветнай вайны. Прапаноўвалася аб’явіць 23 жніўня агульнаеўрапейскім днём памяці ахвяр сталінізму і нацызму. Аднак на гэтым палітычныя лідары Еўрасаюза не супыніліся. Праз дзесяць гадоў, 19 верасня 2019 года Еўрапейскі парламент зноў прыняў рэзалюцыю, у якой падкрэслівалася, што “80 гадоў таму, 23 жніўня 1939 г., камуністычны Савецкі Саюз і нацысцкая Германія падпісалі Дагавор аб ненападзе, вядомы як Пакт Молатава–Рыбентропа, і яго сакрэтныя пратаколы, падзяліўшы Еўропу і тэрыторыі незалежных дзяржаў паміж двума таталітарнымі рэжымамі і згрупаваўшы іх у сферы інтарэсаў, што падрыхтавала грунт для пачатку Другой сусветнай вайны”¹.

Як бачна, некаторыя палітычныя сілы Еўропы, асабліва младаеўрапейцы, імкнуцца перапісаць Нюрнберг, які вынес свой прысуд тым, хто распальваў вайну. Па сутнасці, гэта рэвізія вынікаў Другой сусветнай вайны, робіцца чарговая спроба рэабілітаваць сапраўдных вінаватых і памагатых у развязванні сусветнай вайны. Нагадаем, што менавіта палітычныя эліты краін-падпісантаў гэтай рэзалюцыі выступілі на баку нацызму і прымалі актыўны ўдзел у баявых дзеяннях, знішчалі мірнае насельніцтва, палілі вёскі, руйнавалі мірнае жыццё савецкіх людзей. Сёння некаторыя забываюць, што ў ваенным паходзе супраць СССР разам з Германіяй выступіла Венгрыя, Румынія, Фінляндыя, Славакія і Італія. Іх войскі налічвалі каля 870 тысяч чалавек, 42 разліковыя дывізіі, звыш 6600 гармат і мінамётаў, 400 танкаў і 960 самалётаў. Усяго на баку Германіі ваявала каля 2 мільёнаў чалавек з 15 краін Еўропы. Прычым многія з іх з’яўляліся добраахвотнікамі, з якіх былі створаны нацыянальныя фарміраванні:

«Блакiтная дывізія» – Іспанія;

«Валонія» – у складзе дывізіі былі французскія, іспанскія і валонскія добраахвотнікі,

«Багемія і Маравія» – чэхі з Маравіі і Багеміі;

«Вікінг» – добраахвотнікі з Нідэрландаў, Бельгіі і Скандынаўскіх краін;

«Дэнемарк» – датчане;

«Лангемарк» – фламандскія добраахвотнікі;

«Нордланд» – галандскія і скандынаўскія добраахвотнікі;

«Галічына» – украінцы.

Дарэчы, многія з іх пакінулі чорны след на акупіраванай тэрыторыі Беларусі². Прыкладзём яшчэ адзін прыклад: у бітве пад Сталінградам Чырвоная армія разграміла не толькі германскія войскі, але і дзве румынскія, адну італьянскую і адну венгерскую арміі³.

¹ <https://ru-polit.livejournal.com/19280948.html>.

² Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945. Энцыклапедыя. – Мінск 1990. С. 6.

³ Разгром врага под Сталинградом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en-cyclopedia.mil.ru/files/VOV/tom3/VOV_Vol3_372-426_Chap7.pdf.

Сённяя руйнуюцца помнікі савецкім воінам, якія вызвалілі краіны Еўропы ад карычневай чумы. Прасцей за ўсё, што адбываецца ў краінах Еўропы, спісаць на канкрэтнага нягодніка ці адмарожаных маргіналаў, чым убачыць мэтанакіраваную палітыку Еўрасаюза. Ужо ў названай рэзалюцыі Еўрапарламента ад 19 верасня 2019 года прапануецца барацьба з таталітарызмам, ачыстка тэрыторыі сваіх дзяржаў Еўрасаюза ад помнікаў савецкім воінам. З гэтай нагоды Еўрапарламент «выражае обеспокоенность по поводу продолжающегося использования символов тоталитарных режимов в публичном пространстве и в коммерческих целях и напоминает, что некоторые европейские страны запретили использование нацистских и коммунистических символов...». У 18 параграфу дакумента падкрэслена: тое, што «в некоторых государствах-членах памятники и мемориалы, посвященные тоталитарным режимам, по-прежнему остаются в общественных местах (парки, площади, улицы и т. д.), подготавливает почву для искажения исторических фактов о последствиях Второй мировой войны и для пропаганды тоталитарной политической системы»¹.

Як бачна, вельмі складана аналізаваць рашэнне парламентарыяў з пункту гледжання гістарычнай навукі. Еўрапейскія лідары прызвалі бурыць помнікі воінам-вызваліцелям, каб яны не напаміналі еўрапейскай грамадскасці аб тых, хто вызваліў Еўропу ад карычневай чумы.

На нашым навуковым форуме сённяя было б карысным разгарнуць размову і па праблеме стаўлення германскіх палітычных колаў і германскіх спецслужбаў да дзейнасці Фабіяна Акінчыца, Канстанціна Езавітава, Васіля Захаркі, Радзіслава Астроўскага, Івана Ермачэнкі, Міхася Ганько і іншых прадстаўнікоў беларускага ваенна-палітычнага калабарацыянiзму. Важна, выкарыстоўваючы арыгінальныя архіўныя крыніцы, зразумець ацэнку германскім палітыкамі дзейнасці беларускіх калабарацыянiстаў. На жаль, у нас слабая архіўная база дакументальных крыніц, у якіх адлюстравана дзейнасць германскіх спецслужбаў і нямецкіх палітыкаў у адносінах да будучага акупіраваных тэрыторый.

З гэтай нагоды было б карысным апублікаваць зборнік дакументаў, якія прымаліся германскімі ўладамі ў адносінах да будучага Беларусі, вядома, не прапагандысцкія заявы, а тые, што складалі сутнасць акупацыйных мерапрыемстваў па абязлюджванні беларускай зямлі. Зразумела, нас цікавяць вытокі арганізацыі карных аперацый, іх ідэйныя натхняльнікі. Што магло здарыцца, каб у сярэдзіне XX стагоддзя спецыяльна спальваліся тысячы населеных пунктаў? Што адбывалася ў галовах тых, хто здзяйсняў гэтыя жудасныя вар'яцтвы?

Мае асабістыя навуковыя даследаванні дазваляюць сцвярджаць, што германскія палітыкі бачылі ў калабарацыянiстах расходны матэрыял, які выкарыстоўваўся для вырашэння галоўнай палітычнай мэты – разгрому СССР.

¹ Корнеев, В. Еврототалитаризм и поджигатели войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istoriki.su/istoricheskie-temy/lzheistoriya/lzeistoriya_dokumentalnyye_istochniki/900-evrototalitarizm-ipodzhigateli-voyny.html

Прывяду толькі два прыклады. Вясной 1943 года, калі ўжо была праведзена маштабная арганізацыйная работа па стварэнні Саюза беларускай моладзі (СБМ), многія беларускія юнакі і дзяўчаты пабылі ў Германіі, дзе вывучалі вопыт дзейнасці Гітлерюганда, каб перанесці яго на беларускае маладзёжнае асяроддзе. Аднак на спецыяльнай нарадзе ў красавіку 1943 года адзін з кіраўнікоў германскіх спецслужба адзначыў, што ён не можа даць згоду наконт стварэння нацыянальнага маладзёжнага саюза. Для высвятлення пытання неабходна было звярнуцца ў Берлін, каб высветліць, наколькі палітычна мэтазгодна дзейнасць маладзёжнай арганізацыі, як яна будзе служыць вырашэнню палітычных мэт Германіі. У выніку спатрэбілася амаль два месяцы, каб атрымаць дазвол на стварэнне СБМ.

Другі момант. Сёння шмат размоў аб сімволіцы. Дык вось, у лістападзе 1943 года, а гэта, як вядома, быў час разгрому германскіх войск пад Арлом і Курскам, пачатак вызвалення тэрыторыі Беларусі, знішчэнне беларускімі патрыётамі В. Кубэ і прызначэнне на пасаду выконваючага абавязкі Генеральнага камісара Беларусі Готберга, у Рызе была праведзена спецыяльная нарада, дзе вырацоўвалася германская палітыка, якая павінна была ажыццяўляцца на акупіраваных тэрыторыях Рэйхскамісарыята “Остланд”. Выконваючы абавязкі Генеральнага камісара Беларусі Годберг рабіў вялікую справаздачу аб становішчы ў Генеральным камісарыяце Беларусі. Было паднята пытанне аб сімволіцы беларускіх калабарантаў. Разгарнулася спрэчка, якая закончылася катэгарычнай высновай Рэйхскамісара “Остланд” Лозе. Ён заявіў: ніякіх беларускіх гербаў, ні ў якасці конніка, ні ў кветцы васілька. Розмова можа ісці толькі аб эмблеме. Герб дазволіць калабарантам ставіць пытанне аб дзяржаўнасці. Вось і ўся сутнасць беларускай дзяржаўнасці, якую планавалі германскія агрэсары для беларускага народа, – быць расходным матэрыялам дзеля вырашэння геапалітычных мэт нацысцкай Германіі¹. Як бачна, многія пытанні дзейнасці германскіх акупацыйных улад і іх добраахвотных хаўруснікаў патрабуюць больш дэталёвага асэнсавання.

Паважаныя калегі!

Нельга не заўважаць і таго, што палітычныя эліты ЗША і Еўрасаюза сёння разгарнулі актыўныя дзеянні па выпяцненні Беларусі з гістарычнай прасторы цывілізацыйна-культурнага і палітычнага ўплыву славянскага свету. Робіцца шмат, каб дыскрэдытаваць і парушыць гістарычнае поле жыццядзейнасці нашых продкаў, а значыць, і наш сённяшні лёс. Прычым дзеля вырашэння геапалітычнага супрацьстаяння сёння ўсё больш шырока выкарыстоўваюцца інфармацыйна-камунікацыйныя тэхналогіі, каб аказваць уплыў не толькі на фарміраванне дэструктыўнай грамадскай думкі праз сацыяльныя сеткі, але і прыняцце патрэбных палітычных рашэнняў. У сродках масавай інфармацыі насаджаецца ідэалогія спажывальніцтва, а паралель-

¹ Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. – Мінск, 1999. С. 91–92.

на ў камерцыйных сетках прыгожымі колерамі малюецца «шчаслівае жыццё за акіянам». Робіцца шмат, каб падтрымліваць у душах людзей запал прагнасці, ілжывасці, ганарлівасці, невуцтва, якія фарміруюць у душах падрастаючага пакалення разбэшчанасць, негатыўнае стаўленне да грамадзянскіх і патрыятычных пачуццяў, абьякаваць да нацыянальна-дзяржаўных і духоўна-культурных традыцый народа.

Нельга не заўважаць таго факта, што рэакцыйныя сілы разгарнулі супраць Беларусі маштабнае процістаянне. У гэты адказны гістарычны момант вучоным неабходна не проста кансалідацыя, як нашым продкам у 1410 г. і ў 1941 г., а аб'яднанне з усімі здаровымі сіламі Беларусі, каб не толькі выстаць, а перамагчы, дасягнуўшы новага этапу сацыяльна-эканамічнага і духоўна-культурнага развіцця беларускага народа ў вянку славянскіх і еўрапейскіх народаў.

Для таго, каб паспяхова будаваць багатую і шчаслівую Беларусь, улада і вучоныя, творчая інтэлігенцыя, усе, для каго будучае краіны неабьякава, абавязаны стварыць у краіне атмасферу нецярпімасці, якая б не дазваляла прарастаць прагнасці, крывадушнасці, жорсткасці, ілжывасці, невуцтву і ўсім іншым заганам чалавека. У грамадскім асяроддзі неабходна выбудоўваць сацыяльна-грамадскія ўмовы для дзейснага фарміравання грамадзянскіх і патрыятычных якасцей падростаючага пакалення.

Зразумела, што ў перыяд глабальнай інфарматызацыі чалавецтва намнога ўзрастае маніпулятыўная магчымасць не толькі фарміравання дэструктыўнай грамадскай думкі, але і разбуральнага ўплыву на рашэнні, якія прымае палітычнае кіраўніцтва краіны. Ва ўмовах разгорнутага геапалітычнага цывілізацыйнага супрацьстаяння вельмі важна, каб мы разам з вучонымі еўрапейскіх краін не толькі выступалі супраць разбуральнай сутнасці палітэхналогій, а наадварот, стваралі ўмовы для палітычнай сацыялізацыі і развіцця дэмакратычных кампетэнцый большасці народа.

Жадаю ўдзельнікам навуковага форуму цікавых дыскусій і творчых дасягненняў.

**ПРИВЕТСТВИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ г. ДРЕЗДЕНА
ДОКТОРА ИСТОРИИ КРИСТИНЫ ЯНЕКЕ**

Дорогие коллеги. Мне очень жаль, что я не могу участвовать в вашей конференции. В прошлые годы, как многие из вас знают, я много раз была участником этих форумов. Всегда выступала на них с докладом и при этом чувствовала, насколько они важны для ее участников. Но уже второй год эта конференция проходит без моего участия, и вы знаете, что главной причиной здесь является коронавирус. Сразу признаюсь, что мне очень не хватает этой возможности для встреч и обмена мнениями по актуальным темам истории.

Конференция в вашем университете особая: на ней всегда ведутся дискуссии, обсуждаются сложные темы, и еще один момент, который мне особенно хочется подчеркнуть, – это международный подход. Это означает, что в обсуждении принимают участие гости с разных стран, что дает возможность рассмотреть проблемы с разных сторон. В этом году особая конференция, поскольку она состоится в 20-й раз. Поэтому поздравляю всех участников конференции с такой датой.

Иметь в современных условиях такое пространство, где можно обсуждать сложные вопросы истории, это важнее, чем всегда. Поэтому я очень рада и благодарна за такую возможность в контексте того факта, что эта конференция состоится. Она – важная константа в современной научной жизни Беларуси, в том числе с учетом тех условий, когда многие историки выступают за свои идеи, свободу и демократию. Все это легко сказать из Германии. Поэтому сегодня в Беларуси это очень важно, что мы поддерживаем связи, не теряем научные контакты и продолжаем дальше работать над общими темами и совместными проектами. Конференция в этом аспекте стала мозаичным явлением. Высказываю надежду, что для всех нас и в следующем году будет возможность участия в конференции и выступления с докладами. И тогда я смогу вам больше рассказать о своей работе в Военно-историческом музее в Дрездене, где с сентября 2020 года я являюсь заместителем директора по науке.

Для меня как музейщика это большая радость – быть опять внутри этого музейного учреждения. Но одновременно я не хочу терять свои контакты с моими коллегами в Беларуси: как с сотрудниками музеев, так и с вами – моими коллегами-историками. Тем более заниматься военной историей здесь в Германии невозможно без кооперации с белорусскими коллегами, а также историками из Восточной Европы и других стран постсоветского пространства.

До сих пор я принимаю активное участие в двух проектах в Беларуси. Один из них – историческая мастерская в Минске, где мы давно трудимся с коллегами прежде всего над темой культуры памяти о Тростенце и в рамках образовательных программ. В настоящее время я занимаюсь разработкой новой экспозиции для мастерской в том здании, которое в ближайшее время будет реконструировано, и там появятся новые залы для экспозиции и для проведения образовательной работы. И мы надеемся на ее открытие уже в следующем году. Второй проект реализуется вместе с Институтом Гёте в Минске. Мы с ним уже давно сотрудничаем в музейных проектах. Но сейчас у нас есть долгосрочное намерение создать еврейский музей в Минске. Над этой темой мы работаем с разными акторами, активистами из гражданского общества, в том числе коллегами из разных музеев, научными работниками. Кстати, в этом году мы планируем провести уже третью рабочую встречу. На этот момент местом ее проведения предполагаем Минск, но как будут складываться обстоятельства в ближайшем будущем, мы узнаем позже. Но уже теперь я сердечно приглашаю вас для участия в обсуждении вопросов.

В заключение я желаю вам живых дискуссий и пару тех важных минут, когда вы сможете забыть трудности современной повседневной жизни и просто углубиться в научную дискуссию.

Еще раз поздравляю с этой юбилейной конференцией, желаю всем успехов и спасибо за возможность выступить.

ПРИВЕТСТВИЕ ГЛАВНОГО СПЕЦИАЛИСТА
НАУЧНО–ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ОТДЕЛА
МУЗЕЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В г. ГДАНЬСКЕ,
ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА КГУ ИМ. Ш. УАЛИХАНОВА,
ДОКТОРА ИСТОРИИ ДМИТРИЯ ПАНТЬЁ

Уважаемые Дамы и Господа!
Дорогие коллеги!

Большое спасибо организаторам за приглашение на эту значимую конференцию! Я уже не в первый раз принимаю участие в данном научном форуме, который объединяет за своим столом ученых из разных стран мира. И сегодня имею честь приветствовать всех вас из новейшего Музея Второй мировой войны в Гданьске.

В своем приветственном слове хотел бы пожелать нам (участникам конференции) помнить и чтить память не только об исторических событиях, но в первую очередь об исторических личностях, в особенности – жертвах Второй мировой войны. История и Память, идущие рядом в метаисторическом потоке, помогают нам не только помнить о трагедии наших народов, но также пережить и отразить прошлое. Выдающийся ученый Александр Еткнид предлагает простую схему понимания нашего травматического прошлого: «Поколению террора достаются массовые захоронения, первому поколению после катастрофы – травма, а второму и последующим – горе». Мы, будучи этим третьим поколением, должны научиться жить с этим горем, которое все еще влияет на нашу повседневную жизнь. Это горе в Беларуси – интернационально. Трагедия Второй мировой войны искалечила и переплела судьбы многих народов, которые вместе страдали и переживали тяжелые оккупационные годы. Дабы преодолеть горе и вылечить эту глубокую травму, которая выросла в историю наших народов, необходимо много и тяжело работать. Однако эта работа должна проводиться по нескольким векторам. Это задача не только ученых, общественных деятелей, политиков, но и всех жителей Беларуси, Польши и других стран, которые вместе как общество создают социальные рамки памяти, чтобы передать ее последующим поколениям. И только от нас зависит, будет ли эта память наполненной белыми пятнами трудной истории, или будущее поколение наших детей и внуков будет расти с чистым, ясным и критическим пониманием исторического прошлого.

ПРИВЕТСТВИЕ
ДИРЕКТОРА НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
АНДРЕЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ДЕМЯНЮКА

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Коллектив ГУ «Национальный архив Республики Беларусь» сердечно поздравляет вас с организацией и проведением 20-й юбилейной конференции. Не будет преувеличением сказать, что за эти годы конференция «Беларусь и Германия: история и современность» стала авторитетной и статусной научной площадкой для обсуждения широкого спектра вопросов, связанного с историей и культурой Республики Беларусь и Германии. В ходе выступлений и дискуссий профессионалов своего дела научные оценки были даны многим важнейшим событиям и явлениям. Отдельно отметим значительный вклад, который за это 20-летие внесла ежегодная конференция в изучение вопросов, связанных с исследованием Второй мировой и Великой Отечественной войн. Фактически целое поколение молодых историков имело возможность получить бесценную научную информацию от ведущих специалистов из Беларуси, России, Германии, Польши, а также поделиться своими знаниями и научными наработками. Выражаем слова благодарности за плодотворное сотрудничество между МГЛУ и Национальным архивом Республики Беларусь. Оно выражается в регулярном участии в научных форумах и мероприятиях, научно-практических консультациях, рецензировании. Уверены, что конференция пройдет в созидательной и творческой атмосфере, а полученные выводы и научные открытия будут способствовать укреплению научного потенциала нашей исторической науки. Желаем вам плодотворной и содержательной работы, крепкого здоровья, благополучия и новых научных открытий.

80-ГОДДЗЕ ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДХОДЫ

Т. С. Сюзюмава

КНІГІ, ПАДЗЕІ, ЛЮДЗІ Ў ЛЕТАПІСЕ ЦЭНТРА БЕЛРАУСКАЙ МОВЫ І КУЛЬТУРЫ

Цэнтр беларускай мовы і культуры (ЦБел) – першы з 11-моўных цэнтраў Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, які распачаў сваю працу 11 мая 2001 года.

Асноўны накірунак яго працы – гэта бібліятэчнае абслугоўванне чытачоў, якімі з’яўляюцца студэнты, выкладчыкі, магістранты, аспіранты і супрацоўнікі ўніверсітэта.

Фонд Цэнтра ўтрымлівае больш як 4000 экзэмпляраў, фарміруецца ў адпаведнасці з адукацыйнымі праграмамі, навучальнымі планамі і тэматыкай навуковых даследаванняў кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму і кафедры беларускай мовы і літаратуры. Згодна з гэтым, літаратура ў Цэнтры падабрана па наступных тэмах:

- беларуская гісторыя;
- беларуская мова;
- беларуская літаратура і літаратуразнаўства;
- культура і навука Беларусі;
- палітыка і эканоміка Беларусі;
- мастацтва Беларусі;
- рэлігія Беларусі.

Пры камплектаванні фонду ўлічваецца моўны аспект: літаратура на розныя тэмы прадстаўлена пераважна на беларускай мове, а таксама на замежных мовах з мэтай распаўсюджвання ведаў пра гісторыю, культуру, мову, літаратуру Беларусі ў свеце.

Збіраюцца пераклады твораў беларускіх пісьменнікаў на замежныя мовы, а таксама пераклады класікаў сусветнай літаратуры на беларускую мову.

Расстаноўка кніжнага фонду сістэматычна-тэматычная, кнігі расставлены па сістэме ББК (бібліятэчна-бібліяграфічная класіфікацыя) з выдзяленнем тэматычных паліц, з выкарыстаннем каляровых метак. Тэматычныя падборкі выдзяляюцца з фонду ў залежнасці ад запытаў чытачоў, гэта:

- славутыя землякі;
- гарады Беларусі;
- Францыск Скарына;
- Вялікая Айчынная вайна;
- працы П. В. Васючэнкі і інш.

У ЦБел вядуцца традыцыйныя карткавыя каталогі і картатэкі і электронныя базы дадзеных:

- электронны каталог кніг;
- аналітычная база дадзеных “Беларусістыка”.

Акрамя таго, супрацоўнікі Цэнтра ўдзельнічаюць у міжуніверсітэцкім праекце “БелАр”, у рамках якога бібліятэкі ВНУ Беларусі абменьваюцца бібліяграфічнай інфармацыяй. Праект створаны па ініцыятыве бібліятэкі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта сумесна з іншымі ўніверсітэцкімі бібліятэкамі Беларусі ў 2002 годзе.

Сёння ў праекце па стварэнні зводнай базы дадзеных аналітычных апісанняў артыкулаў з беларускіх навуковых і літаратурна-мастацкіх часопісаў удзельнічаюць 14 бібліятэк. Бібліятэка МДЛУ апрацоўвае для дадзенага праекта 5 часопісаў, 2 з якіх – у Цэнтры.

Супрацоўнікі Цэнтра займаюцца папаўненнем рэпазіторыя МДЛУ, у якім прадстаўлены вучэбныя і навуковыя публікацыі, матэрыялы канферэнцый, аўтарэфераты дысертацый, а таксама артыкулы з перыядычных выданняў выкладчыкаў і аспірантаў, студэнтаў і магістрантаў універсітэта.

Яшчэ адзін накірунак працы – гэта падборка і апрацоўка матэрыялаў для афіцыйнай старонкі бібліятэкі МДЛУ ў сацыяльных сетках, дзе публікуецца інфармацыя аб паслугах і рэсурсах бібліятэкі, аб новых паступленнях, кніжных выставах, акцыях і іншых звесткі, якія цікавяць нашых чытачоў.

Вялікая ўвага ў Цэнтры надаецца бібліяграфічнаму абслугоўванню чытачоў. Гэта падрыхтоўка бібліяграфічных даведак, дапамога ў падборы літаратуры і складанні бібліяграфічных спісаў пры напісанні курсавых, дыпломных і кандыдацкіх прац, а таксама пры выкананні розных заданняў у працэсе вучэбнай дзейнасці. Напрыклад, для дапамогі студэнтам пры напісанні эсэ па гісторыі Беларусі на аснове дакументальных крыніц у Цэнтры складзены і ўвесь час папаўняецца бібліяграфічны паказальнік дакументальных крыніц.

Значная роля належыць выставам, праца над якімі вядзецца ў Цэнтры і мае актыўны водгук ад нашых наведвальнікаў. Галоўнымі крытэрыямі адбору экспанатаў з’яўляюцца інфарматыўнасць і рэпрэзентатыўнасць. Выпрацоўваецца навуковая канцэпцыя выставы, вызначаюцца тэма, ідэя, праблема, якія раскрываюцца з дапамогай выставы, а таксама выбіраюцца спосабы рэалізацыі задуманага. Абавязкова праводзіцца аналіз літаратурных і дакументальных крыніц па тэме выставы, разглядаецца магчымасць яе ўключэння ў адукацыйны працэс. Вось прыклады некаторых выстаў, якія адбыліся ў нашым Цэнтры:

- цыкл выстаў, прысвечаных памяці ахвяр Халакосту;
- цыкл выстаў, прысвечаных Святу Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне;
- літаратурныя выставы (напр.: “Да 90-годдзя Уладзіміра Караткевіча”);
- выставы на агульныя тэмы (напр. “Беларусы смяюцца: гумар у беларускай літаратуры і фальклоры”, “Кніжны нефармат : прысвечаная Сусветнаму дню кнігі і аўтарскага права”) і многа іншых.

Трэба адзначыць, што з першага ж дня працы ў Цэнтры вядзецца летапіс, у якім фіксуюцца ўсе падзеі, што адбываюцца ў ЦБел. Гэта літаратурныя сустрэчы, канферэнцыі, прэзентацыі і іншыя мерапрыемствы. Вялікая падзяка за дапамогу П. В. Васючэнку, якога на жаль ужо няма з намі, С. Я. Новікаву і М. М. Воінавай-Страсе – нязменным арганізатарам дадзеных мерапрыемстваў.

Свае вершы ў Цэнтры чыталі такія беларускія паэты, як Генадзь Бураўкін, Навум Гальпяровіч, Эдуард Акулін, Уладзімір Мазго, Раіса Баравікова, Алесь Бадак, Андрэй Хадановіч і многія іншыя.

Цікавая паралель праводзіцца ў сувязі з выступленнямі ў Цэнтры дзеячоў навукі і культуры. Да прыкладу можна ўзяць маладых літаратараў, удзельнікаў літаратурнага таварыства “Бум-Бам-Літ” (кан. 90-х – пач. 2000-х), а канкрэтней маладога паэта Віктара Жыбуля, які выступаў у Цэнтры ў 2002 г. і пакінуў у летапісе такі верш: “Запусьцілі мы ракету. Быў Сусьвет – няма Сусьвету”. А цяпер гэта вядомы паэт, літаратуразнаўца, кандыдат філалагічных навук, які займаецца даследаваннем гісторыі беларускай літаратуры, пошукам імёнаў забытых беларускіх пісьменнікаў гадоў Вялікай Айчыннай вайны.

Праходзілі ў Цэнтры і монаспектаклі Галіны Дзягілевай – актрысы тэатра аднаго актёра “Зьніч”.

Крыху падрабязней пра некаторыя прэзентацыі, якія адбыліся ў ЦБел за 20 гадоў яго працы.

- Прэзентацыі кніг нямецкага гісторыка і пісьменніка Паўля Коля “Найлепшыя прывітанні з Мінска” пра забойства Вільгельма Кубэ ў часы Вялікай Айчыннай вайны (спачатку нямецкамоўнай версіі ў 2002 г., а затым беларускамоўнага перакладу, зробленага выкладчыкамі і студэнтамі МДЛУ ў 2003г.).

- Прэзентацыя кнігі нямецкага гісторыка Бернгарда К’яры “Штодзённасць за лініяй фронту”.

- Прэзентацыя зборніка дакументаў пад рэдакцыяй Раісы Чарнаглазавай “Ваеннапалонныя” і зборніка дакументаў “Трасцянец”, складальнікамі якога з’яўляюцца Раіса Чарнаглазава і Сяргей Жумар.

- Грамадскае абмеркаванне цыкла работ “Беларускія астарбайтары”, вылучаных для ўдзелу ў конкурсе на атрыманне Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь 2002 г.

- Прэзентацыя кнігі Сяргея Новікава “Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны”.

- Літаратурная сустрэча з Габрыэлем Хаймам – швейцарскім публіцыстам, пісьменнікам, аўтарам кнігі “Я не хачу чарнічнага пірага, я толькі хачу пакінуць гэта месца. Любоў матулі ў пісьмах” (па пісьмах сваёй бабулі, якая ў 1942 г. была вывезена з Берліна ў Трасцянец, дзе і загінула ва ўрочышчы Благаўшчына).

- Прэзентацыя кнігі Пятра Васючэнкі “Дванаццаць подзвігаў Геракла”.

- Прэзентацыя першай у Беларусі прафесійнай праграмы праверкі арфаграфіі беларускай мовы.

Частымі гасцямі Цэнтра з’яўляліся прадстаўнікі рэдакцый розных беларускіх часопісаў і выдавецтваў:

- Беларуская энцыклапедыя ім. П. Броўкі;

- Рэдакцыя часопіса “Малодосць”(у часопісе існуе рубрыка “Пераклады студэнтаў Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта”);

- Рэдакцыя часопіса “Бярозка”;
- Рэдакцыя “Беларускага гістарычнага часопіса”;
- Рэдакцыя часопіса “Польмя”;
- Кіраўнікі выдавецтва “Мастацкая літаратура”.

І яшчэ пра многія іншыя цікавыя мерапрыемствы можна даведацца з нашага летапісу.

Пачынаючы з 2008 г. у Цэнтры штогод праходзіць навуковая канферэнцыя “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, а ў 2016, 2018, 2020 гадах – міжнародная навуковая канферэнцыя “Беларуская мова, літаратура і свет: праблемы рэпрэзентацыі”. Для гэтых мерапрыемстваў супрацоўнікамі Цэнт-ра рыхтуюцца выставы, падбіраюцца неабходныя матэрыялы і дакументы.

Многія кнігі з фонду Цэнтра беларускай мовы і культуры з’яўляюцца дарункамі яго наведвальнікаў і гасцей. У нашых фондах захоўваюцца кнігі з аўтографамі Рыгора Барадуліна і Уладзіміра Арлова, Навума Гальпяровіча і Уладзіміра Сіўчыкава, Лявона Баршчэўскага і Пятра Васючэнкі, Генадзя Бураўкіна і Зміцера Вішнёва, Паўля Коля і Сяргея Новікава, Юліі Кантар і Анатоля Шаркова, Бернгарда К’яры і Крысціяна Ганцара і многіх, многіх іншых. Мы вельмі ўдзячныя гэтым выбітным дзеячам навукі і культуры за значную дапамогу ў фарміраванні фонду Цэнтра беларускай мовы і культуры.

С. Я. Новікаў

20-ГАДОВЫ РУБЕЖ КРАСАВІЦКІХ СУСТРЭЧ: ГАЛОЎНЫЯ ВЫНІКІ І НОВЫЯ ВЫКЛІКІ

*Светлай памяці Сяргея Паўлавіча Кубекі –
Сябра і Калегі*

Красавіцкія сустрэчы ў МДЛУ! Пад такой назвай яны ўсё часцей згадваюцца ў колах ваенных гісторыкаў, архівістаў і даследчыкаў у Беларусі і Германіі, Польшчы і Расіі, Латвіі і Украіны. Пачатак такім сустрэчам быў пакладзены рэспубліканскай канферэнцыяй, праведзенай 20 гадоў назад і прысвечанай 10-годдзю ўсталявання дыпламатычных адносін паміж Рэспублікай Беларусь і Федэратыўнай Рэспублікай Германія. У звароце рэдакцыйнай калегіі да аўтараў першага зборніка матэрыялаў прагучала дальнабачнае пажаданне – закласці **традыцыю** па рэгулярным правядзенні навуковых канферэнцый «Беларусь і Германія» [1, с. 3]. Два дзесяцігоддзі, якія мінулі з таго часу, пераконваюць, што яна заслужана ўвайшла ў найноўшую беларускую гісторыю як **важнейшая міжнародная дыскусійная пляцоўка**. Якая ж яна ў плане атрыманых вынікаў і гатоўнасці да новых выклікаў гісторыі?

Цяперашняя канферэнцыя ладзіцца напярэдадні 80-х угодкаў пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Аднак аргкамітэт вырашыў прысвяціць 20-ю сустрэчу не менш важнай даце – **20-годдоваму юбілею Цэнтра беларускай мовы**

і культуры! Вось так збег гістарычнага часу даў нам шанс спаткання дзвюх круглых дат, звязаных гісторыяй самога Цэнтра і штогадовых сустрэч у ім удзельнікаў міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларусь і Германія гісторыя і сучаснасць” [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. За гэтыя гады аўдыторыя А 213 таксама падаравала кожнаму з нас атмасферу радасці і ўтульнасці, камфорту і шчырасці, адкрытасці і павагі, беларускасці і іншамоўнасці, еўрапейскай міжкультурнай камунікацыі, а галоўнае – пераўтварылася ў **незаменную пляцоўку** гарачых дыскусій, апрабацыі атрыманых даследчыцкіх вынікаў і прадстаўлення важных знаходак.

Аналізуючы мінулыя сустрэчы, у першаю чаргу адзначым, што за 20 гадоў канферэнцыя “Беларусь і Германія” набыла рысы адметнай **гістарыяграфічнай з’явы** дзякуючы створанай за гэты час дыскусійнай пляцоўцы, якая ўносіць свой пэўны ўклад у айчынную і замежную гістарыяграфію; на кніжныя паліцы, найперш нацыянальных бібліятэк Рэспублікі Беларусь і Федэратыўнай Рэспублікі Германія (Deutsche Nationalbibliothek in Leipzig und Frankfurt a.M.), трапляюць і штогод новыя выпускі матэрыялаў канферэнцыі. Разгляд геаграфіі ўдзелу паказвае, што другое дзесяцігоддзе дадало да папярэдніх васьмі назваў краін (Аўстрыя, Беларусь, Германія, Латвія, Літва, Польшча, Расія і Украіна) толькі адну – Вялікабрытанію.

Колькасны фармат удзельнікаў можна вызначыць праз агульны лік надрукаваных дакладаў, выступленняў і паведамленняў. За два дзесяцігоддзі ён перавысіў лічбу 800. Гэта азначае, што ў сярэднім на дзесяцігоддзе прыпадае каля 400 публікацый. Спасылкі на іх можна сустрэць у доктарскіх, кандыдацкіх і магістарскіх даследаваннях, аўтарскіх і калектыўных манаграфіях, навуковых артыкулах розных жанраў і рознага кшталту (адпавядаючых патрабаванням беларускай ВАК, расійскага РИНЦ, сусветнай базы даных Scopus і інш.), а таксама ў шматлікіх тэзісах дакладаў і зборніках навуковых прац. Апроч беларускай гістарыяграфіі згадкі пра матэрыялы канферэнцыі сустракаюцца ў найноўшых англійскай і амерыканскай, аўстрыйскай і германскай, ізраільскай і польскай, латвійскай і літоўскай, расійскай і ўкраінскай гістарыяграфіях. Прафесійны склад канферэнцыі фарміруюць перш за ўсё гісторыкі, а таксама сацыёлагі, палітолагі, эканамісты, культуролагі, мастацтва- і музейзнаўцы і іншыя спецыялісты ў галіне беларуска-германскіх адносін. На падставе гэтага можна сцвярджаць, што апублікаваныя матэрыялы канферэнцыі з’яўляюцца неад’емнай **часткай сучаснага сусветнага гістарыяграфічнага працэсу!**

Другой важнай адметнасцю нашых сустрэч цягам 2010-х гадоў з’явілася вызначэнне галоўнай тэматычнай дамінанты – **ваеннае беларусказнаўства**, да якога спрычынілася абсалютная большасць айчынных і замежных удзельнікаў канферэнцыі. Гісторыкі, архівісты, музейзнаўцы ўносяць свой значны ўклад у агульную скарбонку сучаснай ваенна-гістарычнай навукі Беларусі, адлюстроўваючы ў сваіх працах шырокі спектр гераічнай і трагічнай тэматыкі, захоўваючы памяць аб трагічным лёсе беларусаў, людзей розных нацыянальнасцей, у тым ліку савецкіх ваеннапалонных на

беларускай зямлі. Таму не з'яўляецца выпадковым, што сярод даследчыцкіх задач, якія вырашаліся падчас сустрэч, асабліва ўвага надавалася **пошуку новых навуковых падыходаў** да вывучэння найбольш складаных аспектаў гісторыі Беларусі і Германіі ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

У якасці трэцяй важнай адметнасці неабходна вылучыць тое, што пленарныя пасяджэнні практычна кожнай канферэнцыі станавілася **пляцоўкай для апрабавання** атрыманых даследчыцкіх распрацовак у галіне ваеннай гісторыі Беларусі. У першую чаргу размова ідзе пра тэмы доктарскіх работ, якія выконвалі ці працягваюць іх выкананне беларускія гісторыкі – Я. А. Грэбень, У. В. Здановіч, А. І. Корсак, А. У. Ціманавы; дактаранты з Германіі – А. М. Белановіч-Пэтц, Крысціян Ганцар, Крысціна Князеў, а таксама Зміцер Панцё з Польшчы. На канферэнцыях таксама адбывалася абмеркаванне вынікаў кандыдацкіх даследаванняў беларускіх аспірантаў і саіскальнікаў па тэматыцы ваеннай гісторыі Беларусі: І. А. Валынкiна, А. М. Дакуновой, В. П. Дзмітрыева, І. Я. Кураковай, П. А. Канцавога, Д. Г. Кiенкі, Ю. У. Матусевіч, Н. А. Шыманскай, А. І. Яўстрацьева. Адзначым той факт, што большасць з іх за гэты час паспяхова абаранілі кандыдацкія дысертацыі, хтосьці знаходзіцца на завяршальным этапе правядзення даследаванняў. Пажадаем ім поспехаў.

Наступная важная адметнасць сустрэч набыла асаблівае значэнне дзякуючы таму, што пленарныя пасяджэнні, дзе ўсё часцей гучалі выступленні на даволі вострыя пытанні айчыннай гісторыі, фарміравалі таксама **пляцоўку для навуковых дыскусій**. Яны распачыналіся практычна адразу пасля агучвання смелых ацэнак або вынікаў праведзенага крытычнага аналізу фактаў гісторыі Беларусі: для пошуку гістарычнай ісціны ставіліся вострыя пытанні, шукаліся абгрунтаваны адказы, уводзіліся малавядомыя дакументы з мэтай адыходу ад традыцыйнага наратыву і набліжэння да аб'ектыўных гістарычных ведаў. Школу навуковага абмеркавання рэальных гістарычных фактаў пастаянна дэманстравалі беларускія гісторыкі Я. А. Грэбень, І. М. Кузняцоў А. М. Ліцвін і нашы замежныя госці: Ю. З. Кантар (Санкт-Пецярбург, Расія), К. Зеліс (Рыга, Латвія), К. Ганцар (Ляйпцыг, Германія), З. Панцё (Гданьск, Польша), К. Янеке (Берлін, Германія).

Пэралік адметнасцей можна працягваць на прыкладзе аналізу кожнай праведзенай канферэнцыі, геаграфіі яе ўдзельнікаў, тэматыкі выступленняў, рэзультатаў абмеркавання, прадстаўлення новых знаходак і г.д. Для падрабязнага разгляду вынікаў спатрэбілася б цэлае пленарнае пасяджэнне. Таму пакуль пакінем спіс адкрытым. А ў канцы нашага абагульняючага аналізу звернем увагу ўдзельнікаў канферэнцыі на не менш важны момант, звязаны з тым, што цягам трох апошніх сустрэч у рамках праграмы правядзення канферэнцый заключныя пленарныя пасяджэнні мы прысвячаем ушанаванню памяці аб нашых калегах, якія заўчасна пайшлі з жыцця. Гэта нямецкі гісторык з мюнхенскага Інстытута сучаснай гісторыі, намеснік рэдактара “Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte” доктар філасофіі Юрген Царускі; рэцэн-

зент першых выданняў зборніка “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, шматгадовы сябра арганізацыйнага камітэта і рэдакцыйнай калегіі, доктар гістарычных навук, прафесар Анатоль Васільевіч Шаркоў; адзін з заснавальнікаў канферэнцыі, шматгадовы сябра арганізацыйнага камітэта старшы выкладчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Сяргей Паўлавіч Кубека. Як кажуць, не мы выбіраем час, а час выбірае нас.

Час не толькі выбірае, але і ставіць нас перад новымі выклікамі. Для арганізатараў канферэнцыі гэта вельмі важныя задачы: аб вызначэнні найбольш адэкватнага фармату сустрэч, спалучэнні тэматычных палёў, увядзенні электроннага выдання навуковых матэрыялаў, а таксама аб удасканаленні метадалогіі даследаванняў.

У першым выпадку фармат сустрэч вынікае з факта сталага ўдзелу ў канферэнцыях замежных гісторыкаў, галоўным чынам з Германіі, Латвіі, Польшчы, Расіі. Гісторыкі замежных краін пастаянна дэманструюць новыя вынікі праведзеных даследаванняў, спрабуюць усебакова асэнсаваць ваенныя падзеі ў Беларусі, часам з выкарыстаннем прынцыпова іншых падыходаў у параўнанні з беларускімі навукоўцамі, атрымліваючы нават процілеглыя ацэнкі ў дачыненні да адных і тых жа падзей, прынятых у айчынай гістарыяграфіі. Для сучаснай беларускай гістарычнай навукі вынікае вельмі важная задача па выпрацоўцы навуковай метадалогіі з улікам новых замежных распрацовак. Або ў новых працах зноў будуць заставацца традыцыйныя савецкія штампы аб “фальсіфікацыі гісторыі” і заідэалагізаваныя ацэнкі ваеннага мінулага, або пачнецца пошук адэкватных адказаў з выкарыстаннем дакументальных крыніц рознага паходжання.

У кантэксце такога падыходу беларускім гісторыкам нельга пакідаць па-за ўвагай **германскую ваенную гістарыяграфію**, якая на цяперашні час прадстаўлена дзясяткамі грунтоўных навуковых прац і шэрагам спецыяльных даследаванняў па ваенным беларусазнаўстве: у іх знайшлі адлюстраванне галоўныя напрамкі і найноўшыя тэндэнцыі ў вывучэнні шырокага спектра беларускай ваеннай праблематыкі. Таму для сучаснай айчынай гістарычнай навукі неабходна зыходзіць з таго факта, што германская ваенная гістарыяграфія не вылучаецца ў якасці нейкай унутранай навуковай з’явы, а наадварот, існуе ў кантэксце адзінай сусветнай ваеннай гістарычнай навукі. Таму нам неабходна не толькі ведаць працы нямецкіх даследчыкаў, але імкнуцца як мага хутчэй сінтэзаваць тыя дасягненні, якія на цяперашні дзень дала германская ваенная гістарыяграфія. І для айчынных гісторыкаў не павінна існаваць нейкай адной тэорыі пазнання, захавання толькі зададзеных раней устаноў пры правядзенні даследаванняў. Неабходна думаць пра пошук новых метадалагічных падыходаў і спробы новага перасэнсавання ваеннага мінулага, а не яго перапісвання. Відавочна, што нам неабходна імкнуцца аднавіць поўную карціну падзей, у тым ліку на аснове абавязковага выкарыстання замежных дакументальных крыніц і спецыяльных навуковых прац.

Цяперашні навуковы дыскурс патрабуе, каб на першым месцы стаяла праблема суадносін дакументальных крыніц, ці гістарычнай рэчаіснасці, і гістарыяграфічнага наратыву. Увядзенне ў апошнія гады ў шырокі зварот вялікай колькасці арыгінальных дакументаў і матэрыялаў, пра што сведчаць шматлікія выданні аддзела публікацый НАРБ і ІГ НАН Беларусі, патрабуе больш актыўнага выкарыстання метаду параўнаўчага аналізу, асабліва ў раскрыцці поўнай карціны двухбаковых баявых дзеянняў германскага вермахта і Чырвонай арміі на вызваленчым этапе вайны, выяўлення ў паўсядзённай ваеннай гісторыі Беларусі тыповых і адметных фактаў, на падставе чаго можна будзе павялічыць значэнне мінулага для яго сучаснай інструменталізацыі ў сферы навукі, адукацыі, выхавання. Патрэба ў гэтым у апошні час стала больш чым відавочнай. Гэта выводзіць нас на пошук не толькі ключавых, але і дадатковых крытэрыяў для вядзення сапраўднага гістарычнага дыскурсу. Тут не абысціся і без наватарскіх прыёмаў апісання падзей, разгляду скрозь прызму крытычнага аналізу традыцыйных падыходаў дзеля ліквідацыі аднабаковага паказу гістарычных падзей. Як высвятляецца, нас чакае праца па стварэнні новага каркаса гістарычнага наратыву на аснове выключна аб'ектыўных ведаў і ўсебаковага аналізу. Аднабаковасць на цяперашні час вяртае ваенных гісторыкаў да паўтарэння ацэнак савецкага часу, без іх крытычнай і ўзважанай ацэнкі. Рэальная сітуацыя ў сучаснай ваенна-гістарычнай навучы патрабуе дакладнай і глыбокай інтэрпрэтацыі фактаў ваеннай гісторыі Беларусі, у першую чаргу ў вымярэнні людскіх выпрабаванняў на акупаванай беларускай тэрыторыі, наступстваў генацыду, Халакосту, лёсу савецкіх ваеннапалонных, а таксама пошуку найбольш адпаведных форм, у тым ліку сумесных, для фарміравання адэкватнай культуры памяці пра падзеі вайны.

Як вынік неабходна прызнаць, што патрабуецца сапраўднае майстэрства ад гісторыка для таго, каб раскрыць рэальную гістарычную сітуацыю і паказаць падставы для ўстанаўлення арганічнай узаемасувязі падзей. Выяўляючы агульнае і адметнае ў ваеннай гісторыі Беларусі, перш-наперш беларускія і нямецкія навукоўцы могуць садзейнічаць больш глыбокаму ўсведамленню і дакладнай фіксацыі ўнікальнасці гістарычных з'яў вайны і акупацыі, без чаго нельга ўсебакова прадставіць гістарычны наратыв гісторыі Беларусі ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў.

У заключнай частцы выступлення ад імя аргкамітэта хачу выказаць шчырую падзяку ўсім удзельнікам штогадовых канферэнцый за падоранае багацце шчырага суразмоўя, якое стала бяспэчным за гэтыя гады, асабліва ў час пандэміі, і за здольнасць пераадольваць штучныя межы, што выраслі паміж краінамі, але не людзьмі. Самая шчырая ўдзячнасць кожнаму з удзельнікаў за інтарэс і прафесійную падтрымку, без якой канферэнцыі не было б як факта найноўшай гісторыі Беларусі і Германіі. Вялікую падзяку адрасую калегам па кафедры за невычарпальную энергію, усебаковую падтрымку і прафесійнае параўменне.

Сардэчную падзяку ўдзельнікі выказваюць у адрас супрацоўнікаў рэдакцыйнай групы, групы камп'ютарнай падрыхтоўкі рукапісаў і паліграфічнага ўчастка: яны заўсёды імкнуліся своєчасова правесці рэдагаванне аўтарскіх тэкстаў, якасна падрыхтаваць іх да друку ў адпаведнасці з існуючымі патрабаваннямі; а таксама бездакорна рабілі справу па прыгожым аздабленні і выданні (толькі за апошняе 10-годдзе) 9 зборнікаў матэрыялаў (асобныя з іх у дзвюх частках) агульным аб'ёмам у 149,52 друкаваных аркушаў.

Асабліваю ўдзячнасць выказваю **Наталлі Пятроўне Баранавай** за шматгадовую падтрымку гэтага важнага навуковага праекта: яго ўдзельнікі не раз усцешваліся тым, што народжаная ў душы і сэрцы ініцыятыва гісторыкаў універсітэта не была згорнута, не згінула ў імклівай віхуры паўсядзённых вучэбных спраў, а пераўтварылася ў штогадовую традыцыю навуковых сустрэч гісторыкаў розных краін у МДЛУ.

А заключныя словы сяброўскіх віншаванняў у сувязі з юбілеем адрасую гаспадыням Цэнтра беларускай мовы і культуры, супрацоўніцы якога штогод стала рупіліся занатаваць кожную падзею, дату, сустрэчу ў сваім унікальным летапісе. Падзяка ўсім, хто самааддана спрычыняўся да гэтай важнай справы. Супрацоўнікам Цэнтра так трымаць надалей, радаваць чытачоў новымі выставамі, кнігамі, дакументамі: гэта на цяперашні момант заслугоўвае самай шчырай падзякі, павагі, пашаны. Ад аргкамітэта канферэнцыі і яе ўдзельнікаў выказваю сардэчныя пажаданні паспяхова крочыць да чарговага юбілею, зберагаць традыцыі і захоўваць наватарскі падыход да спраў!

Дзякуй за ўвагу!

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навук. канф., Мінск, 24 мая 2002 г. / гал. рэд. У. Ф. Ладыеў. – Мінск : МДЛУ, 2002. – 194 с.
2. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 6 крас. 2012 г. : у 2 т. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2013. – Вып. 11. – Т. 1. – 248 с.
3. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 6 крас. 2012 г. : у 2 т. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2013. – Вып. 11. – Т. 2. – 120 с.
4. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2013 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2014. – Вып. 12. – 280 с.
5. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. : у 2 т. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2015. – Вып. 13. – Т. 1. – 180 с.

6. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. : у 2 т. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2015. – Вып. 13. – Т. 2. – 160 с.
7. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 10 крас. 2015 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2016. – Вып. 14. – 304 с.
8. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 8 крас. 2016 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2017. – Вып. 15. – 248 с.
9. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 14 крас. 2017 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2018. – Вып. 16. – 288 с.
10. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 6 крас. 2018 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2019. – Вып. 17. – 272 с.
11. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2018 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2020. – Вып. 18. – 224 с.
12. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 3 крас. 2020 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2021. – Вып. 19. – 248 с.
13. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: праграма 20-й Міжнар. навук. канф., Мінск, 2 крас. 2021 г. / укл. С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2021. – 10 с.

К. Ганцер

80 ЛЕТ ИСТОРИИ ОБОРОНЫ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ: НАУКА VS ПРОПАГАНДА

Участникам конференции «Беларусь и Германия: история и современность» мое имя известно давно. Те, кто меня знает, сразу скажут, что я уже давно занимаюсь исследованием вопросов истории Брестской крепости летом 1941 г. Полтора года тому назад я защитил свою кандидатскую работу, недавно она была опубликована, пока только на немецком языке [1]. В кандидатскую работу, и впоследствии в мою книгу, вошла большая часть тех материалов, которые я раньше публиковал по теме [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Или можно сказать наоборот, что они были подготовительными работами для нее.

В своем труде я обратился к трем большим вопросам. В первой части я попытался установить, что случилось в Бресте на самом деле в июне 1941 года. Для этого я проводил архивные исследования в разных странах. Во второй части я анализировал историю и содержание официального нарратива о «героической обороне Брестской крепости». Основными источниками стали

советские публикации разного рода. Третья часть посвящается месту памяти, то есть Мемориальному комплексу «Брестская крепость-герой», его памятникам и музеям. В центре моего исследования находится Музей обороны Брестской крепости, который я особо тщательно анализировал.

Я уверен, что Вы все знаете официальный советский нарратив о «героической обороне», его могу сейчас не рассказывать. Напомню только его два главных столпа, это: 1) удивительная длительность обороны и 2) борьба защитников крепости до последнего вздоха. С последним отпадает тема плена: он не является частью нарратива и упоминается почти исключительно в случае тех, кто нужен был в качестве свидетеля.

Источниками официального нарратива служат почти всегда воспоминания советских солдат и командиров. Их сведения в значительном объеме включили в нарратив – практически без критики источников. В данном случае отсутствие критического подхода к источникам особенно проблематично, так как по советскому праву «сдача в плен» приравнивалась к измене родине, т. е. к преступлению. А свидетели обороны, как правило, были в немецком плену. Поэтому у них было много причин показывать себя как особых патриотов – о капитуляции и белых флагах они, конечно, умалчивали.

Важным элементом нарратива является постулат об интернациональном составе брестского гарнизона. Но все-таки на нарратив накладывал свой отпечаток европейский этноцентризм: только в редких случаях в книгах и фильмах по теме появлялись неславянские герои, хотя многие части гарнизона состояли более чем на 50 % из военнослужащих из Среднеазиатских республик.

Сегодня многие источники доступны: в архивах нашлось немало документов 45-й пехотной дивизии и других частей, которые отражают ход боев. Кроме множества фотографий я обнаружил эго-документы немецких солдат и офицеров. Многие из них мы с коллегами из Бреста опубликовали в специальном сборнике.

История боев на основе первоисточников

Раз появился огромный массив раньше неизвестных первоисточников, кажется весьма правомерно пересматривать ... да, собственно говоря: что? Проблема в том, что на самом деле не существовало историографии событий, а всего лишь воспоминания, художественная литература и пропаганда. Советские историки тему не затрагивали. Так что скажем так: кажется вполне правомочно пересмотреть официальный нарратив о «героической обороне».

На основе первоисточников предлагаю следующий вариант событий. Перед 45-й дивизией стояла задача взять город и крепость с ходу, чтобы открыть пограничные ворота для 2-й танковой группы и обеспечить движение на «танковой магистрали 1».

Хотя советские войска были застигнуты нападением врасплох, то, что последовало, не соответствовало планам вермахта. Правда, уже в первый день переправы через Буг и танковая магистраль находились под контролем

немцев, а город был взят почти без боев. Но части гарнизона в Брестской крепости стали упорно сражаться и нанесли 45-й дивизии серьезные потери. Тяжелые бои продолжались три дня. В это время немцы потеряли более 360 человек. Это больше чем 85 % всех немецких потерь в крепости. В это же время приблизительно 3 800 советских солдат и командиров было взято в плен, что составляло больше 40 % гарнизона.

Но отдельные очаги сопротивления продолжали защищаться. Бои за них шли еще два дня. Немецкие потери в этот второй период боев были значительно меньше: убито было предположительно 32 человека. В то же время ок. 2 000 красноармейцев и командиров попало в плен.

С вечера пятого дня войны, то есть с 26 июня, остался только один очаг сопротивления: Восточный форт. Немецкая авиация два раза атаковала его 29 июня, сбросив на него в общей сложности 23 авиабомбы. Это вынудило защитников форта капитулировать. Кстати говоря, это было – вопреки официальному нарративу – единственное применение люфтваффе в боях за крепость. В эти последние три дня на поле боя погиб только один немецкий солдат. Все остальные, зачисленные за эти дни в список потерь, умерли в лазаретах от ранее полученных ран. Одна тысяча советских военнослужащих попала в плен.

В течение трех дней после падения Восточного форта и окончания боев основная часть 45-й дивизии покинула Брест. Касательно периода после падения Восточного форта свидетельств того времени о боях в крепости найдено не было, с одним исключением: действительно, 23 июля 1941 г. несколько немцев было ранено в перестрелке. Один советский командир был взят в плен. Майор Гаврилов? Документ не содержит имени.

Данные о потерях обеих сторон свидетельствуют о том, что не может быть речи о 32-дневных боях. Постулат о том, что защитники сражались до последнего дыхания, также не соответствует фактам: ок. 20 % погибло, но абсолютное большинство (75 %) после окончания боев находилось в немецком плену.

Вы видите, что официальный нарратив во многих ключевых моментах противоречит тому, что на основе первоисточников можно было установить.

Во второй части книги я обратился к вопросу о том, как так случилось, откуда эти различия.

Нарратив

Журналист и писатель Сергей Смирнов считается тем, кто «открыл» и популяризировал оборону Брестской крепости. Исследуя зарождение нарратива, я заметил, что ситуация значительно сложнее. На самом деле Смирнов опирался на множество более ранних публикаций.

В первые послевоенные годы в советской печати появились статьи и стихи, которые показывали «Брест» как событие местного значения. Уже в 1948 г. вышли две публикации. Одна из-под пера секретаря Брестского обкома партии Николая Красовского, другая – писателя Михаила Златогорова. В 1951 г. офицер Советской армии Анатолий Белошеев написал несколько статей, опубликованных в армейской печати, которую читали по всему Союзу.

Я выделил этих авторов, так как их работы стали самыми влиятельными. На них, прежде всего, ориентировался Смирнов. В это время к теме обращались и другие. Так, в 1948 г. белорусский драматург Константин Губаревич написал пьесу «Цитадель славы». С 1953 г. переработанная версия и поставленная в Бресте показывалась потом и во многих других городах сотни раз.

Но все, кто в 40-е и до середины 50-х годов занимался освещением обороны крепости, стояли перед одной большой проблемой: практически не было источников. Кажется, что некоторые имели доступ к фрагментам из боевого отчета немецкого генерала Шлипера, который зимой 1941 г. попал в советские руки. Но этот документ для пропагандистов имел серьезные уязвимые места, так как в нем содержались сведения о большом количестве пленных. Кроме отчета Шлипера не было первоисточников, и авторы дали волю своей фантазии. Они сочинили историю, полную безграничного героизма и совсем без пленных, растянув продолжительность боев с 8 дней на месяц. Так созданный каркас нарратива они заполнили придуманными событиями и фантастическими героями.

Так что брестский героический рассказ в своих основах уже был сформирован, когда в 1954 г. Сергей Смирнов стал заниматься темой. Он нашел свидетелей событий и взял у них подробные интервью. Некоторые из них уже были знакомы с публикациями, что повлияло на изложение их воспоминаний. Смирнов много позаимствовал из героико-фантастических произведений своих предшественников, включил воспоминания свидетелей и интегрировал тщательно выбранные фрагменты первоисточника. Из всего этого он создал, как писал сам, «правдивую историю» о «безграничном мужестве» и боях, которые длились неделями, несмотря на то, что он не располагал источниками, которые охватывали бы больше 8 первых дней войны. До него созданный каркас он мало трансформировал, просто убрав разные перегибы, а также фантастических героев и заменив их реальными людьми и их – не всегда реальными – подвигами.

Первые публикации Смирнова на данную тему появились в 1955 г., кроме этого, он имел возможность выступать на всесоюзном радио. После этого события развивались очень быстро. Брестские ветераны со всей страны обращались к писателю. Всё больше выходило изданий, первый художественный фильм был показан в кинотеатрах. Начиная с 1957 г. невозможно сосчитать всех публикаций по этой теме, по всему Союзу писали, пели, рисовали, сочиняли стихотворения и снимали.

С 1956 г. и Музей обороны Брестской крепости собирает свидетельства героизма. В 1961 г. были опубликованы частично сильно отредактированные воспоминания советских участников боев. В предисловии директор Музея Аркадий Крупенников изложил краткую версию боевых действий, которую можно считать промежуточным окончательным вариантом официального нарратива.

В своей диссертации я подробно исследовал отдельные мотивы нарратива, их историю и правдивость. Сегодня не хватает времени для дальнейшего анализа, а жаль, ведь мною обнаружены настоящие «жемчужины».

Политические изменения последних семи десятилетий не прошли без следа для нарратива. Вначале герои еще сражались «со Сталиным в сердцах», а после XX съезда обходились без него. Раньше они сражались за Коммунистическую партию и *социалистическую* родину, а после распада Советского Союза они сражаются за – *любое?* – отечество. Собственно говоря, патриотизм и милитаризм – это все, что осталось из прежних мотивов.

Подводя итоги, можно сказать, что в большой степени выдуманный героический рассказ выполнил (и частично выполняет) ряд функций.

- Им можно было загладить неблагоприятное начало войны, поражения Красной армии в ее первые месяцы. Советский народ с самого начала героически сражался, об ошибках руководства партии, государства и армии речи не могло быть.

- Он легитимировал ведущую роль Коммунистической партии, социалистический строй и растущее влияние армии в советском обществе.

- Он мобилизовал молодежь к службе в вооруженных силах и призывал их, если надо, самоотверженно отдать свою жизнь, как это делали защитники крепости.

- Он создавал идентичность.

«Подвиг защитников Брестской крепости» совершился в конкретном месте. С 50-х годов там создавалось место памяти. Сегодня в крепости находится монументальный Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой». Давайте посмотрим поближе на его содержание.

Место памяти

В феврале 1956 г. в одной из казарм Брестской крепости была создана комната-музей. Музей постепенно расширился и в настоящее время состоит из 10 залов. Не так просто заполнить такое большое пространство, особенно если учесть, что тема довольно узкая: она охватывает 8 дней (официально 32) и 4 квадратных километра. Далее, музей показывает историю, которой в этой форме не было, и в связи с которой, следовательно, вообще не могут существовать материальные свидетельства. Есть недостаток экспонатов и по причине того, что участники обороны погибли на войне или в лагерях, немецких и частично советских, а также послевоенных репрессий и страха. То, что они имели при себе в июне 1941 года, как правило, не сохранилось. Этот недостаток бросается в глаза при посещении экспозиции: превалируют портретные фотографии и ржавые военные вещи, корпуса снарядов или стволы винтовок. Но это анонимные и однообразные предметы, которые не в состоянии рассказывать историю. Есть так называемые «личные вещи», которые, как правило, относятся к послевоенной судьбе их бывших собственников.

В 1964 г. Леонид Брежнев пришел к власти. Он начал поворот в политике памяти и заменил Великую Октябрьскую социалистическую революцию Великой Отечественной войной в качестве центра советской истории. Такой шаг позволил военным возвысить и себя, и свою роль в войне. Это имело последствия и в Бресте. После долгих приготовлений в 1971 г. был открыт Мемориальный комплекс, центром которого стал музей.

Только 4 из 10 залов музея непосредственно посвящаются обороне крепости. Экспозиция выражает актуальную версию официального нарратива, то есть без особенного выделения роли коммунистов и комсомольцев. Но и сегодня судьба пленных в большой степени скрывается. Сотни портретов защитников крепости покрывают стены залов, но среди них есть мало погибших в плену. В случае тех, кто живым вернулся из плена, он вообще не упоминается в аннотациях, потому что, так мне объяснили в музее, такое упоминание бросило бы тень на репутацию ветеранов. Вместо этого в центре находятся героизм и патриотизм. Музей серьезно относится к тому, что он является «Внештатным центром патриотического воспитания молодежи». Наука и дискурс должны отойти на задний план. На службу героизму и патриотизму музей поставил фальсификацию и сокрытие первоисточников, манипуляцию воспоминаниями и даже экспонатами экспозиции, что я смог доказать на примере отдельных случаев.

В июне 2014 г. в Брестской крепости торжественно был открыт Музей войны – Территория мира. Касательно содержания посетитель (как минимум я и другие, с которыми я обсуждал музей) остается немного растерянным: трудно понять основания для существования этого музея рядом с Музеем обороны, так как он во многом повторяет его, в том числе его пробелы. С одним важным исключением: визуально в новом музее доминирует тема плена. Но вместе с этим важным шагом вперед сама экспозиция музея не обращается к вопросу о том, в каком численном масштабе плен коснулся защитников крепости. Все-таки надо сказать, что относительно откровенное обращение к плену является большим прогрессом. Мы видим, что в дискурсах что-то двигается, меняется. Без излишней скромности могу сказать, что кроме других факторов и мои исследования и публикации оказали какое-то влияние в этом вопросе.

Итоги

Мне удалось на основе первоисточников заново написать историю боев за Брестскую крепость. При этом я работал над прежде проигнорированными вопросами, как например, потери как показатель продолжительности и интенсивности боев. В результате моих исследований пришлось сослать официальный нарратив в царство сказок. Анализ происхождения, элементов и функции нарратива показал, что мы имеем дело не с народными легендами, а с систематической фальсификацией истории. Десятилетиями в ней участвовал и Музей обороны Брестской крепости. Сейчас Вы, наверно, понимаете, насколько Мемориальный комплекс *«сохраняет историческую правду о Великой Отечественной войне»*?

Место памяти «Брестская крепость-герой» стало одним из самых важных в Советском Союзе, наравне с Ленинградом, Сталинградом и другими. Это, конечно же, заслуга партийных и военных деятелей. Советская машина пропаганды успешно работала. Она сделала Брест известным как место, где война якобы началась, она воспитала целые поколения советских людей в вере, что брестские героини продержались больше месяца. Другой ее успех был в том, что плен и Холокост не стали частью общественного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ganzer, Ch.* Kampf um die Brester Festung. Ereignis – Narrativ – Erinnerungsort / Ch. Ganzer. – Paderborn : Verl. Ferdinand Schöningh, 2021. – 490 S.
2. *Ганцар, К.* Штурм Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 6. – С. 36–37. – Рэц. на кнігу: Алиев, Р.В. Штурм Брестской крепости / Р. В. Алиев. – М. : Яуза; Эксмо, 2008. – 800 с.
3. *Ганцар, К.* Памяць і забыццё: ушанаванне герояў Брэсцкай крэпасці / К. Ганцар // Вяртанне ў Еўропу: Мінулае і будучыня Беларусі / пад рэд. А. І. Пашковіч. – Варшава : Лазарскі, 2011. – С. 140–147.
4. *Ганцар, К.* «Гераізм, трагізм, мужнасць». Музей абароны Берасцейскай крэпасці / К. Ганцар, А. І. Пашковіч // АРСНЕ. – 2013. – № 2. – С. 43–59.
5. *Ганцар, К.* Немецкие и советские потери как показатель продолжительности и интенсивности боев за Брестскую крепость / К. Ганцер // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2013. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2014. – Вып. 12. – С. 44–52.
6. *Ганцар, К.* Нямецкія і савецкія страты як паказчык працягласці і інтэнсіўнасці баёў за Брэсцкую крэпасць / К. Ганцар // АРСНЕ. – 2014. – № 5. – С. 135–153.
7. *Ганцар, К.* Воспоминания защитников Брестской крепости как исторические источники. Проблемы и шансы / К. Ганцер // Личность в истории. Героическое и трагическое: сб. материалов VI междунар. конф., Брест, 22–23 ноября 2013 г. : в 2 ч. / под. ред. Е. И. Пашкович. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – Ч. 2. – С. 32–42.
8. *Ганцар, К.* Памяць пра вайну і акупацыю ў Беларусі на прыкладзе мемуарыялаў «Брэсцкая крэпасць-герой» і «Хатынь» / К. Ганцар // АРСНЕ. – 2015. – № 9. – С. 284–304.
9. *Ганцар, К.* Переводчик виноват. Влияние перевода на восприятие исторических событий (на примере отчета о боевых действиях по захвату Брест-Литовска генерал-майора Шлипера) / К. Ганцер // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 11 крас. 2014.: у 2 т. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2015. – Вып. 13. – Т. 1. – С. 39–45.
10. Брест. Лето 1941 года: Документы. Материалы. Фотографии /авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – 723 с.

11. *Ганцер, К.* Сталина длинная тень. Плен как ключевая проблема историографии обороны Брестской крепости / К. Ганцер // Брест. Лето 1941 года: Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – Смоленск : Инбелкульт, 2016. – С. 22–41.
12. Брест. Лето 1941 г.: Документы. Материалы. Фотографии /авт.-сост. К. Ганцер (рук. группы) [и др.]. – 2-е изд., испр. – Смоленск : Инбелкульт, 2017. – 728 с.
13. *Ганцер, К.* Развитие нарратива о «героической обороне» Брестской крепости (1940-е – первая половина 1950-х гг.) / К. Ганцер // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 6 крас. 2018 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2019. – Вып. 17. – С. 21–30.

Г. Поль

МАЛЫЙ ТРОСТЕНЕЦ В ИЗМЕРЕНИИ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Спасибо большое за приглашение.

Я очень рада возможности представить результаты своей исследовательской работы. Выступление основано на части моей магистерской диссертации [1], которую я защитила в Потсдамском университете в декабре 2020 года. После выступления я попытаюсь ответить на вопросы, но на английском или немецком. Моя тема посвящена мемориальному комплексу Малый Тростенец [2, с. 55–65]. Целью сегодняшнего выступления является: проиллюстрировать богатство информации, которую можно почерпнуть из самого восприятия памятника и исследовать с научной точки зрения. Для этого после краткого введения представлю теоретический метод анализа памятников, а затем покажу это на примере научного анализа одной из важнейших частей мемориала, построенного в урочище Благовщина, под названием «Дорога смерти».

В то время как в Минске и его окрестностях большое количество мемориалов и памятников тематизируют Великую Отечественную войну, сравнительно немногие из них напоминают о Холокосте, в ходе которого было убито около 80 процентов еврейского населения Беларуси и тысячи депортированных евреев. В БССР Холокост длительное время не являлся частью государственной культуры памяти. В Германии начало строительства мемориального комплекса Малый Тростенец было воспринято как особо важное и новаторское событие. Ученые, политики и журналисты отмечали это как «пример европейской памяти» (Махотина, 2018) [3], как путь к общеевропейской памяти.

Как известно, Мемориальный комплекс Тростенец создан в ходе двух этапов строительства. Первая очередь строительства, официально открытая в 2015 году, воссоздает бывший трудовой лагерь около деревни Малый Трос-

тенец и включает место массового уничтожения в Шашковском лесу. Центром здесь являются Врата памяти, созданные белорусским скульптором Константином Костюченко. Вторая очередь строительства находится примерно в трех километрах. Эта часть, официально введенная в строй в 2018 году, включает главное место уничтожения – урочище Благовщина, где было расстреляно от 60 000 (по немецким оценкам) до 150 000 человек (оценка Чрезвычайной комиссии), среди которых белорусские и депортированные из Европы евреи, военнопленные, партизаны и мирные жители Беларуси [2, с. 55].

К этому месту уничтожения от магистрали Минск – Могилев ведет инсталлированная «Дорога смерти», спроектированная известным белорусским архитектором Леонидом Левиным. Но возникают вопросы: что это за памятник; какие идеи автор пытался решать в ходе его создания; что получилось из разработанного и хорошо известного в Германии проекта? Чтобы ответить на эти вопросы, я выбрала междисциплинарный способ восприятия памятника в его физическом, дискурсивном и социальном измерениях. Мы исходим из того, что Мемориал создает пространство памяти.

Учитывая это, памятник может быть проанализирован с помощью модели адаптации пространств французского социолога Анри Лефевра [4], понимавшего пространство как социальный продукт и как среду, которая структурирует и воспроизводит социальные отношения. Для конституирования пространства Лефевр определил три момента. Они образуют концептуальную триаду: *пространственной практики (узнаваемое пространство)*, *представление о пространстве (воображаемое пространство)* и *предметно-изобразительное пространство (переживаемое пространство)*. Архитектор Марина Семенченко адаптировала модель для анализа памятников и дала каждому из них свою оценку. Под термином *предметно-изобразительное пространство* понимается физический облик памятника, задуманный, спланированный и созданный акторами [5].

Первое из них – *пространство репрезентации* – соответствует дискурсу, который, с одной стороны, формирует место памяти, с другой стороны, также формируется им. Выражение *пространственной практики* – это повседневная и городская реальность, имеющая место в воспринимаемом пространстве и социальном взаимодействии с памятником. С помощью категорий анализа и заданных эмпирических вопросов следует изучить три аспекта. *Физический аспект* должен быть объяснен с помощью вопросов об истории его создания и действующих лиц, а также формы и пространственной видимости монумента. *Дискурсивный аспект* проясняется через вопрос о символах и изображениях, которые используются в дизайне памятника, а также в расхождениях, которые имеет реализованный памятник по сравнению с запланированным проектом, а также официальными мероприятиями в связи с возведением памятника. *Социальный аспект* становится понятным через вопросы о доступности памятника, о интерактивном его использовании, а также о реакции посетителей и научной

общественности. На мой взгляд, адаптированная модель Лефевра – полезный инструмент, позволяющий увидеть памятник в его многомерности и пространственно-производственной функции. В то же время, выделяя отдельные аспекты, становится очевидным сходство или отличия от других памятников.

История происхождения и действующие лица. Историческое место нацистских преступлений в Благовщине в советском нарративе не играло никакой роли в концепции мемориализации Малого Тростенца. Первый памятный камень на этом месте был установлен только в 2002 году. В 2013 году на Международной конференции в IBV Minsk Леонид Левин впервые представил свой проект создания памятника в урочище Благовщина, нашедший в дальнейшем поддержку в виде пожертвований во многих немецких городах, церковных организациях и у частных лиц, а также Министерства иностранных дел Германии [2, с. 56–57].

Форма и видимость. «Дорога смерти» является одним из трех главных элементов второй очереди строительства в урочище Благовщина. К ней примыкают «мемориал с желтыми табличками» и историческое место расстрелов – ямы. Все три объекта построены в горизонтальной плоскости. Это означает, что все они одинаково присутствуют в пространстве, независимо от формы и размера, даже сливаются друг с другом. Это отличается от элементов строительства первой очереди, где в качестве доминирующего центра выступали Врата памяти.

В фокусе нашего научного анализа находится только один из этих объектов – «Дорога смерти». Инсталляция тянется примерно на 800 метров до лесной поляны – исторического места расстрелов людей. Она состоит из четырех больших площадок, соединенных дорожкой. Площадь в начале большая, ярко вымощена, установлено 25 скамеек. Второе место – это большая круглая площадка светлого цвета, называемая «Место надежды». Третье место называется «Площадь парадоксов»: она имеет угловатую форму и вымощена красной мостовой брусчаткой. Четвертое пространство, завершающее проект, круглое и черное. Это – место смерти. Перед и за «Площадью парадоксов» дорога ведет через бетонные вагоны, дизайн которых напоминает транспортные вагоны для депортированных евреев.

Символы и изображения. Инсталляция символизирует поэтапный путь привезенных людей к месту их убийства. Место 1 символизирует точку прибытия, место 2 оставляет надежду прибывшим; место 3 – красная «Площадь парадоксов» – олицетворяет абсурдность войны и уничтожения людей. Однако это не работает в нынешнем дизайне. Причина этого в том, что задуманные Левиным скульптуры, необходимые для понимания, не были смонтированы и введены в строй в ходе открытия этой части мемориала. Место 4 – черный круг – символизирует смерть. Посетители должны иметь возможность здесь вспомнить убитых. Символ депортации доминирует: например, через скамейки, которые должны представлять собой скамейки для сидения в вагонах поездов, и через бетонные стены, которые выглядят как стены вагонов.

П р о б е л ы. Концепция Левина не реализована полностью. Самые большие пробелы касаются места парадоксов: перевернутые фигуры дома, меноры и деревья должны вызывать противоречивые чувства, особенно показывать бессмысленность уничтожения людей. Из-за отсутствия фигур на «Площади парадоксов» этот символический посыл проекта не может быть полностью понят посетителями. Также были запланированы скульптуры христианских и исламских символов. В установленных вагонах отсутствуют памятные доски с именами депортированных евреев. Левин хотел через них выделить и персонализировать поминовение. Наличие имен изменило бы характер поминальной практики на месте – в то время как посетители теперь просто проходят по бетонному вагону; первоначально запланированные доски стали бы местом для озвучивания имен и персональных размышлений. Но эта часть проекта пока остается не реализованной [2, с. 61–62].

Д о с т у п н о с т ь. До этого места можно добраться на автомашине или городским автобусом, однако найти нелегко, так как оно плохо обозначено. Посещение требует знания местной специфики. Важно, что сам мемориал сделан безбарьерным.

О ф и ц и а л ь н ы е м е р о п р и я т и я. За последние годы в Благовщине прошли два всемирно известных мероприятия: мемориальная церемония, организованная IBV Minsk после закладки камня в фундамент в 2014 году, и открытие второй очереди строительства в конце июня 2018 года. Открытие второй очереди происходило с участием президентов трех стран – Австрии, Беларуси и Германии. В своих выступлениях они подчеркнули важность международного сотрудничества. Президент Беларуси Лукашенко, например, призвал к «новому широкому международному диалогу для совместного противодействия вражде, ненависти и фанатизму». Визит Федерального Президента Германии Штайнмайера стал первым визитом Президента Германии в Беларусь. Таким образом, это мероприятие также имело внешнеполитическое значение.

Р е а к ц и я. Возведенный в урочище Благовщина мемориал был оценен общественностью как общеевропейское место памяти и шаг на пути к европейской культуре памяти. Но были и голоса, которые критиковали тот факт, что история этого места как места коммунистического истребления людей теперь прикрыва.

Р е з ю м е. Международное значение мемориала, созданного Левиным, очевидно, с одной стороны, в сотрудничестве между немецкими и белорусскими участниками, но также и в инклюзивном характере инсталляции, ориентированной на посетителей и их индивидуальные чувства. Использование всех элементов памятника изначально было призвано вызвать эмоции и побудить посетителей задуматься. С другой стороны, эта часть мемориала в Благовщине характеризуется сильным влиянием немецкой мемориальной эстетики и музейных традиций, что ярко отражено в концепции дизайна. Инсталляция «Дорога смерти» ясно показывает, что наличия только отдельных элементов памятника недостаточно. Минская историческая

мастерская имени Леонида Левина и исследователь С. Новиков используют их как средство для историко-просветительской работы. Таким способом можно задействовать весь потенциал второй очереди Мемориального комплекса Тростенец в урочище Благовщина, но в первую голову всех архитектурных элементов концепции Левина [2, с. 61–62].

Структурированное и категориальное исследование «Дороги смерти» теперь дает возможность сравнить его с другими частями памятника, символами его дизайна и целями акторов.

Спасибо за внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pohl, G.* Nikto ne zabyt, nisto ne zabyto? Memorialisierungen der Erinnerung an die Shoa in Minsk und Maly Trosjanec. Masterarbeit zur Erlangung des Akademischen Grades Master of Arts (M.A.) / G. Pohl. – Berlin, 2020. – 109 S.
2. *Поль, Г.* Мыслить в национальных категориях: «Массив имен» как мемориал «Австрийским жертвам Холокоста» / Г. Поль // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 3 крас. 2020 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2021. – Вып. 19. – С. 55–65.
3. *Machotina, E.* Die Gedenkstätte Malyj Trostenec in Belarus: eine Vision für eine europäische Erinnerung / E. Machotina // Erinnerungskulturen. Erinnerung und Geschichtspolitik im östlichen und südöstlichen Europa [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.erinnerung.hypotheses.org/2083. – Дата доступа: 15.03.2021.
4. *Lefebvre, H.* Philosopher of Everyday Life [Электронный ресурс] / H. Lefebvre. – Режим доступа : <https://sites.ualberta.ca/~rshields/f/lefedl.html>. – Дата доступа: 15.03.2021.
5. *Semenchenko, M.* Memorials to the Holocaust Victims in Minsk, Belarus. History, Design, Impact / M. Semenchenko. – Stockholm : KTH, 2018. – 103 pl.

Е. А. Гребень

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ БЕЛАРУСИ 1941–1944 ГГ. ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ¹

Реконструирующий события Великой Отечественной войны в Беларуси на основе воспоминаний очевидцев исследователь сталкивается с тенденцией, что, чем больше времени проходит с момента окончания войны, тем больше преобладают информанты, бывшие в годы войны детьми.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941 – 1944 гг.».

Естественно, что воспоминания тех, кому в годы оккупации было 6 – 15 лет, будут в ряде аспектов отличаться от воспоминаний граждан, кому в то время было 16 и более лет, и которые были охвачены обязательной трудовой повинностью. Разумеется, что в экстремальной ситуации многие дети и подростки выполняли обязанности, характерные в мирное время для более взрослых членов семьи, но, учитывая особенности детского мировосприятия, их воспоминания будут отличаться от взрослых. В статье будут проанализированы воспоминания информантов, проживавших в годы оккупации в Витебской области и на момент освобождения Беларуси имевших возраст не более 15 лет (1929 год рождения и младше), которых оккупационные власти не привлекали к выполнению обязательной трудовой повинности и которые не принимали непосредственного участия в вооруженной борьбе с врагом.

Приход немцев бывшие детьми информанты описывают так же ярко, как и взрослые. Повседневные контакты с немцами происходили в период дислокации воинской части в населенном пункте, где проживал информант. Имело место детское любопытство, но также присутствовал страх; дети понимали, что это враг, но все равно общение имело место. Дети просили (или воровали) еду, сигареты (табак), порой сталкиваясь с физическим воздействием со стороны немцев. Так, в одном из случаев в ответ на просьбу ребенка дать закурить немец дал пинка, но при этом увещевал не курить и дал что-то из продуктов [1]. Дети также подмечали что-то необычное в чужаках, что-то, что казалось им смешным. Например, жительница пос. Освея вспоминает, как немец, обращаясь к матери, говорил: «Саль, саль, саль», и им казалось, что он просит сало, но ему нужна была соль [2]. Изредка проявляемое по отношению к ним человеческое отношение сами информанты связывают с чувствами солдат, ностальгирующих по детям, оставленным в Германии: «Всякие были немцы. По соседству, размещались немцы, так один приходит и говорит. Видит, что дети малые и так по-человечески относился. У меня тоже дома клайне, клайне дети. Мы ж не хотим войны. Это Сталин хочет войны и Гитлер, а мы военные, нас заставили, мы идём» [3]. В детских воспоминаниях периодически фигурируют сюжеты, когда немецкие солдаты угощали информантов или малолетних членов их семей конфетами, шоколадом и другими продуктами, показывали фотографии своих детей. В то же время информанты рассказывают про выселение из домов, когда семье приходилось где-то ютиться, или же спать в тесноте рядом с немецкими солдатами. Так, во время прохождения линии фронта в районе Витебска с осени 1943 г. дома были заняты немцами, семью одного информанта выселили в сарай. Мать вынуждена была топить печь в доме, и немецкий дневальный разрешал детям зайти погреться [4].

В воспоминаниях фигурируют сцены боевых действий во время прохождения через Беларусь фронта в 1941 и 1943/1944 гг., а также во время контрпартизанских акций. Например, проживавшая в д. Ледневичи Сенненского района гражданка 1932 г.р. рассказывает, что вокруг деревни были

устроены противотанковые рвы и минные поля. Немецкая разведка захватила стоявшего в охранении красноармейца и потребовала, чтобы он показал проход в минных полях; солдат направил немцев на минное поле. Также информант упоминает мародерство со стороны немецких солдат [4]. Жительница д. Миськи Поставского района подробно рассказывает о бомбардировке деревни немецкими самолетами в ходе контрпартизанской акции в октябре 1943 г. (датировку события связывает с окончанием уборки урожая), детально описывает попытки вынести из горящих домов имущество (загоревшуюся одежду сразу же тушили в реке), смерть в огне собаки, сидевшего на цепи [5].

Упоминаются также бойцы вооруженных формирований коллаборационистов, но очень трудно верифицировать, кто это был: русские, латыши, литовцы или украинцы. Дети просто обращали внимание на непривычный говор или униформу [2].

В детских воспоминаниях крайне мало информации о главах местной вспомогательной администрации и полицейских [6]. Информанты затрудняются пояснить, что руководило людьми, сотрудничавшими с врагом. Относительно полиции информанты просто констатируют их периодические визиты в деревню, черную униформу [4].

Так же, как и для воспоминаний совершеннолетних, для детских рассказов характерны вариативные оценки партизан. Например, жительница д. Ветча Ушачского района, которой к началу войны было 6 лет, вспоминает, что в их деревне находился штаб бригады Дубова, в их доме размещались разведчики. Благодаря тому, что мать постоянно готовила им еду, и им самим было что поесть. Партизаны-разведчики оцениваются позитивно (все время ходили на задания). В то же время информант вспоминает случай, когда нетрезвый партизан, угрожая оружием, заставлял ее бабушку залить водой улей с пчелами и достать мед [7]. Упоминаемая выше жительница д. Ледневичи, чей дом был расположен на краю деревни, рассказывает, что партизаны посещали их регулярно, в отряде было много односельчан, в частности, дяди информанта. Во время визитов партизан мать посылала девочку в деревню мониторить обстановку. Также информант сообщает, что партизаны выдали семье справку о реквизиции коровы (делалось для того, чтобы оккупационные власти не обвинили людей в помощи партизанам. – *Е. Г.*). Фактически информант рассказывает о партизанах так же, как и взрослый очевидец. Имеет место тенденция, что, если семья была каким-то образом связана с партизанами или же они какое-то время дислоцировались в деревне, то в воспоминаниях детей эта тема будет фигурировать, в противном случае информант может не упоминать никакой конкретики относительно их действий.

Если в семье были трудоспособные взрослые, то образ жизни ребенка мог кардинально не меняться по сравнению с довоенным временем, но все же детям очень часто приходилось напряженно трудиться. В ситуации, когда глава семьи был на фронте (умер / погиб), старшие дети в семье брали на себя значительный объем работы по дому, трудились на земле, пасли скот.

Вопрос о том, какие налоги платили родители в пользу оккупационных властей, обычно вызывает недоумение. Действия врага ассоциируются у детей с грабежом: « нічого, ніхто ніякіє ні налогі, нічого гэтага не была. Не, немцам мы нічога не сабіралі. Ну только так вот, еслі скот увядуць... карову там заберуць тое-другое, а так нічога, не яны нам ні мы ім нічога не давалі» [8]. Вполне естественно, что ребенок чаще всего просто не обладал информацией об обязательных поставках каждым крестьянским хозяйством зерна, скота, мяса, молока и других продуктов. Сбор натуральных налогов воспринимался ими как грабеж со стороны оккупантов.

Поездки из сельской местности на рынки в городах часто отрицаются, очевидно, в силу незнания. Удостоверения личности информанты по причине возраста не получали, о наличии их у родителей, как правило, не знают. Учитывая, что абсолютное большинство информантов проживало в сельской местности, никто из них не посещал школу в годы оккупации.

Наличие или отсутствие в семье обоих родителей влияло на восприятие оккупационной действительности. Когда оставалась одна мать с малолетними детьми, то старшие дети вынужденно были посвящены во многие моменты оккупационной действительности, как то: труд, отношения с партизанами, немцами, различные тактики выживания. Например, жительница д. Ледневичи рассказывает, что ее сестра и тетя, чтобы немцы их не забрали на постройку оборонительных сооружений, продолжительное время скрывались в светлое время суток в вырытом схроне и выходили только по ночам погреться.

Как и в воспоминаниях взрослых, фигурируют различные аспекты оккупационного быта, например, стирка золой ввиду невозможности приобретения мыла [8]. Описываются различные заболевания (чесотка, тиф и др.) и способы лечения в условиях отсутствия врачей и медикаментов, смерть людей от болезней [4]. По воспоминаниям жительницы пос. Освея, чулки намертво присыхали к образовавшимся на теле волдырям, появлявшимся в результате расчесывания [2]. Другому информанту запомнился процесс лечения чесотки, когда после бани мать натирала детей самодельной мазью так, что детям было больно: «А мы маленькія, а мама нас як натрэць. Галосім усе, плачым. Усе плачым. Нам жа больна» [5]. Житель г. Барань вспоминает, что немецкий врач, к которому его отвела мать, вырвал здоровый зуб и при этом смеялся [1].

Упоминается проблема обеспечения одеждой. Дети росли быстро, а возможности приобрести новую одежду не было, особенно для жителей сельской местности, деревень в партизанских зонах, поэтому к концу оккупации дети были одеты кое-как [2].

В лес дети чаще всего не ходили, боялись и немцев и партизан [8]. Детские игры упоминаются крайне редко, но отдельные информанты сообщают, что в деревнях проводились вечеринки, танцы, куда дети ходили в качестве зрителей, наблюдая за развлечениями молодежи [6; 8].

Как и в воспоминаниях взрослых, в рассказах детей, продолжительное время находившихся в лесных лагерях, фигурирует антисанитария, экстремальная гастрономия, болезни, бомбежки немецкой авиации, контакты с партизанами, гибель людей в результате действий карателей [9]. Порой встречается фотографическая фиксация подробностей лесного быта: ландшафт, рацион, климатические условия, организация лагеря [2]. Естественно, что дети прекрасно понимали угрозу жизни для себя и своих близких, исходившую от немцев и коллаборационистов, которые прочесывали леса в поисках партизан и мирного населения. Ребенок мог не ориентироваться в нюансах взаимоотношений граждан и оккупационных властей, мог быть не осведомлен относительно функционирования рынков, работ, порядка передвижения, в отличие от взрослых мог испытывать детское любопытство по отношению к немецким солдатам, размещенным на постой в деревне, но интуитивно чувствовал или четко понимал опасность, грозившую мирным жителям, скрывавшимся в лесу.

Жительница пос. Освея описывает лагерный быт следующим образом: «А когда экспедиция, то мы две недели у нас не было кушать. Мама в баночке разогреет снег, и все. А потом шла одна тетенька, она работала у папы в столовой когда-то, и несла за плечами маленькую сумочку с мукой. И нам тогда дала маме пригоршни две, наверное. Так тогда мама нам колотушку такую делала. А так были землянки такие вырыты, значит. И жили в землянках до того, как экспедиция. После этого как вернулись и нашли ноги говяжьих. Варили до этого, а потом на снег положили, там же собак не было. И стали это варить. И мне до сих пор этот бульон помнится: вода, но плавало что-то чуть-чуть жиру» [2].

Как сообщает жительница д. Ветча Ушачского района, деревня была сожжена, а семья захвачена немцами в лесу, расположение их лагеря выдала бывшая среди местных жительниц беженка (эвакуированная с востока). В рассказе есть традиционный для многих воспоминаний сюжет, когда захваченные граждане некоторое время находились под прицелом пулеметов, пока немцы решали их судьбу. Потом погнали перед бронетехникой в деревню, где закрыли в доме и продержали три дня. Информанту запомнился автомобиль с антеннами и немецкие радисты в наушниках. Далее людей отправили в лагерь в г. Лепель. При этом информант не может с уверенностью датировать событие (1942 или 1943 год?). Он дает описание лагерного интерьера и быта узников: рацион, охарактеризованный как «шалупки» (картофельные очистки, испорченная капуста), узники с жестяными мисками в руках, получавшие некое черное варево, местные женщины, приносившие узникам молоко (дети разыскивали выброшенные немцами жестяные банки, чтобы в них налить молока), помывка узников в реке, обыски в бараках в поисках спрятавшихся, построения и сортировки узников, часть из которых увозили куда-то на машинах. Факт, что охрана разрешала узникам мыться в реке, дает основание датировать карательную операцию

и заключение в лагерь летом 1943 г. Очевидно, речь идет об операции «Коттбус» (май – июнь 1943 г.). Во время нахождения в лесу люди носили воду из озера, топили печь ночью, по звуку отличали немецкие самолеты-разведчики и бомбардировщики [7].

Жительница д. Янковичи Россонского района 1929 г.р. вспоминает только факт пребывания в лесу (не может назвать даже приблизительно хронологические рамки), при этом затрудняется указать название отряда и вообще какую-либо конкретику относительно контактов с ними. Помнит лишь то, что в лесу выживали за счет продуктов в схронах партизанских лагерей [10]. То есть нет зависимости между возрастом информанта и информативностью его рассказа.

Вывоз семьи информанта на принудительные работы в Германию мог вытеснить воспоминания, касающиеся жизни и быта на оккупированной территории до угона, настолько травматичными являются воспоминания о нахождении ребенка в чужой среде во вражеской стране. Человек может не вспомнить, когда был угнан, сообщая минимальные подробности («забрали в лесу»), но помнит подробности транспортировки. Например, жительница д. Селявщина Россонского района вспоминает, что поезд долго стоял на станции, им приходилось просить еду у местных жителей, во время одной из стоянок ее старшая сестра и другие девочки отстали от эшелона. Информант затруднилась указать населенный пункт, ограничиваясь информацией, что освободили союзники и передали советским властям через р. Эльбу. В Германии дети просто находились в трудовом лагере в бараках, соответственно, бывшие малолетние узники имеют приблизительное представление о том, чем занимались родители, охранялся ли лагерь, его размеры и т.д. В то же время их память фиксировала отдельные яркие эпизоды. Например, когда мать взяла девочку на работу на фабрику (женщины занимались тем, что перерабатывали одежду на вату), и немец распорядился отдать ей платье, которое должны были переработать [11].

Таким образом, детские воспоминания являются исключительно важным источником для понимания национальной истории периода Великой Отечественной войны, которые нельзя игнорировать, считая, что информанты, в силу своего возраста, не могли адекватно оценивать окружающую действительность. Экстремальная ситуация германской оккупации Беларуси 1941–1944 гг. оказывала влияние на абсолютно каждого человека независимо от возраста и рода занятий. Борьба за выживание, постоянная угроза лишиться жизни, контакты с врагом, бойцами движения Сопротивления откладывались в памяти ребенка зачастую не менее четко, чем у взрослого гражданина. Для воспоминаний детей характерна фиксация мельчайших подробностей, на которые мог не обращать внимания взрослый. В то же время такие воспоминания нельзя абсолютизировать, следует учитывать степень информированности ребенка о происходящем, влияние послевоенных рассказов о пережитом старших членов семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Грибова Владимира Никифоровича, 1931 г.р. Записаны 20.06.2009 г. в г. Барань Оршанского района. Аудиозапись (1 час 34 минуты на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
2. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р. Записаны 9.09.2014 г. в г/п Освея Верхнедвинского района. Аудиозапись (58 минут на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
3. Воспоминания Козловой Валентины Тимофеевны, 1929 г.р. Записаны 29.11.2008 г. в д. Ула Бешенковичского района. Аудиозапись (16 минут на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
4. Воспоминания Андрон Нины Захаровны, 1932 г.р. Записаны 13.08.2017 г. в д. Русины Поставского района. Аудиозапись (20 минут на русском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
5. Воспоминания Головки Анны Игнатъевны, 1935 г.р. Записаны 13.08.2017 г. в д. Ельняки Поставского района. Аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
6. Воспоминания Костюкевич Янины Петровны, 1931 г.р. Записаны 1.12.2007 г. в д. Чеботово Ушачского района. Аудиозапись (24 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
7. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г.р. Записаны 23.02.2009 г. в г. Лепеле. Аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
8. Воспоминания Марченко Марии Федоровны, 1929 г.р. Записаны 14.08.2008 г. в д. Мазолово Витебского района. Аудиозапись (1 час 30 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
9. Воспоминания Крицкой Людмилы Кирилловны, 1930 г.р.. Записаны 21.09.2012 г. в д. Окно Лепельского района. Аудиозапись (32 минуты на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
10. Воспоминания Шевцовой Валентины Ивановны, 1929 г.р. Записаны 11.05.2019 г. в д. Янковичи Россонского района. Аудиозапись (16 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.
11. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, 1932 г.р. Записаны 12.05.2019 г. в д. Селявщина Россонского района. Аудиозапись (25 минут на белорусском языке) // Личный архив Е. А. Гребеня.

У. В. Здановіч

БАЯВЫЯ ДЗЕЯННІ ЛЕТАМ 1941 г. У БЕЛАРУСІ НА СТАРОНКАХ АЙЧЫННЫХ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЧНЫХ ВЫДАННЯЎ

Нягледзячы на тое, што праблема пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны не адносіцца да прыярытэтных тэм айчыннай гістарыяграфіі, летнія падзеі 1941 г. не засталіся па-за ўвагай беларускіх навукоўцаў. Баявыя дзеянні знайшлі адлюстраванне на старонках разнастайных па жанры вы-

даннях. Адной з гістарыяграфічных крыніц з'яўляюцца энцыклапедыі – выданні, якія ўяўляюць сістэматызаваныя веды, выкладзеныя ў лаканічнай форме, па той ці іншай тэме і адрасаваны шырокай аўдыторыі. У дадзеным артыкуле будуць прааналізаваны “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне”, 6-томная “Энцыклапедыя гісторыі Беларусі”, 18-томная “Беларуская энцыклапедыя”, “Ваенная энцыклапедыя”, “Брест. Брэст. Brest. 1000. Энциклопедия”. Аўтар паспрабуе паказаць, наколькі ўсебакова ў дадзеных выданнях адлюстраваны баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі ўлетку 1941 г., якое значэнне мелі летнія падзеі для далейшага ходу Вялікай Айчыннай вайны. Асноўная ўвага звернута на штурм і абарону Брэсцкай крэпасці летам 1941 г., абарону г. Віцебска і Лепельскі контрудар, баі на Дняпроўскім рубяжы пад Магілёвам, абарону г. Гомеля і контрудар на Рагачоўска-Жлобінскім напрамку. Адзначым, што дадзеныя старонкі мінулай вайны да гэтага часу дыскутуюцца, а таму патрабуюць ад вучоных уважлівага і крытычнага асэнсавання.

Абарона Брэсцкай крэпасці

У 1990 г. было падрыхтавана першае энцыклапедычнае выданне, непасрэдна прысвечанае разглядаемым падзеям, “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945”, у якім абарона Брэсцкай крэпасці адлюстравана ў асобным артыкуле, падрыхтаваным супрацоўніцай мемарыяльнага комплекса “Брэсцкая крэпасць-герой” Т. М. Ходцавай. Аўтар падтрымлівае высновы ранейшых даследчыкаў аб мужнасці і гераізме абаронцаў крэпасці, якіх налічвалася 3,5–4 тыс. чалавек пасля выхаду 22 чэрвеня 1941 г. з цытадэлі прыблізна паловы асабовага складу. Такім чынам, згодна з прыведзенымі дадзенымі на момант штурму ў крэпасці знаходзілася 7–8 тыс. чырвонаармейцаў. Аднак Т. М. Ходцава не называе агульную лічбу абаронцаў, як не называе і колькасць загінуўшых і параненых савецкіх салдат і афіцэраў. Не згадвае яна і пра палонных. Аўтар у рэчышчы савецкай гістарыяграфіі паведамляе, што “толькі за першыя 9 дзён абаронцы крэпасці вывелі са строю каля 1,5 тыс. салдат і афіцэраў праціўніка” [1, с. 96].

Распавядаючы пра храналагічныя межы абароны, Т. М. Ходцава адзначае, што абарона Брэсцкай крэпасці працягвалася з 22 чэрвеня па канец ліпеня 1941 г. Разам з тым аўтар падкрэслівае, што пасля 30 чэрвеня “ў выніку кровапралітных баёў і вялікіх страт абарона распалася на шэраг ізаляваных ачагоў супраціўлення” [1, с. 96]. Неабходна адзначыць, што дадзеная выснова не стала новай. У часы “перабудовы” ў 1987 г. у выдавецтве “Беларуская савецкая энцыклапедыя” імя Петруся Броўкі выдадзены “Брест. Энциклопедический справочник”, у якім быў змешчаны аналагічны артыкул. Праведзены аналіз паказвае, што і гэты артыкул, вельмі падрабязны, таксама быў падрыхтаваны Т.М. Ходцавай, нягледзячы на адсутнасць аўтара. У артыкуле падкрэсліваецца, што пасля 30 чэрвеня “ў выніку кровапралітных баёў і вялікіх страт абарона распалася на шэраг ізаляваных ачагоў супраціўлення” [2, с. 160]. Як бачна, дадзеная выснова цалкам супадае з высновай Т.М. Ходцавай, змешчанай у энцыклапедыі “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945”. Цікавымі падаюцца наступныя радкі: “У ліпені

камандзір 45-й нямецкай пяхотнай дывізіі генерал Шліпер у «Данясенні аб заняцці Брэст-Літоўска» паведамляў : Рускія ў Брэст-Літоўску змагаліся выключна настойліва» [2, с. 160, 161]. Прыведзеная вытрымка сведчыць аб тым, што даследчыкам было вядома “Данясенне”, у якім акрамя гераізму абаронцаў крэпасці Ф. Шліпер адзначае, што да канца чэрвеня 1941 г. трапілі ў палон 101 афіцэр і 7 122 малодшых камандзіраў і радавых абаронцаў горада і крэпасці [3, с. 22]. Лічбавыя дадзеныя пра палонных у артыкуле адсутнічаюць. Аб палонных сказана : “Захапіў хворых, параненых, медперсанал, дзяцей, 23 чэрвеня гітлераўцы выкарысталі іх у якасці жывога заслону, пагнаўшы наперадзе атакуючых” [2, с. 157].

У 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” ў сувязі з тым, што артыкул, прысвечаны абароне Брэсцкай крэпасці, таксама падрыхтаваны Т. М. Ходцавай, па змесце і высновах ён не адрозніваецца ад адпаведнага артыкула, змешчанага ў энцыклапедыі “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945” [4, с. 89, 90].

У 18-томнай “Беларускай энцыклапедыі” нягледзячы на тое, што артыкул, прысвечаны абароне Брэсцкай крэпасці, таксама падрыхтаваны Т. М. Ходцавай, па аб’ёме ён значна саступае ранейшым яе артыкулам, змешчаным у іншых энцыклапедычных выданнях. Па сутнасці, аўтар толькі акрэсліла асноўныя моманты абароны, пацвердзіўшы свае ранейшыя высновы аб двух этапах барацьбы абаронцаў крэпасці. Але адначасова Т. М. Ходцава ўпершыню прыводзіць колькасныя дадзеныя абараняўшых цытадэль чырвонаармейцаў – 7–8 тыс. воінаў [5, с. 288].

У 2010 г. была выдадзена першая ў рэспубліцы “Ваенная энцыклапедыя Беларусі”, прызначаная, як указана ў анатацыі, для шырокага кола чытачоў, у тым ліку студэнтаў, курсантаў, навучэнцаў сярэдніх устаноў адукацыі, а таксама ўсіх тых, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі, жадае ведаць сваіх слаўтых землякоў, якія на працягу стагоддзяў змагаліся за радзіму. Артыкул, прысвечаны абароне Брэсцкай крэпасці, з’яўляецца скарачаным варыянтам ранейшых артыкулаў Т.М. Ходцавай і нічога новага ў асэнсаванне праблемы не ўносіць [6, с. 170].

Сярод публікацый энцыклапедычнага фармату ў лепшы бок вызначаецца падрыхтаванае да 1000-годдзя горада арыгінальнае выданне “Брест. Brest. 1000. Энциклопедия”, у якім маецца артыкул “Героическая оборона Брестской крепости”, напісаны маладым супрацоўнікам мемарыяльнага комплекса А. В. Малочнікавым. Адносна невялікі па аб’ёме ён тым не менш, хоць і нязначна, адрозніваецца ад папярэдніх публікацый. Аўтар падтрымлівае падыходы ранейшых аўтараў і падзяляе абарону на два перыяды. Новым з’яўляецца павелічэнне да 9 тыс колькасці абаронцаў. Асабліваю цікавасць выклікаюць наступныя радкі: “Часці гарнізона ажыццявілі спробу выйсці ў раёны сканцэтравання, але ўжо да 9 гадзін раніцы крэпасць была блакіравана нямецкімі войскамі” [7, с. 120]. Такім чынам атрымліваецца, што выхад закончыўся няўдала для абаронцаў. І ўсе 9 тыс. чырвонаармейцаў да канца абароны заставаліся ў крэпасці. Згадвае А. В. Малочнікаў і палонных, тым самым прызнаючы сам факт палону. “29 чэрвеня, –

адзначае аўтар, – пасля шэрага няўдалых спроб захапіць Усходні форт на Кобрынскім умацаванні, дзе абарону ўзначаліў маёр П. М. Гаўрылаў, вораг выкарыстаў паветраную бамбардзіроўку ... Яго абаронцы разам з сем’ямі камандзіраў (усяго каля 400 чалавек) трапілі ў палон [7, с. 121].

Наступнай праблемай, якая знайшла адлюстраванне на старонках энцыклапедыі, сталі **танкавыя баі на Віцебшчыне** ў ліпені 1941 г. Абарона г. Віцебска, як адзначае М. К. Андрушчанка, “вялася з 5–11 ліпеня 1941 г. злучэннямі 22-й, 20-й, 19-й армій Заходняга фронту і апалчэнцамі Віцебска... затрымала прасоўванне ворага на Усход, прычыніла яму значныя страты” [1, с. 126]. Як бачна з пададзенага матэрыялу, канкрэтныя вынікі баёў за Віцебск не прыведзены. Дзейнасць народнага апалчэння адлюстравана ў асобным артыкуле, аўтарам якога таксама з’яўляецца М. К. Андрушчанка [1, с. 127]. Асобна выдзелены падзеі, прысвечаныя контрудару на Лепельскім напрамку, які быў “нанесены з раёна Багушэўска на ПдЗ ад Віцебска ў напрамку на Сянно і Лепель па 3-й танкавай групе нямецкіх войск” [1, с. 301]. Нягледзячы на адсутнасць у артыкуле вызначэння аб “самай буйной танкавай бітве ў сусветнай гісторыі”, прыведзеныя лічбы па сутнасці дадзенаю выснову пацвярджаюць. “Найбольш упартыя баі, – піша Л. У. Чапурнова, – у т. л. танкавыя (з абодвух бакоў удзельнічала да 1,5 тыс. танкаў), ішлі ў раёне на Пн ад Сянна” [1, с. 301]. Адзначым, што дадзенае вызначэнне прысутнічае ў асобным артыкуле, прысвечаным беларускай абарончай аперацыі 22 чэрвеня – 9 ліпеня 1941 г.

Практычна без змен артыкулы, прысвечаныя віцебскім падзеям, змешчаны ў 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” [4, с. 317, 319], 18-томнай “Беларускай энцыклапедыі” [8, с. 212, с. 214; 9, с. 207] і “Ваеннай энцыклапедыі Беларусі” [6, с. 251, 252].

Асобнае месца ў гісторыі летніх падзей 1941 г. займае **абарона г. Магілёва** 3 – 26 ліпеня 1941 г. Па сутнасці гэта была абарончая аперацыя – адзіная такога роду ваенная дзея ў Беларусі ў 1941 г. Праведзена яна была пасля змены старой ваеннай канцэпцыі аб вядзенні баёў толькі на чужой тэрыторыі на новую дактрыну, прадстаўленую І. Сталіну 26 чэрвеня 1941 г. начальнікам Генеральнага штаба Чырвонай арміі Г. Жукавым, наркомам абароны СССР С. Цімашэнка, намеснікам Жукава М. Ватуціным і зацверджаную І. Сталіным без адзінай заўвагі. Адною з задач новай стратэгіі, якая прадугледжвала стварэнне лініі фронту па Заходняй Дзвіне, Дняпры, Сожы праз Віцебск, Полацк, Оршу, Магілёў, Мазыр, Магілёву адводзілася роля галоўнага абарончага плацдарма.

У энцыклапедыі “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945” адной з самых гераічных старонак першых месяцаў Вялікай Айчыннай вайны прысвечаны тры артыкулы: “Магілёва абарона 1941” (Б. П. Гардзееў), “Магілёўскае народнае апалчэнне 1941” (Б. П. Гардзееў) і “Буйніцкае поле” (В. С. Паваліхіна). Згодна з канцэпцыяй, якая была закладзена першапачаткова ў мемуарах вядомых военачальнікаў, кіраўнікоў і ўдзельнікаў абароны горада, у баях за Магілёў, які абаранялі нешматлікія па сваім складзе дывізіі 61-га стралковага корпуса 13-й арміі, “савецкія войскі 23-дзённымі бязлі-

таснымі баямі скавалі буйныя сілы ворага ў перыяд Смаленскай бітвы 1941, сталі магутнай перашкодай на шляху правага крыла групы арміі «Цэнтр» і нанеслі вялікія страты ўдарным сілам праціўніка» [1, с. 316]. Аднак канкрэтныя лічбы варожых страт не прыведзены. Адсутнічаюць звесткі і пра страты абаронцаў горада. У баях за горад, у эвакуацыі фабрык і заводаў, барацьбе з дыверсантамі, шпіёнамі, ахове прамысловых аб'ектаў, лініі сувязі ўдзельнічалі апалчэнцы, у склад якіх, як паведамляе аўтар адпаведнага артыкула В. П. Гардзеў, “да 10 ліпеня ўступіла больш за 12 тыс. чалавек, у т.л. на фабрыцы штучнага шоўку 600, трубаліцейным заводзе 250, мясакамбінаце 180, цагельным заводзе 120 чалавек” [1, с. 317].

З артыкула пра Буйніцкае поле даведваемся, што “13–14 ліпеня на Буйніцкім полі знаходзіўся карэспандэнт газеты «Известия» пісьменнік К. Сіманаў. Падзеі гераічнай абароны знайшлі адлюстраванне ў яго рамане «Жывыя і мёртвыя» (правобразам галоўнага героя рамана Сярпіліна з’яўляецца палкоўнік Куцепаў) і дзённіку «Розныя дні вайны». Паводле завяшчання Сіманава прах яго развезены на Буйніцкім полі” [1, с. 103].

У 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі, як і ў папярэднім выданні, абарона Магілёва разглядаецца ў трох артыкулах з аналагічнай назвай. У сувязі з тым, што акрамя назваў без змен засталіся і ранейшыя аўтары, артыкулы практычна паўтараюць звесткі, пададзеныя ў энцыклапедыі “Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне” [10, с. 118; 11, с. 7, с. 12, 13].

У 18-томнай “Беларускай энцыклапедыі” артыкул “Магілёва абарона 1941” змешчаны ў 9-м томе. У адрозненне ад папярэдніх выданняў аўтар не пазначаны. Прыведзены аналіз сведчыць, што гэтыя скарачаны варыянт ранейшых артыкулаў Б. П. Гардзева [9, с. 445].

Нягледзячы на змену аўтара, практычна без змяненняў пакінуты артыкул, прысвечаны Магілёўскаму народнаму апалчэнню [9, с. 452].

Не адрозніваецца ад папярэдніх выданняў і артыкул, у якім раскрываецца падзеі на Буйніцкім полі. Адзначым, што яго аўтарам, як і раней, з’яўляецца В. С. Паваліхіна [5, с. 322].

Звесткі, змешчаныя ў “Ваеннай энцыклапедыі Беларусі”, не ўносяць нічога новага ў навуковае асэнсаванне падзей, якія адбываліся ў пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Магілёўшчыны [6, с.180, 604, 605, 606].

Абарона Гомеля

“Гомеля абарона 1941, – падкрэслівае Я. С. Паўлаў у адпаведным артыкуле, – вялася войскамі 21-й арміі (генерал-лейтэнант М. Р. Яфрэмаў, генерал-маёр В. М. Гардоў) Цэнтральнага фронту і апалчэнцамі 12–19 жніўня; састаўная частка Смаленскай бітвы 1941” [1, с. 175].

З артыкула “Гомельскі полк народнага апалчэння”, аўтарам якога з’яўляецца У. І. Лемяшонак, мы даведваемся, што “апалчэнцы ўдзельнічалі ў эвакуацыі фабрык і заводаў, вялі барацьбу з дыверсантамі, шпіёнамі, ахоўвалі прамысловыя аб’екты, лініі сувязі, будавалі абарончыя рубяжы. З 12 да 19 жніўня разам з войскамі Чырвонай арміі полк вёў баі за Гомель” [1, с. 174, 175].

Таксама У. І. Лемяшонак падрыхтаваў і асобны артыкул пра контрудар на Рагачоўска-Жлобінскім напрамку, які ў беларускай гістарыяграфіі называецца “Рагачоўска-Жлобінская аперацыя”, састаўная частка Смаленскай бітвы, праведзеная 63-м стралковым корпусам (камкор Л. Р. Пятроўскі), Жлобінскім (камандзір В. А. Міронаў) і Рагачоўскім (камандзір Н. Г. Каліноўскі) знішчальнымі батальёнамі 13 ліпеня – 17 жніўня 1941 г. Часці корпуса трапілі ў акружэнне і з 17 жніўня з баямі выходзілі з яго ў напрамку Гомеля. У савецкай гістарыяграфіі пра акружэнне не згадвалася [1, с. 517].

У сувязі з тым, што ў 6-томнай “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі” аўтарамі артыкулаў, прысвечаных гомельскім падзеям, таксама з’яўляюцца Я. С. Паўлаў і У. І. Лемяшонак, тэкст практычна не адрозніваецца ад папярэдняга выдання [12, с. 76, с. 82; 13, с. 40, 41].

Істотна не адрозніваюцца ад ранейшых выданняў звесткі пра абарону г. Гомеля, Гомельскі полк народнага апалчэння, Рагачоўска-Жлобінскую аперацыю, нягледзячы, на адсутнасць аўтара артыкула “Гомеля абарона 1941”, змешчаныя ў 18-томнай “Беларускай энцыклапедыі” [14, с. 348, 350; 15, с. 197].

Такая ж інфармацыя, але ў скарачаным выглядзе, утрымліваецца ў “Ваеннай энцыклапедыі Беларусі” [6, с. 329, 330, 810, 811].

Праведзены кароткі і выбарачны гістарыяграфічны агляд айчынных энцыклапедычных выданняў паказвае, што ў аснове трактоўкі баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. ляжаць ацэнкі, закладзеныя яшчэ ў савецкія часы. Нягледзячы на тое, што гісторыкі беларускага перыяду паказалі не толькі перамогі і гераізм савецкіх салдат, але і трагізм паражэнняў у пачатку вайны, страты ў ходзе асобных ваенных аперацый, акружэнне і палон, дадзеныя аспекты практычна не знайшлі адлюстравання на старонках айчынных энцыклапедычных выданняў. Аўтары энцыклапедычных артыкулаў не выкарысталі дасягненняў беларускіх даследчыкаў, якія ўвялі ў навуковы ўжытак не толькі новыя айчынныя, расійскія, савецкія матэрыялы, але і нямецкія дакументы. Аднавіць рэальную карціну баявых дзеянняў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г., пазбягаючы пры гэтым міфаў і стэрэатыпаў, можна толькі на падставе крытычнага аналізу разнастайных дакументаў савецкага і нямецкага паходжання і гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай кампаратывістыкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне: 1941–1945 : энцыклапедыя / Беларус. Сав. энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Брест : энцыкл. справ. / рэдкал.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелСЭ, 1987. – 408 с.
3. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – 300 с.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т.1: А – Беліца. – 1993. – 494 с.

5. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 3 : Беларусы – Варанец. – 1996. – 511 с.
6. Ваенная энцыклапедыя Беларусі / рэдкал.: Л. У. Языковіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 1136 с.
7. Брест. Bréст. Brest. 1000. Энциклопедия / сост. А. Н. Вабищевич. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2019. – 456 с.
8. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 4 : Варанецкі – Гальфстрым. – 1997. – 480 с.
9. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 9 : Кулібін – Малаіта. – 1999. – 560 с.
10. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 1994. – 537 с.
11. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 5 : М – Пуд. – 1999. – 592 с.
12. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 3 : Гімназіі – Кадэнцыя. – 1996. – 527 с.
13. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 6. – Кн. 1 : Пузелі – Усая. – 2001. – 592 с.
14. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 5: Беларусы – Варанец. – 1996. – 511 с.
15. Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 13: Праміле – Рэлаксін. – 2001. – 576 с.

В. И. Шатько, В. Б. Василевский

ИСКАЖЕНИЕ ПРИЧИН НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ

Факт неприкрытой агрессии со стороны фашистской Германии был юридически установлен международным Нюрнбергским трибуналом. Решения и приговоры этого трибунала признаны государствами всего мира. Несмотря на это, в ряде новых книг, статей, в телефильмах, в передачах и публикациях СМИ продолжается муссирование ложной версии о виновности Советского Союза в развязывании Второй мировой войны, о превентивном, вынужденном характере гитлеровского нападения на СССР в 1941 г.

Начало Второй мировой войны и вероломный удар фашистской Германии по СССР – уже свершившийся исторический факт, но о совершенной гитлеровской армией агрессии мало кто вспоминает. Зато лжеисторики с удивительным рвением ищут признаки виновности Советского Союза в развязывании войны.

Как известно, эту версию для оправдания придумали Гитлер и Геббельс. Позднейшие ее приверженцы (В. Резун, И. Бунич, Б. Соколов, Э. Радзинский, В. Бешанов, М. Солонин и др.) ничего нового к ней не добавили, а только пересказывают на разные лады всю ту же старую сказку.

Ни один разумный исследователь и историк, изучавший события 1941 г., ни одного доказательства, подтверждавшего бы гитлеровскую версию, не привел и не может привести. Ссылаются обычно на высказывания руководителей СССР о мировой революции, расширении сферы социализма. Выдается за агрессивные намерения и все, что делалось в нашей стране для укрепления обороны. А то, что пишут и говорят псевдоисторики, сплошь построено на фальсификации исторических фактов, искажении смысла отдельных высказываний в расчете на неосведомленных людей. Так, например, в книге Резуна «Ледокол» делается ссылка на книгу генерала армии С. П. Иванова «Начальный период войны (по опыту второй мировой войны)». Резун приводит следующую выдержку из нее: «Немецко-фашистскому командованию буквально в последние две недели удалось предупредить наши войска». Автор «Ледокола» зацепился за слово «предупредить». Но в упомянутой книге речь идет о том, что немецко-фашистские войска предупредили советские войска в приведении их в боевую готовность, в завершении развертывания для занятия обороны, а не об упреждении перехода в наступление. Но Резун все переиначивает на свой лад. Далее генерал Иванов пишет: «И. В. Сталин, стремясь оттянуть военное столкновение с гитлеровской Германией, не давал согласия на приведение приграничных округов в боевую готовность, считая, что этот шаг может быть использован фашистскими правителями как предлог для войны» [1]. Аналогичную точку зрения высказывали Г. К. Жуков, А. М. Василевский другие выдающиеся полководцы. Однако Резун все это умышленно опускает.

Точно так же он цитирует английского военного историка Б. Лиддела-Гарта, сознательно «не замечая» следующие его слова, которые опровергают утверждения автора «Ледокола»: «Своих генералов Гитлер пичкал сообщениями, будто русские готовятся к нападению, которое необходимо срочно предупредить. После перехода границы немецкие генералы убедились, как далеки были русские от агрессивных намерений и поняли, что фюрер их обманул» [2]. Это же совершенно противоположное тому, о чем пишет Резун. Таким же образом искажены высказывания и других авторов.

Резун ссылается на воспоминания из книги маршала Рокоссовского, где описывается, как он, будучи командиром 9-го мехкорпуса, в начале войны вскрыл «красный пакет» и, как говорит Резун, «о том, что нужно делать, если на нас нападут, там не было ни слова... И если в нем не говорится об обороне, тогда — о чем...», — восклицает Резун и делает вывод: «о нападении». Нетрудно заметить, Резун искажает смысл сказанного полководцем. В мемуарах Рокоссовского «Солдатский долг» можно прочитать: «В пакете имелась директива, в которой указывалось о немедленном приведении корпуса в боевую готовность и выступлении в направлении Ровно, Луцк» [3]. Однако никакой странности в том нет. По-настоящему грамотный в военном отношении человек понимает, что корпусу, находящемуся в резерве, невозможно заранее определить конкретную боевую задачу. Он должен выдвинуться в определенный район, где ему в зависимости от обстановки уточняется задача.

Вообще в обращении с первоисточниками фальсификаторы истории как бы неумышленно допускают много вольностей. Достаточно интересные книги пишет, например, И. Бунич. В ряде случаев он ссылается на некие документы, но не указывает, откуда они взяты. А без этого трудно судить о достоверности исторических фактов. Тем более, когда доверие к автору подрывается приведенными им сведениями и утверждениями, несостоятельность и ошибочность которых очевидна даже без сверки с архивами. Так, Бунич пишет об операции «Гроза», которой просто не существовало, и поэтому Сталин не мог ее 16 мая 1941 г. утверждать [4]. «Грозой» был назван условный сигнал для введения в действие плана мобилизации.

Эдвард Радзинский ссылается на Полевой устав 1939 г. и приводит выдержку: «Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»: Но отбрасывает одну деталь. Ведь полная цитата начиналась бы со слов: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная Армия будет...» [5]. Казалось бы, зачем такие голые выхватывания фраз? А затем, что обязательно нужно доказать: готовилось советское нападение, сорванное германским упреждающим ударом.

Но, если верить историческим фактам, Гитлер и военное командование Германии не ждали никакого нападения со стороны СССР. Гитлер на секретном совещании в узком кругу руководящего состава вермахта 14 августа 1939 г. высказал мнение, что «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и кормить ее, а обязательно уклонится от войны». На совещании 22 июля 1940 г. он опять подтверждает, что «русские не хотят войны» [6]. А 31 июля 1940 г. фюрер впервые официально сообщил высшему генералитету о своем замысле развязать войну против Советского Союза. В этот день генерал Гальдер, начальник генерального штаба германских сухопутных войск, записывает первые исходные данные о плане нападения: «Начало (военной кампании) – май 1941 года. Продолжительность операции – 5 месяцев. Было бы лучше начать в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель – уничтожение жизненной силы России». И далее Гальдер в своих дневниках многократно замечает, что «Россия сделает все, чтобы избежать войны», тем самым подчеркивает отсутствие подготовки к наступлению со стороны Красной армии [7].

Оценка предполагаемых оборонительных действий Красной армии в начальном периоде войны содержится во многих донесениях германского посла и военного атташе в Москве. В частности, 7 июня 1941 г. посол сообщал в Берлин, что все наблюдения подтверждают – Сталин и Молотов делают все, чтобы избежать конфликта с Германией.

Об этом же говорится в разведсводке № 5 от 13 июня 1941 г. (за неделю до начала агрессии) генштаба сухопутных войск Германии:... «со стороны русских... как и прежде ожидаются оборонительные действия» [4]. При этом следует понимать, что разведсводки носят совершенно секретный характер и составляются для реальной оценки обстановки, а не для пропаганды и введения в заблуждение общественного мнения. В них никогда никто не будет писать, что противник собирается обороняться, если он в действи-

тельности планирует наступать. В связи с этим генерал Гальдер в своем дневнике 22 марта 1941 г. записал: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских» [7]. Примерно в таком же духе высказывался и генерал-фельдмаршал фон Рундштедт [9].

Немецкий историк Иоганес Цукерторт справедливо отмечал, что «гитлеровская выдумка о превентивной войне преследовала две цели; во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекулируя на антикоммунизме, попытаться привлечь на свою сторону западные державы к качеству союзников для разбойничьего похода на Восток» [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что как бы ни вел себя Советский Союз, что бы он ни делал, нападение против него все равно бы состоялось. И никаких «поводов», на которые ссылаются фальсификаторы истории, Гитлеру не требовалось.

К войне с советским государством фашистская Германия готовилась долго и тщательно. По существу кампании против Польши, Франции и других европейских государств явились подготовительными этапами к решающей схватке с Советским Союзом. «Мы сможем выступить против России, – говорил Гитлер на совещании с руководящим составом вооруженных сил 23 ноября 1939 года, – лишь после того, как освободимся на Западе» [1]. Окончательное решение о нападении на Советский Союз было принято еще в июле 1940 года, вскоре после капитуляции Франции. Тогда же Гитлер заявил: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше» [6].

Эта мысль еще более четко была выражена в директиве № 21 (план «Барбаросса»), подписанной Гитлером 18 декабря 1940 года. Она начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии» [1]. То есть бесповоротное решение об агрессии против Советского Союза принято Гитлером задолго до начала войны. А с февраля 1941 началась переброска немецких войск к западным границам Советского Союза.

В целом в истории Советского Союза, как отмечал бывший президент Академии военных наук Российской Федерации генерал-армии М. А. Гареев, были разные страницы, в том числе и требующие сугубо критического рассмотрения. «Как призывал один российский историк, неплохо бы более основательно вытрясти все исторические ковры. Может быть, это и надо сделать. Но необязательно всю пыль высыпать исключительно на свои головы. Надо что-то оставить и для фашистов, развязавших эту войну, и тех подпевал и трусов, кто этому действительно способствовал в активной или пассивной форме. И делать это нужно обязательно и постоянно, особенно среди молодого поколения» [10].

Как в годы войны, так и сейчас найдутся те, кто будет защищать свою землю от нападения захватчиков, и те, кто, отсидевшись вдали от фронта, будут писать военную историю по заказу. Поэтому истинные исторические факты и военные события нужно знать, чтобы давать решительный отпор фальсификаторам истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, С. П.* Начальный период войны / С. П. Иванов. – М. : Воениздат, 1972.
2. *Лиддел-Гарт, Б.* Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел-Гарт. – М. : АСТ, 1999.
3. *Рокоссовский, К. К.* Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1984.
4. *Бунич, И.* Операция «Гроза». Ошибка Сталина / И. Бунич. – М. : Яуза, 2004.
5. Полевой устав пехоты Красной Армии. – М. : Госвоениздат Наркомата Обороны Союза ССР, 1939.
6. *Ржешевский, О. А.* Война и история / О. А. Ржешевский. – М. : Мысль, 1984.
7. *Гальдер, Ф.* Военный дневник / Ф. Гальдер. – М. : Аст; 2002.
8. *Лиддел-Гарт, Б.* Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел-Гарт. – М. : АСТ, 1999
9. Мировая война. Взгляд побежденных. – М. : АСТ, 2001.
10. *Гареев, М. А.* Сражения на военно-историческом фронте: сб. ст. / М. А. Гареев. – М. : Инсан, 2008.

С. Г. Лютко

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА МИНСКА В ИЮНЕ 1941 ГОДА

Противовоздушная оборона Минска в первые дни Великой Отечественной войны представляет собой малоизученную до сих пор страницу истории.

Она играла значимую роль в обороне белорусской столицы, поскольку защищать от ударов противника с воздуха необходимо было не только важные государственные и промышленные объекты, но и группировку войск, оборонявшую Минск (13-ю армию Западного фронта), и от эффективности противовоздушного прикрытия во многом зависел успех Минской оборонительной операции (25–29.06.1941 г.). Эта задача для воинов-зенитчиков и летчиков-истребителей усложнялась еще и тем, что германское люфтваффе, как известно, завоевало господство в воздухе буквально в первые часы 22 июня 1941 г. – в день развязывания агрессии против СССР, уничтожив большую часть советской авиации приграничных округов на аэродромах.

Снова отметим, что в историографии нет специального исследования, посвященного противовоздушной обороне Минска в июне 1941 года. Отдельные, разрозненные сведения об этом можно найти в книгах «На земле Беларуси: канун и начало войны: Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны», «1941 год: Страна в огне», «1941 год – уроки и выводы», «Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций Второй мировой войны)», в работах В. В. Абатурова, Н. К. Андриющенко, Н. М. Акаловича, И. А. Басюка, Д. Н. Егорова,

Р. С. Иринархова, В. Мартова, Р. П. Платонова, В. А. Рунова, В. Н. Свищева, Б. Г. Соловьева, А. Г. Хорькова и В. Д. Шерстнева, а также в 1-м томе трехтомного издания «Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941–1945» (М.: Воениздат, 1973). Определенную информацию можно почерпнуть из изданных в 1957–1958 гг. военно-научным управлением Генерального штаба Министерства Обороны СССР 31-го и 35-го выпусков «Сборника боевых документов Великой Отечественной войны», которые включают архивные боевые документы Западного фронта, 13-й армии и соединений из ее состава. Проанализировав эти источники и обобщив разрозненные сведения, можно воссоздать картину подготовки и ведения противовоздушной обороны столицы БССР в июне 1941 года.

Руководил войсками ПВО Западного особого военного округа в то время помощник командующего войсками округа по ПВО генерал-майор артиллерии С. С. Сазонов.

По предвоенным взглядам, противовоздушная оборона Минска была возложена на 7-ю отдельную бригаду ПВО со штабом в столице под командованием подполковника А. П. Колесникова и 59-ю истребительную авиационную дивизию, дислоцировавшуюся в Мачулищах, которой командовал полковник Е. Г. Туренко [1; 2, с. 21–107; 3, с. 72–74, 85–87, 94, 104, 112; 4, с. 395–566].

7-я отдельная бригада ПВО в своем составе имела два полка: 188-й зенитный артиллерийский (он включал пять дивизионов) и 5-й воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), два отдельных зенитных артиллерийских дивизиона (30-й малокалиберной артиллерии и 431-й), а также 191-й зенитный пулеметный батальон, 29-й зенитный прожекторный батальон, 17-й дивизион аэростатов заграждения и 5-ю отдельную роту связи [5, с. 60]. К сожалению, к началу войны бригада была укомплектована кадровым составом только на 40 %, средствами связи – на 20–25 % [6, с. 32].

На вооружении зенитные части имели 85-миллиметровые зенитные пушки образца 1939 года с приборами управления артиллерийским зенитным огнём (ПУАЗО-3, – так называемый «зенитный директор»). Это было хорошее для своего времени средство борьбы с воздушным противником, со скорострельностью до 20 выстрелов/мин., способное поразить бронебойно-трассирующими снарядами или осколочными гранатами с дистанционным взрывателем самолеты на высотах чуть более 10 км. Вот только в бригаду они поступили буквально перед самым началом войны, и освоить новую технику личный состав должным образом еще не успел.

В июне 1941 года в Крупках проводились окружные сборы зенитных подразделений соединений Западного ОВО, куда убыла большая часть личного состава и техники бригады. К 22 июня в Минске остались лишь дежурные силы и средства – 8 батарей 2-хорудийного состава [5, с. 60].

59-я истребительная авиационная дивизия находилась на этапе формирования. В ее составе имелись лишь штаб и один-единственный полк – 184-й, и те были сформированы буквально за несколько дней до начала войны.

Укомплектованность летным составом составляла 70–80 % [7]; в 184-м авиаполку было 25 самолетов И-16 и И-153 [8, с. 70]. По сути, по состоянию на 22 июня 1941 года это формируемое соединение не являлось боееспособным.

Мы видим, что к началу Великой Отечественной войны система противовоздушной обороны Минска находилась в плачевном состоянии. Авиационное соединение не могло по своему качественному составу противостоять люфтваффе противника, а соединение ПВО было ослаблено отвлечением большей части личного состава и техники на сборы.

Эта печальная картина дополнялась и неудовлетворительным состоянием бомбоубежищ для гражданского населения. Весной 1941 года в Минске было спланировано строительство 10 подземных бомбоубежищ с деревянным креплением 2-й категории, общим объемом на 15 000 человек, и одного бомбоубежища 1-й категории (спецобъект № 1) с дублирующим узлом междугородной связи. Дополнительно под убежища 2-й категории предполагалось оборудовать подвалы в существующих и строящихся зданиях еще на 15 000 человек [4, с. 355, 365, 368–369]. Строительство всех бомбоубежищ планировалось закончить к ноябрю 1941 года, – соответственно, к началу войны они не были готовы, да и простые расчеты показывают, что обеспечить потребности столицы с 270 000 населением они смогли бы лишь на 15 %.

Со стороны противника на Минском направлении действовало около 500 самолетов 2-го воздушного флота, которым командовал генерал-фельдмаршал А. Кессельринг [9]. Они поддерживали с воздуха две наступающие с северо- и юго-запада сухопутные группировки и наносили удары с воздуха по военным и гражданским объектам Минска.

В первые дни войны средствами воздушного нападения противника в Минске противостояли, как мы уже сказали выше, лишь шестнадцать 85-миллиметровых зенитных пушек 7-й отдельной бригады ПВО.

22 июня подразделения 5-го полка ВНОС обнаружили массированный взлёт немецкой авиации с аэродромов в Польше и ее удары по войскам, военным объектам и городам в западной Беларуси. В этот же день над Минском было обнаружено несколько самолетов-разведчиков противника, по которым, однако, огонь не открывался.

Первая и, пожалуй, самая интенсивная бомбардировка столицы БССР произошла на следующий день. Утром 23 июня по Минску нанесли первый массированный авиационный удар, а во второй половине этого дня – целую серию. Приоритетными объектами поражения были: аэродромы в Лошице (его в этот день бомбили аж 11 раз! [10]), Мачулищах и Степянке, железнодорожный вокзал, штаб округа, военный городок Уручье, где дислоцировалась 100-я стрелковая дивизия, хлебокомбинат и жилые кварталы в центре города. Вследствие ударов противника в центре Минска бушевали огромные пожары, с тушением которых, к сожалению, не справлялись: не хватало возможностей пожарных команд. Хуже всего пришлось аэрод-

рому в Лошице. Там не было зенитного прикрытия, поэтому большое количество гражданских самолетов было уничтожено прямо на земле, практически полностью сгорели склады с авиационным горючим [10].

Как это ни странно звучит, но удары по Минску оказались полной неожиданностью для командования Западного фронта. Не имея правдивой информации об обстановке на фронте, убаюканные предвоенными убеждениями о непобедимости Красной армии и ее военно-воздушных сил, уверенные, что противник не в состоянии осуществлять такое мощное воздействие на советские города, никто не мог даже представить, что немцы уже на второй день войны будут бомбить столицу советской Беларуси! Следствие такой беспечности – почти вся истребительная авиация 184-го авиаполка была уничтожена на аэродроме в Мачулищах на земле. Совсем как их товарищи из состава 3-й, 4-й и 13-й армий днем раньше!

Итак, к исходу 23 июня 59-я истребительная авиационная дивизия осталась практически без матчасти. Понимая, что она не представляет пользы, ее в спешном порядке отправили в глубь страны для дальнейшего формирования.

Зенитные орудия 7-й бригады ПВО, как могли, противостояли противнику, но силы были слишком неравными. В этот день нашим зенитчикам удалось сбить около 10 немецких самолетов, еще столько же уничтожили летчики-истребители 43-й истребительно-авиационной дивизии, прибывшие на защиту столицы из района Орши [Там же].

Вот как описывает ее командир Г. Н. Захаров вечерний Минск 23 июня 1941 года: «Низко над Минском ходили большие двухмоторные машины. Я видел их, подлетая, но мне в голову не могло прийти, что это ходят Ju-88. Они шли на малых высотах и прицельно швыряли бомбы на отдельные здания. Вражеских истребителей в небе не было. Подвергая город в течение дня непрерывной бомбардировке, превратив аэродром в жаровню, «Юнкерсы» под вечер чувствовали себя в полной безопасности. Я находился выше, прямо над центром города, когда увидел одного над крышей здания штаба округа. Спикировал, пристроился ему в хвост и стрелял в упор длинными очередями. Ju-88 не загорелся, но внезапно накренился и упал в районе оперного театра. Над окраиной я атаковал другого и поджег его. Он уходил дымом, но я думаю, что не вытянул – как и у первого, у него слишком мал был запас высоты» [11].

Завоевав господство в воздухе, немецкая авиация, начиная с 23 июня ежедневно, по нескольку раз в день, наносила по Минску удары с воздуха. Непрекращающиеся пожары в городе продолжались несколько дней [12, л. 131]. Авиационные удары противника значительно затрудняли советским и партийным органам руководства проведение мероприятий по переводу с мирного на военное время, создавали панику среди мирных жителей, затрудняли передислокацию войск, нарушали связь и управление ими.

25 июня в Минск из Крупок прибыли зенитные дивизионы 7-й бригады ПВО, находившиеся, как мы помним, на сборах. Им потребовалось целых три дня, чтобы преодолеть 100 км, разделявшие полигон и пункт постоянной

дислокации! Кроме того, в состав бригады включили несколько зенитных батарей, прибывших в Минск из состава войск, оборонявшихся западнее его. В этот день зенитчики сбили 5 самолетов противника [10].

Но в это время уже начались боевые действия на ближайших подступах к столице БССР, и 13-я армия Западного фронта, получившая задачу оборонять Минск, остро нуждалась в противотанковой артиллерии. Поэтому часть зенитных орудий бригады отправили в войска армии для борьбы с танками противника.

Ввиду неблагоприятно сложившейся обстановки на фронте, по приказу командующего Западной зоной ПВО основные силы 7-й отдельной бригады ПВО 26 июня ушли к Борисову – необходимо было защищать от немецкой авиации переправы через Березину. Для прикрытия объектов столицы от ударов с воздуха оставили три из пяти дивизионов 188-го зенитного артиллерийского полка. Они вели бои с самолетами противника до падения Минска и покинули город 28 июня.

Как видно из вышесказанного, свою задачу по противовоздушной обороне столицы республики 7-я отдельная бригада ПВО и 59-я истребительная авиационная дивизия не выполнили, что в итоге привело к завоеванию противником господства в небе над Минском, разрушению важных объектов городской инфраструктуры, многочисленным пожарам и жертвам среди мирного населения, значительно затруднило эвакуацию и проведение других мероприятий начального периода войны, направленных на организацию отпора агрессии. Основная причина этого заключалась в неготовности этих соединений к ведению боевых действий, а также в беспечности командования. Тем не менее, в период боев за столицу Беларуси в конце июня 1941 года зенитчиками 7-й отдельной бригады ПВО было сбито в общей сложности до 20 немецких самолетов [5; 6, с. 33; 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Из журнала боевых действий войск Западного фронта за июнь 1941 г. О группировке и положении войск фронта к началу войны : сб. боевых док. Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Генеральный штаб, Военно-научное управление. – М. : Воениздат, 1958. – Вып. 35. – Режим доступа : <http://Militera.lib.ru>. – Дата доступа : 19.06.2006.
2. *Иринархов, Р. С.* Западный Особый... / Р. С. Иринархов. – Минск : Харвест, 2002. – 704 с.
3. На земле Беларуси : канун и начало войны : Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / В. В. Абатуров [и др.] ; науч. ред. В. В. Абатуров. – Минск : БЕЛТА, 2006. – 576 с.
4. Накануне : Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.) : док. и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2007. – 622 с.
5. Противовоздушная оборона войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 : в 3 кн. – М. : Воениздат, 1973. – Кн. 1. – 232 с.

6. Долготович, Б. Д. Беларусь в годы Великой Отечественной войны / Б. Д. Долготович. – Минск : Полымя, 1994. – 141 с.
7. Из отчета командующего военно-воздушными силами Западного фронта за 1941 г. О состоянии военно-воздушных сил фронта и боевых действиях за восемь дней войны : сб. боевых док. Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Генеральный штаб, Военно-научное управление. – М. : Воениздат, 1958. – Вып. 35. – Режим доступа : <http://Militera.lib.ru>. – Дата доступа : 19.06.2006.
8. Войска противовоздушной обороны страны : Исторический очерк. – М. : Воениздат, 1968. – 440 с.
9. Абатуров, В. В. 1941. На Западном направлении / В. В. Абатуров. – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – 448 с.
10. Разведывательная сводка штаба Западного фронта № 7 к 22 часам 25 июня 1941 г. О боевых действиях войск противника : сб. боевых док. Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Генеральный штаб, Военно-научное управление. – М. : Воениздат, 1958. – Вып. 35. – Режим доступа : <http://Militera.lib.ru>. – Дата доступа : 19.06.2006.
11. Геращенко, А. Е. Драматическая оборона Минска в 1941 году / А. Е. Геращенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://samlib.ru>. – Дата доступа : 13.03.2021.
12. Докладная в ЦК КП(б)Б от П. Г. Мельникова // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 33а. Д. 64. Л. 129–133.

Н. А. Воскобойный

УПРАВЛЕНИЕ И СВЯЗЬ В ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

В советской историографии 1944 год считается годом решающих побед в истории Великой Отечественной войны. Одной из важнейших операций этого периода является Белорусская наступательная операция «Багратион», в ходе которой система управления и связи сыграла одну из важнейших ролей в достижении успеха.

Накануне операции «Багратион» происходило дальнейшее совершенствование системы управления войсками во всех командных инстанциях с учетом значительного повышения требований к обеспечению устойчивого управления войсками и увеличения потоков информации, как по обмену, так и по частоте получения.

Стоит отметить, что непосредственно в этот период окончательно сложилась организационная структура полевого управления фронта, состоящая из Военного совета, штаба, политуправления, 7 управлений и других органов и насчитывавшая 1 339 человек, из которых в штаб входило 287 человек. Была уточнена структура штабов общевойсковых армий, корпусов и дивизий, что способствовало усилению организаторской роли штаба в системе управления войсками [1, с. 7].

Командные пункты фронтов (армий) располагались, как правило, рассредоточено в нескольких районах по группам. Узел связи командного пункта развертывался в соответствии с размещением полевого управления. При этом средства связи приближались к должностным лицам, в интересах которых они обеспечивали связь, а подразделения обеспечения и обслуживания располагались отдельно.

Так, полевое управление 1-го Прибалтийского фронта в операции было разделено на три эшелона: оперативную группу, штаб и управление тыла. В исходном положении были развернуты командный и наблюдательный пункты командующего фронтом и второй эшелон управления. Управление войсками в основном осуществлялось оперативной группой, в которую входили Военный совет, начальник штаба, начальники родов войск со своими оперативными группами, основная часть оперативного управления, разведывательный и шифровальный отделы и управления связи [2; 3].

Для управления войсками 1-го Белорусского фронта с учетом оперативной обстановки (деление фронта Пинскими болотами на две части) были развернуты командный пункт, вспомогательные пункты управления № 1 и № 2 и второй эшелон управления [1, с. 154; 2].

Управление войсками 2-го Белорусского фронта осуществлялось с командного и наблюдательного пунктов.

Для управления войсками 3-го Белорусского фронта были развернуты командный и наблюдательные пункты управления, а также второй эшелон управления, располагавшийся вблизи командного пункта. Кроме того, в районе командного пункта фронта размещалась группа представителя Ставки Верховного Главнокомандования во главе с Маршалом Советского союза А. М. Василевским, перемещение которой в ходе операций намечалось одновременно с командным пунктом [1, с. 155].

Проведенные операции в ходе Великой Отечественной войны показали, что без устойчивой связи невозможно обеспечить управление войсками, а, следовательно, и достичь победы. Поэтому в ходе войны уделялось постоянное внимание развитию и совершенствованию военной связи, в том числе повышению удельного веса войск связи и их технической оснащенности новыми, более современными средствами. К началу операции «Багратион» каждый десятый боец был военным связистом, что практически соответствует росту численности войск связи в четыре раза. При этом войска получали более совершенные в техническом отношении средства связи [Там же].

Все фронты к началу операции имели достаточное количество узловых и линейных частей связи, хотя 3-й Белорусский фронт в соответствии с оперативным расчетом был недоукомплектован направленческим линейным батальоном связи и двумя телеграфно-строительными ротами (взамен них использовались две роты тяжелого кабеля и отдельный линейный батальон связи из резерва ГУСКА).

Организация и обеспечение проводной связи на операцию планировались по фронтовым осям, рокадам и направлениям связи к армиям, а в 1-м Белорусском фронте после преодоления Пинских болот – по основной и двум

вспомогательным осям. Строительство постоянных воздушных линий связи на фронтовых осях планировалось емкостью от шести проводов во 2-м Белорусском фронте и на правом крыле 1-го Белорусского фронта и восемь проводов – в 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах. Строительство рокад проводилось в 1-м Прибалтийском через 20–25 км, в 1-м Белорусском и во 2-м Белорусском – через 20–40 км и в 3-м Белорусском фронте – через 30–50 км [1, с. 156].

Большое внимание уделялось и обеспечению непрерывности радиосвязи при перемещении пунктов управления фронтов, для чего предусматривались эшелонирование радиосредств и создание резервов. Так, в 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах радиосвязь была организована с двух радиоузлов, один из которых располагался при штабе фронта, а другой – при оперативной группе штаба фронта. Для обеспечения непрерывности радиосвязи при перемещении оперативной группы штаба фронта был создан резерв радиосредств, часть которого находилась при штабе фронта, а часть – при оперативной группе. В 1-м Белорусском фронте все радиосредства были разделены на три группы: радиоузел штаба (КП), радиоузел ВПУ № 1 (левого крыла) и радиоузел ВПУ № 2 (правого крыла) [4; 5].

Радиосвязь штабов фронтов с армиями обеспечивалась по 2–3 радиосетям радиостанциями РАФ, РБ и «Север».

В ходе Белорусской операции широко использовалось окружение крупных группировок противника силами нескольких фронтов и армий, что ставило на первое место обеспечение устойчивой и надежной связи взаимодействия между фронтами, армиями и вводившимися в прорыв подвижными группами.

Для связи взаимодействия между фронтами распоряжением ГУСКА была создана специальная радиосеть взаимодействия, в которую входили радиостанции штабов фронтов, представителей Ставки ВГК Маршалов Советского Союза А. М. Василевского и Г. К. Жукова, а также радиосеть обеспечения связи взаимодействия фланговых армий фронтов [4; 5; 6].

Радиосвязь взаимодействия между элементами оперативного построения фронтов организовывалась, как правило, по радиосетям взаимодействия фронтов, в которые входили радиостанции общевойсковых, танковых и воздушных армий, а также подвижных соединений.

Радиосвязь с подвижными соединениями обеспечивалась по нескольким каналам с использованием радиостанций средней мощности, смонтированных на автомобилях повышенной проходимости. Для ее наибольшей устойчивости и получения своевременной информации в подвижные соединения (группы) высылались офицеры связи штабов фронтов со своими радиосредствами.

Широкое применение для управления войсками фронта при высоких темпах наступления нашли подвижные средства связи, особенно самолеты связи. В ходе операции подвижные средства связи эшелонировались, их большая часть выделялась для обеспечения связи от командного пункта

фронта. При развертывании командного пункта фронта в новом районе там оборудовался передовой пункт сбора донесений, обеспечиваемый, как правило, звеном самолетов и автомобилями.

Связь подвижными средствами штаба фронта со штабами армий и подвижными соединениями во время преследования противника организовывалась в большинстве случаев по направлениям. Организация круговых маршрутов в условиях частого перемещения штабов, как показала практика, была нецелесообразной.

Опыт организации связи в Белорусской операции при высокоманевренном характере боевых действий убедительно подтвердил необходимость повышения мобильности систем связи всех командных инстанций, особенно подвижных объединений и соединений, за счет более рациональных способов ее организации и обеспечения. Принятая организационно-штатная структура органов управления и частей связи фронтового и армейского подчинения почти без изменений просуществовала до конца Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпов, Е. А.* История военной связи российской армии / Е. А. Карпов, И. А. Брежнев. – СПб. : ВАС, 1999.
2. Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Ставка-фронт. – СПб. : ВАС, 1961.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М. : Наука, 1976. – 2-е изд. – Т. 2.
4. *Жуков, Г. К.* Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. – М. : Изд-во Агентства печати «Новости», 1970.
5. *Рокоссовский, К. К.* Солдатский долг / К. К. Рокоссовский. – М. : Воениздат, 1984.
6. Знаменательные и памятные даты авиационного связиста. – Х. : ХВВАУ, 1980. – Вып. 2.

С. Н. Тукало

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МИНСКОГО ГЕТТО В ИЮЛЕ–АВГУСТЕ 1941 ГОДА (на основе анализа документальных и историографических источников)

Летом 1941 г. немецко-фашистские захватчики установили на территории Беларуси жесткий оккупационный режим кровавого террора, насилия и беззакония, основой которого стали расовая теория, антисемитизм и жизненное пространство. Гитлер и его приближенные «...открыто декларировали свои антигуманные цели, основанные на доктрине расового превосходства, ...

высказывались о расовой неполноценности евреев, славян и других народов, о необходимости их физического уничтожения» [1, с. 5]. Так 25 мая 1940 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер весьма определенно высказывался по поводу предстоящего общения немцев с местным населением восточных областей: «...Я надеюсь, что нам удастся полностью уничтожить понятие “еврей”, так как существует возможность массового переселения всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию...» [2].

Весной 1941 г. Г. Гиммлер поручил сотрудникам спецотдела СД, которые в свою очередь подчинялись Адольфу Эйхману, подготовить «окончательное решение еврейского вопроса» – план физического уничтожения евреев, первоочередно на территории СССР. В доказательство этому приведем высказывание рейхсминистра оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга, который считал, что «...первой основной целью немецких мер, совершаемых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения... Все права на свободу нужно отнять у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же время должны быть разделены согласно полу... данные гетто могут находиться под командованием еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана таких гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции..., необходимо проследить, чтобы были введены суровые меры, которые бы запрещали продолжение кровосмешения между евреями и остальным населением» [3, с. 356].

После оккупации немцами Минска военную администрацию возглавил начальник тыла группы армий «Центр», командующий охранными войсками генерал Максимилиан фон Шенкендорф. В городе власть находилась в руках военной комендатуры и полевого коменданта. Отметим при этом, что период так называемого военно-комендантского правления продолжался до 1 сентября 1941 г., когда последнее было сменено на гражданское управление. Тем не менее, учитывая тот факт, что власть перешла к гражданской оккупационной администрации, в городе, однако, остались оккупационные войска вермахта. Высшим органом гражданской оккупационной администрации в Генеральном округе Беларусь являлся генеральный комиссариат, который возглавил Вильгельм Кубе (до 22 сентября 1943 г.).

Безусловно, судьба белорусов была тесно связана с судьбой многотысячного еврейского населения, которое, как и коренные жители Беларуси, прошло через многочисленные страдания и лишения. Нацисты постепенно осуществляли решение «еврейского вопроса», разработали чудовищную и скрупулезную систему ликвидации граждан этой национальности. Минск в некотором смысле был избран немцами в качестве «научного центра» по отработке на практике изоциренных методов систематического, тщательно спланированного уничтожения большого количества неполноценных, согласно нацистской идеологии, в расовом отношении людей. Масштабная катастрофа белорусских и иностранных евреев началась именно в Минском гетто, которое было одним из крупнейших гетто на оккупированной территории Европы.

Постепенная и систематическая ликвидация еврейского населения началась осенью 1941 г., однако уже в июле и августе немцы перешли к истреблению еврейской интеллигенции, особенно учителей, профессоров, адвокатов и советских служащих, исключая медицинских работников [4; 5]. Этому предшествовали некоторые распоряжения и приказы оккупантов.

В первые дни оккупации был проведен очень точный, несколько раз продублированный учет городского населения, который, кстати, неоднократно повторялся потом гражданской оккупационной администрацией [6; 7]. Регистрация минчан по приказу полевого коменданта проходила в заявочном бюро Минского городского управления. В конце июня 1941 года немецкое командование издало приказ, согласно которому все мужское население города без учета национальности в возрасте от 18 до 45 лет обязано было явиться на регистрацию в район Театра оперы и балета. При себе граждане обязательно должны были иметь военный билет и паспорт (мужчины от 16 до 18 и старше 45 лет регистрировались у казарм на улице Фрунзе – *С. Т.*).

Житель столицы М. И. Бруднер вспоминал, что в то время все те, кто явились на регистрацию, «были заключены в лагерь военнопленных (лагерь военнопленных в урочище Дрозды – *С. Т.*). Через некоторое время из тех, кого держали в лагере, были выделены в специальную группу евреи, ... евреев заключили в городскую тюрьму ... из числа последних отобрали инженеров, врачей, бухгалтеров и возле лагеря расстреляли» [8, с. 181–183].

Как отмечал М. И. Бруднер далее, «освободив евреев из тюрьмы, немцы направили нас в распоряжение еврейского комитета. В еврейском комитете нам объявили, что немедленно нужно переселиться в еврейский район, в так называемое гетто. Все евреи со всего города переселились в гетто. Набралось свыше 80 тыс. человек...» [Там же].

До 15 июля 1941 года регистрация евреев была завершена. Это общепринятое в историографии утверждение. Однако, анализируя немецкие документы и фиксируя воспоминания свидетелей Холокоста, можно сделать вывод, что регистрация населения еврейским советом (юденратом – *С. Т.*) до 15 июля так и не завершилась, а продолжалась вплоть до 25 июля 1941 года, то есть уже после обнародования официального приказа о создании Минского гетто. Сначала о прохождении регистрации делалась соответствующая отметка в советском паспорте. Если паспорта не было, всем лицам, прошедшим регистрацию, кроме еврейского населения, выдавался временный документ на жительство. Более того, по городу стали распространяться слухи о том, что незарегистрированные евреи при переселении не получают квартир [9; 10]. Поэтому люди, подгоняемые слухами и паникой, спешили на регистрацию в еврейский комитет.

Евреи строго отделялись от остального населения на основе многочисленных приказов оккупационных властей. Учет еврейского населения велся отдельно от горожан других национальностей. Именно регистрация и должна была решить еврейскую проблему для быстрого переселения граждан еврейской национальности в Минское гетто.

15 июля 1941 года был вывешен приказ за подписью комиссара города Минска и Минского округа доктора Бернхарда Кайзера (занимал эту должность по ноябрь 1941 года, курировал вопросы, связанные с административно-хозяйственным управлением города – *С. Т.*) и Тумаша (с июля по конец 1941 года – бургомистр города) об организации еврейского гетто. В приказе отмечалось, что все евреи должны «в обязательном порядке» переселиться в гетто.

Между прочим, Б. Кайзер находился на своем посту короткий промежуток времени. Причина в том, что было принято решение о разделении полномочий. Комиссаром Минского района остался Кайзер, а на должность городского комиссара генеральный комиссар генерального округа Беларусь В. Кубе предложил назначить своего знакомого Вильгельма Янецке. Поэтому 9 ноября 1941 года он приехал в Минск и уже на следующий день принял дела у своего предшественника Б. Кайзера. 1 декабря В. Янецке торжественно вступил в свою новую должность (оставался городским комиссаром до 30 сентября 1943 г., когда его сменил И. Беккер – *С. Т.*) [11, с. 38].

Окончательно Минское гетто было создано 19 июля 1941 года (в этот день в Минске состоялась встреча М. фон Шенкендорфа и начальника СС и полиции генерального округа Беларусь Карла Ценнера, на которой обсуждались вопросы взаимодействия и задачи уничтожения евреев – *С. Т.*) – вышел приказ (состоял из 12 пунктов), подписанный комендантом 812 полевой комендатуры, в котором отмечалось, что «с изданием этого распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев» [12]. Уточняющие, довольно интересные факты по данному аспекту приводит бывший узник Минского гетто Х. И. Рубинчик: «...переселиться в гетто нужно было до 20.07.1941 (согласно приказу полевого коменданта переселение должно было начаться сразу же после обнародования распоряжения, то есть 20 июля 1941 года и завершиться в течение 5 дней. Однако на практике оно продолжалось до 1 августа – *С. Т.*). С 01.08.1941 гетто было уже оформлено...» [13, с. 179–180].

Таким образом, летом 1941 года все евреи Минска были согнаны в гетто – район принудительного поселения еврейского населения. По количеству узников Минское гетто на оккупированной территории СССР и Европы занимало третье место после Варшавского в Польше и Львовского на Украине. Заметим, что Минское гетто имело одну важную особенность, отличающую его от других мест заключения евреев: здесь находились разные категории узников – местные евреи, евреи-беженцы из западных областей Беларуси и депортированные евреи из стран Западной Европы. В территорию гетто вошло около 40 улиц и переулков в северо-западной части города: Колхозный переулок, улица Колхозная, река Свислочь, улица Немига, исключая православную церковь, Республиканская (во время оккупации – Миттельштрассе, сейчас – Романовская Слобода – *С. Т.*), Шорная, Коллекторная улицы, Мебельный переулок, ул. Челюскинцев, Перекопская, Низовая, также улица Островского (сейчас Раковская – *С. Т.*) и Обувная, Юбилейная площадь, ул. Кирова, Опанского (сейчас Кальварийская – *С. Т.*), Татарская, Замковая, Подзамковая, Заславская и др. [14].

Евреям категорически запрещалось находиться за пределами Минского гетто (под угрозой расстрела – *С. Т.*), однако во время переселения им разрешалось взять с собой нажитое домашнее имущество. Согласно приказу, лица, задержанные во время вывоза либо похищения чужого имущества, должны быть расстреляны на месте. Евреи включались в созданные немцами рабочие колонны и могли покинуть еврейский жилой район только со специальным направлением к месту работы, которое выдавалось Минским городским управлением. За нарушение данного пункта также предусматривался расстрел.

С целью более развернутого, детального рассмотрения вопроса, касающегося использования рабочей силы еврейского населения в июле-августе 1941 года, проанализируем некоторые архивные документы, которые предшествовали приказу от 19 июля 1941 года. 16 июля 1941 года разведотдел командования вермахта «Остланд» докладывал из Минска в Берлин: «в отдельных городах, и прежде всего в Минске, из трудоспособных евреев мужского пола созданы рабочие колонны, которые используются на разнообразных работах и в первую очередь по расчистке города» [15]. В разделе «Особые указания» распоряжения полевой комендатуры Минска для бургомистров также находим аналогичные сведения: «а) проживающие на русской территории евреи мужского пола в возрасте от 14 до 60 лет подлежат зачислению на принудительные работы. Распоряжение это нужно сейчас же привести в исполнение. Евреи для этой цели после переписи разделяются на принудительные и трудовые отделения. б) для точного подсчета всех трудоспособных евреев бургомистрам необходимо завести карточки. За правильность карточки отвечают бургомистр и Еврейский совет. в) приказы для назначения евреев на работу нужно оформлять по распоряжению немецких властей. Евреев назначают на работу только в том случае, если уже не имеется безработных христианских сил. Евреи, назначенные на принудительные работы, должны незамедлительно явиться в назначенное место. г) всем трудоспособным евреям строго запрещается без письменного разрешения полевой комендатуры продавать, закладывать или передавать другому лицу принадлежащие им ремесленные инструменты. д) наличную оплату они не получают, им можно выдавать продовольствие, если еврей не зарабатывает в другом месте» [16]. Кстати, соответствующий пункт через год (30 ноября 1942 года – *С. Т.*) был полностью закреплен новой экономической инструкцией, запрещающей денежную оплату труда еврейского населения. В данном случае в качестве компенсации за работу евреев председатель Еврейского комитета действительно получал пищевые продукты и предметы первой необходимости. Последние, к сожалению, поступали в весьма ограниченных скудных количествах и совсем плохого качества [17].

Трудоиспользование евреев регулировала исключительно биржа труда городского комиссара, которая находилась в его подчинении с осени 1941 года и занималась распределением всей рабочей силы, в том числе местных и иностранных евреев. Отдельно для еврейского населения существовал филиал биржи труда в самом Минском гетто [18]. Заявки на еврейскую

рабочую силу должны были подаваться только туда. Еврейскому совету запрещалось без требования и предписания биржи труда городского комиссара выделять и направлять еврейскую рабочую силу. Это было недопустимо. Все еврейские специалисты, ремесленники обязаны были иметь подтверждение и даже удостоверение биржи труда, которое предъявлялось с началом трудовой деятельности еврея на предприятии. Удостоверение одновременно служило и пропуском для выхода из гетто [18].

Необходимо отметить, что в отделе работы еврейского комитета была создана специальная картотека на трудоспособное население гетто. Городские власти регулярно давали запрос на необходимое количество рабочих для предприятий и учреждений города. Евреи строились в рабочие колонны и в сопровождении охраны направлялись на работу.

Рабочая сила евреев использовалась в учреждениях вермахта, немецкого гражданского управления, на объектах промышленного производства. Немецкими властями даже планировалось преобразовать Минское гетто не только в место жительства узников, но и в постоянное место работы граждан еврейской национальности. Такие амбициозные циничные цели немецкая гражданская оккупационная администрация подкрепляла значительными экономическими благами и позитивными перспективами. Утверждалось, что с введением данных планов в реальную жизнь в оккупационных условиях могут быть решены многие экономические вопросы. Во-первых, как считали представители немецкой оккупационной администрации, исчезнет постоянная необходимость доставлять евреев к месту работы, что в свою очередь требует задействования значительного количества ресурсов, во-вторых, сосредоточение в самом гетто еврейской рабочей силы и ее эффективное использование на месте дает возможность полностью и стабильно контролировать рабочий процесс и таким образом избежать экономических просчетов и сбоев промышленного производства, в-третьих, рабочий день ежедневно можно увеличивать не менее чем на два часа [17].

Следует подчеркнуть, что согласно приказу от 19 июля 1941 года право входа в еврейский район Минского гетто (существовало только два официальных входа и выхода – по улице Островского и Опанского – *С. Т.*) имели только евреи, а также (по служебным делам – *С. Т.*) военнослужащие немецких военных формирований и сотрудники Минского городского управления. Перелезть через ограждение строго запрещалось, немецкой охране и вспомогательной полиции был отдан ясный приказ: стрелять в нарушителей без предупреждения. Граждане еврейской национальности облагались огромной контрибуцией размером 30 тыс. червонцев за «компенсацию расходов, связанных с переселением» [14]. Выдержки из архивного документа свидетельствуют: «...после завершения процесса переселения весь квартал, отведенный для жительства евреям, подлежит изолированию от остальной части города путем возведения стены из сухой кладки. Стена должна быть возведена жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из нежилых и разрушенных зданий... Категорически запрещается евреям, включенным в рабочие колонны, пребывание за

пределами отведенного им жилищного района... Еврейский совет г. Минска полностью отвечает за выполнение приказа о переселении евреев... Порядок в еврейском жилищном районе поддерживают специальные еврейские дружины охраны» [14]. При этом нельзя не указать на следующее обстоятельство: еврейская служба порядка подчинялась именно еврейскому совету старейшин и использовалась последним исключительно для выполнения распоряжений и указаний немецких учреждений и городского управления [5].

Кроме приказа коменданта 812 полевой комендатуры от 19 июля 1941 года, который предусматривал создание и организацию Минского гетто, существует еще один важный и редкий немецкий документ, который строго регламентировал жизнь еврейского населения столицы и кардинально ограничивал их права и свободы. Речь идет об административно-хозяйственном распоряжении (от 21 августа 1941 года – *С. Т.*) М. фон Шенкендорфа по поводу запрета евреям на свободу передвижения и торговлю [19]. Данный документ для облегчения строгого и постоянного контроля за деятельностью евреев постановлял: 1) запретить гражданам еврейской национальности покидать район своего местожительства (как видим, подобный пункт есть и в приказе от 19 июля 1941 года – *С. Т.*). При этом исключение составляли евреи, имеющие письменное разрешение от местной комендатуры, выданное в виде специального документа в интересах германского вермахта; 2) евреям запрещалась любая торговля (закупка и продажа) с местным арийским (нееврейским) населением (отметим, что торговля и обмен товарами с «русским» населением, которое проживало за пределами Минского гетто и входило в территорию «русского района» города также запрещались и безусловно наказывались расстрелом – *С. Т.*). Хотя запрет не касался евреев, работающих по разрешению немецких учреждений совместно с коммерческими и промышленными предприятиями; 3) нарушения вышеперечисленных пунктов наказывались со всей строгостью [19].

Приказ полевого коменданта от 19 июля 1941 года и административно-хозяйственное распоряжение от 21 августа того же года позже были подкреплены и значительно дополнены новым документом оккупационных властей. Это приказ комиссара Минского округа Б. Кайзера (от 14 октября 1941 года – *С. Т.*), который предназначался для ознакомления бургомистрам. Документ содержал следующие положения: «жидам запрещается: 1) Перемена местожительства и квартиры (гетто) без разрешения областного (городского) комиссара (опять же замечаем, что первый пункт является основным для исполнения, как в июльском и августовском распоряжениях – *С. Т.*). 2) Использование тротуаров, гражданских средств движения и автотранспорта. 3) Использование принадлежащих для отдыха гражданских парков и построек, поскольку они находятся вне территории гетто. 4) Посещение школ всех видов. 5) Владение автотранспортом» [16].

Приказ Б. Кайзера от 14 октября 1941 года с небольшими изменениями дублировал четвертый раздел особых секретных «предварительных директив», изданных рейхскомиссаром рейхскомиссариата Остланд Генрихом Лозе под названием «Об отношениях к евреям в районе рейхскомиссариата Остланд»

10 августа 1941 года [20]. Акцентируя внимание на «предварительных директивах», которые содержат важные сведения об основных направлениях антисемитской политики геноцида (это касается и Минского гетто – *С. Т.*), выделим самое главное: во-первых, «директивы» Г. Лозе опубликовать не планировалось и тем более рекомендовалось довести их до понимания еврейского населения только в устной форме. Разумеется, в значительно искаженной немецкой интерпретации, когда еврейских граждан убеждали в «правильности» проводимых немцами мероприятий и их «важности» для всего еврейского народа.

Во-вторых, тотальному уничтожению согласно первому разделу «директив» подлежали евреи, проживающие на территории немецкого Рейха, протектората Чехии и Моравии, Польши и СССР. Во втором разделе говорилось о том, кто является «настоящим (чистым)» евреем и наоборот: «евреем надо считать того, у кого ... трое из четырех возможных дедушек и бабушек были чистокровными евреями» [Там же]. Последние признавались за таких также в том случае, если после 20 июня 1941 года поженились или имели половое сношение с евреем или еврейкой. Причем эти люди подлежали безусловной изоляции от остального населения и постепенному переселению в специально отведенный для таких граждан еврейский жилой район – гетто. Согласно третьему разделу «предварительных директив», городской либо окружной комиссар имел абсолютное право сам решать (если он сомневался, или в других случаях, которые могли быть как объективными, так и субъективными – *С. Т.*), кто является чистокровным евреем. Таким образом судьба и жизнь последнего зависела от воли представителя немецкой администрации [Там же].

Так, летом–осенью 1941 года жизнь еврейского населения в гетто кардинально изменилась, не в пользу евреев, разумеется. И это было только начало кровавой политики геноцида, проводимой немецко-фашистскими оккупантами на территории Беларуси. Правда в том, что главный итог создания и организации Минского гетто – это настоящая трагедия белорусских евреев, оказавшихся в сложный промежуток времени под «колесами» германской машины нацизма.

Можно утверждать определенно, опираясь на документальные источники по Минскому гетто: летом–осенью 1941 года начался первый этап тщательно спланированной нацистами политики геноцида, подготавливалась кровавая почва для последовательного систематического, массового и постепенного уничтожения еврейского населения Минска.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замковой, В. И.* Германский фашизм – одна из главных форм тоталитаризма / В. И. Замковой. – М. : Велес, 1994. – 39 с.
2. Некоторые соображения рейхсфюрера СС Гиммлера об обращении с местным населением восточных областей (25 мая 1940 г.) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 926. Л. 1.

3. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 2 т. – М. : Гос. издат., 1955. – Т. 1. – 935 с.
4. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии, 1941–1944 / З. И. Белуга [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.
5. Сообщения айнзатцгрупп и команд (13 июля 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 943. Л. 93.
6. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал. : М. І. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск, 1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.). – 640 с.
7. НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1037. Л. 186, 187.
8. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 : сб. док. и материалов / И. П. Ховратович [и др.] ; под. общ. ред. И. П. Ховратовича. – Минск : Гос. издат. БССР, 1963. – 436 с.
9. Из воспоминаний А. С. Мачиз (бывшая узница Минского гетто) // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 656. Л. 182–207.
10. Беседа с партизаном 3-го отряда бригады Никитина т. Р. М. Бромбергом, находившемся в г. Минске по 2-е сентября 1942 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 657. Л. 176.
11. Генацыд у Другой сусветнай вайне : праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца) : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25–27 крас., 2002 г. / Бел. дзярж. ун-т ; рэдкал. : К. І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2003. – 279 с.
12. Распоряжение полевого коменданта о создании гетто в г. Минске (19 июля 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 937. Л. 6–7.
13. Холокост в Беларуси. 1941–1944. Документы и материалы / НАРБ ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2002. – 275 с.
14. Загад каманданта 812 палявой камендатуры ад 19 ліпеня 1941 г. / НАРБ. – Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2.
15. Из доклада разведотдела командования вермахта «Остланд» в Берлин (16 июля 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 4683. Оп. 3. Д. 1047. Л. 3.
16. Приказ комиссара Минского округа доктора Б. Кайзера для ознакомления бургомистрам (14 октября 1941 г.) // Гос. архив Мин. обл. (ГАМО). – Ф. 623. Оп. 2. Д. 1. Л. 155, 208, 209, 217.
17. НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 486. Л. 20.
18. Распоряжение комиссара Минска о трудоустройстве евреев (26 октября 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 655. Л. 5.
19. Из административно-хозяйственного распоряжения командующего тылом группы армий «Центр» генерала от инфатерии фон Шенкендорфа о запрещении евреям свободы передвижения и торговли (21 августа 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 412. Оп. 1. Д. 19. Л. 118, 120.
20. «Предварительные директивы» Г. Лозе «Об отношении к евреям в области рейхскомиссариата Остланд» (10 августа 1941 г.) // НАРБ. – Ф. 378. – Оп. 1. Д. 698. Л. 7–11.

ГЕРОИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проходят годы, уходят из жизни живые участники событий первых дней войны. Но в исторической памяти народа остаются их подвиги, о которых мы можем узнать по наградным листам, письмам, запискам, которые они писали в последние часы и минуты своей жизни.

Первыми удары фашистской армии приняли на себя пограничники. Потрясают подвиги пограничников, совершенные в первые минуты вражеского вторжения. События в полосе Западного фронта разворачивались самым трагическим образом. Еще в ходе артиллерийской подготовки немцы захватили мосты через Западный Буг, в том числе и в районе Бреста. Первыми пересекли границу штурмовые группы с задачей буквально в течение получаса захватить пограничные заставы. Однако пограничники сорвали эти планы. Они проявили необычайную стойкость и мужество. Не нашлось ни одной пограничной заставы, которая не оказала бы врагу упорного сопротивления. Вооруженные только винтовками и пулеметами, пограничники стояли насмерть. От Баренцева до Чёрного моря границу охраняли 715 пограничных застав, 485 из них подверглись нападению в первый день войны. Ни одна из этих застав не отошла без приказа. Немцам пришлось вводить главные силы дивизий.

Вот уже 10 часов вела бой с противником у с. Выдранка на берегу Западного Буга пограничная застава старшего лейтенанта Максимова. Немцы провели артподготовку, потом перешли в наступление. Но пограничники не сдавались. Последний из оставшихся в живых старшина Пархоменко, уже раненый, бросил гранату в проезжающую мимо немецкую штабную машину. Произошел взрыв. Вокруг разбитой машины валялись трупы немецких солдат и офицеров, среди них полковник и подполковник.

Пограничники 13-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда, которым командовал коммунист лейтенант А. В. Лопатин, сражались с врагом до 2 июля. Только после подкопа под здание комендатуры и его взрыва вместе с гарнизоном советских бойцов гитлеровцам удалось овладеть заставой.

Потрясает подвиг пограничников 17-й заставы Рава-Русского пограничного отряда, которые вели бой до последнего патрона. А когда боеприпасы кончились, воины заставы во главе с лейтенантом Ф. В. Мориным с пением «Интернационала» бросились в последнюю штыковую атаку [7, с. 155–156].

Все знают о подвиге защитников Брестской крепости, которая держалась месяц. Фронт в это время уже находился под Смоленском. Обороняли Брестскую крепость воины более 30 национальностей. Все последующие поколения советских людей наизусть знали надписи, сделанные защитниками Брестской крепости на каменных сводах, стенах, лестницах. Фотоснимки этих надписей стали достоянием музеев: «Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941 – 3.15 ч. Умрем, но не уйдем!! И далее: «Умрем, но из крепости не уйдем», «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 22.VII.41 г.».

Летом 1943 г. капитан Иоганн Вестман в Брестской крепости писал в дневнике: «Иногда ночью нас обстреливают русские, которые прячутся в казематах крепости. Говорят, их не больше пяти человек, но мы не можем их найти. Как им удастся жить там два года без воды и питья? Я этого не знаю».

Замечательным примером мужества и героизма стала также оборона Лиепай на Балтике. Части 67-й дивизии под командованием генерал-майора Н. А. Дедаева, пограничники и моряки военно-морской базы, рабочие отряды, возглавляемые секретарями горкома ВКП(б) М. Я. Букой и Я. Т. Зарсом, вплоть до 1 июля сдерживали численно превосходящие силы врага. Гитлеровцы смогли захватить Лиепай лишь после того, как советские войска исчерпали все возможности для ее обороны.

Перемышль оставили после тяжелых боев по приказу командования к концу 1-го дня войны. Но уже на следующее утро внезапным контрударом части 99-й стрелковой дивизии совместно с пограничниками освободили Перемышль и удерживали его в течение 5 дней [7, с. 156].

Солдатские письма, написанные в первые дни войны, свидетельствуют о том, что каждый день кровопролитной войны вызывал у тех фронтовиков, которые в первые дни надеялись на скорую победу, огромную внутреннюю работу по переосмыслению действительности. Они все более убеждались, что война будет долгой, упорной, страшной, мучительной, кровавой и беспощадной, но была огромная вера в победу. Об этом свидетельствуют два письма сержанта Александра Круглова, написанные родным 1 и 23 июля 1941 г. Первое письмо: «Здравствуйте, дорогие родители, братья и сестры!... За период с 22.VI по 1.VII пережил очень многое, но все трудности еще впереди. Свершилось такое ужасное дело. Война с Германией будет нелегкой, враг силен, и потребуются величайшие усилия, чтобы его разбить и уничтожить. Сколько моих друзей погибло смертью храбрых... Их имена войдут в века, как истинных героев народа. Прошу вас не горевать и не плакать, если погибну. Умирать буду за свое, народное, великое дело. Пусть помнит презренный враг, что не бывать ему на русской земле...» [6, с. 325]. И второе последнее короткое письмо: «Дорогие родители! Писать много мне сейчас нечего и некогда. Успехи неутешительные на фронте вообще, но в частности, дела обстоят благополучно. Прошу маму не плакать и не горевать». В 1939 г. Александр Круглов поступил в Вологодский педагогический институт. Но получить высшее образование не удалось – его призвали в пограничные войска, где он и его боевые товарищи первыми приняли удар врага на 10-й пограничной заставе [5, с. 91].

Даже врага поразила сила сопротивления воинов Красной армии. Так, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике 29 июня 1941 г.: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека...». 6 июля Гальдер сделал следующую запись: «Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами» [7, с. 157].

В 1941 г. 5 воинов Красной армии грудью закрыли огневую точку противника. Как свидетельствуют документы, первым, кто закрыл своим телом огневую точку, был политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александр Панкратов, бывший рабочий из Вологды. 24 августа 1941 г. в бою за Кирилловский монастырь под Новгородом он в ходе боя, израсходовав все патроны и гранаты, бросился на вражеский пулемет.

В 1942 г. 26 человек совершили аналогичный подвиг, в 1943 г. – до 27 февраля, до подвига Александра Матросова, – 13. Всего же за годы войны 204 человека, по данным историка А. Г. Куманева, совершили аналогичный подвиг. 133 из них удостоены звания Героя Советского Союза, остальные награждены различными государственными наградами [7, с. 157].

Уже в первые часы 1941 г. бессмертные подвиги совершили советские летчики. Между подвигами Д. В. Кокорева и И. И. Иванова, совершенными на разных участках западной границы, разница в 5 минут. На рассвете 22 июня в 4.05–4.15 Д. В. Кокорев совершил один из первых в истории Великой Отечественной войны воздушных таранов в окрестностях города Замбрув. Когда бортовое оружие новенького «мига» отказало, он крылом своего самолета срезал хвостовое оперение машины врага, приземлился на поврежденном самолете. Жена Екатерина Кокорева в первые дни войны получила от своего мужа письмо, в котором было написано: «Дорогая Катюша. 21-го получил от тебя последнее письмо и ответа дать не пришлось... Когда я слушаю последние известия по радио, то у меня от злости дрожат мускулы все и слезы капаят из глаз. Но недолго этим извергам гулять по нашим полям. Нет и не будет вовек силы, которая могла бы победить Красную армию. Ты помнишь наш спор о “твердости характера? Кто кому должен уступить? И помнишь мои слова: “Я никогда и никому не уступлю”? Так и вышло. А что именно потом узнаешь... Дело произошло 22 июня на рассвете. Вот об этом и все. Твой Дмитрий». Прочитав письмо мужа, Екатерина Кокорева сразу не разобралась, что с ним случилось в то воскресное июньское утро, когда фашистская Германия вероломно напала на СССР. Из-за скромности командир звена 124-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Дмитрий Васильевич Кокорев умолчал о том, что при отражении 22 июня налета фашистских бомбардировщиков одного из них уничтожил, применив таран [5, с. 65–66].

В течение неполных трех месяцев Дмитрий Кокорев совершил свыше 100 боевых вылетов, в которых лично сбил 3 фашистских самолета. 12 октября 1941 г., отражая атаки истребителей противника, ему удалось сбить еще один фашистский самолет. В том бою он погиб. Награжден орденом Красного Знамени [Там же, с. 67].

В то же тревожное утро 22 июня в 4.20 старший лейтенант И. И. Иванов близ Дубно, израсходовав боеприпасы, винтом своего И-16 срезал хвост вражеского самолета. 2 августа он был удостоен звания Героя Советского Союза. Погиб в 1941 г. Л. Г. Бутелин повторил этот подвиг в 5.15 над Галичем, П. С. Рябцев – в 10.00 над Брестом, спасая товарища, крылом

своего И-153 подрезал крыло вражеского истребителя. Приземлился на парашюте. Погиб 31 июля 1941 г. под Ленинградом. Через 42 года был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени посмертно. С. М. Гудимов, А. С. Данилов, А. И. Мокляк, Е. М. Панфилов... 18 летчиков совершили таран в первый день войны

Всего за годы войны было совершено 636 воздушных, 503 наземных таранов, более 60 танковых таранов, 14 раз командиры бронекатеров таранили немецкие подводные лодки, самоходные баржи с живой силой и техникой врага [7, с. 157–158].

Среди тех, кто совершил таран в годы войны, есть летчики, которые смертельным риском для жизни повторили этот подвиг дважды (17 летчиков), трижды – летчики-истребители А. Хлобыстов и Н. Терехин, четырежды – белорус Б. Ковзан (в 19-летнем возрасте совершил первый таран, в 20-летнем возрасте еще три тарана). Шестнадцать советских летчиков, получивших увечья в боях, продолжали громить врага. Многие из них летали без ног – Алексей Маресьев, Захар Сорокин и др. 25 октября 1941 г. Захар Сорокин в сумеречном небе Заполярья, сбив один самолет в бою, раненый в ногу, протаранил второй. Посадил машину в тундре, но два пилота протараненного «мессера» тоже сумели посадить свой самолет. В завязавшейся перестрелке Сорокин сразил врагов, затем шесть суток добирался по тундре до своих. Он обморозил ноги, и ему ампутировали обе ступни. Однако он добился возвращения в строй и сбил еще шесть самолетов врага, в том числе одного аса из «Гордости Германии», потребовавшего показать ему «опытного русского аса», сразившего его. В комнату, на плохо гнущихся ногах, вошел молодой летчик – Сорокин. Переводчик объяснил, что парень воюет на протезах [Там же, с. 125; 3, с. 248]. А двадцатилетний орловский юноша Иван Леонов стал первым в мире безруким летчиком, Борис Ковзан – единственный летчик, который летал с искусственным правым глазом.

Среди первых Героев Советского Союза, получивших это звание уже летом 1941 г., и Виктор Талалихин, который прожил короткую, но яркую жизнь (1918 г.р.). Он принимал участие в советско-финской войне, был награжден орденом Красной Звезды. 22 июля 1941 г. младшему лейтенанту В. Талалихину довелось участвовать в отражении первого массированного налета гитлеровской авиации на Москву. С той поры налеты врага стали регулярными. Виктор Талалихин 7 августа 1941 г. совершил в небе над Москвой первый ночной воздушный таран, а 8 августа 1941 г. в газетах появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему высокого звания. Погиб 27 октября 1941 г. В этом же году погиб, защищая родную землю, и брат Виктора – морской летчик Николай Васильевич Талалихин. В авиации служил еще один брат Александр Талалихин. Сохранилось письмо Виктора Талалихина брату Николаю от августа 1941 г. : Дорогой Коля! ...Посылаю тебе мой братский привет. Ты уже, возможно, знаешь, что на подступах к Москве мне удалось сбить вражеский самолет. Советское правительство высоко оценило мою работу: мне присвоено звание Героя Советского Союза. Ну, что я такого особенного сделал, что удостоился

такого высокого звания? Ведь каждый на моем месте поступил бы так же. Не сомневаюсь, что и ты сделал бы то же самое... Сейчас лечу рану, навещаю родителей. С нетерпением жду момента, когда вернусь обратно в свою часть, чтобы снова бить ненавистную фашистскую гадину... Никакой пощады остервенелым фашистским бандитам!» [5, с. 273–274].

Екатерина Зеленко была единственной летчицей, совершившей воздушный таран в бою. 12 сентября 1941 г., оставшись одна против семи «мессершмиттов», она не вышла из боя, не дрогнула. Бомбардировщик против истребителей. Сбила один из них огнем, а затем направила свой подбитый самолет в лобовую атаку на другой. «Эх, Соня, как все изменилось! Какие планы были! Как хорошо было жить! А теперь война... Пишу письмо под крылом самолета. Вот-вот полечу на задание. Не беспокойся за меня... Привет от Павлика. Ваша Катя» – это письмо ею было написано сестре в первые дни войны. Тогда была и написана короткая записка мужу Павлу Игнатенко, с которым она связала судьбе незадолго до начала войны: «Дорогой Паша! Я уезжаю на фронт, пожелай мне удачи. Катя. Июнь 1941 года» [Там же, с. 55–56]. Екатерина Зеленко закончила Оренбургское летное училище в 1936 г., участвовала в боях с белофиннами. За проявленные отвагу и мужество в советско-финской войне была награждена орденом Красного Знамени.

За два с небольшим месяца войны Екатерина Зеленко совершила сорок боевых вылетов. Ее последний бой – воздушный таран – наблюдали жители села Анастасьевка Сумской области. Похоронил ее местный житель, старый солдат Мусий Маркович Ховенко. Фамилию же героини узнали из комсомольского билета, который хранила учительница Анастасия Павловна Марченко. Посмертно Е. Зеленко была награждена орденом Ленина. Спустя два года после гибели отважной летчицы жизнь за Родину отдал ее муж Павел Игнатьенко. В мае 1990 г. в честь 45-летия Победы Указом президента СССР Е. И. Зеленко присвоено звание Героя Советского Союза [5, с. 56–57].

Сохранилось несколько писем младшего лейтенанта Анатолия Климова, который 22 июня 1941 г. писал родителям: «Добрый день, дорогие родители! Вы уже, наверное, знаете, что началась война. Гитлер напал на нашу Родину. Он хочет отнять у нас свободу и жизнь. Что касается меня, то я до последней капли крови отдам свою жизнь за Родину, которой я принадлежу, за партию Ленина, которая меня воспитала. ...В данный момент патрулируем в небе под Минском, охраняем столицу Белоруссии. В воздушные бои еще не вступали. Но с часу на час ждем первого боевого крещения. Командиры у нас опытные, участвовали в боях на Халхин-Голе и в Финляндии, учиться есть у кого. Мама! Будь жива и здорова. За меня не беспокойся. Встретимся, когда сметем фашизм с лица земли. Сил для этого хватит. Анатолий».

В другом письме, написанном в июле из Москвы, где Климов был проездом, сообщается: «Боевое крещение получил, и ни одно. Ребята сражались героически. Немцы не страшны. Мы их били здорово. Ни один десяток самолетов нашли себе могилу на белорусской земле. Настроение боевое... Как бы тяжело не было нам, но победа будет за нами. Враг будет разбит».

Письмо от 7 сентября 1941 г.: «Помните, я писал из Москвы и обещал кое о чем сообщить вам. Правда, ничего особенного со мной не случилось, но немного пришлось побыть в серьезном деле». Далее младший лейтенант описывает, что он испытал уже в первые дни войны: «26 июня в одном из воздушных боев мой самолет подожгли, и мне пришлось выброситься из него на парашюте. Приземлился в болото, повредил ногу. Еле выбрался из него. Очнулся уже в лазарете. Долго лежать здесь не стал. Жаль было расставаться с товарищами. Решил уйти. Помогла мне медсестра. Она принесла обмундирование, и я ушел... 20 июля вернулся в часть. Дали боевую машину. Вместе с друзьями снова начал бить гадов. До чего ненавижу немецких солдат! Пролетая над полями и лесами, видишь всюду пожары: горят деревни, города, уничтожается народное добро. Наши летчики дерутся мужественно, до последнего дыхания. До встречи, мои дорогие. Анатолий. 7.09.41 г.». В последнем письме, написанном 14 октября 1941 г. родителям есть такие строки: «Бьем фашистских стервятников на подступах к Ленинграду. Врагу Ленинград не взять. Разве можно отдать колыбель революции! Бои идут ежедневно. ...Да, война идет такая, что компромисса ждать нельзя. Борьба идет смертельная. Но мы победим. Это мы доказывали не раз... Мы ведем священную войну и выиграем ее. Порукой этому – наша твердость духа, вера в торжество нашей победы. Придет такое время, мама и отец, когда окончится война, и мы вернемся домой. Это будет счастливое время. Но война есть война. Может всякое случиться. Одно помните: ваш сын, комсомолец, никогда не дрогнет в бою и, если потребуется, отдаст свою жизнь за Родину. Всех целую, Анатолий» [5, с. 253–255].

28 июня враг захватил Минск. Под Минском было окружено около 30 дивизий из 44, имевшихся на Западном фронте. Лишенные централизованного управления и снабжения, они, однако, бились до 8 июля. Немецкая авиация наносила массированные удары по окруженным войскам. Из-за сухой погоды начались лесные пожары. Непрерывная бомбежка, артиллерийские обстрелы, гарь от пожарищ вынуждали людей метаться из стороны в сторону. Они предпринимали отчаянные попытки вырваться из этого ада, но снова и снова натывались на плотный артиллерийско-пулеметный огонь. И все-таки, как вынужден признать Гальдер, «часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана». Одну из групп, которая объединяла несколько тысяч человек, возглавил командир 8-й артиллерийской противотанковой бригады И. С. Стрельбицкий.

До 10 сентября выходили из окружения воины Западного фронта. В конце месяца к реке Сож вышли остатки 13-го механизированного корпуса во главе со своим командиром генералом П. Н. Ахлюстиным. 1 667 человек, из них 103 раненых, вывел заместитель командующего фронтом генерал Болдин. Многие, кому не удалось выйти из окружения, стали сражаться с врагом в рядах партизан и подпольщиков [2, с. 144].

Солдаты и офицеры Красной армии, несмотря на катастрофическое начало войны, оказывали врагу упорное сопротивление. Жуков указывал на моральный фактор как на первое условие, которое не дало военным неудачам начального периода превратиться в непоправимую катастрофу.

Высочайшую оценку действиям советских войск в оборонительных боях 1941 г. давали многие руководители западных стран. Через две недели после начала войны 8 июля 1941 г. У. Черчилль в личном послании И. Сталину писал: «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение».

Первые залпы «катюш» под Оршей были произведены 14 июля 1941 г. Те, кто видел их, не могли понять, что происходит в небе и на земле. Началась охота немцев за батареей капитана Флерова. Судьба первой артиллерийской батареи была трагической. Она попала в окружение в ходе Московской битвы. Немцы, пытаясь разгадать тайну нового советского оружия, двигались фактически по пятам колонны. В документах штаба фронта осталась последняя запись: «Связь с батареей Флерова потеряна». Развязка наступила 7 октября 1941 г. у деревни Богатырь в 50 км от Вязьмы. В деревне Богатырь немцы устроили западню для батареи Флерова. Вечером, нагрянув в деревню, они загнали всех жителей в дома, заставили погасить огни. Едва первая «катюша» въехала в село, как перед кабиной взметнулась ракета. Танки, показавшись из укрытий, перегородили дорогу. Завязался бой. Не раз фронтовики рассказывали о том, во что трудно поверить. Люди с увечьями еще бежали в горячке в атаку. Так было и здесь. Смертельно раненый капитан Флеров смог взорвать артиллерийские установки. У него оставалось всего несколько минут жизни, и он успел нажать на кнопку, чтобы взорвать секретное оружие. Долг человека перед Родиной оказался выше, чем страх за собственную жизнь. Из 170 человек батареи вышли из окружения только 46 минометчиков.

Поисковики долгое время после войны искали могилу артиллеристов, погибших в грозную октябрьскую ночь 1941 г. Жители села не смогли точно указать место захоронения. Они показывали на большое поле, где похоронили погибших. И только в октябре 1995 г. группе опытных поисковиков Владимира Горшкова из Вязьмы удалось найти останки капитана Ивана Флерова и еще 17 артиллеристов, погибших вместе с первыми «катюшами». Флерова опознали по знакам отличия. По черепу и скелету можно было даже определить, какие ранения он получил. Нашли сплюсненную записную книжку. В этой истории все трагично. Однако недаром древние видели в трагедии очищение души. Есть что-то светлое в известии из прошлого о капитане Флере. Он не предал и не продал. Немцы так и не сумели в годы войны разгадать тайну «катюш» [4]. Наступление группы армий «Центр» сопровождалось налетами авиации на Москву. 19 июля 1941 г. Гитлер подписал директиву № 33, в которой поставил задачу начать массированные воздушные налеты на Москву. Гитлеровцы стремились ударами с воздуха вывести из строя промышленные предприятия столицы, парализовать ее

жизнь, подорвать моральный дух населения и руководства страны, помочь танковым дивизиям овладеть городом. Первый налет на Москву фашистская авиация произвела в ночь на 22 июля, он продолжался 5,5 часов. В результате было повреждено 37 зданий, возникло 1 166 пожаров, пострадали 792 человека, из которых 130 были убиты. Бомбардировке подверглась и территория Кремля [7, с. 176].

Необходимо было дать достойный ответ. Именно тогда и родился дерзкий план ночных бомбардировок силами морской авиации Балтийского флота и 81-й дивизии. Было решено нанести ряд последовательных бомбовых ударов по ключевым военно-промышленным объектам Берлина. Первую авиагруппу сформировали из 20 экипажей Первого минно-торпедного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота, которым командовал полковник Евгений Преображенский. Этот полк базировался под Ленинградом. Тактический радиус действия самолетов ДБ-3 был меньше расстояния до гитлеровской столицы. Чтобы членам экипажей не оказаться в положении смертников, группу перебазировали на полевой аэродром Кагул на острове Эзель, расположенный в тылу противника (бои уже тогда шли под Таллинном и Ленинградом).

В ночь на 5 августа пять ДБ-3 под командованием капитана А. Ефремова (будущий Герой Советского Союза) произвели разведку. Враг явно не был готов к появлению советских самолетов в небе Берлина. Зенитки фашистов обстреливали их только на отходе от города, который был практически не затемнен.

После этого в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. лучшие экипажи полка тремя группами во главе с Е. Преображенским (15 самолетов) после взлета с набором высоты взяли курс на юго-запад. На борту бомбардировщиков было около 10 000 кг фугасных и зажигательных бомб. На максимальной высоте миновали Штеттин. Впереди показались огни Берлина. Немцы еще и в мыслях не допускали, что кто-либо дерзнет добраться до их столицы. Экипажи вернулись без потерь. В приказе Сталина отмечалось: «Группа самолетов Балтийского флота произвела разведывательный полет в Германию и бомбила город Берлин. 5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместья города». Личному составу группы была объявлена благодарность, а каждому члену экипажа выдано по 2 тыс. рублей. Успех первого удара они повторили в следующую ночь. На этой дистанции хорошо себя зарекомендовали дальние бомбардировщики ДБ-3Ф. Задача морских летчиков облегчалась тем, что базировались они намного ближе к цели, чем 81-я дивизия.

81-й дивизии предстояло выполнить боевое задание в более сложных условиях: была утрачена внезапность, теперь немцы были не столь беспечны, их противовоздушная оборона была приведена в боевую готовность не только на подступах к Берлину, но и другим крупным центрам Германии, созданы несколько заградительных заслонов; дивизия еще не закончила процесс формирования; многие летчики не имели боевого опыта и не владели тактикой уклонения от зенитного огня, выхода из лучей прожекторов, не было надежной связи да и навыков управления группой самолетов в воздухе

у командира дивизии М. В. Водопьянова не имелось. По этим и другим причинам ставить боевую задачу командиру 81-й авиадивизии М. В. Водопьянову (учитывая огромный летный опыт М. В. Водопьянова, с началом войны он сразу назначается командиром авиационной дивизии тяжелых бомбардировщиков), Герою Советского Союза, получившему это высокое звание за спасение челюскинцев, гражданскому летчику, бомбить Берлин было преждевременным и ошибочным. В ночь с 9 на 10 августа группа полярного летчика М. В. Водопьянова бомбила Берлин, но менее удачно.

До 4 сентября самолеты 1-го минного торпедного полка и 81-й авиадивизии нанесли 9 ударов по Берлину [1].

Начало войны командир эскадрильи 40-го бомбардировочного авиационного полка коммунист капитан Алексей Григорьевич Рогов встретил на одном из приграничных аэродромов Ленинградского фронта в Прибалтике. Затем воевал на Южном и Западном фронтах. В те тяжелые месяцы каждый бой рождал новых героев. Одним из них стал капитан А. Рогов, совершивший за короткое время 60 боевых вылетов. Ведомые им экипажи наносили бомбовые удары по танковым колоннам противника, разрушали переправы, уничтожали вражеских солдат и офицеров. В короткие промежутки между боями Алексей Григорьевич отправлял письма с фронта жене Вере Тихоновне и сыну Эдуарду. Письмо датировано 7 июля 1941 г. : «Здравствуй, дорогая Верочка! Миллион раз целую тебя и дорогого сыночка Эдиньку... Пока вражеская пуля проходит мимо, но зато я это время работал. Думаю, что немалый урон нанес немцам. Береги сыночка и себя. Вы для меня так дороги, что потеря вас для меня теряет смысл жизни. Целую вас, Алексей». Письмо от 11 августа 1941 г. «Прелестная моя девочка! Приготовь себя к разлуке на весь 1942 год. Ранее разбить Гитлера вряд ли сумеем. Он сейчас силен и имеет опыт. За нами время. Возможно, что война закончится революцией в Европе, тогда еще год-два работать придется на установление власти. Разлука долгая, и ее надо пережить» (с. 305). В письме от 29 сентября значится: «Все трудности теперешней жизни пережить трудно, но они неизбежны. Надо чаще посещать Совет и райвоенкомат. Должны помогать всемерно эти две большие организации. Трудности послевоенного времени переживем, лишь бы скорее война закончилась и уцелеть бы. Ловчить в бою я не умею и не хочу. Всегда иду в бой с готовностью умереть. Эта готовность воодушевляет, создает бесстрашие на уничтожение как можно больше этой коричневой сволочи. Без этого война сейчас бессмысленна». Письмо от 5 октября оказалось последним. О боевых делах эскадрильи рассказывали центральные газеты: 6 августа «Комсомольская правда», а осенью 1941 г. газета «Правда» посвятила Алексею и его боевым товарищам такие строки: «Прекрасных результатов добилась эскадрилья, которой командует капитан Рогов. Летчики эскадрильи во главе со своим командиром нанесли существенный урон фашистским полчищам, наступающим на Москву, рассеивали и уничтожали вражеские танки, моторизованную технику, автомашины».

8 октября 1941 г., когда шли ожесточенные бои на подступах к Москве, капитан Рогов вылетел на очередное боевое задание. В полете бомбардировщик обстреляли вражеские зенитки – он загорелся. Но и в эти минуты своего последнего, драматического полета бесстрашный летчик сделал все, чтобы нанести урон фашистам: Рогов направил объятый пламенем самолет на вражеские танки, переправлявшиеся через реку Угру для удара на Москву с юго-запада. Подвиг офицера высоко отметила Родина. 22 октября 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). До этого отважный летчик был награжден орденом Ленина [5, с. 304–307].

Сохранилось письмо артиллериста Владимира Ивановича Гапоненко родителям, написанное 28 июня 1941 г.: «...Вы хорошо знаете, что все мои товарищи и друзья, вся молодежь и даже старшие защищают нашу западную границу. Поэтому вы несколько не волнуйтесь, что я тоже в ближайшие дни буду рядом со своими товарищами защищать нашу Белоруссию». Далее он пишет: «На днях у нас были внеочередные боевые стрельбы из пушек. Мое орудие заняло первое место во всем полку. Так что, если придется воевать (а это наверняка), то ни один танк, ни один пулемет противника не ускользнет от смертоносного огня нашей батареи... Целую всех, Володя». Родился в 1922 г. в деревне Заболотье Хойникского района Полесской (ныне Гомельской) области в семье колхозника. По окончании средней школы поступил в Минский педагогический институт, оттуда в 1939 г. был призван в ряды РККА. Служил в г. Коврове. После этого было еще одно письмо, очень короткое – «солдатский треугольник». В нем Владимир Гапоненко сообщал, что после месяца боев их часть отправляют в тыл на отдых и переформирование. В дальнейшем никаких вестей не было. И лишь в 1952 г. после многих запросов в архивы и военкоматы из архива прислали извещение, в котором говорилось, что Гапоненко Владимир Иванович умер от ран в немецком плену 16 ноября 1941 г. [Там же, с. 47–48].

Первое и последнее письмо с фронта от 29 июня 1941 г. получили родители Бориса Оскаровича Раушенбаха, в котором он пишет: «Я жив и здоров, того и всем желаю. Да, вот и мне придется повоевать и основательно. Противник сильный, но мы его побьем, иначе не может быть. Пора проучить зарвавшихся фашистов, Гитлера с его компанией. Хочется скорее в бой, показать, на что способен советский народ, пусть помнят фашисты, мало им не будет. Сейчас все горят желанием бить без пощады их так, чтобы разгромить эту клику Гитлера и освободить человечество от таких тиранов. Вы поймите, как велико возмущение всех такими подлыми методами, которые делают немцы-фашисты». Далее Борис пишет: «Обо мне не беспокойтесь, за меня краснеть не придется, я честно буду драться за Родину, свою Родину, которая меня вырастила, Если надо будет, и жизни не пожалею, но дешево ее не отдам... Слез и уныния не надо, мама, все будет хорошо» [Там же, с. 48–49]. Он был старшим сержантом, наводчиком танкового орудия, ему оставалось служить три месяца, когда грянула война. Был убит 19 августа 1941 г. Но осталось письмо, которое свято хранится в семье.

Последняя командировка Дмитрия Михайловича Карбышева посвящалась инспектированию оборонительных инженерных сооружений вдоль западной границы. Его, генерал-лейтенанта инженерных войск, преподавателя академии Генерального штаба РККА, автора свыше 100 научных трудов по военно-инженерному искусству и военной истории, профессора, доктора военных наук, срочно привлекли к этому делу государственной важности, когда стало совершенно очевидно, что до войны с фашистской Германией остаются считанные дни. Из этой командировки он прислал несколько писем семье: «Вероятно, из Минска я скоро уеду. По возможности буду писать ежедневно, хотя твердо не обещаю. Не знаю, как позволит время и место... Папа. 9 июня 1941 года». Письмо от 17 июня: «Живу я тихомирно, вернее, не живу, а целый день трясусь на машине... Любящий вас всех – папа», 18 июня написанное письмо дошло до семьи, когда уже полыхала война [5, с. 40–41].

В начале войны он, тяжело контуженный, попал в плен. Гитлеровцы пытались купить советского генерала щедрыми посулами. Не добившись своего, ему стали угрожать карой. Но сломить дух патриота фашистам так и не удалось. 18 февраля 1945 г. в 65-летнем возрасте он принял мученическую смерть в Маутхаузене с другими советскими военнопленными. В сильный мороз немцы привязали к столбам догола раздетых военнопленных и стали обливать их холодной водой до тех пор, пока они не превратились в глыбы льда. Имя генерала Карбышева вошло в историю нашей страны как символ стойкости, преданности Родине и нестигаемости человеческого духа. В 1946 г. генерал-лейтенант Д. М. Карбышев одним из первых среди тех генералов, которые оказались в плену (их 83), был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Сохранилось единственное письмо Э. Р. Шарафутдинова, который погиб 6 июля 1941 г. под Жлобином. Письмо датировано 24 июня: «Дорогие мои Нюся, Эрик, все родные! Пишу вам с фронта. Дорогая моя Нюсенька и мой дорогой малюсеньский Эрик и все родные! Вот мы и заняли огневую позицию вблизи хутора Червоный Гай. Посылаю тебе аттестат на 2 250 рублей. Писать нет времени. Живем фронтовой жизнью. Извини, буду жив – буду писать. Прости, моя дорогая Нюсенька и сыночек. Береги сына. Желая вам счастливо жить. Твой Риза Шарафутдинов» [Там же, с. 44].

Одним из неизвестных героев войны является Ишкуватов Шайсултан Садриевич – мой дядя, родной брат отца (родился в 1921 г. в селе Ново-Кульчумово Саракташского района Оренбургской области). В 1940 г. Он был призван в ряды РККА, служил до начала войны в г. Чита. С началом войны их дивизию срочно перебросили в район Смоленска. Шайсултан Садриевич был пулеметчиком, и когда части Красной Армии отступали в районе села Красное, его оставили прикрывать отступающие войска. Односельчанин, который вместе с ним служил, написал письмо моей бабушке, после возвращения с фронта рассказывал, что дяде снесло снарядом черепную коробку. Он погиб 7 июля 1941 г. Ему было двадцать лет. Наша семья первая в селе получила похоронку. Мой дядя не успел написать ни одного письма

с фронта своей матери. Сколько было таких неизвестных героев в первые дни войны, которые даже не успели написать свое первое и последнее прощальное письмо домой [6, с. 323–329].

Таким образом, на основе анализа документов и последних солдатских писем, написанных в первые дни войны, мы можем утверждать, что многие солдаты и офицеры в начале войны проявили подлинный героизм, защищая Родину, но, к сожалению, из-за трагического начала войны, не всегда замечали их подвиги. Генерал-лейтенант Круковский, защитник Сталинграда в интервью, взятом 31 января 2008 г., говорил: «нас в начале войны мало награждали, поэтому свои боевые медали, полученные в 1941–1943 гг., я ставлю в один ряд с орденами 1944–1945 гг.».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березнев, А. Т.* Высоты Водопьянова / А. Т. Березнев, В. Б. Поляков, Н. П. Селезнев, Ю. И. Чурилов. – Липецк, 2009.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. – М. : Наука, 1998. – Кн. 1 : Суровые испытания. – 544 с.
3. *Жукова, Л. Н.* Выбираю таран / Л. Н. Жукова. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 415 с.
4. Комсомольская правда. – 1995. – 18 окт.
5. Последние письма с фронта. 1941 : сб. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 416 с.
6. *Хисамутдинова, Р. Р.* Последние солдатские письма с фронта : лето 1941 г. / Р. Р. Хисамутдинова // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Междунар. науч.-практ. конф. к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург, 23–25 апр. 2020 г. : сб. ст. / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2020. – С. 323–329.
7. *Хисамутдинова, Р. Р.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы) : военно-истор. очерки / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. – 476 с.

А. Г. Цымбал

КАЛЕКЦЫЯ ДАКУМЕНТАЎ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АКРУГІ “БЕЛАРУСЬ”(1941–1943) ЯК КРЫНІЦА ПА ЭКАНАМІЧНАЙ ПАЛІТЫЦЫ АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАД

На частцы акупаванай тэрыторыі Беларускай ССР нацысцкая Германія стварыла адпаведны кіруючы орган акупацыйнай адміністрацыі – Генеральны камісарыят “Беларусь” (ГКБ), кіраўніком якога быў прызначаны В. Кубэ. Улады камісарыята знаходзіліся ў Мінску, а тэрытарыяльна ён ахопліваў землі каля 60 тыс км² з насельніцтвам 2,5 млн чалавек і падзяляўся на 11 абласных камісарыятаў.

Дакументальная спадчына акупацыйных улад, змешчаная ў Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі “Беларусь” (фонд 370 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь), уяўляе сабой выключны па значнасці і мала даследаваны комплекс дакументаў, які ўтрымлівае багаты фактычны матэрыял, датычны жыцця насельніцтва Беларусі перыяду германскай акупацыі. Уста нова ажыццяўляла функцыі грамадзянскай адміністрацыі на частцы беларускіх зямель і з’яўлялася ключавым выканаўцам акупацыйнай палітыкі. Матэрыялы Калекцыі даюць уяўленне аб шматлікіх аспектах жыцця на захопленых тэрыторыях праз прызму дзейнасці акупацыйнай адміністрацыі і праліваюць святло на шматлікія “белыя плямы” выкарыстання эканамічнага патэнцыялу і штодзённага жыцця насельніцтва Беларусі ў адзначаны перыяд.

З крыніцазнаўчага пункту гледжання матэрыялы 370-га фонду ўяўляюць сабой дакументы разнастайнага характару [1]. Гэта ўказы, пастановы, загады, распараджэнні, цыркуляры А. Гітлера, рэйхсмаршала Г. Герынга, генеральнага камісара Беларусі В. Кубэ. У матэрыялах фонду захаваліся дакументы, што паходзілі не толькі з Генеральнага камісарыята Беларусі, але і з Рэйхсміністэрства па занятых усходніх абласцях, Рэйхскамісарыята “Остланд”. Шэраг дакументальных крыніц адлюстроўваюць асаблівасці арганізацыі і структуры цэнтральнай і рэгіянальнай акупацыйнай адміністрацыі, да якіх адносяцца палажэнні аб аддзелах і пададдзелах ГКБ, Інспектарыяце беларускіх школ, а таксама штатныя расклады ГКБ, акруговых і Мінскага гарадскога камісарыятаў, Цэнтральнага ўпраўлення, упраўленняў Беларускай народнай самадапамогі, Грамадскага банка Беларусі. Сярод крыніц прадстаўлены дакументы шэрага беларускіх калабарацыянісцкіх арганізацый: Статуты Беларускай цэнтральнай рады, Саюза беларускай моладзі і прафесійнага саюза Беларусі, Беларускай народнай самадапамогі, Беларускай праваслаўнай царквы, Беларускага народнага таварыства і таварыства “Аднаўленне Беларусі”, арганізацый “Беларускія нацыяналісты” і “Беларускі нацыянальны фронт”.

Найбольшы інтарэс прадстаўляюць справаздачы, дакладныя запіскі, даведкі, статыстычныя звесткі, а таксама перапіска аб палітычным і эканамічным становішчы акупаванай тэрыторыі Беларусі. Дакументы Калекцыі раскрываюць асаблівасці ажыццяўлення аграрнай палітыкі і ўвядзення новых форм землекарыстання, даюць уяўленне аб стане прамысловасці і сельскай гаспадаркі, рабоце прадпрыемстваў хімічнай, дрэваапрацоўчай, тэкстыльнай, харчовай і мясцовай прамысловасці, забеспячэнні іх сыравінай, абсталяваннем і палівам.

Дастаткова шырока прадстаўлены дакументы адносна становішча сельскай гаспадаркі ў акупаванай Беларусі, памераў пасяўных плошчаў у раёнах акруг, правядзення меліярацыйных работ, наяўнасці ляснога фонду і лесасыравінных рэсурсаў, нарыхтовак лесаматэрыялаў.

Крыніцы ўтрымліваюць інфармацыю аб стане школьнай і прафесійнай адукацыі ў акругах Беларусі, дзейнасці Саюза беларускай моладзі і правядзенні прапагандыскай работы сярод мясцовага насельніцтва, прызначэнні,

перамяшчэнні, аплаце працы і заахвочванні работнікаў акупацыйных устаноў Беларусі. Фінансавыя аспекты працоўнай штодзённасці прадстаўлены разнастайнымі бухгалтарскімі дакументамі.

З дакументаў калекцыі Генеральнага камісарыята Беларусі вынікае галоўная мэта эканамічнай палітыкі акупацыйных улад у Беларусі: выкарыстанне эканамічнага патэнцыялу тэрыторыі і мясцовых працоўных рэсурсаў. Дакументальныя матэрыялы паказваюць, што акупанты лічылі неабходным як магчыма хутчэй аднавіць сілу ўсёй гаспадаркі Беларусі, што мела важнае значэнне «для парадку і ўмацавання гэтай падобнай да калоніі краіны» [2, арк. 131].

У характарыстыцы эканамічнай структуры акупаванай Беларусі ўлады адзначалі, што сельская і лясная гаспадарка з'яўляліся найважнейшымі галінамі. Астатнія сектары эканомікі былі развіты ў той ці іншай ступені, што дазваляла задаволіць патрэбы двух дамінуючых галін. У эканамічнай структуры ўлады ўлічвалі памеры краіны і той факт, што неабходная сыравіна для прамысловай перапрацоўкі размеркавана па ўсёй тэрыторыі. Прымаючы пад увагу гэтыя фактары і транспартную сістэму, улады вырашылі неабходным падзяліць тэрыторыю на маленькія гаспадарчыя адзінкі. Асаблівую ўвагу планавалася надаць аднаўленню гандлю і рамяства, а таксама павелічэнню колькасці транспартных сродкаў, якіх было недастаткова [2, арк. 130].

Крыніцы праліваюць святло на цяжкасці, з якімі сутыкнуліся акупацыйныя ўлады: дрэнны стан транспарту, сувязі і камунікацый, недахоп паліва, прадуктаў харчавання, сыравіны, сродкаў размяшчэння, адсутнасць тэхнічнага абсталявання, недавер мясцовага насельніцтва і, што неаднаразова адзначалася, пастаяннае ўздзеянне партызанскага руху. У выніку ў асобных рэгіёнах акупацыйная адміністрацыя кантралявала сітуацыю ў лепшым выпадку ў гарадах, не маючы магчымасці дабрацца да сельскага насельніцтва. Паліцэйскія акцыі таксама не прыносілі істотнага поспеху. Тым не менш пытанню забеспячэння рэсурсамі за кошт мясцовых рабочых надавалася ўладамі значная ўвага да самага канца. Ставіліся задачы працоўнага навучання, сацыяльнага забеспячэння, стымулявання і матывацыі мясцовых работнікаў.

Дакументальныя матэрыялы паказваюць, што для ГКБ сітуацыя з працоўным забеспячэннем асобных галін гаспадаркі стала абсалютнай нечаканасцю. Да вайны рамяство да 80 % знаходзілася ў руках яўрэйскага насельніцтва. У выніку «канчатковага рашэння яўрэйскага пытання» кадры ў гэтай сферы былі вынішчаны амаль цалкам і будаўніцтва беларускага рамяства пачыналася з нуля. Што гэта азначала для краіны, у якой прафесійная занятасць насельніцтва схілялася да сельскай гаспадаркі ва ўмовах недахопу інструментаў, мэблі і майстэрняў, – гэтым пытаннем задаваліся чыноўнікі акупацыйнай адміністрацыі.

Адным з інструментаў акупацыйнай палітыкі на тэрыторыі Генеральнай акругі «Беларусь» стала фінансавое забеспячэнне і рэгуляванне заробку мясцовых работнікаў. Спрабуючы перацягнуць на свой бок беларускае

насельніцтва і забяспечыць працоўныя рэсурсы для Германіі, улады сутыкнуліся з цэлым комплексам праблем, якія былі ўласцівы эканамічнай сітуацыі на занятых тэрыторыях. Акупацыйныя прадпрыемствы і ўстановы адчувалі пастаянны недахоп кваліфікаваных кадраў, і асабліва падкрэслівалася вельмі нязначная колькасць асоб з вышэйшай адукацыяй сярод беларускага насельніцтва, што прымушала акупантаў звяртаць увагу на палякаў як больш падрыхтаваныя кадры і нават разглядаць пытанні іх фінансаванага заахвочвання для працы на акупацыйную адміністрацыю. Неаднаразова ў крыніцах звяртаецца ўвага на розніцу паміж усходнімі і заходнімі абласцямі Беларусі. З часоў польскай акупацыі там, па меркаванні немцаў, усталяваўся значна вышэйшы ўзровень жыцця [3, арк. 1–1b] і іншыя адносіны да працы ў параўнанні з усходам, дзе панавалі “рускі ўзровень работы” [4, арк. 255–257]. Для нямецкіх чыноўнікаў таксама было непрымальна, што інтэлектуальная праца аплочваецца ніжэй, чым праца рабочых, і яны неаднаразова ўздымалі гэтае пытанне ў ГКБ. Часта таксама абмяркоўваліся заробкі ў дапаможнай паліцыі, якія значна пераўзыходзілі заробкі ў іншых сферах дзейнасці мясцовых работнікаў. Вострай з’яўлялася патрэба ў спецыялістах, якія ведалі замежныя мовы і добра арыентаваліся ў сітуацыі ў краіне.

Адносіны насельніцтва да працы на акупацыйныя структуры, зыходзячы з дакументальных крыніц, характарызаваліся як негатыўныя. З кожным месяцам акупацыі ўсё больш было выпадкаў, калі людзі не з’яўляліся на працу, а заявы ў паліцыю не давалі пажаданых вынікаў. Служба бяспекі ладзіла аблавы з задачай адправіць людзей у Германію, што выклікала беспарадкі. Умовы жыцця насельніцтва ўлады апісвалі як вельмі цяжкія. Людзі на сваю зарплату не маглі пакрыць жыццёвыя патрэбы, калі яны адначасова не вялі хатнюю гаспадарку. Працвітаў чорны рынак нягледзячы на спробы акупантаў спыніць нелегальны гандаль [5, арк. 91–96].

Грашовая сістэма, як сцвярджалася, у краіне не прызнавалася, бо за грошы немагчыма было набыць тавары. Сельскагаспадарчая прадукцыя, прадукты харчавання, скуры, насенне, лён і воўна, не магла быць цалкам нарыхтавана па гэтай прычыне. Для таго, каб прымушаць да здачы прадуктаў, не хапала выканаўчай улады. Нягледзячы на ўсе прынятыя меры, кантрабандны тавараабмен квітнеў [5, арк. 131].

Адной з першых груп насельніцтва, якая зведала на сабе асаблівасці нацысцкай акупацыйнай палітыкі, сталі яўрэі. Калекцыя дакументаў Генеральнай акругі “Беларусь” утрымлівае разнастайныя матэрыялы, якія датычацца становішча яўрэйскага насельніцтва, а таксама мерапрыемстваў германскіх улад.

У дакументацыі Генеральнага камісарыята Беларусі шмат увагі надавалася пытанням маёмасці, якая канфіскавалася ў яўрэяў. У прыватнасці, у матэрыялах Калекцыі змяшчаецца разнастайная інфармацыя адносна пытання адабрання рухомай маёмасці, якая належала яўрэям, і перадачы яе

ўладам. Улік і канфіскацыя рухомай яўрэйскай маёмасці ў асобных абласцях былі арганізаваны і праведзены на аснове спецыяльнай дырэктывы ад 9 жніўня 1941 г. [б, арк. 18 адв.].

1 снежня 1941 г. было выдадзена распараджэнне аб кіраванні і карыстанні яўрэйскай маёмасцю. У Генеральнай акрузе “Беларусь” канфіскацыя і выкарыстанне яўрэйскага адзення былі даручаны доктару Русеггеру, кіраўніку аддзялення агульнай гаспадаркі ў ГКБ. Пад маёмасць, якая падлягала канфіскацыі, траплялі грошы, каштоўныя паперы, валюта, золата, срэбра і іншыя каштоўныя рэчы. Канфіскаваныя рэчы перадаваліся на захоўванне ў Імперскую крэдытную касу [б, арк. 11 адв.].

Такім чынам, матэрыялы Калекцыі дакументаў Генеральнай акругі “Беларусь” (фонд 370 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь) утрымліваюць велізарны аб’ём новай фактычнай інфармацыі адносна эканамічнага выкарыстання беларускіх тэрыторый акупацыйнымі ўладамі і працоўнай штодзённасці. Унікальная інфармацыя крыніц дазваляе істотна пашырыць фактаграфічную базу даследаванняў гісторыі перыяду германскай акупацыі Беларусі, а таксама ўдакладніць палажэнні айчыннай гістарыяграфіі, датычныя страт гаспадаркі і насельніцтва за гады акупацыі. Новыя дакументальныя крыніцы пры выкарыстанні сучасных метадалагічных падыходаў дазваляюць паглыбіць вывучэнне гэтага пытання на ўзроўні асобных рэгіёнаў акупаванай Беларусі, асобных прадпрыемстваў і галін гаспадаркі.

ЛІТАРАТУРА

1. Генеральный комиссариат Белоруссии (ГКБ), г. Минск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fk.archives.gov.by/fond/113718/>. – Дата доступа: 20.12.2021.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 773.
3. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 918.
4. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 882.
5. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 1264.
6. НАРБ. – Ф. 370. Воп. 1. Спр. 757.

ВЯЛКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

И. Н. Кузнецов

КАТЫНСКАЯ ТРАГЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В меняющемся современном мире складывается новая система международных отношений, что настоятельно диктует совершенствование внешнеполитической концепции Беларуси и ее четкое закрепление в основополагающих документах, формирование соответствующего внешнеполитического курса и последовательное воплощение в жизнь принятой стратегии. Внешняя политика Республики Беларусь базируется на Конституции РБ, законах, других нормативных правовых актах РБ, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах страны и т. д. В последние годы Республика Беларусь более четко осознает национально-государственные интересы, определяет новые доктринальные внешнеполитические приоритеты и адекватные им действия на международной арене.

В отношениях с государствами Центрально-Восточной Европы остаются актуальными задачи сохранения наработанных человеческих, хозяйственных и культурных связей, преодоления имеющихся кризисных явлений и придания дополнительного импульса сотрудничеству в соответствии с новыми условиями и белорусскими интересами.

Определяющие составляющие внешнеполитического курса рождаются не на пустом месте. Исторические предшественники оставили богатое, хотя и не всегда однозначно позитивное наследие, которое требует тщательного осмысления проблемы преемственности. Внешняя политика, обремененная нелегким багажом былых десятилетий, предполагает немалые усилия для освобождения от негативов, для преодоления серьезных недостатков и сбоев, унаследованных от прошлого.

Во взаимоотношениях Беларуси с соседними государствами нельзя недооценивать важности учета геополитических реалий в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях переструктурирования геополитического пространства последних лет. В процессе глобального переустройства Польша в числе других «переходных государств» интегрируется в Европейский Союз как один из политико-экономических центров силы.

Уходящие поколения передают последующим не только традиции светлых праздников, но и потребность разобраться с подобными датами, освободиться от взаимных обид и ущерба, очистить историческую память от груза накопившихся ошибок и бед, дабы прошлое не омрачало ими будущее и можно было рассчитывать на конструктивную взаимность, строя отношения с соседями на принципах партнерства и добрососедства.

Осмысление состояния советско-, российско- и белорусско-польских отношений весьма актуально на нынешнем этапе кристаллизации структур Центрально-Восточной Европы. Взаимоотношения Беларуси и Польши при всей, казалось бы, объективности их основы, заявленной в первые годы существования советской власти, развивались весьма непросто и отразили всю специфику авторитарных политических систем в обоих государствах, своеволие политических лидеров и своеобразие их представлений, сформированных длительным историческим противостоянием, предубеждениями и конфликтами разных лет.

Сталинская внешнеполитическая доктрина была чрезвычайно идеологизирована, непоследовательна и конъюнктурна, причудливо сочетая историческую обусловленность и преемственность, миссию мировой революции и имперское начало, интернационализм и державность. Внешнеполитический курс Сталина был весьма многоаспектен и переменчив, отражая особенности черт личности великого диктатора.

Периодически предпринимаемые Сталиным жесткие тактические шаги нередко создавали пагубную глубинную напряженность в отношениях, негативные последствия которой преследовали целые поколения. В отношениях с Польшей такую роль и знаковый характер обрело катынское преступление. Оно стало кульминацией и постоянным камертоном претензий Польши к СССР по поводу темпов верификации негативов сталинской линии во внешней политике. Эта роль сохраняется в процессе вызревания новой системы международных отношений в регионе Центрально-Восточной Европы. Многоопытный секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин, долгое время занимавшийся проблемами международных отношений, констатировал в своих мемуарах: «Где политика и отношения с Советским Союзом, там для поляка – Катынь» [1].

Катынь – имя нарицательное, вместившее в себя знаковый сговор Сталина и Гитлера 1939 г., попытку уничтожить элиту и армию Польского государства, проведя его четвертый раздел. Катынь – это тайный массовый расстрел около 22 000 узников трех спецлагерей военнопленных (Козельского, Старобельского и Осташковского) и тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины весной 1940 г. Правда о ней – пробный камень добрососедства. Хотя в Советском Союзе делалось все, чтобы поглубже скрыть правду о Катыни. К тому же принуждали польскую элиту, чтобы как бы снять проблему, однако история показала, что этого не удалось. Для ликвидации неизбывной напряженности требуется ясное, масштабное решение проблемы.

О значимости окончательного закрытия Катынского дела лучше всего скажет такой красноречивый факт: два года подряд – 1998-й и 1999-й – самая популярная в Польше «Газета выборча» вместе с первым каналом Польского телевидения и Первой программой Польского радио проводила плебисцит, определяя самые значимые из трех с лишним десятков явлений и событий последнего десятилетия. И каждый раз абсолютное большинство поляков голосовали за «Обнародование правды о Катыни».

Однако это не снимало периодически вспыхивающей напряженности. Катынская проблема требовала методического научного, правового и морально-политического решения, исторически подкрепленного решительным осуждением ошибок и деформаций сталинской внешней политики, последовательного отмежевания от них, гарантий не повторения подобного в будущем.

Канун Второй мировой войны, выход международных отношений в плоскость вооруженных конфликтов, явные или скрытые роли различных стран в их развязывании, ответственность за последствия политики, далеко не всегда оптимальной, с точки зрения отстаивания безопасности, – до настоящего времени во многом недостаточно раскрытые темы.

В 1960-е годы была предпринята попытка переосмыслить с реалистических позиций многие события военных (и предвоенных) лет в коллективном труде «История Отечественной войны Советского Союза». В нем в смягченной форме был поставлен вопрос о наличии секретных протоколов к советско-германским договорам 23 августа и 28 сентября 1939 г., пересказывалось их содержание. Однако вскоре эта попытка была нейтрализована внедрением прежней единообразной трактовки проблемы, задавлена повторной идеализацией сталинского внешнеполитического курса. Наука вновь потеряла доступ к этому сюжету.

Выход многотомного советско-польского издания «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (публикация источников завершилась в 1939 г.) на несколько лет был остановлен из-за несогласия советской стороны решать проблему секретных протоколов. Затем издание вновь стало выходить. Вернулись к дублированию «советской официальной версии» и по этому вопросу, и по проблеме Катыни.

Советские, российские и иностранные обобщающие исследования внешней политики СССР кануна и начала Второй мировой войны многочисленны. Однако только на рубеже 1980-1990-х годов, с появлением новых подходов к истории, с началом ее рассмотрения, в частности, сквозь призму политологического анализа, цивилизационного подхода и т.д. [2], с публикацией переводов зарубежных «объективистов» [3], стал возможен научный пересмотр советско-германско-польских отношений.

Один из блоков проблем – реализация советско-германских договоренностей в форме «освободительного похода» Красной армии 17 сентября 1939 г. – до последнего времени был освещен в советской историографии весьма слабо, упрощенно, с многими умолчаниями и искажениями. Советские публикации (информация о событиях в первом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» [4], подборка документов пограничных войск и воспоминания из сборника «В начале войны» и «Помни войну» [5]) представляют устаревшую официальную версию событий. Они высвечивают проблему мифологизации направлений внешнеполитического курса Советского Союза и преемственности внешнеполитической доктрины имперского и советского периодов. В противовес им появились более обстоятельные и правдивые книги и статьи [6; 7; 8].

Основной массив работ по данной теме – издания, посвященные пленным необъявленной войны и катынскому злодеянию. Первые публикации сведений о пленниках относятся к периоду обнаружения захоронений в Катыни весной 1943 г., когда в польской печати, по мере эксгумирования останков, начали появляться списки жертв. На основе материалов эксгумации, проводимой немецкими врачами вместе с Технической комиссией Польского Красного Креста, в Берлине вышло в свет первое итоговое издание [9]. Антигитлеровское подполье опубликовало брошюру «Катынь: убитые, обвинители» (на следующий год – «Катынь: убитые, убийцы, обвинители») [10].

Советская контрпропаганда откликнулась брошюрами «Правда о Катыни» и «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров». Вторая брошюра была переведена и распечатана в 1944 и 1945 г. на иностранных языках [11].

На этой основе в 1944 и 1952 гг. (в связи с работой Комиссии Конгресса США под руководством Р. Дж. Мэддена) «официальная советская версия» тиражировалась в польской официальной печати и была закреплена в Большой Советской энциклопедии. Вскоре эта тема была практически закрыта для печати как в СССР, так и в Польской Народной Республике.

Центром интенсивного сбора соответствующей информации и ее обработки стала польская диаспора в Италии и Англии. Первые сведения стали поступать от тех узников специальных лагерей, путь которых лежал через Грязовец в армию генерала В. Андерса. Данные стали стекаться в Польский институт и Музей генерала В. Сикорского в Лондоне.

После лондонских публикаций 1946 г. В. Сукенницкого и М. Хейцмана в 1948 г. появилось первое издание сборника «Катынское преступление в свете документов» [12], к которому позже сделал предисловие Андерс. Сборник тринадцать раз издавался в Лондоне, шесть раз переводился на английский, французский, итальянский, испанский языки (в том числе в Мексике и Аргентине), восемь раз (с 1980 г.) в Польше.

С 1949 г. четыре английских и три польских издания выдержал «Катынский список: пленные лагерей Козельск-Осташков-Старобельск, пропавшие в Советской России» А. Мошиньского [13].

Были опубликованы воспоминания оставшихся в живых пленников – Б. Млынарского, Ю. Чапского, С. Свяневича и З. Пешковского. На этой основе Я. К. Заводным с использованием польских, немецких, британских и американских документов было подготовлено исследование «Смерть в лесу» [14], базу которого при помощи новых немецких архивов удалось расширить Ч. Мадайчику в книге «Катынская драма» [15]. Но это уже была новая эпоха, начатая с выходом книги Е. Лойека (Л. Ежевского) «История Катынского дела» [16], получившей большой резонанс в Польше.

В официальной печати рубежом стали публикации польской части двусторонней советско-польской комиссии по истории отношений между СССР и Польшей (так называемых «белых пятен») «Катынское преступление» и «Экспертиза Сообщения комиссии Бурденко» [17; 18; 19; 20].

Работа совместной комиссии завершилась передачей польской стороне на встрече 13 апреля 1990 г. М. С. Горбачёва и В. Ярузельского списков состава трех специальных лагерей и других документов, признанием в сообщении ТАСС вины советской стороны в расстреле польских военнопленных.

После этого наступил огромный взрыв активности публикаций в Польше. Только библиографические издания по катынской проблематике исчисляются десятками. Количество публикаций достигло нескольких тысяч. Три тысячи наиболее значимых из них сведены воедино М. Харц [21; 22].

Более трехсот периодических изданий следят за катынской тематикой, из них более семидесяти – зарубежные. Печатается обширная информация о работе различных центров, о многих научных и общественно-политических мероприятиях, о поисках и издании документов и материалов, о персоналиях. Сведения о всех группах расстрелянных – по социальным, национальным, региональным критериям – постоянно пополняются. Особенно успешно ведется работа в Варшаве [23; 24; 25].

Фильмотека катынского злодеяния насчитывает десятки документальных фильмов и художественный фильм А. Вайды «Катынь». Реализуются междисциплинарные исследовательские проекты. Над катынской проблематикой работают ученые – юристы, археологи, специалисты в области судебной медицины, фалеристы и другие. Итоги научных изысканий и новая библиография публикуются в серийном издании «Катынские тетради».

Изменение ситуации в СССР и развитие советско-польских отношений на рубеже 1980–1990-х гг. позволили сделать Катынское дело достоянием и советской общественности. Его раскрытие происходит в контексте выявления правды о всем комплексе событий кануна и начала Второй мировой войны, способствовавших раскрытию генезиса причин и мотивов преступления.

Своеобразие истории Катынского дела состоит в том, что в течение многих десятилетий она была строго засекречена, последовательно утаивалась не только от общественности, но и от закона, науки, отлученной от источников, от подлинных документов и материалов, что делало невозможным проведение каких-либо серьезных исследований.

Первыми публично высказались о катынском злодеянии журналисты, опираясь на сведения, просочившиеся из Польши. В. Абарин в «Литературной газете», Г. Жаворонков в «Московских новостях», Л. Елин в «Новом времени», Н. Ермолович в «Известиях» и другие провели журналистское расследование. После передачи польской стороне партии документов 13 апреля 1990 г., подкрепленной признанием вины советской стороны в сообщении ТАСС, была открыта дорога для публикаций ученых, где первопроходцами стали В. Парсаданова, Ю. Зоря и Н. Лебедева. Вскоре появилась и первая отечественная книга «Катынский лабиринт» – результат честных и смелых поисков В. Абарина [26; 27; 28]. Первые научные и журналистские статьи советских авторов вместе с польской монографией Ч. Мадайчика составили сборник «Катынская драма» [29].

После завершения работы комиссии историков СССР и Польши по изучению сложных проблем двусторонних отношений, о деятельности которой написали в своих книгах оба ее сопредседателя – Г. Л. Смирнов и Я. Мачишевский [30; 31], фронт расследования катынского преступления расширился, дело было передано в Главную военную прокуратуру 2 августа 1993 г.

К катынской проблематике обратился и Ф. Рудинский, издавший книгу о рассмотрении в Конституционном суде «Дела КПСС», – участник процесса, сформулировавший вопросы, требующие, по его мнению, дальнейшего изучения со стороны судебных властей. В спор с ним вступил другой видный юрист – А. Ларин [32].

Катынская проблема открылась в новой партийно-политической плоскости. Ее значимость обрела иные качества. В связи с этим в октябре 1992 г. по поручению Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в Польшу были переданы ключевые документы по делу, в том числе составившее его политико-правовую основу решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. [33; 34]. Позже политические итоги подвел С. А. Филатов [35].

На основании договора руководителей государственных архивных служб России и Польши развернулось издание совместной масштабной публикации «Катынь: Документы злодеяния». Она вышла как четырехтомник. Русскоязычное издание представляет собой два сводных тома. В США опубликовали сводное однотомное издание [36]. На базе выявленных документов НКВД вышла в свет книга одного из составителей этого издания, Н. Лебедевой, – «Катынь: преступления против человечества» [37; 38].

Ряд новых срезов проблемы открыло рассекречивание комплекса документов Политбюро ЦК ВКП(б) из «особой папки» за 1939–1940 гг. по «польскому вопросу» – о массовом пленении и арестах польских граждан в сентябре–декабре 1939 г., об обмене пленных и передаче беженцев Германии, об урегулировании связанных с четвертым разделом Польши советско-германских отношений, о репрессировании и депортациях и т. д. [39]. Свой весомый вклад в эту проблематику внесли сборником «Репрессии против поляков и польских граждан» исследователи из «Мемориала» О. А. Горланов, А. Э. Гурьянов, А. Б. Рогинский, С. Г. Филиппов и др. [40].

В отличие от российской вся современная официальная белорусская историография представлена в цитируемом ниже фрагменте текста из учебного пособия по истории Беларуси:

«У час паходу Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну былі ўзяты ў палон польскія афіцэры (дакладная іх колькасць не ўстаноўлена). Яны знаходзіліся ў савецкіх лагерах для ваеннапалонных. У гады Другой сусветнай вайны былі выяўлены масавыя пахаванні расстраляных польскіх афіцэраў у Катынскім лесе каля Смаленска. Праводзіліся шматлікія расследаванні, але і цяпер з прычыны адсутнасці патрэбных дакументальных матэрыялаў і жывых сведкаў гэтай трагедыі дакладна не ўстаноўлена, якая краіна вінаватая ў расстрэле польскіх афіцэраў.

У некаторых гістарычных даследаваннях сцвярджаецца, што «гэтае злачынства было здзейснена organami НКУС па рашэнні Палітбюро ЦК ВКП(б)». На сённяшні дзень згаданая версія не мае дакументальнага пацвярджэння. Другая версія – ваеннапалонных польскіх афіцэраў расстралялі фашысцкія карныя войскі пасля акупацыі Смаленшчыны Германіяй у 1941 г...» [41].

Упамінае о «белорусском катынском списке» отсутствует в официальной белорусской историографии.

В 2010 году, перед президентскими выборами в Беларуси, на пресс-конференции журналист польского радио задал вопрос А. Лукашенко о том, как обстоят дела с белорусским «катынским списком», на что глава белорусского государства ответил: «Я дам поручение председателю КГБ, мы этот вопрос изучим». 2011 год, на очередной пресс-конференции задают тот же вопрос, и президент говорит: «Мы этот вопрос изучили. В Беларуси в годы репрессий не был убит ни один поляк, лагерей не было, всех отправляли транзитом куда-то в Россию, в Украину...».

Автором была изучена официальная база реабилитированных в Беларуси в 1950–2000-е годы. Среди расстрелянных только в Минске поляки составляют 25 %. На пресс-конференции в 2012 году польская сторона предложила профинансировать проведение эксгумации в Куропатах с привлечением польских специалистов. На что был дан ответ: «Давайте деньги, мы сами проведем и вам сообщим...». Вот ответы на вопрос, как провести эксгумацию.

Переговоры с польской стороной на протяжении последних лет ведутся в абсолютно закрытом формате. В частности, глава МИД РБ Владимир Макей встречался с Радославом Сикорским в Варшаве 28 августа 2014 года. Совершенно непонятно, почему представители польской стороны не провели консультации ни с одним из белорусских специалистов, которые проводили эксгумацию в Куропатах (первую – в 1988 г., вторую – в 1997–1998 гг.). В этих условиях проведение третьей эксгумации преждевременно.

По нашему мнению, сейчас это будет рискованный шаг, который вроде бы делается в нужном направлении. Если и были в Куропатах останки расстрелянных в 1940 году польских офицеров, то их там уже нет. По всей видимости, они были уничтожены в предыдущие годы.

Наверное, именно поэтому власти на фоне полного непризнания проблемы репрессий в Беларуси с такой легкостью идут навстречу польской стороне в подготовке эксгумации. Допустим, удастся получить разрешение на проведение очередной эксгумации в Куропатах. Что это даст? А если останков там нет? В Минске находится 12 мест массовых расстрелов, и это совершенно не значит, что польские офицеры расстреляны именно в Куропатах. Тогда существовала методика: расстреливать партиями в разных местах. Следовательно, надо изучать все известные места расстрелов и захоронений.

Приведем аргументы польской стороны: «польская общественность уверена, что они захоронены именно в Куропатах». Польская общественность и не знает другого места расстрелов в Минске, кроме Куропат. Ей надо было консультироваться с исследователями, которые бы рассказали другие факты. Считаем, что основная часть расстрелянных офицеров польской армии лежит под городской свалкой в урочище Благовщина. Свалку создали на этом месте абсолютно неслучайно. Когда оппоненты говорят нам: «Покажите документы!», отвечаем, что документов, по всей видимости, уже нет.

Здесь только можно проводить следственные действия, искать третьестепенных свидетелей, сопоставлять другие факты. Иного выхода нет, ведь КГБ Республики Беларусь заявляет, что никаких документов в архиве не обнаружено. По местам захоронений нигде в РБ не открыт доступ к документам, даже в России. Поэтому для чего нужно преждевременное проведение эксгумации в Куропатах? Для этого нет достаточных оснований.

Начинать надо не с Куропат! Для начала исключим варианты в других местах. Но польская сторона пока не прислушивается ко мнению ряда белорусских историков и не задумывается над таким вопросом: если белорусская власть в условиях полного отрицания репрессий на своей территории даст согласие на проведение эксгумации в Куропатах, значит, она уверена, что там ничего не обнаружат.

Приведем несколько аргументов того, почему в Куропатах не найдут останков польских офицеров. Первый аргумент: проводились две эксгумации, во время которых вскрывалось 18 захоронений в разных местах Куропат, и ни в одном из них не было знаков отличия, пуговиц, документов польских офицеров. Это формальный признак. Второй аргумент: в Куропатах – 510 могильных впадин, и когда проводилось вскрытие захоронений еще в 1988 году, археологи пришли к однозначному выводу: все захоронения в предыдущие годы уже раскапывались. Представала такая картина: допустим, три захоронения с останками, а рядом такие же могильные впадины, но останков в них уже нет.

Поэтому, даже если предположить, что офицеров польской армии расстреляли в Куропатах (а они были военнопленными гражданами другого государства), это как раз такое преступление, которое не имеет срока давности. Могильные ямы в таких случаях, как правило, вычищали так профессионально, что не оставалось никаких следов преступления.

Согласно белорусскому законодательству любые работы, связанные с эксгумацией, не может проводить ни одна общественная структура. Фактически в Республике Беларусь есть только одна структура, которая может проводить раскопки и эксгумации, – 52-й специализированный поисковый батальон Министерства обороны, который подчинен Управлению по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил. Но этому батальону не вменено в обязанности проводить эксгумацию захоронений так называемых «врагов народа». Батальон проводил

эксгумацию в районе Тростенца в начале 2000-х, но как только речь зашла о том, что в этом районе есть не только жертвы нацистов, он тут же покинули данное место.

Как, например, установили места расстрелов в Украине? Исследователи изучили документы из Национального архива Украины по выделению земельных участков в пользование НКВД. Та же Быковня, одно из крупнейших мест захоронений жертв сталинских репрессий, была обнаружена именно на участках, выделенных НКВД. Все места захоронений так называемых «катынских расстрелов» – Катынь, Медное, Харьков – находятся в районах дач НКВД. Почему так? Потому что в том районе есть охрана и меньше посторонних. Для Беларуси, по всей видимости, остается именно этот путь для установления мест захоронений.

К, сожалению, после установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Республикой Польша решить эти проблемы пока не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фалин, В. М.* Без скидок на обстоятельства : Политические воспоминания / В. М. Фалин. – М., 1999.
2. *Загладин, Н. В.* История успехов и неудач советской дипломатии. Политологический анализ / Н. В. Загладин. – М., 1988.
3. *Боффа, Дж.* История Советского Союза / Дж. Боффа. – Т. 1, Т. 2. – М., 1990.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза. – Т. 1. – М., 1996.
5. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941 : сб. док. и материалов. – М., 1970.
6. *Лебедева, Н. С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия / Н. С. Лебедева. – М., 2002.
7. Германо-советское взаимодействие и ликвидация польского государства / Н. С. Лебедева // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. – М., 1999.
8. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941 : дискуссии, комментарии, размышления / отв. ред. и сост. С. З. Случ. – М., 2007.
9. Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. – Berlin, 1943.
10. Katyn : zamordowani, oskarzyciele. – W-wa, 1943.
11. Правда о Катыни. – М., 1943.
12. Zbrodnia katynska w swietle dokumentow. – Londyn, 1948.
13. *Moszynski, A.* Lista katynska : jency obozow Kozielsk – Ostaszkow – Starobielsk zaginieni w Rosji Sowieckiej / A. Moszynski. – Londyn, 1949.
14. *Zawodny, J. K.* Death in the forest : the story of the Katyn forest massacre / J. K. Zawodny. – Notre Dame, 1962.
15. *Madajczyk, Cz.* Dramat katynski / Cz. Madajczyk. – W-wa, 1989.
16. *Je ewski, L.* Dzieje sprawy Katynia / L. Je ewski. – W-wa, 1980.

17. Zbrodnia katyńska. Z prac polskiej części Komisji Partyjnych Historyk Polski i ZSRR. – W-wa, 1990.
18. Polityka. – 19.08.1989. – № 33.
19. *Липский, А. Е.* Эхо трагедии в Катыни / А. Е. Липский // Историки отвечают на вопросы. – М., 1990.
20. *Яжборовская, И. С.* «Белые пятна» в истории советско-польских отношений и современность / И. С. Яжборовская // Советские военнопленные в Движении Сопротивления на польских землях в годы Второй мировой войны. – М., –1991.
21. *Harz, M.* Bibliografia zbrodni katyńskiej : Materiały z lat 1943–1993 / M. Harz. – W-wa, 1993.
22. Eadem. Bibliografia zbrodni katyńskiej : Materiały z lat 1993–1997 // Zbrodnia katyńska : Upamiętnienie ofiar i zadosłuczynienie. – W-wa, 1998.
23. *Tucholski, J.* Mord w Katyniu : Kozielsk, Ostaszków, Starobielsk / J. Tucholski. – W-wa, 1991.
24. Zbrodnia katyńska. Droga do prawdy. – W-wa, 1992.
25. Indeks represjonowanych : Т. I. Rozstrzelani w Katyniu. – Т. II : Rozstrzelani w Charkowie. – W-wa, 1998.
26. *Парсаданова, В. С.* Катынь / В. Парсаданова, Ю. Зоря // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2.
27. *Парсаданова, В. С.* // Новое время. – 1990. – № 16.
28. *Парсаданова, В. С.* К истории Катынского дела / В. С. Парсаданова // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3.
29. Катынская драма. Козельск, Старобельск, Осташков. – М., 1991.
30. *Смирнов, Г. Л.* Уроки минувшего / Г. Л. Смирнов. – М., 1997.
31. *Maciszewski, J.* Wydrzed prawdy? / J. Maciszewski. – W-wa, 1993.
32. *Рудинский, Ф.* Катынская трагедия : расследование должно быть продолжено / Ф. Рудинский // Правозащитник. – 1998. – № 1.
33. Dokumenty ludobójstwa : dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992. – W-wa, 1992.
34. Dokumenty Katynia : decyzja. – W-wa, 1992.
35. *Филатов, С.* Катынь – трагедия не только Польши, но и России / С. Филатов // Европа. – 2005. – № 34.
36. Katyn : dokumenty zbrodni. – Т. 1. – Jency niewypowiedzianej wojny. – W-wa, 1995.
37. *Лебедева, Н.* Катынь : преступление против человечества / Н. Лебедева. – М., 1994.
38. *Lebiediwa, N.* Katyn : zbrodnia przeciwko ludzkosci / N. Lebiediwa. – W-wa, 1998.
39. Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений (1923–1944). – М., 1997.
40. Репрессии против поляков и польских граждан. – Вып. I. – М., 1997.
41. Гісторыя Беларусі, ХІХ – пачатак ХХІ ст. : вучэб. дапам. / пад рэд. Я. К. Новіка. – Мінск, 2014.

**АГЕНТУРНАЯ РАБОТА НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ В 1939–1945 гг.
(по материалам судебно-следственных дел
из фонда № 1363 Национального архива Республики Беларусь)***

Судебно-следственные дела (или их отдельные фрагменты – протоколы допросов, приговоры и т.д.) являются важным источником для изучения различных аспектов агентурной работы немецких спецслужб периода Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Являясь непосредственными организаторами или исполнителями этой деятельности, подсудимые, как правило, располагали достаточно большим объемом ценной и важной информации. Отметим, что в архивных фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) хранится значительный корпус подобных документов. В первую очередь укажем, что эти материалы отложились в фонде № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения) описи № 21, 22. Также некоторое количество подобных документов встречается в описях № 1, 2, 11а фонда БШПД, в объединенных архивных фондах партизанских формирований (№ 1399–1408) и в фонде ЦК КП(б)Б – № 4п.

В основном выявленные в указанных фондах судебно-следственные дела (или их фрагменты) касаются разоблаченных пособников, агентов, провокаторов, шпионов, то есть непосредственно исполнителей. Всего за годы оккупации немецкими спецслужбами на территории БССР было открыто 68 учебных разведывательно-диверсионных школ и курсов, через которые прошли обучение от 13 до 15 000 немецких агентов [1, с. 575, 579].

Только по данным Белорусского штаба партизанского движения за период оккупации партизанами Беларуси было взято на учет 29 252 человека. В том числе: немецких шпионов, диверсантов и террористов – 8 584. Из числа взятых на учет было арестовано и расстреляно 7 464 человек, в том числе 5584 немецких шпионов, диверсантов и террористов. Кроме того, было задержано и вывезено в советский тыл 60 человек крупных работников немецкой администрации, изменников, видных шпионов и провокаторов [13, л. 24–27].

В партизанских формированиях юридическая сторона выявления и разоблачения засылаемой немецкой агентуры регулировалась документами, составлявшими группу следственных материалов (следственное делопроизводство). Укажем, что в соединениях «лесных солдат» судебно-следственное делопроизводство далеко не всегда велось на качественном уровне и с соблюдением необходимых норм [2].

Серьезным недостатком в работе с разоблаченными шпионами было недостаточно подробное ведение допросов. Не уточнялись важные подробности разведывательной деятельности агента (кем и когда завербован, где

*Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941–1944 гг.».

обучался, какие предметы преподавались, приметы других курсантов и т.д.). Например, сотрудник особого отдела одной из партизанских партизанской бригад Яков Кондыба в апреле 1943 г. указывал, что «наши командиры и комиссары партизанских бригад и партизанских отрядов при задержании немецких агентов расстреливают, не уточняя его методов работы, какую именно задачу он получил от гестапо и не выясняют какие же основные задачи ставит противник перед агентурой, а как правило, после признания агента в принадлежности к немецкой разведке, сразу расстреливают» [12, л. 6–7].

Например, порядок следственных действий по отношению к разоблаченной вражеской агентуре в партизанских соединениях по Брестской области определялся в приказе № 0089/к от 14.02.1944 г., подписанном Уполномоченным штаба Соединения партизанских отрядов Брестской области Ковальским. В документе прописывался порядок оформления документов допроса задержанных. Приведем основные положения:

«1. Иметь рапорт о задержании, в котором указать место, время и при каких обстоятельствах задержан.

2. Протокол допроса, оформленный путем постановки вопросов и ответов допрашиваемого, на каждой стороне листа допроса допрашиваемый расписывается. Исправления в протоколе допроса должны быть оговорены и иметь подпись допрашиваемого.

3. Протокол обыска с приложением к нему всего изъятого.

4. По установлению фактов виновности в совершенных преступлениях выносится постановление о расстреле или же по установлению фактов невиновности выносится постановление об освобождении. Постановление о расстреле или об освобождении подписывается командиром, комиссаром и оперуполномоченным отряда.

5. По окончании следствия материал подшивается в хронологическом порядке и весь сгруппированный материал направляется в штаб соединения.

6. Задержание крупных шпионов, резидентов, националистов польских и украинских с материалами первичного дознания направляется в штаб соединения. Как исключение может являться сложная обстановка, которая дает право решать вопрос на месте.

7. Вещи личного обихода, снятые с расстрелянного шпиона и диверсанта, на основании постановления передаются по акту в партизанский отряд для использования. А акт приобщается к следственному делу» [11, л. 5–5об.].

Еще один значительный массив судебно-следственных документов сосредоточен в фонде № 1363. В декабре 2001 года Комитет государственной безопасности Республики Беларусь передал в НАРБ 2 897 уголовных дел на иностранных военнопленных и интернированных, осужденных за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны.

В фонде хранятся дела, заведенные органами «Смерш» фронтов и воинских частей на арестованных членов разведывательно-диверсионных групп, действовавших в тылу Красной армии, органах СД, Тайной полевой

полицейской (ГФП), абвере на оккупированных немцами территориях. Отметим, что вопросы агентурной работы охватывают не только территорию БССР, но и других территории СССР, а также стран Европы – Польшу, Германию, Францию. Для удобства работы с делами была опубликована опись: «Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси. 1944–1951 гг. (Опись уголовных дел фонда № 1363) [14].

Уголовные дела содержат стандартный набор документов. Он включает постановление о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения и предъявлении обвинения; об окончании следствия; анкету арестованного, протоколы личного обыска, допросов обвиняемых и свидетелей, судебного заседания, обвинительное заключение, приговор, кассационные документы и др.

Особый интерес представляют протоколы допросов обвиняемых. Это специфический источник, требующий критического подхода. Следует учитывать, что обвиняемый не всегда стремился говорить правду, иногда ему трудно было вспоминать произошедшее из-за давности события. Тем не менее использование и введение в научный оборот этих данных имеет большое значение.

Приведем наиболее важные и интересные, на наш взгляд, факты. Первый аспект касается «тотальности» агентурной работы немецких спецслужб и органов. Высказанный нами ранее тезис о том, что агентурной работой занимались практически все немецкие службы, находит подтверждение на страницах протоколов допросов. Так, военнослужащий айнзатцкоманды-8 Рейнгольд Вентербергер на допросе 28 мая 1947 г. отметил: «Вербовкой агентуры занимались все следователи СД. Первое время агентура не бралась на учет, но впоследствии была заведена картотека агентуры... При СД имелся аппарат штатных вербовщиков, которые находились на полном иждивении СД» [9, л. 100–101].

Важным также представляется мнение обвиняемых о сотрудничестве органов немецкой военной разведки (абвера) с полицией безопасности и СД. Так, военнослужащий зондеркоманды 7б Герберт Рейхерт в своих показаниях сообщил: «В практической работе СД и Абвер все время поддерживали деловой контакт. Дела, имеющиеся в СД по своему характеру больше интересующие абвер передавались ему и наоборот. Я лично знаю такой факт, когда на станции Коханово через агентуру Оршанского “Тайльtrupп” была захвачена группа партизан, в состав которой входил агент абвера, фамилию его сейчас не помню, то это дело было передано абверу» [7, л. 79об.–80].

Более того, большинство подсудимых, служивших в айнзатц и зондеркомандах, в качестве основных направлений и задач этих органов называют «обеспечение безопасности тыла немецкой армии. В основном вся работа сводилась к выявлению и уничтожению партизан и советских граждан, помогавших им, выявление коммунистов и лиц, ведущих агитацию против немецких властей, и разного рода других антигерманских преступников», а основным методом «была агентурная и следственная работа. Для этой цели имелись специальные агенты из русских при группах и в самом штабе

зондеркоманды, которые специально ходили среди населения, слушали разговоры, наблюдали за подозрительными лицами, выявляли активистов советской власти и коммунистов, и о результатах работы докладывали к прикрепленному сотруднику зондеркоманды... Были агенты, которых специально высылали в партизанские отряды или на розыски их. После месячного пребывания в отряде опять возвращался, докладывал все данные о партизанском отряде и уже зондеркомандой принимались меры к уничтожению этого партизанского отряда. В лагеря военнопленных и гражданских также посылали агентов, которые там проводили свою работу» [7, л. 150–151]. Военнослужащий зондеркоманды 76 Иван Панкрац показал, что агентура приобреталась из числа местного населения, «а часть агентуры была из числа пойманных и разоблаченных советских агентов-парашютистов, которых перевербовали. Так, например, при нашей группе, я знаю, агентами были две девушки, которые были пойманы и перевербованы. Часть агентуры находилась и жила при группе и ходила на задание...» [6, л. 184об.–185].

Важно отметить тот факт, что сотрудники различных органов полиции безопасности и СД подтверждают факт привлечения представителей еврейской национальности к агентурной работе. Карл Бухнер (Минское отделение СД) в своих показаниях отмечает: «Да, агентура среди еврейского населения была...» [3, л. 52, 57].

Одним из наиболее успешных направлений деятельности немецкой агентуры является работа накануне и в период проведения карательных операций нацистов против «лесных солдат». Шпионы засылались в лес с целью установления мест дислокации партизанских отрядов и бригад, системы охраны, постов, численности, вооружения, по возможности – совершения терактов. Прямых указаний на это не так много. В основном приходится довольствоваться косвенными фактами – соотносением района предстоящей операции со временем выпусков агентуры из близлежащих школ и курсов. Тем не менее обвиняемые также подтверждают то, что использовали деятельность разведчиков и шпионов при проведении карательных акций.

Например, следователь гестапо в Бешенковичах Иосиф Кёрнер указывал: «Мне известна большая операция, проводившаяся против партизан в мае 1944 года в районе Лепеля и Ушачи*, в это время я работал в Бешенковичском [отделении СД]. Для проведения этой операции были привлечены большие силы, участвовали русские войска, находившиеся на службе у немцев. Наше отделение также готовилось к этой операции, получались приказы, которые читал шеф отделения. К этому времени усиленно проводилась работа с агентурой, которая исключительно направлялась на выявление партизан, их места дислокации. Все полученные сведения от агентуры я перепечатывал на машинке» [3, л. 273].

*Имеется в виду карательная операция «Весенний праздник» (Фрюлингсфест), проводившаяся в апреле–мае 1944 г. против партизан Полоцко-Лепельской зоны.

Интересные данные о деятельности абвергруппы 310 на территории оккупированной Беларуси приводит переводчик Отто Ферингер. Он указывает, что агентура вербовалась «из числа военнопленных Красной армии и местного гражданского населения. Причем при отборе кандидатов на вербовку предпочтение отдавалось из среды военнопленных – лицам восточной национальностей – армянам, грузинам, а также татарам и украинцам. Из местных вербовались в первую очередь обиженные в свое время советской властью: раскулаченные, судимые, репрессированные по другим причинам. Помимо этого абвергруппа 310 получала проверенную агентуру от ГФП и в некоторых случаях – от СД» [10, л. 15–16, 27].

Подробные сведения о структуре, функциях и составе абверштелле (АСТ) «Кенигсберг» сообщил работник абвера Густав Евланский. Кроме того, он сообщил сведения о работе филиала АСТ в Белостоке, Гродно и Волковыске [8, л. 14–25].

Данные из протоколов допросов разоблаченных немецких работников спецслужб также касаются и крупной операции нацистских спецслужб, которую они проводили в конце 1944–начале 1945 г. – операции «Вервольф». Цель этой акции была в создании многочисленных мелких диверсионных групп в тылу наступающей Красной армии, которые бы проводили активную диверсионную и подрывную работу на территории Восточной Пруссии. По данным участников этой акции, сооружались специальные бункера для размещения диверсантов, делались закладки оружия, взрывчатых веществ и провизии для активных действий в тылу и на коммуникациях Красной армии [4, л. 10–12; 5, л. 8–20].

Подводя итог, отметим, что судебно-следственные дела на военнослужащих и работников немецких разведывательных органов и структур являются важным и информативным источником по изучению агентурной работы оккупантов в годы Второй мировой войны. Их введение в научный оборот существенно дополнит имеющиеся представления по указанной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулинок, С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. / С. В. Кулинок. – М. : Яуза, 2020. – 704 с.
2. Кулинок, С. В. Судебное делопроизводство в партизанских формированиях БССР в отношении разоблаченной агентуры противника в годы Великой Отечественной войны (по документам Национального архива Республики Беларусь) / С. В. Кулинок // Беларусь. археаграф. штогоднік. – 2018. – Вып. 19. – С. 37–50.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 66.
4. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 753.
5. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 893.
6. НАРБ. – Ф. 1393. Оп. 1. Д. 916.
7. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 917.

8. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1036.
9. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 1660.
10. НАРБ. – Ф. 1363. Оп. 1. Д. 2236.
11. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 17.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1298.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.
14. Осуждение иностранных военнопленных и интернированных в Беларуси. 1944–1951 гг. (Опись уголовных дел фонда № 1363) / сост. : В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск-Москва-Грац, 2016. – 552 с.

А. А. Крыварот

БЕЛАРУСКІЯ ПАРТЫЗАНЫ І ПОЛЬСКАЕ ПРАСАВЕЦКАЕ ПАДПОЛЛЕ: ПРАБЛЕМЫ ДАСЛЕДАВАННЯ ЎЗАЕМААДНОСІН

Праблема антыгерманскага ўзброенага супраціўлення на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны па-ранейшаму прыцягвае да сябе ўвагу гісторыкаў, архівістаў, краязнаўцаў. Разам з падраздзяленнямі савецкіх партызан тут дзейнічалі прасавецкія польскія падпольныя і партызанскія адзінкі, якія не падпарадкоўваліся польскаму эміграцыйнаму ўраду ў Лондане. Цікава вызначыць асаблівасці фарміравання гэтых адзінак у розных рэгіёнах Беларусі і тое, якім чынам будаваліся іх узаемаадносіны з беларускім партызанскім і падпольным рухам.

Некаторыя звесткі аб узаемадзеянні партызан Беларусі і прасавецкага польскага падполля прысутнічаюць у працах З. Барадзіна [1], Я. І. Сямашкі [2], у брашуры Г. Дз. Кнацько [3]. Варта адзначыць зборнік «В едином строю» [4], дзе сабраны шматлікія ўспаміны аб удзеле польскіх падпольных структур у савецкім партызанскім руху на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Аднак названая праблема да гэтага часу асобна не даследавалася.

Да пачатку нямецкай акупацыі на тэрыторыі Заходняй Беларусі пражывала вялікая колькасць палякаў. Сярод іх былі як мясцовыя жыхары, так і тыя, хто з розных прычын апынуўся ў рэгіёне пасля захопу германскімі войскамі цэнтральных раёнаў Польшчы ў верасні 1939 г. З першых месяцаў германскай акупацыі заходнебеларускіх рэгіёнаў прасавецкі настроеныя палякі аказвалі разнастайную дапамогу партызанскім групам, сфарміраваным у 1941 г. з воінаў-акружэнцаў і мясцовых жыхароў. Перадавалі зброю, адзенне, медыкаменты. Ва ўмовах германскай акупацыі палякі стваралі аўтаномныя падпольныя і партызанскія структуры ці ўступалі ў беларускія партызанскія фарміраванні, з ліку якіх нярэдка арганізоўваліся аддзяленні, узводы, роты і нават атрады. Іх называлі яшчэ «зьялёнымі». Варта азначыць, што існавалі і складанасці далучэння палякаў да савецкага партызанскага руху, што тлумачылася дзейнасцю на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі Арміі Краёва (АК). Кіраўніцтва гэтай арганізацыі неаднаразова заяўляла, што менавіта ў АК павінны быць палякі [4, с. 15].

Узаемадзеянне палякаў з беларускімі партызанамі і падпольшчыкамі адбывалася шмат у якіх рэгіёнах акупаванай германскімі войскамі тэрыторыі Беларусі, але найперш на захадзе рэспублікі. Кантакты беларускіх партызан з польскімі партызанскімі і падпольнымі групамі прасавецкай арыентацыі сталі наладжвацца з лета 1942 г. Найбольшая колькасць такіх кантактаў адбывалася на тэрыторыі Баранавіцкай вобласці. Па некаторых звестках у партызанскіх фарміраваннях дадзенага рэгіёна змагалася каля 500 палякаў. Так, на тэрыторыі Мірскага раёна непадалёку ад месца базіравання партызанскай групы, з якой у верасні 1942 г. аформіўся атрад «Камсамалец» (камандзір А. Саяцэвіч), размяшчалася польская партызанская група колькасцю каля 20 чалавек на чале з Ю. Мархвінскім. Палякі сумесна з байцамі беларускага атрада ўдзельнічалі ў баявых аперацыях супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Першыя сумесныя баі былі праведзены ў жніўні–верасні 1942 г., калі партызаны напалі на нямецкія гаспадаркі ў населеных пунктах Обрынь, Рап’ёва, Краснагоркі, Некрашэвічы і спалілі вялікую колькасць звестага з палёў неабмалочанага хлеба, разграмілі нямецкія склады з прадуктамі, падрыхтаванымі для адпраўкі ў Германію. Аб’ектамі сумесных удараў станавіліся таксама пункты сувязі на шашэйных дарогах Баранавічы–Мінск. Буйная сумесная аперацыя адбылася 10 снежня 1942 г., калі тры беларускія атрады і група Ю. Мархвінскага нанеслі ўдар па даволі моцнаму апорнаму пункту праціўніка ў населеным пункце Турэц. У выніку цяжкага і напружанага бою партызаны разбурылі маслазавод і нямецкую ўправу. Аднак асноўныя сілы акупантаў умацаваліся ў мураваным будынку, адкуль іх не ўдалося выбіць. Пры вяртанні на свае базы партызаны разграмілі паліцэйскі пост у вёсцы Ярэмчы. Пазней група Ю. Мархвінскага перабралася на поўнач Налібоцкай пушчы і ўдзельнічала ў фарміраванні атрада «26 год Кастрычніка» ў складзе брыгады імя В. П. Чкалава [2, с. 130–131; 4, с. 228; 5, с. 214–215].

У раёне Налібоцкай пушчы яшчэ летам 1942 г. разгарнула сваю дзейнасць падраздзяленне пад камандаваннем А. Свентаржыцкага, у якім большасць складалі палякі з Валожынскага і Івянецкага раёнаў. Атрад у колькасным складзе 55 чалавек з ліпеня па верасень 1942 г. уваходзіў у склад АЗПА, а затым быў расфарміраваны. Групы А. Свентаржыцкага і Я. Дз. Васюціна да канца 1942 г. дзейнічалі самастойна, а затым увайшлі ў склад брыгады імя В. П. Чкалава. Трэба адзначыць, што А. Свентаржыцкі пэўны час быў прыхільнікам АК, але затым скончыў сувязь з гэтай структурай. З мэтай правядзення агітацыйна-прапагандысцкай работы сярод польскага насельніцтва вясной–летам 1943 г. камандаванне брыгады з дазволу Баранавіцкага падпольнага абкама КП(б)Б арганізавала некалькі рэйдаў партызанскай разведгрупы А. Свентаржыцкага. Падраздзяленне здзейсніла паходы па тэрыторыі Валожынскага, Івянецкага, Стаўбцоўскага, Мірскага і іншых раёнаў вобласці. Партызаны-палякі інфармавалі насельніцтва пра зверствы нацыстаў у Польшчы, даводзілі зводкі аб сітуацыі на савецка-германскім фронце, раздавалі тэксты зваротаў «Саюза польскіх патрыётаў»

(СПП), сфарміраванага 1 сакавіка 1943 г. у Маскве, крытыкавалі палітыку польскага эмігранцкага ўрада ў Лондане. Рэйд адыгралі прыкметную ролю ў справе далучэння палякаў да ўзброенай барацьбы супраць акупантаў. У ліпені 1943 г. група мела ў сваім складзе 50 байцоў. Для партызан-палякаў камандаваннем брыгады быў устаноўлены спецыяльны знак адрознення – бела-чырвоная стужка на фуражцы [1, с. 72–73; 4, с. 188; 6, с. 380].

Група палякаў А. Свентаржыцкага нярэдка ўдзельнічала ў баявых аперацыях. Так, падчас правядзення агітацыйных рэйдаў група нападала на паліцэйскія патрулі і пасты. Разам з атрадамі брыгад М. І. Грыбанова і П. І. Гулевіча палякі ўдзельнічалі ў жорсткіх баях супраць карнай экспедыцыі «Герман» (1.07–11.08.1943). Разведгрупа праціўніка колькасцю 40–60 чалавек пад выглядам польскіх партызан пранікла ў раён вёскі Печышча з боку Углоў і наскочыла на засаду польскай групы на чале з Ю. Мархвінскім. Гэта група вясной 1943 г. перабралася са Стаўбцоўскага раёна на поўнач Налібоцкай пушчы і ўлілася ў брыгаду імя В. П. Чкалава. У выніку бою немцы страцілі два чалавекі забітымі, а польская група была вымушана адыйсці ўглыб лесу. Група А. Свентаржыцкага ўзаемадзейнічала з партызанамі атрада імя С. М. Кірава (камандзір Я. Д. Васюцін) у раёне вёскі Печышча пры абароне партызанскага аэрадрома. Позняй восенню 1943 г. на аснове падраздзялення польскіх партызан быў сфарміраваны атрад «26 год Кастрычніка» ў складзе амаль 100 чалавек. Ва ўзнагародным лісце на Ю. Мархвінскага адзначана, што ён займаў пасаду камандзіра гэтага атрада. У даведніку «Партизанские формирования...» датай арганізацыі атрада названа 26 кастрычніка 1943 г., а вось прозвішча камандзіра І. Л. Еўсцягнева ўказана толькі з сакавіка 1944 г. і адсутнічае згадка пра тое, што раней гэту пасаду займаў Ю. Мархвінскі. Атрад быў сфарміраваны на базе групы палякаў, а ў даведніку ўказана толькі аб афармленні падраздзялення на базе рэзерўнай групы брыгады. Партызаны атрада актыўна займаліся дыверсіямі на чыгуначных лініях. На баявым рахунку падрыўных груп 4 знішчаныя і выведзеныя са строю эшалоны з жывой сілай і тэхнікай, 11 разбітых вагонаў і некалькі платформаў. На шашэйных дарогах партызанамі беларуска-польскага атрада ўзарвана 6 аўтамашын, забіта і паранена больш за 50 акупантаў [4, с. 190, 197; 6, с. 381; 7, л. 95, 245].

На тэрыторыі Налібоцкай пушчы базіраваліся яшчэ некалькі польскіх партызанскіх груп, якія затым па загадзе камандавання перабраліся на мяжу з Беластоцкай вобласці. Адно с такіх падраздзяленняў пад камандаваннем П. Крэты здзейсніла марш у заходнім напрамку вясной 1944 г. На новым месцы дыслакацыі на аснове групы П. Крэты пры Антыфашысцкім камітэце польскіх патрыётаў быў створаны атрад імя В. Васілеўскай (камандзір В. І. Альхімовіч). Польскае падраздзяленне дзейнічала ў Шчучынскім, Васілішкаўскім і Радунскім раёнах, дзе праводзіла агітацыю сярод мясцовага насельніцтва і баявыя аперацыі. Асноўная ўвага звярталася на нанясенне ўдараў па камунікацыях праціўніка на чыгунцы і шашэйных дарогах. У чэрвені 1944 г. партызаны на чале з намеснікам камандзіра атрада

К. Марцінкевічам узарвалі нямецкі эшалон з аўтамашынамі на перагоне паміж станцыямі Скрыбава–Жалудок. Група падрыўнікоў на чале з П. Крэта знішчыла мост на рацэ Котра каля вёскі Канюхі Скідальскага раёна.

З набліжэннем лініі фронту летам 1944 г. пры Баранавіцкім партызанскім злучэнні з палякаў былі створаны два падраздзяленні. Сярод іх асобны атрад, камандзірам якога стаў перакінуты з Вялікай зямлі Міхаіл Голдыс. Неўзабаве перад атрадам была пастаўлена задача на перамяшчэнне на тэрыторыю Польшчы. У апошнія тыдні акупацыі пры штабе злучэння быў створаны польскі батальён імя Т. Касцюшкі [1, с. 73; 4, с. 19, 202].

На працягу 1943 г. партызаны-палякі ваявалі ў многіх атрадах, якія базіраваліся ў розных раёнах Баранавіцкай вобласці. Польскі ўзвод, а потым рота (камандзір Я. Міканоўскі) былі створаны ў атрадзе імя Г. К. Жукава Баранавіцкай вобласці. У маі 1943 г. польскі ўзвод у складзе атрада ўдзельнічаў у падрыве эшалона з нафтай. У жніўні–верасні 1943 г. палякі вызначыліся ў «рэйкавай вайне». У лістападзе 1943 г. польская баявая адзінка ў складзе атрада рабіла напады з засады на нямецкі транспарт, які перамяшчаўся па шашэйных дарогах. У пачатку 1944 г. польская рота выконвала заданне па наладжванні сувязяў з партызанскімі атрадамі ў Слоніўскім раёне. Пасля сустрэчы атрада імя Г. К. Жукава з часцямі Чырвонай арміі партызаны-палякі ўступілі ў Войска Польскае. Нягледзячы на тое, што ў некаторых беларускіх партызанскіх фарміраваннях знаходзілася нямала палякаў, асобныя падраздзяленні з іх ліку не ствараліся. Так, у брыгадзе імя А. В. Суворова было каля 50 палякаў, якія дзейнічалі ў розных атрадах. У брыгадзе імя В. І. Леніна ваявалі 13 байцоў-палякаў. Партызаны-палякі ў атрадах «Камсамалец» брыгады «Камсамалец», «1 Мая» брыгады «Перамога» разам з беларускімі партызанамі ў жніўні і верасні 1943 г. праводзілі дыверсіі на чыгуначнай лініі Стоўбцы–Гарадзья. Удалай сумеснай аперацыяй быў напад у ноч з 5 на 6 верасня 1943 г. на нямецкі гарнізон у Сялёвічах каля Нясвіжа [2, с. 130–131; 3, с. 14; 4, с. 206–209; 8, л. 124].

На тэрыторыі Брэстчыны месцам узаемадзеяння беларускіх і польскіх партызан былі яе паўднёвыя раёны. У атрадзе імя Г. К. Жукава (камандзір В. В. Каткоў) з лета 1943 г. дзейнічала група падрыўнікоў-палякаў на чале з Ч. Шэляхоўскім. Ва ўзаемадзеянні з іншымі падрыўнымі групамі палякі правялі некалькі дыверсій на дарогах Брэст–Ковель, Брэст–Владава. Камандзір польскай групы навучыў мінна-падрыўной рабоце многіх партызан атрада і садзейнічаў стварэнню новых баявых адзінак. Дыверсійныя групы за кароткі тэрмін падарвалі чатыры воінскія эшалоны з жывой сілай і тэхнікай паміж станцыямі Хаціслаў і Забалацце, Маларыта і Хаціслаў. У раёне станцыі Пажэжына быў выведзены са строю паравоз, разбіта некалькі вагонаў з жывой сілай і 9 платформ з танкамі, а каля Забалацця партызаны падарвалі цягнік з афіцэрамі, якія накіроўваліся на адпачынак. Восенню–зімой 1943 г. беларускія і польскія партызаны сумесна правялі некалькі паспяховых аперацый супраць тылавых аб’ектаў акупантаў. Так, у кастрычніку быў ажыццёўлены напад на чыгуначную станцыю Дамачава. Польская

група першай прарвалася на пуці, дзе знаходзіліся два эшалоны з харчаваннем і фуражом для адпраўкі на фронт, і падпаліла вагон з сенам. У выніку бою была разбурана станцыя, спалены вагоны, захоплена зброя і боепрыпасы. У лістападзе 1943 г. польская група падрыўнікоў і ўзвод партызан-палякаў (камандзір Р. Новік) агульнай колькасцю 56 чалавек удзельнічалі ў аперацыі па разгроме буйнога акупацыйнага гарнізона ў мястэчку Шацк Валынскай вобласці, які меў на ўзбраенні 8 кулямётаў і шмат аўтаматычнай зброі. Казармы былі акружаны акопамі, дзотамі, калючым дротам. У выніку нападу апорны пункт быў разгромлены і спыніў сваё існаванне. Нападаўшыя захапілі шмат зброі і абмундзіравання. У палон здаліся каля 80 казакаў. У баі партызаны страцілі 20 чалавек забітымі і 20 параненымі. У гэтым баі вызначылася група падрыўнікоў на чале з Ч. Шэляхоўскім. Значнаму павелічэнню колькасці палякаў у атрадзе паспрыяў разгром нямецкага гарнізона ў Маларыце. Падчас аперацыі ў снежні 1944 г. партызаны разграмілі дэпо, разбілі маслазавод, дапамаглі 40 палякам-работнікам аэрадрома сысці ў партызанскі атрад. Такая колькасць палякаў у партызанскім атрадзе дазволіла ў студзені 1944 г. стварыць роту палякаў на чале з Чэславам Шэляхоўскім. У роце было тры ўзводы, у кожным з якіх па тры аддзяленні. Заняткі з польскімі байцамі праводзіліся на польскай мове. У чэрвені 1944 г. амаль усе палякі, што прыйшлі ў партызанскае падраздзяленне з нямецкага аэрадрома, перайшлі ў атрад імя В. Васілеўскай. У сувязі з гэтым у польскай роце атрада засталася два ўзводы. Пасля арганізацыі на базе атрадаў імя Жукава і Варашылава брыгады імя В. І. Леніна польская рота была расфарміравана [4, с. 26–27, 33, 36, 38, 41, 46, 48, 52; 9, с. 271–272, 275, 282; 10, с. 148].

Некаторыя партызанскія і падпольныя групы палякаў імкнуліся да стварэння сваіх атрадаў. Адначасова іх камандаванне было настроена на шчыльнае супрацоўніцтва і ўзаемадзейненне з беларускімі атрадамі. Напрыклад, польская група «Юра» пад камандаваннем З. Карліцкага (па некаторых дадзеных В. Збілюта) мела значны рэзерв, бо на тэрыторыі Жабінкаўскага раёна і па суседстве з ім жылі каля ста палякаў, якія дзейнічалі ў якасці партызанскіх сувязных, з'яўляліся членамі падполля. Некаторы час гэтая польская адзінка адносіла сябе да падраздзялення АК. З вясны 1943 г. група стала праводзіць дыверсіі на чыгунцы і шашэйных дарогах і ўзаемадзейнічала з атрадам імя М. М. Чэрнака, а ў пачатку снежня 1944 г. пасля цяжкага бою з карнікамі ўвайшла ў яго склад. У атрадзе з палякаў была створана асобная рота (камандзір З. Карліцкі). Для ўкамплектавання падраздзялення камандаванне атрада дапоўніла яе склад партызанамі польскай нацыянальнасці з іншых рот. У польскім падраздзяленні была створана спецыяльная дыверсійная група на чале з У. Грывач. Гэтая група ва ўзаемадзейненні з іншымі групамі атрада пусціла пад адхон некалькі эшалонаў праціўніка. Найбольш удалай была аперацыя ў ноч з 29 на 30 студзеня 1944 г., калі непадалёку ад станцыі Жабінка ў напрамку вёскі Панцюхі група У. Грывача пусціла пад адхон варожы эшалон з боепрыпасамі і жывой сілай. Яшчэ адна

польская дыверсійная група (старшы Шэліга) гэтага ж атрада свой першы ваенны цягнік падарвала сумесна з беларускімі партызанамі ў снежні 1943 г. каля вёскі Багуславічы на лініі Жабінка–Кобрын. У пачатку сакавіка 1944 г. польская рота ў складзе 60 чалавек знаходзілася ў раёне вёскі Вярхі, дзе дыверсійнай групай на чале з Шэлігам быў падарваны эшалон з афіцэрамі і салдатамі, якія накіроўваліся на велікодны адпачынак у Германію. У выніку аперацыі былі ліквідаваны некалькі дзясяткаў германскіх ваеннаслужачых, а рух цягнікоў быў спынены амаль на суткі. У сярэдзіне сакавіка 1944 г. большая частка роты ў сувязі з карнай экспедыцыяй перамясцілася на ўсход і, знаходзячыся на поўдзень ад Пінска, злучылася з часцямі Чырвонай арміі [3, с. 14; 4, с. 56, 60, 66, 70–71; 10, с. 126; 11, с. 247–248].

Актыўна дзейнічалі прасавецкія польскія падпольныя і партызанскія адзінкі на тэрыторыі Пінскай вобласці. Адно з першых польскіх партызанскіх падраздзяленняў у рэгіёне было створана ў маі 1943 г. на сходзе жыхароў у вёсцы Вялікая Глуша. У першы час група колькасцю 20 чалавек дзейнічала самастойна і ўзаемадзейнічала з беларускімі партызанамі. Ужо ў трэцяй дэкадзе мая 1943 г. беларускія партызаны з атрадаў імя Г. К. Арджанікідзе, імя С. Г. Лазо, імя А. В. Суворова і польская група аказвалі супраціў карнікам падчас аперацыі ў раёне Дняпроўска-Бугскага канала. У канцы ліпеня – пачатку жніўня 1943 г. быў арганізаваны польскі партызанскі атрад імя Т. Касцюшкі (камандзір Ч. Вархоцкі). Аб значнасці падзеі сведчыць тое, што ва ўрачыстай цырымоніі з гэтай нагоды прынялі ўдзел сакратары падпольных райкамаў КП(б)Б, камандаванне беларускіх партызанскіх фарміраванняў, а таксама камандзір Вальнскага партызанскага злучэння Герой Савецкага Саюза А. Ф. Фёдараў са сваім штабам. Неўзабаве пасля арганізацыі Пінскай партызанскай брыгады польскі атрад увайшоў у яе склад. У далейшым атрад сумесна з партызанамі брыгады ўдзельнічаў у праведзенні дыверсій на камунікацыях, аперацый супраць акупацыйных гарнізонаў. Усяго падчас удараў па чыгунцы атрад імя Т. Касцюшкі падарваў 12 эшалонаў. Некалькі разоў польскае падраздзяленне на тэрыторыі Беларусі проводзіла баі з адзінкамі АУН-УПА. У ліпені 1944 г. большая частка атрада імя Касцюшкі была перакінута далей на захад [4, с. 101–113; 10, с. 614–615].

На базе польскага атрада імя Т. Касцюшкі вясной 1944 г. фарміравалася спецыяльнае падраздзяленне, якое планавалася выкарыстаць для пашырэння партызанскага руху на Любліншчыне. Было арганізавана фарсіраванае навучанне моладзі-дабраахвотнікаў. Некалькі разоў атрад імя Т. Касцюшкі атрымліваў на парашутах зброю – новыя аўтаматы, кулямёты Дзягцярова і вялікую колькасць боепрыпасаў. Праз некаторы час каля 100 партызан атрада перайшлі за Буг для ўмацавання дзеючых там атрадаў Гвардыі Людовай. Пасля злучэння з часцямі Чырвонай арміі польскі атрад быў накіраваны ва ўкраінскі горад Роўна, дзе знаходзіўся штаб польскага партызанскага руху. Адтуль 97 партызан на чале з камандзірам Ч. Клімам былі перакінуты на Любліншчыну для ўмацавання атрадаў Арміі Людовай. Астатнія ўступілі ў склад Войска Польскага [4, с. 125, 130].

Яшчэ адзін польскі атрад на тэрыторыі Піншчыны быў сфарміраваны ў студзені 1944 г. пасля таго, як акупантам удалося натрапіць на след Лагішынскай падпольнай антыфашысцкай групы, якая аформілася вясной 1942 г. і налічвала 20 чалавек. Падпольшчыкі займаліся сабатажам, дыверсіямі на камунікацыях і іншых аб'ектах акупантаў, збіралі для партызан зброю, разведдадзеныя, медыкаменты, ратавалі моладзь ад уgonу ў Германію. У сувязі з рэпрэсіямі падпольная група атрымала загад выйсці ў партызанскую зону. Камандаванне брыгады і Лагішынскі падпольны РК КП(б)Б атрымалі дазвол ад Пінскага падпольнага абкама КП(б)Б на арганізацыю польскага атрада, аснову якога склалі лагішынскія падпольшчыкі. Камандзірам атрада, які атрымаў назву Лагішынскі, стаў Аляксей Жылевіч. Раней ён быў кіраўніком польскай падпольнай групы. Партызаны Лагішынскага атрада непасрэдна ўдзельнічалі ў многіх аперацыях брыгады імя В. В. Куйбышава (камандзір У. М. Антановіч). Падрывалі масты, мініравалі дарогі, арганізоўвалі засады, знішчалі тэлеграфную сувязь на ўчастках Пінск–Лагішын, Лагішын–Ганцавічы, Лагішын–Целяханы. Беларускія і польскія партызаны неаднаразова рабілі вылазкі ў Лагішын для правядзення дыверсій. Сумеснымі намаганнямі быў пабудаваны палявы аэрадром, на які ў ноч з 28 на 29 красавіка 1944 г. прылятаў першы самалёт са зброяй, боепрыпасамі, медыкаментамі, літаратурай. Напярэдані аперацыі «Баграціён» у ноч на 20 чэрвеня 1944 г. польскі атрад і партызаны брыгады праводзілі аперацыі на чыгунцы Лунінец–Пінск у раёне станцыі Парахонск. Лагішынскі атрад аперыраваў непадалёку ад чыгуначнага пераезду, на ўсход ад станцыі Гарадзішча. Польскія партызаны таксама вялі разведку ў інтарэсах штаба 61-й арміі 1-га Беларускага фронту. Падчас вызвалення войскамі Чырвонай арміі тэрыторыі Пінскай вобласці Лагішынскі атрад разам з іншымі атрадамі брыгады выконваў задачу па нанясенні ўдараў па адступаючых нямецкіх войсках у раёне Лунінец–Лагішын–Пінск. Непадалёку ад вёскі Багданаўка партызаны з засад раптоўна напалі на ўзмоцнены стралковы батальён і знішчылі дзясяткі акупантаў. Пасля расфарміравання брыгады імя В. В. Куйбышава многія партызаны Лагішынскага атрада пайшлі на захад і працягнулі барацьбу з гітлераўцамі на польскай тэрыторыі [4, с. 162, 164, 165, 175, 178; 12, с. 282–285].

Узаемадзеянне беларускіх падпольных і партызанскіх структур з польскімі падпольнымі групамі мела месца і на тэрыторыі ўсходніх абласцей Беларусі. Сюды немцы адпраўлялі палякаў у складзе дапаможных падраздзяленняў нямецкай арміі і рабочых каманд па рамонце чыгункі, шашэйных дарог і мастоў. Адна з такіх груп палякаў апынулася ў Чэрыкаўскім раёне. Прасавецкі настроеная група палякаў каардынавала свае дзеянні з чэрыкаўскімі падпольшчыкамі і перадавала партызанам боепрыпасы да трафейнай зброі, медыкаменты, соль. Беларускія партызаны і польская група-дарожнікаў на начных прыпынках нямецкіх калон арганізоўвалі пажары, прабівалі колы ў машынах, выпускалі бензін з бакаў, разражалі акумулятары. У маі 1943 г. чэрыкаўскія партызаны пачалі атрымлі-

ваць міны з савецкага тылу і польская група далучылася да ўдзелу ў дыверсіях на камунікацыях. У пачатку чэрвеня 1943 г. па прычыне неўзгодненых дзеянняў атрадаў 47-га «Перамога» (камандзір Ф. П. Ліпкін) і 720-га (камандзір Г. А. Храмовіч) не ўдалося правесці аперацыю па вываду ў лес вялікай групы палякаў. Такі прывал прывёў да арышту немцамі мясцовых падпольшчыкаў і палякаў-рабочых, многія з якіх пасля катаванняў былі забіты ці адпраўлены ў канцлагер [4, с. 360, 363, 366–367, 369–370].

Летом 1943 г. в партызанскай атрад «Іскра» (камандзір У. П. Дзярабін) брыгады «Разгром» Мінскай вобласці перайшла ўзброеная група палякаў, якая была мабілізавана ў нямецкую армію і знаходзілася ў гарадскім пасёлку Смалявічы. Гэта стала магчымым дзякуючы доўгай, карпатлівай і рызыкаўнай працы членаў ініцыятыўнай групы атрада на чале з І. Д. Мікалаевым. Больш за 10 палякаў (старшы У. Рачынскі) з першых дзён знаходжання ў падраздзяленні ўключыліся ў партызанскую барацьбу з акупантамі. Так, дзейнічаючы з засады на шашы Мінск–Магілёў каля населенага пункта Паплавы, беларускія і польскія партызаны разграмілі нямецкую калону і захапілі сем падвод з хлебам, 16 вінтовак, 2 аўтаматы, забілі і паранілі 18 акупантаў. Польскія байцы ўваходзілі склад груп падрыўнікоў падчас «рэйкавай вайны», удзельнічалі ў нападах на нямецка-паліцэйскія гарнізоны і іншыя тылавыя аб'екты гітлераўцаў [Там жа, с. 294–297].

На тэрыторыі Палескай вобласці ў пачатку 1942 г. былі ўстаноўлены сувязі калінкавіцкіх падпольшчыкаў з польскай рабочай камандай, асабовы склад якой знаходзіўся ў т.з. рабочых цягніках і дарожных групах. Некаторыя з іх заяўлялі, што гатовы змагацца з немцамі, але толькі ў складзе арміі генерала Андэрска. Не зусім удалым аказаўся выхад палякаў колькасцю 33 чалавек да беларускіх партызан. У сувязі з тым, што камандаванне атрада не мела магчымасці выканаць абяцаную падпольшчыкамі ўмову аб адпраўцы палякаў у савецкі тыл, частка з іх вярнулася і была схопленая гестапа. Астатнія палякі ўліліся ў партызаны. Нягледзячы на прывал, калінкавіцкім падпольшчыкам удалося наладзіць сувязь з групай палякаў колькасцю 11 чалавек на чале Я. Зробекам. Група перадавала падпольшчыкам і партызанам патроны, узрыўчатку, медыкаменты. У канцы чэрвеня 1942 г. сумесна былі знішчаны пуцэправоды на чыгуначных участках Калінкавіцкі–Кацуры і Калінкавічы–Мазыр, праведзена дыверсія на вадакачцы ў Калінкавічах. Тром членам групы Я. Зробека ўдалося перайсці ў партызаны. Пазней немцы вывезлі астатніх польскіх рабочых са станцыі Калінкавічы ў невядомым напрамку [Там жа, с. 391–395]. У атрадзе № 132 (камандзір Р. І. Кравец) Петры-каўскай партызанскай брыгады ваявала група-рабочых з Лодзі. Яны прымалі ўдзел у разгроме нямецка-паліцэйскіх гарнізонаў, у дыверсіях, масіраваным ударах па чыгунцы Жыткавічы–Калінкавічы 25 верасня 1943 г., знішчалі нямецкіх карнікаў у вёсках Брынеў, Белеў, Новасёлкі, Бобрык. Пры злучэнні палескіх партызан з часцямі Чырвонай арміі 10 ліпеня 1944 г. польскія патрыёты былі накіраваны ў часці Войска Польскага [Там жа, с. 396].

Фарміраванне польскага прасавецкага падполля на акупіраванай тэрыторыі Беларусі мела свае асаблівасці ў розных яе рэгіёнах. У заходніх абласцях Беларусі, дзе пражывала значная колькасць палякаў, як мясцовых, так і тых, хто туды перамясціўся ў выніку акупацыі гітлераўскай Германіяй Цэнтральнай Польшы, зачасцю польскія падпольныя групы ўзніклі самастойна і затым уступалі ва арганізацыйнае і баявое ўзаемадзеянне з беларускімі партызанамі. На тэрыторыі ўсходніх абласцей Беларусі польскія падпольныя структуры ўзніклі з ліку асоб, якія апынуліся ў рэгіёне ў складзе дапаможных падраздзяленняў нямецкай арміі ці акупацыйных рабочых каманд па рамонце чыгункі, шашэйных дарог і мастоў. Стварэнне падпольных груп тут адбывалася шмат у чым дзякуючы арганізацыйнай рабоце беларускіх партызан і падпольшчыкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Барадзін, З.* Нёман – рака нязгоды / З. Барадзін ; пер. з польскай мовы. – СПб. : Невский Простор, 2018. – 333 с.
2. *Сямашка, Я. І.* Армія Краёва на Беларусі / Я. І. Сямашка. – Мінск : Хата, 1994. – 270 с.
3. *Кнацько, Г. Д.* Главное дело (вклад союза польских патриотов в СССР в создание демократической Польши) / Г. Д. Кнацько – Минск, 1988. – 25 с.
4. В едином строю : Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. 1941–1944 / Г. Д. Кнацько. – Минск : Беларусь, 1970. – 531 с.
5. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Карэліцкага р-на. – Мінск : Ураджай, 2000. – 645 с.
6. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Сталбцоўскага раёна. – Менск : БэлЭн, 2004. – 832 с.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 305.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 307.
9. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Маларыцкага р-на. – Менск : Ураджай, 1998. – 535 с.
10. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
11. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Жабінкаўскага р-на. – Менск : Ураджай, 1999. – 510 с.
12. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Пінскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 624 с.

ДАКУМЕНТЫ ГЕРМАНСКИХ АКУПАЦИЙНЫХ УЛАДАЎ ЯК БІЯГРАФІЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

Гісторыя Вялікай Айчыннай вайны да гэтага часу выклікае вялікую цікавасць і не губляе сваёй актуальнасці сярод навукоўцаў і генеалаў, якія ў пошуках неабходных крыніц звяртаюцца ў архівы. Найбуйнейшым сховішчам дакументаў перыяду вайны на тэрыторыі Беларусі з'яўляецца Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Тут прадстаўлены матэрыялы партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі. На гэтай аснове былі створаны картатэкі ўдзельнікаў партызанскага руху (у тым ліку падпольшчыкаў і сувязных), а таксама ўзнагароджаных. Варта адзначыць, што на працягу некалькіх гадоў Нацыянальным архівам сумесна з выдавецкім домам “Беларусь сёння” праводзіцца праца па алічбаванні дакументаў Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР) і прадстаўленні іх на сайце “Партызаны Беларусі” (partizany.by). Асноўны комплекс змешчаных на сайце крыніц складаюць асабістыя лісткі і ўзнагародныя дакументы на радавы і камандны склад. Дзякуючы базе дадзеных “Германская неволя” можна праверыць, ці ёсць у архіве звесткі аб родных, якія апынуліся на прымусовых працах у краінах Заходняй Еўропы пад час вайны. Для палягчэння пошуку звестак аб грамадзянскім насельніцтве, якое пражывала на акупаванай тэрыторыі Беларусі, супрацоўнікі архіва распрацавалі пералік дакументаў “Грамадзянскае насельніцтва ў гады акупацыі на тэрыторыі Беларусі”. Аснову гэтых баз, картатэк, пералікаў складаюць дакументы партызанскіх брыгад і атрадаў, БШПР. У той жа час амаль не выкарыстоўваюцца дакументы германскіх акупацыйных устаноў. Адзначым, што частка насельніцтва супрацоўнічала з акупацыйнымі ўладамі, частка была вымушана кантактаваць з уладамі для вырашэння тых ці іншых пытанняў, акрамя таго, у акупацыйных установах працавалі замежныя спецыялісты. Такім чынам, зварот да гэтых матэрыялаў можа спрыяць выяўленню і ўвядзенню ў навуковы ўжытак новых, раней невядомых крыніц біяграфічнага характару.

Дакументы нямецкіх акупацыйных уладаў перыяду Вялікай Айчыннай вайны можна падзяліць на некалькі груп:

- вышэйшыя органы ўпраўлення акупаванымі тэрыторыямі;
- мясцовыя органы акупацыйнай адміністрацыі і органы самакіравання;
- цэнтральныя органы самакіравання і іх рэгіянальныя аддзяленні;
- воінскія ўстановы, часці, фарміраванні;
- паліцыя і фарміраванні, якія выконвалі паліцэйскія функцыі;
- органы судовай улады і адвакатуры;
- органы і арганізацыі па мабілізацыі і выкарыстанні працоўнай сілы, фінансавання і крэдытавання прамысловасці, сельскай і лясной гаспадаркі, будаўніцтва, транспарта, сувязі, гандлю, адукацыі, культуры і мастацтва, друку і выдавецкай справы;

- грамадскія аб'яднанні і фарміраванні, якія легальна функцыянавалі ва ўмовах акупацыі.

Усяго яны складаюць 72 фонда. Акрамя таго, у архіўным фондзе БШПР захоўваюцца дакументы некаторых упраў. Інфарматыўнасць і ўзровень іх захаванасці розныя, большасць напісана на нямецкай мове.

Дакументы нямецкіх акупацыйных устаноў, у якіх знайшлі адлюстраванне звесткі біяграфічнага характару, можна падзяліць на некалькі тэматычных блокаў. Вялікую частку складаюць матэрыялы аб супрацоўніках вышэйшых і мясцовых органаў акупацыйнай адміністрацыі: асабістыя справы, асабістыя карткі, працоўныя кніжкі, анкеты, спісы супрацоўнікаў Генеральнага камісарыяту Беларусі (ГКБ), акруговых камісарыятаў і акупацыйных устаноў; распараджэнні ГКБ аб прыёме на працу асоб нямецкай нацыянальнасці і мясцовага насельніцтва; спісы, характарыстыкі, аўтабіяграфіі служачых ГКБ (тут можна знайсці дакументы за 1920–1930-я гг.) і падначаленых яму ўстаноў. У перапісцы аб прызначэнні (зняцці, перамяшчэнні) немцаў на розныя пасады захоўваюцца анкеты, аўтабіяграфіі, характарыстыкі і інш.

Фінансавы блок складаюць ведамасці на выдачу заробку, патрабаванні нямецкіх служачых на выплату часткі заробку родным, якія пражывалі на тэрыторыі занятых усходніх абласцей; спісы польскіх рабочых будаўнічага лагера ў Мінску, рабочых, якія працавалі на прадпрыемствах горада і інш.; заявы нямецкіх служачых на атрыманне пад'ёмных пры пераводзе іх з Германіі ў Генеральную акругу Беларусь. Частка дакументаў прадстаўлена асабістай перапіскай супрацоўнікаў ГКБ, кіраўніка апякунскага савета ГКБ Х. Гербста, заявамі і анкетамі асоб для атрымання дазволу на выезд родных служачых ГКБ і акруговых камісарыятаў з Германіі на тэрыторыю занятых усходніх абласцей, спісы жонак служачых акупацыйных устаноў Беларусі, якія вярталіся з дзецьмі ў Германію.

Сярод матэрыялаў аб прадстаўленні да ўзнагароджання: звесткі аб служачых Мінскага гарадскога камісарыяту, спісы ваеннаслужачых супрацоўнікаў ГКБ і падначаленых яму ўстаноў, пасведчанні асоб. Таксама захаваліся спісы служачых, якія былі ў 1942–1943 гг. узнагароджаны значком за раненне.

Звесткі аб службе ў нямецкіх узброеных фарміраваннях прадстаўлены характарыстыкамі, анкетамі, спісамі кіруючага складу баявога добраахвотніцкага батальёна імя Буглая, казачых калон, асабовага складу батальёна Рускай вызваленчай арміі, кіраўнікоў Беластоцкага філіяла Украінскага нацыянальнага аб'яднання, салдат і афіцэраў 1-й коннай роты 308 усходняга батальёна, асабістымі карткамі, спісамі ваеннаабавязаных імперскіх немцаў, вольнанаёмных нямецкіх служачых, якіх пераводзілі на вайсковую службу, зондэрфюрэраў 1892–1905 гг. нар., ваеннаабавязаных запаса, якія годныя да службы ў ваенны час (складзенымі нямецкай клінікай у г. Мінску), ваеннаслужачых 1-га і 2-га ўзводаў зенітнай артылерыі, якія ахоўвалі генеральны камісарыят Беларусі, добраахвотнікаў 2-га транспартнага батальёна 36 пяхотнай дывізіі.

Значную колькасць складаюць дакументы адукацыйнага характару. Матэрыялы аб выкладчыках, настаўніках, студэнтах і вучнях прадстаўлены спісамі тых, што засталіся ў г. Мінску, сельскагаспадарчых школ Беларусі, Беларускага дзяржаўнага політэхнічнага інстытута імя С. Міхайлава, Беларускага дзяржаўнага медыцынскага інстытута, Мінскай беларускай прагімназіі; анкетамі, аўтабіяграфіямі, спісамі выкладчыкаў і студэнтаў вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, студэнтаў 4–5 курсаў медыцынскага інстытута ў г. Вільна, студэнтаў-медыкаў, якія навучаліся да Вялікай Айчыннай вайны ў Мінскім медыцынскім інстытуце і якія пражывалі на тэрыторыі Генеральнай акругі Беларусь, выкладчыкаў медыцынскага, гандлёвага, мастацкага вучылішч і вучылішча кіравання ў г. Баранавічы, акруговых і раённых інспектараў школ Баранавіцкай і Слонімскай акруг, заснавальнікаў беларускай настаўніцкай семінарыі, настаўнікаў Навагрудскай настаўніцкай семінарыі; спісамі вучняў, якія прымалі ўдзел у аднаўленні школ г. Мінска, вучняў школы в. Клебаны Радашковіцкага раёна, кандыдатаў у сельскагаспадарчую школу ў м. Лучае і інш.

Невялікую групу складаюць матэрыялы аб дзеячах культуры і навукі. Сярод іх: анкеты музыкаў з ліку мясцовых жыхароў, спісы супрацоўнікаў бібліятэчнага аддзела ГКБ, вучоных універсітэтаў Прыбалтыкі, вучоных, якіх трэба прыцягнуць да працы ў Беларускім навуковым таварыстве.

Дакументы медыцынскай тэматыцы прадстаўлены звесткамі аб супрацоўніках медыцынскіх устаноў: спісамі медыцынскіх работнікаў лякарняў, медыцынскіх работнікаў Барысаўскага, Валожынскага, Івянецкага раёнаў, супрацоўнікаў Беларускай палаты здароўя, медсясцёр з ліку мясцовага насельніцтва, працуючых у шпіталях; характарыстыкамі і аўтабіяграфіямі на ўрачоў, зубных урачоў; уліковымі карткамі, анкетамі і камандзіровачнымі прадпісаннямі медыцынскіх супрацоўнікаў з ліку мясцовага насельніцтва, накіраваных у Навагрудскую акругу, медыцынскіх работнікаў (урачоў, акушэрак, лабарантаў, медсясцёр, фармацэўтаў, дзэзынфектараў); спісамі, анкетамі аптэчных і фармацэўтычных супрацоўнікаў (у тым ліку Баранавіцкага акруговага камісарыята). Звесткі на хворых прадстаўлены карткамі аб інфекцыйных захворваннях (у тым ліку па г. Мінску і раёну), спісамі асоб, хворых на тыф, даведкамі часовай непрацаздольнасці з ліку мясцовага насельніцтва, даведкамі і пасведчаннямі на асоб, якія праходзілі лячэнне ў лазарэце СС г. Мінска.

Цікава, што ў фондах можна сустрэць біяграфічныя звесткі аб супрацоўніках акупацыйных устаноў суседніх краін. Яны прадстаўлены характарыстыкамі, аўтабіяграфіямі, заявамі, рэкамендацыйнымі лістамі на асоб, якія паступалі на службу ва ўстановы Украіны, Літвы, Эстоніі, спісам супрацоўнікаў Смаленскага гарадскога камісарыяту, анкетамі супрацоўнікаў Генеральных камісарыятаў Валыні, Падоліі і Украіны.

Сярод дакументаў захаваліся спісы выхаванцаў дзіцячых дамоў (Астрашыцка-Гарадоцкага, Браслаўскага, “Дразды”, 2-га, 4-га, 8-га, 9-га Мінскіх, Полацкага, Ратамскага, Сёмкаўскага, Уздзенскага), а таксама дзяцей, якія пад час вайны згубілі бацькоў.

Звесткі аб ваеннапалонных прадстаўлены перапіскай з Барысаўскім акруговым камісарыятам аб вызваленні асобных ваеннапалонных з канцлагераў, спісамі вязняў канцлагера “Лясны”, ваеннапалонных в. Струмен Струменскай сельскай абшчыны Кармянскага раёна, якія былі ў палоне ў г. Гомель, а таксама тых, якія пражывалі ў Паўловіцкай і Хлеўнянскай валасцях.

Інфармацыя аб грамадзянскім насельніцтве Беларусі змешчана ў шматлікіх спісах: сялян, якім патрэбны пропускі на выхад праз зону пастоў, габрэяў-рамеснікаў г. Мінска (люты 1942 г.), жыхароў населенных пунктаў, асоб, якія не заплацілі падаткі, саматужнікаў, грамадзян, якія былі пакараны за адмову ад выразкі і вывазкі дроў, сем’яў, чые родныя пайшлі ў партызанскія атрады, жыхароў вёсак, якія завербаваліся ў Германію, разрабаваных партызанамі грамадзян, дзяцей школьнага ўзросту, добраахвотнікаў з ліку савецкіх грамадзян, якія працавалі ў г. Поккінгу (Германія) на прадпрыемстве “Рорык-Бетрыб”, землеўласнікаў і г.д.; заявамі, у якіх знайшлі адлюстраванне паўсядзённыя пытанні таго часу.

Матэрыялы судовых устаноў захоўваюць прысуды на служачых акупацыйных органаў і мясцовых жыхароў Беларусі, грамадзянскія справы Мінскага акруговага суда (аб зацвярджэнні тэстаментаў, маёмасных пытаннях, апецы над непаўналетнімі дзецьмі, разводзе, аліментах, узаконьванні дзяцей і інш.), перапіску аб судовых расследаваннях па справах арыштаваных асоб з мясцовага насельніцтва, заявы аб вызваленні арыштаваных. Асабліва сьць апошніх заключаецца ў тым, што яны змяшчаюць некаторыя біяграфічныя звесткі.

Нешматлікімі, і тым больш цэннымі, з’яўляюцца запісы актаў грамадзянскага стану (ЗАГС) аб нараджэнні, шлюбе і смерці па Паўловіцкай воласці Кіраўскага раёна за некаторыя месяцы 1941–1943 гадоў. Акрамя таго, сярод спраў можна сустрэць дакументы органаў ЗАГС і за 1930-я гады.

Пэўную каштоўнасць маюць і матэрыялы перапісу жывёлы на 31 студзеня 1943 г., якія прадстаўлены па наступных раённых управах: Баранавіцкай, Браслаўскай, Вілейскай, Вязынскай, Гарадзішчанскай, Гарадоцкай, Глыбоцкай, Далгінаўскай, Дзісенскай, Докшыцкай, Дунілавіцкай, Жодзінскай, Залескай, Ільянскай, Клецкай, Крывіцкай, Ляхавіцкай, Маладзечанскай, Міёрскай, Мінскай, Мірскай, Мядзельскай, Нова-Мышскай, Нясвіжскай, Пастаўскай, Пліскай, Радашковіцкай, Стаўбцоўскай, Ходзінскай, Шаркаўшчынскай; Мінскай гарадской, Леанпольскай валасной управы Міёрскага раёна, Лучайскай валасной управы Пастаўскага раёна. Усяго налічваецца больш за 200 адзінак захоўвання. З гэтых спраў можна атрымаць звесткі пра гаспадара (прозвішча, імя) і адрас пражывання (для гарадоў з указаннем вуліцы), звесткі пра жывёлу.

У заключэнне варта адзначыць, што фонды нямецкіх акупацыйных устаноў змяшчаюць вялікую колькасць біяграфічных крыніц як аб мясцовым насельніцтве, так і аб грамадзянах замежных краін, якія супрацоўнічалі з акупацыйнымі ўладамі ці звярталіся да іх за вырашэннем пэўных пытанняў.

Дакументы ўтрымліваюць звесткі аб службе ў нямецкіх узброеных фарміраваннях, працы ў вышэйшых і мясцовых акупацыйных установах, узнагароджанні, выкладчыках і навучэнцах вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, дзеячах навукі і культуры, супрацоўніках і пацыентах медыцынскіх устаноў, выхаванцах дзіцячых дамоў, ваеннапалонных, некаторых абставінах жыцця грамадзянскага насельніцтва і інш. У той жа час для ўвядзення гэтых дакументаў у навуковы ўжытак, неабходна больш дэталёвая іх распрацоўка і класіфікацыя (па храналагічнаму, геаграфічнаму і імянному крытэрыях падзелу).

В. К. Вознесенский

ДЕЙСТВИЯ ОТРЯДА 121-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ТЫЛУ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» (июль–август 1941 г.)

Чудовищное военное поражение, нанесенное немецкой группой армий «Центр» советскому Западному фронту в июне 1941 г., повлекло за собой окружение главных сил последнего. Другие соединения оказались за линией немецкого наступления, но не были стеснены рамками окружения. В немецких документах они именуется как «рассеявшиеся», или «оторванные от своих» (*versprengte*). Положение подобных групп, без средств связи, поддержки авиации и возможности восполнить потери, рискующих прекратить существование после первой же стычки с врагом, диктовало образ их действий: оставляя противнику населенные пункты и дороги, «рассеявшиеся» продолжали контролировать леса и подсохшие за лето болота, отходить на восток по проселкам и лесным тропам. В то время как имевшие неоспоримое преимущество в небе и на земле немцы действовали главным образом в светлое время суток, их врагу оставалась ночь; не имея линий снабжения, части в тылу врага сами на местности изыскивали для себя пропитание и боеприпасы. Порой с действиями групп и отрядов связаны исключительные события, сравнимые в своей трагичности и героизме с обороной Брестской крепости. Про их героев не были написаны книги, а сами герои за редчайшим исключением не оставили никаких воспоминаний. Их подвиг оказался ненамеренно исключен не только из народной памяти, но и со страниц научных исследований. Он остался лишь в немецких военных документах, которые мы сегодня обязаны прочитать.

Цель статьи: на основе немецких военных документов проанализировать опыт действий отряда 121-й сд в тылу врага. Для этого мы рассмотрим 2 боестолкновения: бой против 52-й и 167-й пехотных дивизий в Осиповичских лесах (12–15 июля 1941 г.); и бой против 252-й пехотной дивизии на р. Оресса (6–11 августа 1941 г.).

Войну главные силы 121-й сд встретили на ст. Лесна, а первый бой с вермахтом приняли 24 июня под Слономом. После того, как 27 июня пал г. Барановичи, а вместе с ним и весь державшийся тут советский фронт,

121-я сд оказалась расчленена на две неравные части. Меньшая, во главе с генерал-майором Зыковым, 7 июля благополучно воссоединилась с главными силами РККА, вынесла знамя дивизии и отправилась на 2-е формирование [1, л. 271].

Большая часть 121-й отходила к Неману. 29 июня остатки дивизии объединились в одну колонну под командованием начальника штаба полковника Н. Н. Ложкина и начальника Отдела политической пропаганды (ОПП) дивизии полкового комиссара Петрова. В состав отряда вошли: группы 383-го сп, 574-го сп, 705-го сп и 297-го лап, 1-й дивизион 503-го гап, 247-й обс, 195-й орб, группа 143-й сд с 6 гаубицами, остатки 287-го лап 143-й сд с 2 орудиями, сборная команда бойцов и командиров других дивизий.

1 июля был развернут лагерь у д. Свинка, в лесу на р. Лоша западнее шоссе, по которому сплошным потоком шли 10-я тд и дивизия СС «Рейх». Стало ясно: остатки дивизии находятся в тылу врага. Единственным возможным решением в сложившейся ситуации стал пропуск вперед немецких соединений и следование за ними с целью скорейшего воссоединения с главными силами РККА.

Колонна растянулась на несколько километров, включая обоз, артиллерию на конной тяге, четыре легковых автомобиля М-1, грузовые машины. Один из сдавшихся в последствие в плен бойцов дивизии уточнил состав автотранспорта (примерно на 6 августа): три легковых автомобиля и четыре грузовика, в том числе два с установленными на них зенитными пулеметными установками [2, ф. 297]. Другой пленный называет иные цифры: четыре легковых автомобиля и восемь грузовиков, а также большое количество транспорта на конной тяге [2, ф. 259].

Касательно артиллерии ст. лейтенант Сергиенко в немецком плену сообщил, что отряд вез с собой: девять 122-мм гаубиц, четыре 76-мм полевых орудия и семь равномерно распределенных между полками 76-мм орудий, а также легкие 50-мм минометы [2, ф. 259]. Иначе определял число орудий командир 287-го лап полковник Н. А. Куксин. Артиллерия по состоянию на 10 августа, по его словам, включала: восемь гаубиц, четыре пушки; кроме того, нужно учесть два орудия, потерянных 8 августа, и артиллерию полков [2, ф. 247]. Среди трофеев тылового района группы армий «Центр» по итогам боев 6–11 августа, когда вся техника и тяжелое вооружение отряда достались врагу, числятся: тридцать одно орудие, шесть ПТО и восемнадцать тяжелых минометов [3, ф. 244]. Возможно, до событий 14 июля на Березине этот артпарк был еще более значителен.

Оценивая численность отряда, необходимо начать с того, что 6–10 августа отдел Ис 252-й пд определял противостоящую группировку в 1 800–2 000 человек [4, ф. 144]. В то же время оценка численности отряда дивизии примерно на 6 августа 1941 г., данная командиром 287-го лап 143-й сд полковником Куксиным, – 4 000 человек [2, ф. 246]. В ходе допроса бойцы взвода связи Комаров и Леонов, перешедшие на сторону врага 8 августа, заявили о том,

что численность отряда первоначально составляла 6 000 человек [2, f. 296–297]. Противостоящие силы 121-й сд (на 14 июля) отдел Ис 167-й пд оценил не менее чем в 3 000 человек [5, f. 1239]. Это же число упоминается рядом советских авторов при описании взаимодействия отряда с 214-й воздушно-десантной бригадой [6, с. 13; 7, с. 164].

Одним из мест сосредоточения разрозненных советских частей в тылу ушедших далеко на восток немецких танковых соединений в первой половине июля 1941 г. стали Осиповичские леса. С разных сторон сюда стекались отряды разбитых дивизий. Здесь они видели возможность под защитой лесных чащ незаметно сосредоточиться в непосредственной близости от р. Березина с целью ее дальнейшего форсирования и воссоединения с главными силами РККА. Среди прочих у ныне безвестной деревни Косье пересек реку маршал Г. И. Кулик [8, f. 605].

Главной угрозой для скопившихся в лесу войск стала продвигающаяся на восток «вторым эшелоном» немецкая пехота – в частности 53-й ак. Уже вечером 9 июля его 52-я пд заняла Осиповичи. В лесах севернее и юго-западнее города предполагались лишь «большие скопления рассеявшегося [врага]», но уже в утреннем донесении Ис 53-го ак от 11 июля сообщалось: «В лесах вокруг Осиповичей многочисленный враг с артиллерией» [9, f. 1101; 10, f. 1189]. 12 июля в лесах юго-восточнее Осиповичей предполагались лишь «вооруженные банды» [8, f. 604; 10, f. 1183, 1185].

В этот же день появляется информация, которая может относиться к вступлению в Осиповичские леса отряда 121-й сд. В 15:30 ч. в отдел Ис 53-го ак поступило донесение о вражеской группировке в 15 000 человек, 100 орудий, 100 тягачей, совершившей поход от Барановичей к д. Косье и якобы намеревающейся перейти Березину [9, f. 554; 10, f. 1182].

52-я дивизия не могла сосредоточить против этого врага достаточного количества сил. Все они были нужны в первую очередь для разведки и охранения при продвижении на восток [8, f. 582]. 12 и 13 июля силами двух усиленных батальонов 52-я пд предприняла попытку зачистить лес у д. Косье. Даже после захвата тут некоторого количества пленных он представлял опасность. Красноармейцы из леса продолжали вести пулеметный огонь по шоссе Свислочь – Бобруйск [11, л. 141 об.]. К вечеру 13 июля здесь погибли 8 немецких офицеров [12, f. 831]. Большую же опасность представляла советская группировка, перешедшая в контрнаступление на рубеже Жлобин – Рогачев. Оставив одну самокатную роту в д. Косье, 52-я пд поспешила на восток, на помощь терпящим бедствие товарищам [8, f. 604].

В 04:00 ч. 14 июля, согласно приказу, «охранение против Косье» приняла 167-я пд [13, f. 801]. Помимо отряда 121-й сд, встретившего немцев у д. Татарковичи, в отчете Ис 167-й пд упоминаются отряды 17-й и 37-й сд [14, f. 1137, 1166]. Политрук Ф. И. Ремов, попавший в Осиповичские леса после прорыва из Новогрудского котла у д. Рубежевичи, вспоминал встреченный тут отряд 29-й мд во главе с ее командиром генерал-майором И. П. Бикжановым [15]. Наибольшей боеспособностью обладала намеренно заброшенная

в тыл врага 214-я вдбр, также желавшая форсировать Березину. Всего в лесах юго-восточнее Осиповичей собралось от 6 000 до 7 000 бойцов и командиров РККА с артиллерией и тяжелым оружием пехоты.

Против этих не имеющих единого командования, порой не подозревающих о существовании соседей боевых групп, согласно приказа 53-го ак, 14 июля должна была провести наступление 167-я пд. Силами трех полковых групп за день она должна была полностью зачистить леса в треугольнике Свислочь – Осиповичи – Бобруйск. Эта задача сопровождалась позицией 53-го корпуса: «Пленных не брать», как будто бы действовать предполагалось против нерегулярных воинских формирований [16, f. 584]. Не повлияло на это даже донесение обер-лейтенанта Готтхейсса о переправляющемся через Березину организованном противнике [13, f. 60].

Все три полка выступили в 06:00 ч. 14 июля и успешно развили свое наступление, поначалу не встречая сопротивления противника. Первым в бой вступил 331-й пп. Уже в 11:20 ч. его командир сообщил в штаб дивизии, что встретил сильного врага на опушке леса южнее д. Косье. После этого, в 11:40 ч., в лесу юго-западнее деревни произошло столкновение с врагом с артиллерией – отрядом 121-й сд [10, f. 1179]. В 12:55 ч. началась атака. Разведгруппы и небольшие части были подпущены к самой советской позиции, а затем атакованы со всех сторон [5, f. 1251]. Следующая фаза боя началась в 14:45 ч. После предварительного обстрела врага 331-й пп начал атаку 3-м батальоном с севера и 2-м батальоном правее него с тем, чтобы примерно через 2 ч. уничтожить попавшего в «мешок» противника. Бой закончился успешным прорывом по крайней мере части окруженных. Донесение о том, что русские переплыли Березину между Свислочью и д. Косье поступило в 17:35 ч. В связи с получением от местных жителей сведений о том, что у д. Татарковичи находится сильный противник с артиллерией, 315-й пп в 12:11 ч. получил указание как можно быстрее пробиться туда. Задача оказалась невыполнимой из-за упорной обороны 1-го батальона 214-й вдбр. Ее 2-й батальон задержал наступление 339-го пп. Целый день отряд 121-й сд и 214-я вдбр спиной к спине отражали атаки врага. 167-я пд сообщала: «Противник защищается до смерти» [16, f. 573].

К вечеру практически целиком завязшая в бою дивизия все же смогла атакой 339-го пп выйти в тыл обороняющимся. В суточном донесении от 20:40 ч. констатировалось: «Уничтожение противника сегодня не может быть закончено. Кольцо вокруг врага замкнуто на линии Косье – Татарковичи – Заельник – Мотовило – Липницы» [11, f. 573]. Враг, однако, не предусмотрел наличие сил РККА в тылу у блокирующей группировки. В самом кольце сразу же появились бреши, а отсутствие связи с 315-м пп означало, что его западный фас был вовсе открыт для противника [16, f. 570–573].

Первой в 00:00 ч. 15 июля на запад прорвалась 214-я вдбр, однако платой за успех стали полностью потерянные автотранспорт и артиллерия [5, f. 1246]. Около 02:00 ч. после сильнейшего артобстрела удар нанес отряд

121-й сд. Части пошедших на прорыв боевых групп, по-видимому, удалось нащупать не занятые немцами болотистые участки и стыки подразделений, через которые они устремились на юг. Этот бой, несмотря на значительные потери личного состава, показал эффективность новой стихийной организации отряда, став для него своего рода боевым крещением. Огромным успехом являлось то, что отряду удалось вывести почти всю свою артиллерию. 331-му пп достались лишь 7 артиллерийских орудий [5, f. 1251]. Как отмечено в журнале боевых действий дивизии: «Степень, в которой частям окруженного врага удалось ускользнуть, не могла быть определена даже в последствии» [16, f. 574–575]. Враг оценивался как «примерно 8 000 человек с артиллерией, тяжелыми и легкими пехотными орудиями, ПТО и минометами». Отдельно отмечалось, что речь идет ни в коем случае не о бандах и не о «рассеявшихся», а о хорошо организованных соединениях. В последствии эта оценка была смягчена, так как выяснилось, что большая часть окруженных так или иначе сумела уйти, а оставшиеся группы 17-й и 37-й сд, хоть и продолжали до 17 июля героически сражаться против нападающего со всех сторон врага, уже не представляли собой угрозы немецкому тылу [16, f. 576–587; 18, л. 192].

Как видим, 167-я пд 14 июля столкнулась с неожиданно ожесточенным сопротивлением. 15 июля командир 167-й пд оценивал потери дивизии, понесенные в боях накануне днем и ночью, как: около 25 офицеров и 1 000 рядовых [10, f. 1177]. В дальнейшем эта цифра конкретизировалась в меньшую сторону, 17 июля погибшими и ранеными числились: 20 офицеров и 397 рядовых [16, f. 589]. Количество пленных признавалось незначительным [18, л. 192]. Так оценил эти бои 43-й ак: «167-я пд сумела уничтожить врага в котле, но не смогла предотвратить выход крупных отрядов врага на восток через Березину и на запад через Осиповичи» [17, f. 200]. В зоне операции остались лишь небольшие группы красноармейцев, в основном от 3 до 5 земляков, – свидетельствует отчет Ис 167-й пд от 20 июля [5, f. 515].

Выйдя из боя, отряд 121-й дивизии остановился в урочище Белое на границе Осиповичского и Глусского районов, где довольно длительное время восстанавливал силы. 25 июля на отряд случайно наткнулся совершавший рейд по тылам врага 153-й кавалерийский полк [19]. После этой встречи руководство отряда, справедливо опасаясь не пережить немецкого противодействия рейду, решилось отходить в единственном оставшемся направлении – на запад. 11 дней марша севернее шоссе Бобруйск – Слуцк привели отряд в безболотные леса севернее д. Хорошево [2, f. 259, 313].

В начале августа 252-я пд вместе с приданными частями полиции и СД занималась «умиротворением» местности вдоль шоссе Слуцк – Бобруйск. 2-й батальон 452-го пп (майор Вальтер) выполнял роль заградительного отряда на магистрали. Первые данные о смешанной дивизии русских, занявшей д. Щитковичи, поступили в штаб дивизии 4 августа. По обнаруженным окопным работам стало ясно, что в ночь с 3 на 4 августа отряд 121-й сд расположился там на отдых [2, f. 313].

В 22:00 ч. 5 августа отряд выдвинулся к шоссе, имея впереди «главную разведгруппу дивизии» и 1-й батальон 574-го сп, и около 02:00 ч. 6 августа, завязал бой с 2-м батальоном 452-го пп. По немцам ударили два легких орудия.

Идущий слева батальон обошел немецкую пехоту и пересек шоссе. Полевой караул у д. Старый Хуток понес тяжелые потери [4, f. 142]. Прорвавшегося врага предполагалось уничтожить силами 452-го пп. Линия сдерживания была установлена на рубеже реки Орессы.

Продолжая поход, отряд 121-й сд около 10:00 ч. столкнулся в д. Языль с 1-й ротой 316-го полицейского батальона. Была использована та же тактика: один батальон обошел врага справа и вынудил покинуть деревню [2, f. 260; 20, с. 143]. Лишь когда к Язылю подошел аррьергард отряда, он ощутил огонь преследовавшего его 2-го батальона 472-го пп. Главным силам в это время удалось беспрепятственно пройти дальше на юг до д. Оточки, а оттуда на восток через разрушенный дорожный и железнодорожный мосты у хут. Репище, а затем еще примерно на 7 км по лесным дорогам в район хут. Петухов Брод [2, f. 260].

К 23:00 ч. у 252-й пд сложился следующий образ врага: «Мы имеем дело с остатками трех пехотных полков и дивизионными частями, которыми руководит первый офицер штаба дивизии, у них 30 легких и 24 тяжелых пулеметов и отдельные пушки или минометы, кроме того 5 грузовиков и одно, только принимающее сигнал, радио. Враг не рад сражаться» [4, f. 154].

Около 02:00 ч. 7 августа отряд, не выдержав огня 452-го пп, отступил на север к хут. Репище, где встал лагерем в лесу восточнее Орессы. Подступы к нему были перекрыты лесными завалами и огнем ПТО. Днем 252-й дит и 2-й батальон 472-го пп замкнули кольцо окружения с севера. Весь вечер и ночь попавший в кольцо отряд вел разведку во всех направлениях.

8 августа инициатива вновь перешла к полковнику Ложкину. По обоим берегам Орессы и на своих открытых флангах в 10:00 ч. «крупнейшими массами» был атакован усиленный 2-й батальон 472-го пп. В 14:10 ч. начала ощущаться нехватка боеприпасов. Лишь в 18:30 ч. части 452-го пп из д. Гостино деблокировали батальон. Отряд 121-й сд вышел полностью и устремился на северо-восток, а вечером встал лесным лагерем юго-восточнее изгиба железной дороги. В ночь на 9 августа он выставил во все стороны сильные полевые караулы, кроме того, прощупывал юго-восточное направление, где произошел короткий бой с 3-м батальоном 452-го пп. В 14:30 ч. лагерь был обнаружен 7-й ротой 472-го пп [4, f. 146–154]. Еще 8 августа силами 2-го батальона 452-го пп и 252-го разведотряда началось формирование нового северного фаса кольца окружения. Окончательно оно было замкнуто вечером 9 августа. В этот день 252-я пд сделала вывод о снижении боевой мощи противостоящих ей сил и о неминуемом их истощении [4, f. 154]. В ночь на 10 августа ситуация была признана безвыходной. Полковник Ложкин, командиры полков и комиссары приняли решение распустить отряд. Был отдан приказ: «Защищаться до последнего патрона», после чего «каждому бежать, куда хочется» [2, f. 260]. Пытаясь прорваться во все стороны, окруженные предприняли свои последние атаки, которые были полностью отражены к 07:50 ч.

В это время в котле уже начался распад. Отряд разбился на полки, что было выявлено воздушной разведкой группенфюрера СС фон дем Баха [20, с. 144–145]. О намерениях продолжать выход из окружения свидетельству-

ет мост, наведенный через ручей юго-западнее д. Рубежи [4, f. 156]. Но выхода уже не было. В 15:45 ч., после начала атаки, майор Вальтер сообщил, что враг рассеялся на группы до 10 человек и пытается пересечь магистраль между Старыми Дорогами и Солоном в северном направлении. По обе стороны Старых Дорог был выставлен заградительный отряд, сформированный командиром полицейского полка «Центр» из частей передового отряда СС и полиции [3, f. 243]. От Старых Дорог до Дощанковского моста были задействованы передовой отряд 1-й кавалерийской бригады СС и 252-й разведотряд [21, л. 229].

Рассеивание позволило части бойцов и командиров спасти свои жизни и продолжить борьбу. Можно предположить, что сам Ложкин с группой из 10 командиров покинул котел через образовавшуюся на севере брешь. Через болото штаб дивизии вывел некий старый крестьянин с хут. Рубежи. Большинство же не имело возможности ни выйти из котла, ни продолжать оборону. К 17:00 ч. немцами уже не ощущалось ничего от прежнего сопротивления [4, f. 158]. В ночь на 11 августа полностью дезорганизованные полки вновь собрались севернее хут. Калюга, а днем 252-я пд провела последнюю атаку, к 15:00 ч. уничтожив остатки отряда [2, f. 260; 4, f. 158].

Таким образом, 10 августа отряд перестал существовать, оставив врагу всю свою технику и тяжелое оружие. В плен попали 978 красноармейцев и командиров [3, f. 244]. Потери погибшими и ранеными были огромны [2, f. 261]. Потери немецких частей, задействованных против отряда 121-й сд (6–11 августа 1941 г.) составили: 5 офицеров, 131 рядовой [3, f. 244].

Попад в зазор между танками и пехотой, бойцы и командиры 121-й сд образовали крупный отряд, первым противником которого в лесах у д. Косье стали батальоны 52-й пд. Пытаясь тремя усиленными полками провести зачистку Осиповичских лесов, 167-я пд к исходу 14 июля сумела окружить отряд, но не смогла противостоять последовавшему прорыву. 7 августа 252-й пд удалось окружить отряд в треугольнике Уречье – Любань – Пасека. Несмотря на успешный прорыв в северном направлении, отряд был снова блокирован и распался. Большая часть бойцов погибла или попала в плен, иным удалось спастись, небольшими группами пройдя через болотные топи.

Немцы подчеркивали хорошую управляемость и высокий боевой дух отряда 121-й сд, которые сохранялись почти до самого конца. В бою он проявлял стойкость, а при выходе из окружения – кошачью изворотливость. В то же время, опыт столь продолжительных действий в тылу врага не может считаться удачным из-за отсутствия контакта с местным населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). – Ф. 939. Оп. 1. Д. 71.
2. Национальное управление архивов и документов (далее – NARA). – T-315. Roll 1748.
3. NARA. – T-501. Roll 2.

4. NARA. – T-315. Roll 1747.
5. NARA. – T-315. Roll 1478.
6. *Жадов, А. С.* Четыре года войны / А. С. Жадов. – М. : Воениздат, 1978.
7. *Сандалов, Л. М.* Пережитое / Л. М. Сандалов. – М. : Воениздат, 1961.
8. NARA. – T-315. Roll 956.
9. NARA. – T-314. Roll 1315.
10. NARA. – T-314. Roll 1316.
11. ЦАМО. – Ф. 500. Оп. 12454. Д. 227.
12. NARA. – T-315. Roll 1380.
13. NARA. – T-315. Roll 955.
14. NARA. – T-315. Roll 1269.
15. *Ремов, Ф. И.* Воспоминания [Электронный ресурс] / Ф. И. Ремов. – Режим доступа : <http://213sp56sd.ucoz.ru> – Дата доступа : 30.03.2021.
16. NARA. – T-315. Roll 1477.
17. NARA. – T-314. Roll 1016.
18. ЦАМО. – Ф. 500. Оп. 12454. Д. 192.
19. *Лескин, А. Ф.* Воспоминания о войне [Электронный ресурс] / А. Ф. Лескин. – Режим доступа : <https://ljuban.by> – Дата доступа : 30.03.2021.
20. Дневник карателя. Эрих фон дем Бах-Зелевский / авт.-сост. Д. А. Жуков, И. И. Ковтун. – М. : Вече, 2021.
21. ЦАМО. – Ф. 500. Оп. 12493. Д. 92.

П. В. Зайко

СТОЛБЦОВСКОЕ ГЕТТО: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ

Город Столбцы находился под немецкой оккупацией с 28 (26) июня 1941 г. по 2 июля 1944 года. Как и на всей оккупированной территории Беларуси, в районе предусматривалось “окончательное решение еврейского вопроса”, согласно которому в Столбцах было создано гетто в августе 1941 г., просуществовавшее до 31 января 1943 года. На территории Столбцовского района гетто существовало также в Новом Свержене, Налибоках, Деревном и Рубежовичах. Для более детального рассмотрения вопроса о создании, функционировании и ликвидации Столбцовского гетто необходимо изучить источники и литературу по данной проблематике.

В подпольной районной газете “Голас селяніна” [8] (с 1962 г. – “Трамень”) представлена статья “Крывавы шлях да вёскі Заямнае” от 14 апреля 1944 г., в которой сообщается об уничтожении евреев в октябре 1941 г. на протяжении 8 дней, когда еврейское население было вывезено к д. Заямное и там расстреляно.

В своей монографии “Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944” [13] ученый Л. Смиловицкий раскрывает проблему продовольствия в гетто на территории Беларуси; описывает питание узников, подчеркивая локальные

особенности; приводит случаи зверств нацистов, способных повесить подростка за украденную банку консервов (г. Толочин); рассматривает случаи спасения евреев партизанами, немецкими военными служащими и христианами верующими; описывает случаи предательства; приводит статистические данные жертв геноцида, локализуя их; раскрывает особенности борьбы в Минском гетто. Ценность данной монографии для исследования темы Столбцовского гетто состоит в подробном описании побега узников из гетто в Новом Свержене, что повлекло за собой уничтожение евреев и ликвидацию Столбцовского гетто. Автор описывает, как узники разделились на три группы. Первые считали, что бежать необходимо незамедлительно. Это были, как правило, евреи, депортированные из Германии, беженцы из Польши и часть молодежи. Другие рассматривали возможность побега только с семьями. Третьи выступали против побега, опасаясь, что партизаны не возьмут евреев в свой отряд. Монография также снабжена словарем терминов и имен, географическим и именованным индексами, фотографиями из архивов Беларуси, России, Германии, Польши, США и Израиля.

Большую ценность для рассмотрения данной проблематики имеет ряд статей из историко-документальной хроники Столбцовского района “Памяць”. В книге представлены воспоминания местного жителя А. В. Змачинского [7], который видел, как трудоспособных евреев увозили на принудительные работы в Барановичи, а остальных повели на расстрел. Рассказывает он также о побеге двух молодых евреек, которые были пойманы и убиты на месте. Записанные воспоминания очевидца этих событий являются одним из самых важных источников для осмысления трагедии геноцида еврейского населения на территории Столбцовщины. Аркадий Владимирович передал не только фактологическую информацию, но и свои впечатления от увиденного. В статье “Вырашэнне яўрэйскага пытання” [9] сообщается о карательных подразделениях, направленных в Столбцы для уничтожения лиц еврейской национальности, также о июльском погроме 1941 г., когда было уничтожено около 3,5 тыс. евреев, которые были захоронены в двух могилах – на территории гетто (улица Почтовая – около 1 тыс. жертв) и между деревнями Конколовичи и Заямное, где были расстреляны остальные евреи. В историко-документальной хронике Столбцовского района “Памяць” представлены также опубликованные документы из Национального архива Республики Беларусь.

Российская еврейская энциклопедия [12] позволяет проследить динамику численности еврейского населения г. Столбцы. Энциклопедия приводит следующие данные: 1847 г. – 1 315 чел.; 1867 г. – 1 450 чел.; 1897 г. – 2 409 чел.; 1921 г. – 1 428 чел.; 1931 г. – 2 114 чел.; 1941 г. – около 3 тыс. человек. И если во второй половине XIX в. евреи составляли от 60 до 70 % от всех жителей города, то к 1930-м гг. только около 30 %.

Л. Смиловицкий в главах из будущей книги “По следам еврейских кладбищ Беларуси” описывает историю еврейства Столбцов [16], Налибок [15], Деревного [14], сопровождая повествование архивными и современ-

ными фотоснимками. Статьи подразделяются на следующие разделы: место в истории, еврейская жизнь, гибель общины, сохранение памяти, кладбище, вывод. Автор приходит к заключению, что история еврейства в Столбцах, Налибоках и Деревном не востребована даже среди местного населения, за исключением краеведов-энтузиастов, что является большой проблемой. Память о евреях сохранилась только в оставшихся городских постройках и кладбищах, но не в памяти людей.

В 2019 г. вышла монография М. В. Акулич “Столбцы и евреи: история, холокост, наши дни” [1]. Автор предоставляет информацию о истории еврейства на территории Столбцовщины, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. В книге представлены отрывки из статьи Л. Смиловицкого “По следам еврейских кладбищ Беларуси. Столбцы” [16], фотоснимки архивных документов. Автор в большом количестве использует познавательные сайты о городе, а также сайт «Википедия». В книге собрана вся информация по теме еврейства города Столбцы, что есть в электронном виде, однако это делает монографию не научным трудом, а компиляцией уже доступной информации, поэтому, как и было указано автором, книга имеет образовательный и культурный характер. Список использованной литературы оформлен ненаучно и в своем большинстве состоит из ссылок на познавательные сайты.

Одними из наиболее ценных источников являются материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. В архиве находятся: донесение старшего вахмистра Шульцга о побеге евреев из гетто лесопильного завода в д. Новый Свержень [10], в котором сообщаются подробности побега; донесение начальника полицейского отделения [10] относительно уничтожения евреев в гетто Новосверженского завода и в Столбцах как реакция на совершенный побег; сообщается о сохранении жизни только самым ценным специалистам, которых в Столбцах оказалось 200 чел., в Новом Свержене – 12; справка о полном уничтожении евреев в районе г. Столбцы [11] – “р-н Столбцы очищен от евреев”. Архивные данные позволяют установить подробности и время побега, время и место расстрелов, количество убитых, руководителя совершенных преступлений.

В Зональном государственном архиве г. Барановичи [6] размещен список уничтоженных нацистами евреев, составленный районной чрезвычайной комиссией, который, однако, является неполным, в связи с чем удалось установить личности только тысячи погибших.

В фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны находятся несколько статей С. Адамович, посвященных непосредственно данной тематике. Статья “Холокост на территории Столбцовского района” [5] описывает условия содержания евреев в гетто в Столбцах, побег евреев из Новосверженского гетто, подробно освещает деятельность партизанского отряда братьев Бельских. Автор записала воспоминания очевидцев этих событий. Один из них, Гаранович Л. И., житель д. Старый Свержень, сообщает о том, как евреев из его деревни в 1942 г. перевели в Столбцовское гетто. В этой статье С. Адамович описывает также расстрел

360 евреев в Рубежевичах и открытие “Шляху смутку” на месте их захоронения. В статье “Расстрэл яўрэяў на Стаўбцоўшчыне” [4] размешена информация о двух расстрелах евреев – на территории гетто (ул. Почтовая) и между деревнями Конколовичи и Заямное. Автор приводит полное содержание архивных документов о побеге евреев из гетто в Новом Свержене. С. Адамович были записаны воспоминания Э. С. Худушина о жестокости нацистов по отношению к еврейским детям; В. А. Титюк о проводимых расстрелах; А. В. Змачинского о еврейском партизанском лагере и о спасении его отцом 10 евреев; М. В. Гаврилович о жизни евреев и расстрелах, проводимых над ними, в Новосверженском гетто. В статье “Колдычевский лагерь смерти” [3] С. Адамович описывает расправу над первыми узниками лагеря, которыми стали заключенные из Барановичской и Столбцовой тюрем; а также, рассказывает о расстреле польской интеллигенции из Столбцов, прилагая список жертв. С. Адамович приводит множество данных, опубликованных ранее, однако главную ценность ее работ составляют воспоминания очевидцев, которые были ею записаны.

Важным электронным источником является база данных Праведников народов мира стран бывшего СССР мемориального комплекса истории Холокоста Яд Вашем [2], в которой представлена информация о Яне и Эльжбете Стажик, жителях города Столбцы, которые удостоились этого почетного звания 18 января 1983 г. за спасение шести евреев. На территории Столбцовского района 14 чел. были удостоены этого звания. База данных предоставляет информацию о судьбе (выжил/не выжил), национальности, вероисповедании, дате присвоения звания, месте увековечивания, месте и виде спасения.

Исследованная историография позволяет проследить историю создания Столбцовского гетто, условия содержания узников, влияние побега из Новосверженского гетто на события в Столбцовском гетто и ликвидацию последнего. Архивные данные, статьи, материалы фондов дают возможность осмыслить весь процесс в целом, но не позволяют более подробно изучить детали и особенности, в частности, истории спасения людей из гетто и их судьбы. Таким образом, историография данной тематики требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акулич, М. Столбцы и евреи: история, Холокост, наши дни / М. Акулич. – Минск : Ridero, 2019. – 118 с.
2. База данных мемориального комплекса истории Холокоста Яд Вашем “Праведники народов мира – Ян и Эльжбета Стажик” [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://righteous.yadvashem.org/?searchType=righteous_only&language=en&itemId=4039803&ind=NaN. – Дата доступа : 24.06. 2021.
3. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее – БГМИВОВ). – Фонды. – НД 32339.
4. БГМИВОВ. – Фонды. – НД 32342.

5. БГМИВОВ. – Фонды. – НД 32343.
6. Зональный государственный архив в г. Барановичи (ГАБО). – Ф. 616. Оп. 1. Д. 70.
7. З успамінаў Змачынскага // Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Стаўбоўскага раёна / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2004. – С. 309.
8. Крывавы шлях да вёскі Заямнае // Голас селяніна. – 1944. – 14 крас.
9. *Лемяшонок, У. І.* Вырашэнне яўрэйскага пытання / У. І. Лемяшонок // Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Стаўбоўскага раёна / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2004. – С. 306–307.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 389. Оп. 1. Д. 4. Л. 94–96.
11. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 389. Оп. 1. Д. 4. Л. 112.
12. Российская еврейская энциклопедия / ред. кол.: Г. Г. Брановер (гл. ред.) [и др.]. – М. : Эпос, 2011. – Т. 7. – 444 с.
13. *Смиловицкий, Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив, 2000. – 436 с.
14. *Смиловицкий, Л.* По следам еврейских кладбищ Беларуси. Деревное [Электронный ресурс] / Л. Смиловицкий // Культура і Антрапалогія – 2019. – Режим доступа : <https://club.berkovich-zametki.com/?p=45378>. – Дата доступа : 24.06.2021.
15. *Смиловицкий, Л.* По следам еврейских кладбищ Беларуси. Налибоки [Электронный ресурс] / Л. Смиловицкий // Культура і Антрапалогія – 2019. – Режим доступа : <https://club.berkovich-zametki.com/?p=47092>. – Дата доступа : 24.06.2021.
16. *Смиловицкий, Л.* По следам еврейских кладбищ Беларуси. Столбцы [Электронный ресурс] / Л. Смиловицкий // Культура і Антрапалогія – 2019. – Режим доступа : <https://club.berkovich-zametki.com/?p=44094>. – Дата доступа : 24.06.2021.

В. Ю. Нелихов

ВСЕГО ОДНА НОЧЬ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 16-Й ГВАРДЕЙСКОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ БОМБАРДИРОВОЧНОЙ АВИАЦИОННОЙ ДИВИЗИИ

При внимательном исследовании истории авиации на Пружанщине в историко-документальной хронике Пружанского района «Память» обратил на себя внимание один факт. В конце апреля 1945 г. в 17-м гвардейском бомбардировочном авиационном полку, базировавшемся на тот момент на аэродроме в Пружанах, погибло сразу 9 человек в один день [1, с. 299–305]. Все они были похоронены в братской могиле на городском православном

кладбище в Пружанах. Здесь, на обелиске воинам Красной Армии, погибшим при защите Родины в 1941–1944 гг. выбиты фамилии 165 защитников Отечества. Еще 86 неизвестных солдат похоронены рядом в отдельных могилах.

После долгих поисков события того времени удалось установить по документам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) в фондах 16-й гвардейской бомбардировочной авиационной дивизии.

С середины марта авиационная дивизия боевых действий не вела из-за плохих метеоусловий и непригодности аэродрома, и только с 7 апреля погода позволила вновь наносить удары по врагу.

Вечером 24 апреля дивизия получила боевое распоряжение из штаба 1-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса: ночью 25 апреля 1945 г. в период 3:15–3:25 нанести удар по немецким войскам в заданном районе Берлина. Для выполнения поставленной боевой задачи с Пружанского аэродрома в 23:48 начали взлет шестнадцать экипажей 6-го гвардейского бомбардировочного полка. Через полчаса стартовали четырнадцать самолетов 17-го гвардейского бомбардировочного полка. Всего в воздух поднялось тридцать экипажей.

Метеоусловия в ту ночь по маршруту и в районе цели были скверными – десятибалльная облачность от аэродрома взлета до г. Торн¹, нижний край – 300–600 м, видимость всего 2–3 километра. Местами условия становились еще хуже: нижний край облачности опускался до 200–100 м, а видимость ухудшалась до 1 километра. Учитывая погоду, командование отправило к цели только самые подготовленные экипажи из обоих полков.

При подходе к цели дальние бомбардировщики были встречены огнем двух зенитных батарей, кроме того, в воздухе барражировали вражеские истребители. Один из экипажей был атакован ночным истребителем противника, но безрезультатно. В назначенное время на позиции противника было сброшено двести фугасных бомб ФАБ-100, тридцать зажигательных «соток» и тридцать осветительных бомб САБ-100. Общий вес бомбового удара составил 26000 кг [5, л. 41]. В результате бомбометания в городе было создано восемь очагов пожаров, в юго-западной части произошло три мощных взрыва – предположительно это взорвался склад боеприпасов.

Боевая задача была выполнена только двадцатью шестью экипажами. Четыре самолета до цели не дошли: три – из-за плохих метеоусловий, а один – из-за неисправности матчасти – отказал правый мотор.

Однако утром после выполнения задания на своем аэродроме приземлились лишь девятнадцать самолетов.

Еще о трех машинах командование дивизии имело информацию – они сели на запасных аэродромах. Два экипажа из 17-го гбап находились в Познани: командира звена гвардии лейтенанта А. И. Соколова и летчика гвардии младшего лейтенанта Ф. Н. Святенко, еще один – летчика из 6-го гбап гвардии младшего лейтенанта А. А. Нестерова – сел в Белостоке.

О судьбе остальных стало известно уже значительно позже.

¹ В настоящее время польский город Торунь.

Экипаж командира звена 6-го гвардейского бомбардировочного полка гвардии капитана П. М. Сятчихина после выполнения задания из-за плохих метеоусловий произвел вынужденную посадку на аэродроме «Высоко-Мазовецк».

Экипаж заместителя командира 6-го гвардейского бомбардировочного полка по политчасти гвардии майора Е. А. Ясинского после выполнения задания не смог обнаружить свой аэродром и после израсходования топлива произвел вынужденную посадку на площадке в поле около г. Малкия-Гурна.

Экипаж командира звена 6-го гвардейского бомбардировочного полка гвардии старшего лейтенанта Г. А. Кулиныч ввиду плохих метеоусловий в районе цели задание не выполнил, возвратился и произвел вынужденную посадку на аэродроме «Тужин», что в 35 км северо-восточнее Варшавы.

Два экипажа из 17-го гвардейского бомбардировочного полка после выполнения задания из-за плохих метеоусловий по маршруту произвели посадку на запасных аэродромах: экипаж гвардии лейтенанта Сысоева – на аэродроме «Минск-Мазовецкий», экипаж гвардии старшего лейтенанта Глазова – на аэродроме «Косово» (20 км северо-западнее Соколув) [6, л. 17].

Экипаж гвардии младшего лейтенанта Гробовенко Ф. П. из состава 2-ой эскадрильи 17-го гвардейского бомбардировочного полка, совершившего на тот момент 42 боевых вылета и имевшего боевой налет 185 часов, из-за плохих метеоусловий задание не выполнил. Не найдя ночью в густой облачности цель, командир экипажа сбросил бомбы на пассив («не взрыв») и принял решение произвести посадку на запасном аэродроме «Цехановец»¹. В состав экипажа дальнего бомбардировщика входили: штурман гвардии младший лейтенант В. Ф. Баранов, воздушный стрелок-радист гвардии сержант Н. Ф. Касимов и воздушный стрелок гвардии младший сержант И. В. Горшкалев. В 4:00 командир экипажа через своего радиста доложил командованию о невыполнении задания ввиду неблагоприятных метеоусловий. Еще через час, в 5:04, от экипажа был получен доклад о пролете линии фронта на обратном пути.

В то же самое время экипаж заместителя командира эскадрильи 6-го гвардейского бомбардировочного полка гвардии старшего лейтенанта И. Ф. Ключкова в составе штурмана звена гвардии капитана Шестаковского И. М. [3, л. 37], воздушного стрелка-радиста гвардии старшины П. Е. Сазонова и воздушного стрелка гвардии старшего сержанта Т. Д. Гордейчука возвращался на свой аэродром после успешной бомбардировки Берлина. Об этом командир экипажа доложил по радио в 3:15.

Гвардии старший лейтенант И. Ф. Ключков был уже опытным летчиком. К апрелю 1945 г. он совершил 226 боевых вылетов и имел боевой налет 881 час [5, л. 45]. За успешное выполнение заданий он был награжден командованием двумя орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени. Гвардии капитан И. М. Шестаковский также имел ордена: орден Красного Знамени и орден Отечественной войны I степени. Имели боевые награды и воздушные стрелки.

¹ Теперь территория Республики Польша.

Из-за плохих метеоусловий командир экипажа И. Ф. Клочков принял грамотное решение произвести посадку на запасном аэродроме «Цехановец». В 4:40 он доложил по радио о пролете линии фронта. Последний раз вышел на связь в 4:51.

При заходе на посадку ввиду низкой облачности в 10 баллов, при видимости менее 1 км, ослабив наблюдение за воздухом, и уделив все внимание поиску запасного аэродрома или хотя бы подходящей посадочной площадки, оба экипажа столкнулись в воздухе в районе аэродрома «Цехановец».

В эту же ночь 6 гвардейский бомбардировочный полк потерял еще один бомбардировщик.

На самолете Ил-4 (зав. №5113920) гвардии младшего лейтенанта Миронова А. А., имевшего 58 боевых вылетов и боевой налет 230 часов, зенитным огнем были повреждены бензобаки. В 3:17 командир экипажа доложил об успешном выполнении задания, однако о степени повреждения и потере топлива экипаж еще не знал. На обратном маршруте в 4:51 последовал доклад о пролете линии фронта. В районе западнее г. Цехановец, летчик переключил кран топливной системы со второй группы баков на первую, где оказалось вместо 1 000 литров бензина всего 300 л. Это не гарантировало устойчивую продолжительную работу моторов, к тому же топливо продолжало вытекать. Включив обратно вторую группу баков, в которой оставалось всего 200 л, летчик продолжал полет в надежде прийти на свой аэродром. Однако через 8–10 минут полета, вследствие полной выработки топлива, моторы встали. Из-за плохих метеоусловий и невозможности произвести посадку командир дал команду экипажу покинуть самолет на парашютах. Сделав горку и набрав 300 м высоты, экипаж в составе гвардии младшего лейтенанта Миронова А. А., штурмана гвардии лейтенанта Словцова В. А. и воздушного стрелка-радиста гвардии сержанта Галицына В. Е. оставил самолет на парашютах. Воздушный стрелок ефрейтор Леснов Ф. К. по невыясненной причине самолет не покинул. Бомбардировщик упал южнее города Цехановец и полностью сгорел [5, л. 44–45].

Летающий следом экипаж инспектора-летчика гвардии майора С. В. Козлова в 5:53 наблюдал на восточном берегу реки Буг в районе Соколув-Подляски горение на земле одного самолета Ил-4. Это был тот самый самолет Миронова.

Согласно боевому донесению командира авиационной дивизии гвардии генерал-майора авиации С. И. Чемоданова воздушный стрелок ефрейтор Леснов Ф. К., погибший в упавшем самолете, был похоронен экипажем рядом с польской деревней у дороги недалеко от места падения подбитого бомбардировщика [5, л. 45]. Однако в именном списке безвозвратных потерь 1-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса от 13 мая 1945 г. указано, что он похоронен на площади в г. Пружаны [4, л. 184]. В ходе исследования был найден свидетель – ведущий специалист отдела идеологической работы и по делам молодежи Пружанского райисполкома С. Ю. Демидов, который в свое время встречался с А. А. Мироновым. В беседе с ним удалось выяснить истину – по воспоминаниям ветерана ефрейтор Леснов действительно был перезахоронен в г. Пружаны.

Так 16 авиационная дивизия в течение одной ночи боевых действий за две недели до Победы потеряла сразу девять человек летного состава и три боевых самолета.

После улучшения погоды на базовый аэродром 25 апреля вернулись все шесть севших на вынужденные посадки экипажей: три из состава 6-го гвардейского бомбардировочного полка из Белостока, Высоко-Мазовецка и Тужина и три экипажа 17-го гвардейского бомбардировочного полка из Минска-Мазовецкого, Косово и Познани.

На следующий день, 26 апреля, после дозаправки топливом в Пружаны вернулся Ил-4 гвардии майора Е. А. Ясинского.

27 апреля, устранив неисправность (оказалось, лопнула пружина всасывающего клапана [5, л. 44]), из Познани возвратился на свой аэродром экипаж гвардии лейтенанта А. И. Соколова. Однако при посадке самолета в 20:15 в конце пробега он встал на нос из-за мягкого грунта летного поля. Никто из членов экипажа не пострадал, но самолет требовал ремонта. Были погнуты лопасти обоих винтов, разбито остекление носовой части, сломана трубка Пито. В дальнейшем бомбардировщик был восстановлен силами авиаремонтной мастерской.

Погибшие при столкновении в воздухе у Цехановца экипажи были похоронены 27 апреля 1945 г. на городской площади г. Пружаны Брестской области [7, л. 9].

Уже после гибели И. Ф. Ключкова в часть пришел приказ Командующего ВВС КА за № 0144 о присвоении ему 6 апреля 1945 г. очередного воинского звания «гвардии капитан», а 18 августа 1945 г. он был удостоен высшей государственной награды СССР – ордена Ленина (посмертно).

Вызывает большое сожаление тот факт, что и на обелиске, установленном на братской могиле в Пружанах, и в историко-документальной хронике «Память» [1, с. 302], и даже в автоматизированном банке данных «Книга памяти» Республики Беларусь, размещенном на сайте Министерства обороны(!) Республики Беларусь, фамилия героя искажена – вместо КЛЮЧКОВ написано КЛЮЧКОВ.

В ходе проведения исторического исследования выяснилось, что эта история имеет продолжение.

Командир корабля Ил-4 6-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка гвардии младший лейтенант А. А. Миронов встретил в это время в Пружанах свою любовь. Свадьбу сыграли в декабре 1945 года. Вскоре, 18 апреля 1946 г., А. Миронов в звании старшего лейтенанта демобилизовался и уехал к себе на родину в Башкирию. С 1952 г. он работал инструктором в Уфимском аэроклубе ДОСААФ. Закончив летную карьеру в 1960 г., он с женой вернулся в г. Пружаны, где длительное время работал инкассатором в отделении банка [2, с. 46–47].

До конца своей героической жизни фронтовик постоянно проводил большую работу по патриотическому воспитанию молодежи. Умер Александр Александрович 28 января 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Память. Историко-документальная хроника Пружанского района. – Минск : «Белорусская Энциклопедия» им. Петруся Бровки, 1992 . – 456 с.
2. Вспомним всех поимённо... «солдаты Победы – наши земляки» / Брест : Рекламно-информационное агентство «Вечерний Брест», 2010. – 112 с.
3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦА МО). – Ф. 33. Оп. 11458. Д. 767.
4. ЦА МО. – Ф. 58. Оп. 18003. Д. 727.
5. ЦА МО. – Ф. 20069. Оп. 1. Д. 27.
6. ЦА МО. – Ф. 21996. Оп. 0201112с. Д. 3.
7. ЦА МО. – Ф. 21996. Оп. 595019с. Д. 1.

М. В. Стрелец, С. А. Птичкина

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ЯЗОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

25 февраля 2021 г. исполнился ровно год, как перестало биться сердце Дмитрия Тимофеевича Язова. Судьба отвела этому человеку 95 лет. Выходец из семьи сибирских крестьян, он отдал 53 года своей жизни военной службе. В советское время прошел путь от курсанта Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР до министра обороны СССР. Семнадцатилетний Дмитрий Язов поступил в училище в 41-м, когда Рабоче-Крестьянская Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои. Реалии Великой Отечественной войны предопределили ускоренный вариант обучения курсантов. Поэтому неудивительно, что уже в июне 1942 г. герой очерка стал выпускником настоящего военного учебного заведения [5].

В августе 1942 г. началась фронтовая биография сына сибирских крестьян. Она закончится в победном мае сорок пятого в звании «старший лейтенант». Конечно, уровень младшего офицера не давал оснований для вовлечения в разработку фронтовых, а тем более стратегических операций. Но это никак не умаляет вклад таких участников Великой Отечественной войны, как Д. Т. Язов, в Великую Победу. У младшего офицера были и боевые подвиги, и боевые ранения, получил он боевые награды. О своем первом ранении герой очерка вспоминает так: «Во время наступления меня снарядом подбросило, видимо, в болото попал снаряд. Хорошо подбросило. Получил в ногу ранение и отбил почки» [6]. Второе ранение было в голову и лицо. После лечения молодой офицер быстро возвращался в строй.

В послевоенное время Дмитрий Тимофеевич получил фундаментальное военное образование. В неполные тридцать два года он пополнил корпус выпускников Военной академии имени М. В. Фрунзе, знаменитой кузницы кадров для Советских Вооруженных Сил с золотой медалью. В неполные

сорок два года фронтовик столь же успешно завершил процесс обучения в Военной академии Генерального штаба. Если взять среднестатистического советского военачальника послевоенного времени, то будет полное совпадение с Язовым по возрасту попадания в военную элиту, получения званий «генерал-майор», «генерал-лейтенант», «генерал-полковник». В сорок три года он стал генерал-майором, в сорок восемь лет – генерал-лейтенантом, в пятьдесят два года – генерал-полковником. А вот возраст присвоения ему званий «генерал армии», «Маршал Советского Союза» превышало среднестатистический. В пятьдесят девять лет дослужился до генерала армии, в шестьдесят пять лет – до Маршала Советского Союза. Превышение среднестатистического возраста было и по части дебюта в качестве командующего оперативно-стратегическим объединением. Это произошло, когда Дмитрию Тимофеевичу было пятьдесят четыре года [3].

Герой очерка дважды имел непосредственное отношение к советскому военному присутствию за пределами СССР. Известно, что возглавляемый полковником Язовым 400-й мотострелковый полк 63-й гвардейской стрелковой дивизии находился в эпицентре Карибского ракетного кризиса. переброска полка на остров Свободы была тайной за семью печатями. Он оказался здесь в начале осени 1962 г. и возвратился на родину только через тринадцать месяцев. При направлении вверенной фронтовику тактической единицы на Кубу от нее требовалось быть готовой капитально противостоять янки, если они посмеют вторгнуться на территорию руководимой Ф. Кастро страны. Командир организовал боевую учебу своего полка на очень высоком уровне, чему неоднократно был свидетелем сам команданте. Ф. Кастро выражал восхищение подопечными Язова [4].

Как известно, сверхдержавы сумели с честью выйти из Карибского кризиса и настоящему полку не пришлось воевать. В начале следующего ракетного кризиса, который самым непосредственным образом затронул граничившую с Чехословакией Федеративную Республику Германия, Д. Т. Язов возглавил Центральную группу войск (ЦГВ) на территории Чехословакии. Кроме того, ЦГВ действовала в условиях недоброжелательного отношения со стороны местного населения, так что у командующего проблем было предостаточно. Генерал-полковник Д. Т. Язов имел косвенное отношение к начавшейся в декабре 1979 г. афганской войне в качестве командующего войсками Среднеазиатского военного округа. Афганистан граничил с советской Средней Азией. Несомненно, что многие вопросы, связанные с афганской войной, рассматривались в штабе Среднеазиатского военного округа.

С 1987 по 1991 г. он возглавлял советское оборонное ведомство. Дмитрий Тимофеевич оказался самым молодым министром обороны СССР со времен Малиновского. Президиум Верховного Совета СССР назначил маршала Малиновского на эту должность в пятьдесят восемь лет. Малиновского сменил шестидесятитрехлетний Гречко. Гречко сменил шестидесятисемилетний Устинов, Устинова – семидесятитрехлетний Соколов. Именно Соколова сменил шестидесятидвухлетний Язов [5].

Дмитрий Тимофеевич возглавил союзное оборонное ведомство, когда его родное Отечество скатывалось к системному социально-экономическому и политическому кризису. Советские Вооруженные Силы стали заложниками стратегических ошибок команды Горбачёва, которая руководила СССР с 1985 по 1991 годы. Язову нередко приходилось расхлебывать результаты игры в поддавки с Западом со стороны советской дипломатии. Договоры и соглашения в области разоружения и контроля над вооружениями, разработанные в соответствующем переговорном процессе, несли в себе печать односторонних выгод для Запада. Не были капитально прописаны социальные гарантии для советских военнослужащих в нормативно-правовых актах, регулировавших их вывод с территории зарубежных государств. Хорошо известно, что в бытность Д. Т. Язова Министром обороны СССР советское военное присутствие стало достоянием истории в Венгрии и Чехословакии, прослеживался начальный этап вывода советских войск из Германии и Монголии, была заложена правовая основа для вывода советских войск из Польши. Есть основания утверждать, что Д. Т. Язов всякий раз пытался удержать советских переговорщиков от ощутимых уступок своим партнерам. Однако его усилия оказались тщетными. Министр обороны держал также на контроле вывод советских войск из Афганистана, завершившийся 15 февраля 1989 года [3].

Главу оборонного ведомства глубоко волновали падение престижа военной службы, нарастание потока военнослужащих, досрочно увольнявшихся из армии; усиление антиармейских настроений в советском обществе. В стране нарастал дефицит всего и вся, принимал угрожающие масштабы инфляционный вал. Все это явно отрицательно сказалось на армии. Дмитрий Тимофеевич прекрасно понимал, что если ничего не предпринимать, то можно потерять великую страну [4].

К лету 1991 г. маршал окончательно склонился к тому, что СССР от распада может спасти только введение чрезвычайного положения. В драматические дни августа 1991 г. он отметился членством в ГКЧП. Москвичам те дни запомнились появлением на улицах столицы танков и тяжелой военной техники. Это стало результатом выполнения соответствующего приказа Д. Т. Язова. Чем мотивировался настоящий приказ? Маршал спустя много лет дал четкий и ясный ответ: «Войска вводили только для охраны стратегических объектов. Чтобы не было провокаций» [5]. ГКЧП потерпел поражение, что предопределило попадание маршала в «Матросскую тишину». Он находился здесь с 25 августа 1991 г. по 26 января 1993 года. Принципиально важно отметить, что на участнике ГКЧП Д. Т. Язове нет ни капли крови. У фронтовика даже в мыслях не было, чтобы армия стреляла в свой народ. Можно однозначно утверждать, что он ни за что не отдал бы такой приказ. Не было и «измены Родине», которую инкриминировали Дмитрию Тимофеевичу, лишив его свободы на 501 день [6]. После выхода из «Матросской тишины» маршал старался не сидеть без дела. Он успешно справлялся с обязанностями советника Министра обороны Российской Федерации по актуальным вопросам военного дела. Члены Комитета памяти

Маршала Советского Союза Г. К. Жукова предложили Дмитрию Тимофеевичу возглавить эту структуру. Он ответил согласием. Под его руководством Комитет провел ряд значимых мероприятий. Героя очерка хорошо знают в Военно-мемориальном центре Вооруженных Сил России. Начальник центра многократно обращался к маршалу с просьбой дать необходимые консультации. Подобные просьбы неизменно удовлетворялись. Язова все знают как непримиримого борца против фальсификации истории Великой Отечественной войны [3]. Маршалу пришлось пережить смерть дочери, сына, первой и второй жен. Из четверых детей в живых осталось двое [6]. Дмитрий Тимофеевич являлся человеком высокой внутренней культуры, широкой эрудиции, высоких моральных принципов. В этой связи стоит привести два факта. Российский журналист Владимир Фёдоров пишет: «Поразительный факт: в самые тяжелые минуты – фронт, ранения, гибель близких, тюремная камера – маршал находил опору в поэзии. Пушкин, Евгений Онегин. Язов знал весь роман наизусть. Так же, как “Маскарад” Лермонтова, “Кому на Руси жить хорошо” Некрасова, как стихи Маяковского, Есенина. Будучи командиром взвода, в 1942-м он читал их бойцам в окопах Ленинградского фронта, командиром полка – в палатках на Кубе, в дни Карибского кризиса, когда мир стоял на пороге ядерной войны. Об искусстве, театре, поэзии говорили на прогулках с соседом по квартире Иннокентием Смоктуновским» [3].

Предваряя второй факт, отметим, что армейским бичом была и остается нецензурная брань. Для многих, возможно, будет удивительно такое признание маршала: «Я с 17 лет в армии, а матом ругаться так и не научился. Считаю, что мат хорош в колхозе, когда быки не слушаются. А с людьми нельзя» [1].

Д. Т. Язов обладал богатейшей наградной коллекцией. Общее число наград – 47. Это награды СССР, Российской Федерации, иностранных государств. Наиболее значимые среди них советские и российские ордена. Блок советских орденов образуют два ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени. А вот перечень российских орденов: орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орден Александра Невского, орден Почёта [6].

Последнего советского маршала немало связывало с моей родной Беларусью. Он неоднократно посещал Краснознамённый Белорусский Военный Округ, работая в центральном аппарате Министерства обороны СССР. Дмитрий Тимофеевич выступал активным приверженцем Союза Беларуси и России, с восхищением оценивал белорусскую модель социально-экономического и политического развития, которая стала обретать плоть и кровь после избрания А. Г. Лукашенко главой нашего государства [5].

Одиннадцать лет назад в минском издательстве «Белта» вышла его книга «Гуртьевцы от Омска до Берлина». Содержательную сторону книги можно обозначить следующим образом: история 308-й (120-й гвардейской) стрелковой дивизии. Дивизия прошла этап формирования в западноси-

бирском городе Омске за четыре месяца до начала Сталинградской битвы. Ее первым командиром был Герой Советского Союза Л. Н. Гуртьев. Первым театром военных действий (ТВД) для этой боевой единицы стал сталинградский, последним – берлинский. Естественно, были и другие ТВД, в том числе и белорусский. Достаточно упомянуть об изгнании врага из белорусского города Рогачёв.

С настоящей дивизией генетически связаны тактические соединения Вооруженных Сил в современной Беларуси и в современной России. Речь идет о 336-й гвардейской бригаде морской пехоты Вооруженных Сил Российской Федерации и 120-й гвардейской механизированной бригаде Вооруженных Сил Республики Беларусь, В 120-й бригаде А. Г. Лукашенко был в свое время замполитом роты [2].

Анализируемая книга представляет собой образец системной реконструкции истории базовых тактических соединений в Вооруженных Силах. Перед нами военный эксперт, историк, политолог, социолог в одном лице [4].

Шесть лет назад в мозырском издательстве «Колор» была издана его книга «Битва под Москвой. Рождение полководцев». В книге обстоятельно раскрыто полководческое искусство целой россыпи имен. В этой связи немало нового можно узнать о Г. К. Жукове, К. К. Рокоссовском, Л. А. Говорове, И. Ф. Панфилове, Л. М. Доваторе, В. И. Полосухине. Дмитрий Тимофеевич особое внимание уделял уроженцу Гомеля командиру Северной группы войск обороны Москвы, заместителю командующего 20-й армией, Герою Советского Союза А. Лизюкову. Он вполне обоснованно подводил читателя к выводу, что именно этот гомельчанин был главным спасителем Москвы в ноябре–декабре 1941 года. Одновременно подчеркивается, что в годы Великой Отечественной войны неувядаемой славой покрыли себя родные братья данного военачальника Евгений и Пётр. Полковник П. Лизюков, как и генерал-майор А. Лизюков, был удостоен звания Героя Советского Союза, воевал в действующей РККА. Евгений был командиром партизанского отряда. Александр, Пётр, Евгений Лизюковы пали смертью храбрых, не дожив до Великой Победы. Перечисленные обстоятельства предопределили появление письма маршала тогдашнему председателю Гомельского областного исполнительного комитета В. Дворнику. В письме было четко выражено желание экс-министра обороны СССР видеть свою книгу изданной именно на Гомельщине. Естественно, от губернатора требовалось содействие и оно было проявлено по полной программе. Заслуживает также упоминания имя человека, который осуществлял представительство интересов Д. Т. Язова в мозырском издательстве «Колор». Это заведующий кафедрой русской и мировой литературы Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, доцент И. Н. Афанасьев. Последний приходится А. Лизюкову внучатым племянником. И. Афанасьев существенно помог маршалу в ходе работы над книгой. Отличное оформление книги можно поставить в заслугу мозырскому художнику-дизайнеру А. Кулькину. Кстати, он служил в Среднеазиатском военном округе, когда этим оперативно-стратегическим объединением командовал Д. Т. Язов. Указанная книга была подарена автором с дарственной надписью Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и тогдашнему губернатору Гомельской области В. А. Дворнику [2].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дмитрий Тимофеевич Язов, цитата: Я в армии с 17 лет, а ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.citaty.net/tsitaty/481995-dmitrii-timofeevich-iazov-ia-v-armii-s-17-let-a-matom-rugatsia-tak-i-ne-nauch/>. – Дата доступа : 14.03.2021.
2. Маршал Советского Союза Дмитрий Язов издал книгу в ... [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.google.com/search?q=gp.by&aqs=chrome..69i57.1731j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF-8>. – Дата доступа : 14.03.2021.
3. Познавательная передача «Маршал Язов. По своим не стреляю ... » [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.vl.ru. – Дата доступа : 14.03.2021.
4. Последний Маршал: биография Дмитрия Язова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201708080643-d20k.htm. – Дата доступа : 14.05.2020.
5. Умер последний маршал Советского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://warsh.livejournal.com/10062331.html>. – Дата доступа : 18.07.2020.
6. Язов, Дмитрий Тимофеевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 14.03.2021.

Л. Е. Хмельницкая

ВОЕННАЯ СУДЬБА КЛИЧЕВСКОГО ГЕРОЯ – МОЕГО ОТЦА МЕЛЬНИЧУКА ЕВГЕНИЯ ИОСИФОВИЧА¹

В автобиографии мой отец говорит: «Отец мой родился в Польше в 1894 г., по национальности – украинец. Умер в сталинских лагерях 03.03.1942 года. Мать родилась в Минске в 1892 году. Умерла в сентябре 1969 года.

Я родился 14 января 1927 г. в деревне Старые Дороги. Отец работал лесничим, поэтому семья всё время переезжала. Самый первый город на моей памяти, куда мы переехали – Рогачёв. Позже переехали в д. Баричи. Отец устроился заместителем Барицкого лесхоза. В 1933 г. отца арестовали. У матери на руках осталось трое детей – я и две сестры – Нина и Лёля. Мне запомнилось, что в д. Баричи плавали большие белые пароходы, на самом берегу реки стояла небольшая церковь, а напротив – кирпичная школа. После ареста отца начались тяжёлые времена, и пришлось переехать в Минск к деду. В Минске мать сначала работала на почте телеграфисткой, но ее уволили, когда узнали об аресте мужа. Затем она устроилась на кирпичный завод. Но из-за клейма семьи “врага народа”, мы были вынуждены покинуть

¹ Автор благодарит студентку 122 группы факультета английского языка Анну Юрчук за оказанную помощь в расшифровке аудиозаписи из семейного архива.

столицу и переехали в г.п. Кличев. Там я провёл всё своё детство. Сначала жили на квартире у местного еврея. Позже купили небольшой клочок заброшенной земли, наняли рабочих, которые из бани построили дом, обзавелись коровой. Мы очень были благодарны деду за материальную помощь и поддержку, сам он был человек зажиточный, имел 2 дома и 5 сараев.

В Кличеве я пошел в школу. Мать работала почти круглосуточно, и я был предоставлен сам себе на воспитание: познавал просторы посёлка, играл с соседскими ребятами. В начале июля 1941 г. Кличевский район был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. Я добровольно пошёл в партизаны, сражался в 277-ом партизанском полке под командованием И. З. Изоха. 11 декабря 1944 г. я был призван в ряды Красной армии. Проходил службу в городе Каунасе в составе 7-ой батареи зенитного полка. После окончания Великой Отечественной войны полк был расформирован. Я решил поступить в водолазную школу, окончил её с отличием и отправился в Днепровскую военную флотилию. После демобилизации я уехал в Минск. Здесь построил дом, женился. Работал токарем на заводе № 407 «Вычислительной техники» [1].

Из расшифрованной аудиозаписи, состоящей из нескольких рассказов, складывается следующая историческая картина важных событий, очевидцем которых и непосредственным участником на территории Кличева и его окрестностей в годы Великой Отечественной войны был мой отец.

Познание азов партизанской борьбы

С началом войны в Кличеве началась активная мобилизация, что вызвало панику у людей, они выходили из своих домов и толпились вокруг сельсовета. Внезапно на город налетел немецкий самолет, пустил пару пулеметных очередей, правда, никого не задел, но пришлось перенести все главные штабы и органы управления в лес. В течение двух следующих дней через Кличев шли длинные колонны разбитых солдат Красной армии. Голодные, уставшие, в разорванной форме, солдаты медленно волочились по пыльной дороге, скидывая здесь же котелки и рюкзаки. А еще через пару дней, вслед за советскими солдатами, в Кличев вошли немцы. Вели они себя сначала вполне мирно и дружелюбно, никого не трогали.

Партизаны заявили о себе вскоре после оккупации Кличева в июле 1941. В поселке шла непрерывная стрельба. Немцы начали вербовать местных мужчин на службу в полицаи, бургомистры, и вскоре создали большой гарнизон.

Активная партизанская борьба развернулась в марте 1942 г., партизаны появились в соседней деревне под видом местных мужиков и атаковали Кличев. Завязался жестокий бой. Большинство местных мужчин взяли винтовки и, присоединившись к партизанам, вступили в бой. Преимущество было на стороне немцев, но партизаны стали поджигать дома полицаев, началась паника, город был охвачен огнем, сильный порывистый ветер переносил угольки на крыши соседних домов. Так чуть не сгорел весь хутор.

На следующее утро Кличев был заполнен дымом спаленных домов, и все улицы усыпаны обгорелыми трупами полицаяв. Под завалами и обломками люди обнаружили порванные, обгорелые мешки зерна, я сам успел насобирать целый мешок уцелевших зерен, из которых мы потом смогли печь хлеб. Трупы полицаяв никто не трогал и не убирал, но к концу месяца партизаны дали команду стягивать трупы в яму.

В начале весны, когда потеплело, партизаны объявили в Кличеве советскую власть, организовали отряд самообороны из местных мужчин, который защищал поселок в случае появления немцев. А немцы нападали на Кличев постоянно, шли непрерывные бои с переменным успехом. Каждые сутки немецкий самолет сбрасывал 4 бомбы, обстреливал город и улетал. Так продолжалось примерно месяц, но вскоре была налажена связь, и на кличевский аэродром приземлился первый самолет с «большой земли». Когда он прилетел во второй раз, немцы атаковали Кличев, разгорелся жестокий бой возле д. Бацевичи и партизанам было приказано отходить в лес. Я с местными ребятами последовал за ними, но партизанский отряд, стоявший на окраине леса, нас не впустил. Нам было поручено достать продукты, главным образом картошку. Я побежал в город, и только перешел мост, как вижу – по дороге мчатся на лошадях власовцы, а за ними идут немецкие танки, за ними солдаты с автоматами, в небе появились самолеты. В городе разместился основной штаб немецкой армии, окруженный со всех сторон пушками. Один из немецких летчиков, видно, имел знакомых в этом штабе, и каждый раз, когда летел бомбить город, сначала делал почетный круг, пикируя низко-низко над штабом, где расхаживали важные начальники с маленькими собачками под мышкой. И вот однажды, во время очередного такого приветственного круга, самолет зацепился за крышу и рухнул прямо на дом, где располагалась немецкая кухня. Немцы к самолету никого не пускали, быстренько разобрали и увезли останки.

Тем временем партизаны покинули Кличев, и основные войска немцев стали уходить дальше, а в городе оставили один гарнизон. Его окружили стеной из толстых бревен, выкопали вокруг окопы, обнесли колючей проволокой и поставили дзоты. Так началась немецкая оккупация Кличева. Партизаны иногда нападали, но немцы давали жестокий отпор.

Как-то в Кличев пригнали две роты власовцев. Их поселили в поселке в соседней деревне. Власовцы совсем не считали себя предателями и презирали полицаяв, которых обвиняли в измене Родине. И вот однажды ночью партизаны украли минометный расчет, а наутро атаковали Кличев. Начался страшный бой, в ходе которого половина первой роты власовцев была расстреляна, а другая половина сдалась партизанам. После боя немцы решили себя обезопасить увезли вторую роту из города. Но одного власовца они, видно, забыли. И когда бросились его искать, то нашли его в поселке, пьяного. Заметив немцев, власовец принялся их грубо ругать, обвинять в трусости, измене и даже угрожал им расстрелом. Немцы быстро схватили его под руки и куда-то увезли. После этого случая отряды власовцев в Кличев немцы больше не привозили.

Директор нашей мельницы Чернявский был по происхождению поляк, он имел большую семью, и он был очень предан немцам. Но эта преданность чуть не стоила ему жизни. Вот что произошло. Когда в городе шел активный набор добровольцев для работы в Германии, его дочь тоже решила записаться. Но эшелон с остарбайтерами, в котором она ехала, был остановлен и освобожден на полпути польскими солдатами. И девочке ничего не оставалось, как возвращаться домой через всю Польшу. Придя домой, она рассказала страшные вещи, что в Польше немцы бьют поляков как евреев. Чернявский очень испугался этой новости, ведь он уже сдал двух своих мельников немцам за сотрудничество с партизанами. Когда в Кличев приехали гестаповцы, они проверяли списки всех, на кого писали доносы, и особенно кто писал, а потом всех арестовывали и расстреливали. И Чернявского тоже схватили, но местный комендант заступился за него и спас ему жизнь.

Как я попал в партизаны

Когда немцы стали насильственно забирать людей в Германию на работу, я со своим другом решили убежать в лес. И однажды нам подвернулся удобный случай. Напротив нашего дома немцы построили мост и к нему приставили часового. Кроме этого, они еще поставили несколько постов вокруг города. Как-то вечером к мосту пришли местные девушки, видно, на встречу с немцами, часовой пристал к одной из них, и вся эта веселая компания шумно удалилась гулять по поселку. Мы с другом увидели, что мост не охраняется, и бросились через него в лес. Я очень боялся, что на посту нас могут заметить и пустить пулеметную очередь. Но все сложилось очень удачно. Перебравшись через мост, мы направились в соседнюю деревню Дмитровка. Меня там хорошо знали, ведь я работал на мельнице круподером, и все обращались ко мне за помощью. В деревне местные парни предложили нам пойти переночевать в лес, чтобы немцы не забрали. Было нас человек десять, все с топорами за поясом, с мешком картошки (хлеба был большой дефицит), отправились мы в лес, там разожгли костер и все, расслабившись, сели играть в карты. Я заметил, что несколько парней неприметно исчезли, а потом ко мне подошел их заводила и сказал уходить оттуда. Я, ничего не понимая, последовал за ним, мы пришли на край леса, там нарубили сухих веток, разожгли костр и легли спать. Как мне рассказали утром, против меня организовали заговор. Матюшонок, кузнец, подозревал, что я приведу немцев и решил меня той ночью убить. Но некоторые парни не согласились с ним, и поэтому увели меня на край леса. Утром мы вернулись с ними обратно, и там я узнал, что рядом с нами расположен лагерь кличевцев. Я направился к ним и обнаружил там три полуголодные семьи, состоящие только из женщин и детей. Лишний рот им был не нужен, и я решил пойти в деревню и попросить хлеба. В деревне я повстречал старую бабку, она узнала, что я сам из Кличева, и поэтому дала целую буханку хлеба для меня и голодных семей. Через пару дней я решил

уйти из лагеря и пойти в партизаны. Идя по лесной дороге, я наткнулся на мужчину с винтовкой и безоружную женщину, они сначала испугались меня, но потом мы познакомились поближе, и я узнал, что мужик тот работал раньше водителем у немцев, а потом убежал из Кличева с винтовкой и прятался в лесу. И вот мы с ним вместе решили идти в партизаны. Нам сообщили, что в д. Бёрда стоит рота, туда мы и направились. По дороге в деревню нас остановили несколько подводов с партизанами, водителя забрали, так как он был с винтовкой, а я пошел дальше в деревню. На входе в д. Бёрда я увидел двух солдат с пулеметом, но они даже не обратили на меня внимания. Придя в деревню, я встретил очень много партизан, большинство из которых мои знакомые, и сразу направился к начальству. Командир роты хорошо знал мою мать, он сказал, что мне еще рано идти в партизаны, хотя мне шел 18 год. В тот вечер разведка сообщила, что немцы оставили Кличев и рота из д. Бёрда направилась в Кличев. Там меня зачислили в 3 взвод, 3 отделение 277-го партизанского полка под руководством командира И. З. Изоха. Когда отряд пришел в Кличев, я был вынужден показывать партизанам дома полицаев, но все дома были пустые, ведь полицаи и их семьи ушли вместе с немцами. Мы сделали привал на окраине Кличева. А наутро мы отправились на заставу в поселок. Так прошел целый месяц, и у меня даже не было времени зайти домой, хоть мать и знала, что я уже в Кличеве.

Первый бой

Первый бой был в д. Любоници. Перед боем командир сообщил, что патронов очень мало и их надо экономить, и когда наступаете – погромче кричите и поджигайте все подряд. Мне было поручено нести носилки и уносить раненых с поля боя. С наступлением ночи мы стали продвигаться в сторону деревни. Мы шли полумесяцем, наступало две роты, а третью оставили в засаде. Атаковали мы три немецких взвода. Сначала двигались тихонько, перебежками, а потом рванули в открытую. Ночь была ясная все поле залито лунным светом, а немцы нас не видели. И не добегая сто метров до первых домов, мы открыли огонь. Немцы сразу спохватились, пустили пулеметную очередь, очень упорно и рьяно отбивались. А нам уже стрелять было нечем, патронов оставалось мало, и мы вынуждены были отходить в лес. После боя мне была объявлена благодарность лично от лица командира, ведь меня оставили в лагере, но я все равно ринулся в бой. Так прошло мое посвящение в партизаны.

Повседневность партизанской жизни

Когда мы вернулись в лагерь, я узнал, что из города пришли двое мужчин, это были Чернявский и механик. Чернявский не уехал вместе с немцами, а решил остаться и сейчас хотел перейти к партизанам. Их обоих привели к командиру, и он устроил им подробный допрос: кто такие, откуда, с какой целью. Чернявский сразу растерялся, раскашлялся от волнения, и командир заподозрил его в измене. Приговор был недолгим – расстрелять.

Когда я шел мимо молодняка, то обнаружил человека с выколотыми глазами, распоротым животом и в нательном белье – это был Чернявский. Я так и не смог признаться его сыну, когда тот спрашивал у меня о своем отце.

Однажды нас поставили на перекрестке в засаду. В тот день было сбито сразу два немецких самолета. Один сбил наш отряд, а второй – соседний отряд. После этого случая самолеты стали летать очень высоко, вне зоны доступа наших орудий. Вскоре нам пришлось уехать из города: была нехватка патронов, сена для лошадей, картофеля, соли. Бывало, дадут перед боем только по обойме патронов и все – делай, что хочешь. Пулеметчикам заряжали два диска. В бою перевес был на минут десять на нашей стороне, а потом, за неимением патронов, приходилось отступать.

Оставалось несколько дней до отхода из лагеря, шла блокада Кличева, над лесом непрерывно летали немецкие самолеты, свистели пули над головой. Я со своим товарищем Олешниковым стояли на посту. И тут к нам подъехали разведчики и сообщили, что скоро начнется бой. Рядом засел Рогачевский отряд, а по дороге уже шли немецкие колонны. Несколько минут спустя раздалась пулеметная очередь – и начался бой. Весь лес был заполнен криками, выстрелами, едким дымом, свистом пуль. Бой длился минут 15. А потом – мертвая тишина. Мы залегли в лесу и не знали, что делать дальше. Но вскоре к нам прибежал разведчик и передал приказ покинуть пост и идти в лагерь. Но в лагере мало что уцелело. Окон и дверей не было, землянки пустовали. Появился комотряда и приказал отходить из лагеря. Мы шли целиной по лесу, там как раз была вырубка. Не успели мы перейти во второй лес, как появились немцы. Нашему отряду дали команду прикрыть отход. А я остался смотреть за лошадьми. Три бригады сбились в одну кучу. Завязался бой, но немцы дальше не пошли, а остановились на краю леса. И когда партизаны вышли на открытую поляну, их атаковал резко пикирующий самолет и стал обстреливать отряд. Партизаны быстро среагировали и открыли ответный огонь, самолет быстро поднялся вверх и улетел. К вечеру мы начали движение. Рогачевская и Перовская бригады стали расходиться. К утру мы обнаружили, что хоть двигались всю ночь кругами, проходили мимо нашего лагеря. Наконец, мы пришли в д. Усакино, там стояли несколько дней. Но вскоре к деревне подошли немцы так близко, что отряд вынужден был уйти в лес. Меня назначили при отряде ездовым. Разведка сообщила, что в Бёрдах идет бой, и поэтому наш отряд стал в засаду в лесу. Меня и еще одного партизана отправили в разведку проверить д. Уболотье и Ижер. В Уболотье немцев не было, и нам даже удалось быстро и вкусно перекусить. В Ижере ситуация была хуже – деревня была спалена, осталось только два домика, с которых шел дым. Мы подождали немного – тихо, и решили отправиться к домикам. Как только выехали на дорогу, видим – нам навстречу мчится галопом подвода из троих партизан. Мы приостановились, и тут на нас обрушился шквальный огонь немецких орудий. Я сильно дернул вожжи, и быстро поскакал обратно в лес. Приехали в отряд

целыми, но лошади пострадали – у одной была прострелена грива, у другой бедро. Мы только сообщили командиру ситуацию, как немцы начали наступление. Наш отряд бросился в бой. А мне командир приказал доставить сани, куда бросили пулемет и ПТР, в полковой обоз. А где он находится, я не имел ни малейшего понятия. Когда я выехал из леса, то отряд уже ушел далеко. Тогда я просто поехал прямо и выехал на поляну. Вижу – хуторок, а на нем стоит человек восемь, и пристально разглядывают меня через бинокль. Я притормозил, но продолжал ехать тихонечко-тихонечко, думал, что это немцы. Но подъехав немного ближе, увидел, что они все в черном, а немцы в черном не ходят. Это оказался подпольный могилёвский обком партии. Они подсказали, где найти полковой обоз. Проехав еще два километра, я увидел партизан, собирающих сено, они сказали, что я его уже проехал мимо, ведь обоз был хорошо замаскирован. Полковой обоз я все-таки нашел, и доставил туда лошадей и сани. Вечером обоз снялся с места и направился в д. Бёрда. Надо было прорываться через блокаду, поэтому мы решили ехать дальше, подъехали к р. Ольсе, моста не было, и мы переходили реку по льду. А лошадь моя была не подкована, поэтому, как только она ступила на лед, то сразу провалилась копытом и застряла. Спасали ее целым отрядом. Остановились мы в какой-то деревне. Там узнали, что наши взяли Рогачёв, потому немцы и перестали нас преследовать. Лагерь наш был сожжен, идти было некуда, поэтому мы решили сесть в засаду на дороге Бобруйск – Могилёв. Внезапно послышался выстрел, другой – один из партизан упал. Это был Остошёнков, учитель. Ему прострелили ногу, и комотряда послал меня за носилками. Мы притащили Осташёнкова в отряд, санитары разрезали ногу, а пуля прошла между двумя костями навывлет. Чтобы он не отморозил ногу, я снял свою телогрейку и накрыл его, а сам остался в легкой куртке, и поэтому очень сильно простыл. Спасли меня местные женщины, напоив кипятком с малиной и накормив сухарями.

Пришла весна, стал таять снег. И в это время мы получили важное задание – взорвать железнодорожный мост. Мы целой бригадой отправились к р. Березина. Но немцев, видно, предупредили, так как они уже ждали у реки, и когда мы подошли поближе, завязался бой. Длился он почти двенадцать часов. Мы вышли в лес, и тут к нам подъехал командир роты с приказом выбить немца с района мостика. Но где этот мостик находится, мы даже и не знали. Вышли на дорогу, идем прямо, и тут немец как открывает по нам шквальный огонь, и мы назад, так рота за ротой и отступали в лес. Потеряли одного человека, а одного ранили. Только встанем, как немец опять открывает огонь. Но подбегает комроты и кричит нам: «Вперед, ребятки, вперед!». Я и Петька из моего отряда дружно поднялись и рванули в атаку, видим мостик впереди, а вокруг него немцы целой пеленой лежат, немного ближе к нам яма глиняная, вот мы с Петькой вместе по команде и бросились в эту яму. А оттуда уже подняться не можем, пули над головой свистят. Из леса послышались отважные крики: «Ура!» и партизаны побежали в открытую на немцев. Мы тоже поднялись, и видим – немцы убегают

в сторону деревни. Погнались за ними, выбили из деревни. А в деревне уже напились и наелись вдоволь, ведь жажда и голод – постоянные спутники партизана. На обратном пути взорвали мост и направились в наш спаленный лагерь. Построили новый лагерь в течение одного дня за два километра от старого. Не успели мы его построить, как в тот же день налетели немецкие самолеты. Соседний Рогачевский лагерь бомбили шесть самолетов, и они потеряли двадцать пять человек. Расположение нашего нового лагеря немцы не знали, и три немецких аса бомбили старый разрушенный лагерь, поэтому у нас никто не пострадал и лагерь остался целым.

К первому мая уже весь Кличев был занят партизанами. И когда появились немцы, на их пути первым стоял наш батальон. В это время я отпросился домой посадить ячмень и картошку, а когда приехал в лагерь, то застал там всего несколько человек и командира. Он поставил меня на пост. Через некоторое время к нам приехал связной, и сообщил, что немцы спалили Кличев и перебили всех людей, а у меня дома оставались две сестры и мать. Я сразу же бросился домой. Мать и сестры спрятались в заброшенном сарае, поэтому остались живы. Весь Кличев был в огне, власовцы и немцы застрелили около ста пяти человек, стреляли всех, кого видели. Мать с сестрами отправились в соседнюю д. Вишнёвка, где поселились у бывшего партизана. Он был известен тем, что сам вытащил с поля боя двадцать пять мертвых человек.

Немецкие танки стали наступать на первый батальон и выгнали партизан на чистое поле, батальон спасло только то, что была весна, и поле все было залито водой, поэтому немецкие танки не смогли пройти, и батальону удалось успешно уйти. После этого наступления командир нашей бригады сказал, что мы должны отомстить немцам, и поэтому мы постоянно ходили в засаду. И однажды разбили группу мадьяр, и даже взяли пленного. Но он так плохо говорил и на русском, и на немецком, что толку с него не было, и мы решили оставить его в лагере пасти стадо коров.

Как-то стояли мы с другом в засаде. Последний снег уже сходил с полей и лощин. В лесу все пробуждалось от зимней спячки, и где-нигде даже бегали лисицы. Эти хитрые плутовки уже начали свою охоту на мышей и делали это так искусно – подпрыгивали в воздухе, взмахивая широким пушистым хвостом, и ловко хватали свою жертву острыми когтями. И мы решили с парнем, который стоял со мной вместе на посту, одну лисичку подстрелить. Он открыл две пулеметные очереди по пробегающей мимо лисе, да и я еще раз выстрелил, со злости, ведь эта рыжая так ловко увернулась и скрылась в зарослях леса. Пришло время пересменки, смотрим – никто не идет, подождали еще немного, и я решил пойти на разведку. Пришел в деревню, а там – ворота нараспашку, коней нет, партизаны убежали. Мы с другом подумала, что на деревню напали немцы, и бросились в лес. Там уже нашли наших, и оказалось, что они приняли наши выстрелы в лесу за атаку немцев и думали, что нас положили. Поэтому заняли боевые позиции и приготовились к бою. В итоге мы получили только серьезный нагоняй от командира за наши невинные шуточки, этим все и обошлось.

В июне командир построил наш отряд и приказал взять продуктов на две недели, так как мы идем в поход. Понятно, что на две недели продуктов не унесешь, поэтому нам дали только мешочек сухарей и по кусочку колбасы. Женщинам и раненым он приказал выйти из строя и отправил их в лагерь. С нами отправилась только одна повозка для раненых и медсестра. Шли мы целый день, остановились перед д. Бельничичи, пробыли там двое суток и ночью отправились в деревню, перешли большую дорогу, и возле р. Друдь меня поставили на пост. Вскоре ко мне подошел старик и сказал, что у Бельничичей пушки немецкие стоят, они коров деревенских угоняют. Но у меня был приказ только наблюдать за Бельничичами и если что замечу – сообщить. Следующей ночью (мы стали двигаться только ночами) мы отправились дальше, нам привезли тол, и приказали взорвать железную дорогу. Мы шли под Шклов. Мы проходили мимо немецких гарнизонов, и по нам однажды даже окрыли огонь, впустую, конечно, потому что мы шли за холмом, но рядом. Подошли мы к железной дороге, что находилась за пятнадцать километров от Шклова, и ночью, в двенадцать часов, стали рвать железную дорогу. Мы прибыли сюда первые, вскоре подтянулись другие отряды. К этой железной дороге шли партизаны со всей Беларуси. Когда мы подошли ближе, проводники сказали, что слева и справа от дороги дзот, повален лес и болото. Мы подошли к рельсам, и слышим – едет поезд, медленно, тихонько, ни одного огонька на нем. Двое часовых сразу нас заметили, пустили сигнальную ракету, но партизаны быстро среагировали, открыли огонь и положили обоих. Потом мы двинулись подкладывать тол, двести грамм под каждую рельсу. Внезапно немцы открыли огонь из левого дзота, но партизаны дали по нему очередь трассирующими пулями. Он продолжал изредка стрелять, но трасса шла вверх, и пули нас не доставали. Взорвали мы железную дорогу и отправились быстро назад в лагерь, а сзади дорога все гремела, ведь подходили другие отряды партизан и взрывали свои участки. Пришли мы опять в Бельничичи, переночевали, а наутро отправились в дорогу. Теперь мы шли через другой район, под Могилёвом, сделали круг. Подойдя к Кличеву, я убежал в самоволку домой, мы жили тогда в Дмитровке, и там узнал от разведчиков, что немцы прорвали линию фронта. Переночевав дома, наутро я прибежал в лагерь, и меня сразу как дезертира поставили на пост. В это время шли бои за Бобруйск, было даже видно, как в небе загорелся и упал немецкий самолет. На следующий день немцы стали отступать. В лагерь приехала машина с белым флагом – это сдавались власовцы. И нам приказали выходить на дорогу и бить немцев. Мы прошли мимо станции Несята, и слышим, что по дороге несутся на конях немцы, слышна русская и немецкая ругань (у немцев было много власовцев). Это шел немецкий артиллерийский полк, лошади все красивые, здоровые, с подстриженными хвостами. Мы подошли почти вплотную и стали ждать команду атаковать. Послышался первый выстрел, и мы бросились в атаку. Били минут пять, а я стоял при миномете, и мне минометчик Коровайников

дал знак бросать мины. Я бросил сем мин, освободил ящик, и командир крикнул чего-нибудь ухватить в немецком обозе. Я прыгнул в лафет, а наши прекратили огонь, стали отступать. Немцы сразу опомнились, открыли огонь, шли по полю мимо меня. А я как прыгнул – коробку потерял, и высунуться из лафета не могу, чтобы поискать ее, вверху шквальный огонь. Наконец заметил коробку, схватил ее и бросился в лес зигзагами. Немцы так шумели, что даже меня и не заметили. А я настолько быстро бежал, что в лесу рухнул без сил и не мог дальше идти. Но к счастью, мимо проходили два парня, они потеряли диск от пулемета, искали его по лесу, и наткнулись на меня. Подхватили за руки и потащили на сборный пункт. Там я уже нашел своих и рассказал, что произошло.

Однажды на мельнице, где я работал кочегаром, произошел такой случай. К концу рабочего дня, когда все рабочие собиралась идти домой, в городе начался страшный бой. Партизаны атаковали немцев со всех сторон. Город был заполнен дикими криками, стрельбой, едким запахом дыма и гулом разрывающихся снарядов. Ночью немцы вызвали на помощь авиацию, но самолеты прилетели только утром, и стали беспорядочно бомбить Кличев, особенно ул. Набережную, где жили только полицаи со своими семьями. Уже после бомбардировки немцы забрали оставшихся в живых полицаев и отправили в Бобруйск.

К утру стали уже летать низко наши самолеты, и интересно, что совсем не такие, как в начале войны, а совсем другие. К нашему отряду прибилося очень много партизан, которые были разведчиками, и наши отряды соединились в одну бригаду. Все вместе двинулись в путь, перейдя р. Ольса, вышли к д. Суша, наш отряд отправили вперед на заставу. И когда вернулись разведчики, то радостно сообщили, что впереди идут наши. Пройдя сожженную д. Суша, мы остановились, вскоре слышим крики, что немцы идут в д. Суша. Послали туда наш отряд, но когда мы пришли, то немцев уже не было. Наш командир решил дать салют в честь соединения отрядов. Пришли назад в деревню, а нас опять посылают в тот район, снова немцы едут. Пришли мы туда, и видим, что идет целая колонна немцев, техники, пленных ведут, скот. Командира отряда не было, и мы самостоятельно приняли решение – ударить по немцам, когда сравняемся с колонной пленных, начнем стрелять, чтобы люди разбежались. Все это время над колонной кружили наши самолеты. Мы приготовились, уже колонна подошла близко, но прискакал адъютант командира отряда и приказал не трогать немца, немедленно отходить. А немцы шли по дороге, где их недавно построенный мост был спален. Мы все спорили: будем стрелять, чтобы люди разбежались или нет. В это время подошло девять илов, они развернулись и стали бомбить немцев. В воздухе их сопровождали четыре стрелка.

Мы покинули поле боя и направились в лагерь. Назавтра наш отряд построили, меня отправили домой, так как мой год еще не был призван, а остальные партизаны пошли дальше с частями Красной армии.

P.S.: Отца не стало 19 августа 2002 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный архив Л. Е. Хмельницкой. – Аудиозапись рассказа Мельничука Евгения Иосифовича.

Н. А. Шиманская

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗА ПЕРИОД ОККУПАЦИИ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944)

Противодействие спецслужб является неотъемлемой частью любой войны. Добывание информации о планах врага, формах и методах его работы с целью упреждающего реагирования на его действия, а также тщательное сохранение своих собственных планов, форм и методов работы вносят важнейший вклад в расстановку сил государств, находящихся в состоянии войны, и результаты их противодействия.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Беларуси органам государственной безопасности пришлось противостоять спецслужбам Германии, которые являлись сильнейшими среди аналогичных структур данного периода. При этом применялись различные формы и методы добывания разведанных и осуществления контрразведывательных мероприятий.

Важнейшее значение в этой работе имело создание широкой агентурной сети из местных жителей и внедрение агентов в различные структуры противника.

Так, только в 1941 г. для разведывательно-диверсионной работы в тылу противника НКГБ БССР было завербовано 1350 агентов, в числе которых было 445 разведчиков, 366 диверсантов, 62 содержателя явочных и конспиративных квартир, 63 курьера и связника, а также 414 сигнальщиков, имевших задание подавать сигналы советской авиации о местонахождении вражеских объектов. Было создано 60 разведывательных резидентур с общим количеством 307 агентов, в том числе: по Могилевской области – 27 резидентур из 143 агентов; по Гомельской области – 15 резидентур из 83 агентов; по Полесской области – 18 резидентур из 81 агента. Для руководства резидентурами Наркоматом были оставлены оперативные работники, имеющие достаточный опыт агентурной работы [9, с. 75].

В результате работы агентуры в тылу противника в этот период были собраны и предоставлены верховному командованию важные сведения военно-разведывательного характера о 35 аэродромах и посадочных площадках противника, 21 базе и артиллерийском складе, 12 штабах немецких частей, военных сооружениях немцев [9, с. 77].

Вместе с тем в начальный период войны при организации разведывательной работы в тылу врага имелся ряд серьезных проблем, таких как нехватка квалифицированных кадров, отсутствие раций для передачи разведсведений в Центр, ограниченные возможности для сбора разведывательной информации о противнике и др. Результативность агентурной разведки была невысокой также потому, что агенты получали иногда неконкретные задания, у них не было достаточно прочных связей с местным населением, они не располагали необходимыми документами прикрытия и т.д. Агенты часто стремились выполнить задания самостоятельно, без помощи местного населения. Не имея документов прикрытия, они постоянно испытывали трудности в передвижении по оккупированной территории [13, с. 282].

Репрессии второй половины 1930-х гг. также сыграли свою негативную роль. Возглавлявший в начале Великой Отечественной войны Особую группу при НКВД СССР П. А. Судоплатов указывал на острую нехватку квалифицированных кадров. Он даже инициировал перед Л. П. Берией освобождение из тюрем бывших сотрудников разведки и госбезопасности, однако большая их часть к этому времени уже была расстреляна [17, с. 199–200].

Однако, несмотря на определенные проблемы, имевшиеся в начале войны, разведывательная работа постепенно была усовершенствована и начала давать ощутимые результаты. Штаб хозяйственной инспекции гитлеровской группы армий «Центр» в обзоре о последствиях партизанской деятельности за период с весны до осени 1942 г. вынужден был признать: «Повсюду сидят доверенные лица партизан, разведаппарат которых работает ошеломляюще быстро и надежно» [3, с. 17].

К лету 1942 г. основным объектом разведки стали воинские перевозки противника через территорию Беларуси к фронту. 26 мая 1942 г. командирам партизанских отрядов и оперативно-чекистских групп доводилось требование НКВД СССР «максимального усиления разведки воинских перевозок противника по железнодорожным и шоссейным магистралям ... количество поездов, колонн транспортов, проходящих в каждом направлении, характер грузов, род войск, количество, наличие техники, особенно танков, артиллерии, нумерацию частей, пункты перевалки и сосредоточения войск и грузов» [10, с. 485].

Требования к разведывательной работе в тылу врага значительно возросли весной 1943 года. Это было связано с тем, что после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом стратегическая инициатива перешла к советскому командованию, которое остро нуждалось в полной и своевременной развединформации для планирования дальнейших боевых действий советских войск.

Создавались специальные школы по подготовке агентурных разведчиков для засылки в тыл врага. Программа обучения включала в себя ряд циклов. В рамках политико-экономического цикла до слушателей доводились политические и экономические цели войны Германии против СССР. Специальный цикл предназначался для изучения основ агентурно-разве-

дывательной деятельности, форм и методов работы с местным населением оккупированных областей, а также особенностей ведения разведки иностранными спецслужбами, методов работы германской разведки против партизан и путей борьбы с агентурой противника. В военном цикле самое большое количество учебных часов было отведено на тактическую подготовку. Кроме того, серьезно изучалась топография, стрелковое и минно-подрывное дело [14, л. 1].

Окончившие спецшколу разведчики, подрывники и радисты в составе специальных групп направлялись в тыл противника для организации там подрывной работы и разведки.

Важнейшими направлениями разведки было получение информации о работе железнодорожного, автомобильного, речного и гужевого транспорта, об оборонительных сооружениях противника.

О передвижении эшелонов противника и перевозимых грузах через станцию Сморгонь, а также о сосредоточении техники, готовившейся к направлению на фронт, сообщала действовавшая в Вилейской области спецгруппа НКГБ БССР «Северная» [15, л. 58].

С целью расширения сферы разведдеятельности спецгруппы и отряды устанавливали связь с местными подпольщиками. В частности, спецотряд НКГБ «Местные» под командованием С. А. Ваупшасова в течение 1942–1943 гг. регулярно получал достоверные сведения о передвижении эшелонов противника к фронту и характере перевозимых грузов от подпольной группы К. Л. Матузова, действовавшей в г. Минске [3, с. 204; 8, л. 1, 2].

С помощью агентурной разведки Наркоматом государственной безопасности были добыты и переданы в Центр сведения о строительстве оборонительных сооружений в полосе наступления 1-го Белорусского фронта, а также о дислокации и передвижении германских войск [12, с. 283].

Таким образом, разведка на транспортных коммуникациях давала возможность получения информации о передвижении вражеских эшелонов, а также грузах, направляемых к фронту. Сведения об охране железнодорожных коммуникаций и объектов, расписании движения и др. использовались при подготовке и осуществлении диверсий.

Не менее значимым направлением разведывательной работы было получение информации о вражеских гарнизонах, располагавшихся практически во всех городах, крупных населенных пунктах, а также во многих деревнях. Разведывательный интерес также представляли воинские и административные учреждения, склады, узлы связи и другие важные объекты противника.

Например, разведывательно-диверсионная группа «Лесные» передала в Центр сведения о немецких и полицейских гарнизонах, дислоцировавшихся в районе действия группы. Были собраны подробные данные о численности гарнизонов, их вооружении, предназначении того или иного гарнизона [1, л. 212–216].

Чекистские формирования во взаимодействии с партизанами и местным населением осуществляли контроль за всеми крупными гарнизонами и при помощи агентурной разведки добывали важную информацию.

Через агентуру в хозяйственных и административных организациях оккупантов добывалась информация о мероприятиях оккупационных властей с целью противодействия их реализации, осуществлялось приобретение чистых бланков и других документов, которые использовались для легализации агентуры и для других оперативных мероприятий.

Большая часть агентуры была внедрена в немецкие политические, административные и хозяйственные органы, работала на железнодорожном транспорте, базах и складах, военных предприятиях или имела доступ к ним.

Так, многие члены подпольной группы К. Л. Матузова, действовавшей под руководством командира спецгруппы НКГБ С. А. Ваупшасова, работали в домоуправлении, что давало им возможность обеспечивать подпольщиков и партизан немецкими документами [8, л. 1, 2].

Разведчиками выявлялись немецкие школы подготовки разведчиков и диверсантов. Развединтерес представляли структура этих школ, их учебные программы, преподавательский и курсантский состав и др. [16, л. 51]. Сведения об их выпускниках с указанием примет, документов прикрытия и иных сведений, необходимых для разоблачения вражеских агентов, направлялись в Центр и рассылались в партизанские отряды.

С целью широкого и объективного изучения оперативной обстановки на оккупированной территории Беларуси велась работа по сбору разведывательной информации о настроении местного населения, а также германских солдат.

Например, в августе 1942 г. руководитель оперативно-чекистских групп НКВД по БССР Л. Цанава докладывал в ЦК КП(б)Б о том, что агенты Минских оперативно-чекистских групп «Таня» и «Стрелова» направлены в г. Минск с целью сбора разведанных о противнике, а также о настроении населения города. С аналогичным заданием агенты были направлены в Слуцкий, Пуховичский и Плещеницкий районы [2, л. 31].

В той же докладной записке указывается что «расквартированные в гор. Витебске немецкие солдаты в беседах с населением говорят, что если германское правительство не окончит войну в сентябре месяце этого года, то солдаты откажутся воевать и под силой оружия возвратятся на родину». Далее сообщается о большом количестве дезертиров из немецкой армии, скрывающихся в городе и его окрестностях [2, л. 29].

Значительное место в разведработе занимала вербовка представителей германской администрации.

В частности, по заданию разведывательного отдела бригады М. С. Прудникова «Неуловимые» подпольщица г. Полоцка Л. Костецкая установила контакт с гауптманом полиции К. Миллером, оказавшимся антифашистом.

Занимая должность начальника паспортного стола, он снабжал партизан и подпольщиков бланками документов, которыми затем обеспечивались разведчики, а также бывшие военнопленные и жители города, находящиеся в опасности. Благодаря Миллеру «Неуловимым» удалось переправить в Центр 30 комплектов бланков, паспортов и других документов.

Кроме того, немец передавал важную информацию о противнике. В частности, от него в спецгруппу поступали сведения о планируемых гестапо, полицией и жандармерией мероприятиях, готовящихся карательных операциях против партизан, содержании приказов и распоряжений, поступающих в полицию, о лицах, сотрудничающих с оккупантами и др.

С его помощью был осуществлен взрыв в помещении полоцкой полиции с целью сокрытия фактов пропажи документов [5].

В мае–июне 1943 г. разведчиками партизанской бригады «Дяди Коли» под командованием П. Г. Лопатина были получены важнейшие сведения о военно-воздушных силах противника, действовавших на центральном участке советско-германского фронта. Руководитель Колодищанской подпольной партийно-комсомольской организации М. Ф. Малакович вместе со своей подпольщицей А. С. Старостиной и партизанкой-разведчицей Г. В. Финской склонили к добровольному переходу на сторону партизан инженера связи немецкого штаба военно-воздушного округа «Москва», созданного фашистским командованием на центральном направлении советско-германского фронта и обслуживавшего группу армий «Центр», оберлейтенанта К. Круга. Он занимался сооружением в Колодищах радиотелеграфных средств связи округа. 10 мая 1943 г. К. Круг прибыл в партизанский отряд с двумя портфелями секретных документов штаба военно-воздушного округа «Москва» и противогазом новейшего образца [3, с. 139–141;].

В Наркомате государственной безопасности СССР К. Круг сообщил о подготовке гитлеровских войск к крупномасштабному наступлению в районе г. Орла и г. Курска, в котором планируется использование новейшей техники – танков «Тигр» и самоходных штурмовых орудий «Фердинанд». Помимо этого, от него были получены сведения о 32 аэродромах (17 действующих и 15 строящихся) военно-воздушных сил группы армий «Центр», системе их противовоздушной обороны. К. Кругом была передана в Наркомат схема устройства засекреченной центральной радиостанции военно-воздушных сил, которая направляла радиосигналами самолеты для бомбардировки военных и промышленных объектов в советском тылу, а также ряд других секретных документов [3, с. 142; 5].

Своевременно добытая информация о планируемой гитлеровцами наступательной операции «Цитадель» и сосредоточении под Курском и Орлом танковых и механизированных соединений противника стала одним из факторов коренного перелома в ходе войны и перехода стратегической инициативы к советским войскам.

Необходимо отметить, что российский исследователь А. Колпакиди, ссылаясь на некий документ, датированный 23 мая 1943 г. и опубликованный в 1995 г. в «Военно-историческом журнале», утверждает, что немецкого

офицера, давшего указанные сведения, звали К. Глузгалс [7, с. 61–63]. Такого же мнения со ссылкой на этот же документ придерживается другой российский историк К. Дегтярев [4], являющийся соавтором ряда трудов А. Колпакиди.

Тем не менее, большинство авторов указывают на К. Круга. С учетом того, что с 1995 г., кроме указанного документа, других аргументов в подтверждение существования К. Глузгалса не появилось, автор данной статьи также склоняется в сторону общепринятой версии.

Одним из способов получения важной разведывательной информации являлось проведение спецгруппами и партизанскими отрядами операций по захвату представителей германских спецслужб, вермахта, административных учреждений оккупантов.

Спецгруппой НКГБ «За Родину» совместно со спецгруппой «Стремительные» и особым отделом партизанской бригады им. 1 Мая была разработана и осуществлена операция против Службы безопасности (СД) г. Новогрудка. В ночь с 24 на 25 апреля 1944 г. группа партизан во главе с чекистами в сопровождении агента органов госбезопасности, внедренного в СД и хорошо владевшего обстановкой, ворвалась в здание СД, уничтожив внешнюю охрану и захватив в плен трех охранников, находившихся в караульном помещении. В ходе операции были добыты секретные документы СД, а также оружие: 1 станковый и 3 ручных пулемета, 18 винтовок, около 2000 патронов. Операция прошла без единого выстрела, и участники вместе с пленными, захваченными документами и оружием возвратились к местам дислокации.

Важнейшим результатом данной операции стали сведения, полученные от пленных, которые показали, что в СД работает 60 человек: немцы из Германии и Поволжья, поляки, русские, белорусы. Шеф СД – обер-лейтенант Шмикер, 29 лет, слабо владеет русским языком. Начальником следственного отдела СД является оберфельдфебель по имени Гекий. Следователь – немец Ханс, 35 лет, русским не владеет. Переводчик – немец Поволжья по имени Жорж. СД работает с агентурой в небольшом отдельно стоящем здании. Чекистами были получены подробные сведения обо всем офицерском составе СД и других сотрудниках: места их проживания, привычки, увлечения и др. Развединформация была использована спецгруппой «За Родину» для дальнейших мероприятий по проникновению в СД [6, с. 214, 215].

Разведчиками спецгруппы «За Родину» был захвачен заместитель бургомистра Баранович Русак В. Операции предшествовала тщательная подготовка, сбор информации о его образе жизни и т.д. Рассмотрев все возможные варианты, было принято решение о его захвате по месту жительства. Предварительно изучив расположение дома, охрану, пути проникновения в квартиру и отхода, чекисты, переодевшись в полицейскую форму, захватили Русака и доставили на место дислокации спецгруппы. В ходе допроса коллаборационист дал показания на ряд националистов, сотрудничающих с оккупантами в Бресте, Минске, Барановичах, назвал 11 ра-

ботников СД и гестапо в г. Барановичи. Кроме того он подробно рассказал о своем сотрудничестве с абвером, о выполнении им заданий офицера абвера Брониковского по вербовке «проверенных» местных жителей и направлении их в разведшколу абвера в Германии и др. [6, с. 213, 214].

В период отступления германских войск актуальной стала разведка планов противника по уничтожению гражданских и промышленных объектов в случае отступления гитлеровских войск.

О заминированных в г. Минске объектах сообщала чекистская группа «За Родину» [11, с. 514]. Спецгруппа «Охотники» докладывала: «Немцы укрепляют оборону города, одновременно минируют большие здания. Под Домом правительства заложены три скважины». Уточнить эти сведения было поручено спецгруппе «Смелые», установившей, что вместе с правительственным комплексом оккупанты намеревались разрушить Окружной Дом офицеров, здание ЦК КП(б)Б, ряд других зданий. Эти данные были использованы при освобождении города. По свидетельству маршала Г. К. Жукова, танки прорывались к важным объектам города напролом, в десанте находились саперы, которые немедленно приступали к обезвреживанию зарядов [18, с. 148].

Аналогичные сведения добывались и по другим населенным пунктам. В январе 1944 г. Наркомат государственной безопасности БССР докладывал командующему Белорусским фронтом о заминированных Быховском аэродроме, ацетоновом заводе и других подготовленных оккупантами к уничтожению объектах [11, с. 20].

Таким образом, несмотря на отдельные недостатки в начальный период войны, разведывательная деятельность была быстро налажена с учетом оперативной обстановки на оккупированной территории. В течение всей оккупации расширялись направления разведработы, увеличивался агентурный аппарат, усовершенствовались методы получения развединформации.

Своевременная и достоверная информация о силах противника позволяла, выявляя его замыслы, планировать операций армейских подразделений, обеспечивала эффективность проведения контрразведывательных, диверсионных, идеологических и иных мероприятий, проводимых органами государственной безопасности и партизанскими формированиями на оккупированной территории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Докладная записка о проведенной работе диверсионно-разведывательной группы «Лесные» (НАРБ). – Ф. 4а. Оп. 33а. Д. 151. Л. 208–217.
2. Докладная записка о работе оперативно-чекистских групп по Белорусской ССР по состоянию на 10 августа 1942 г. (НАРБ). – Ф. 4а. Оп. 33а. Д. 151. Л. 1–31.

3. *Доморад, К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. / К. И. Доморад; под ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
4. *Дегтярев, К.* Супермены Сталина. Диверсанты страны Советов / К. Дегтярев. – М. : Яуза : Эксмо, 2005. – 309 с.
5. *Зевелев, А. И.* Ненависть, спрессованная в тол / А. И. Зевелев, Ф. Л. Курлат, А. С. Казицкий. – М. : Мысль, 1991. – 331 с.
6. *Кез, И. В.* Руководствуясь военным положением: Спецгруппы НКГБ БССР в тылу врага. Западная Белоруссия – 1941–1944 гг. / И. Кез. – Брест : Альтернатива, 2017. – 296 с.
7. *Колпакиди, А.* Ликвидаторы КГБ / А. Колпакиди. – М. : Яуза : Эксмо, 2009. – 768 с.
8. О признании подпольной группы Матузова К. Л., действовавшей в годы Великой Отечественной войны в г. Минске : постановление Минского горкома КПБ, 21 октября 1981 г. (НАРБ). – Ф. 1346. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–2.
9. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Книга и бизнес : Русь : Кучуково поле, 1995–2008. – Т. 2, кн. 2 : Начало (1 сентября – 31 декабря 1941 г.). – 2000. – 699 с.
10. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Книга и бизнес : Русь : Кучуково поле, 1995–2008. – Т. 3, кн. 1 : Крушение «Блицкрига» (1 января – 3 июня 1942 г.). – 2003. – 692 с.
11. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны : сб. документов : в 8 т. – М. : Книга и бизнес : Русь : Кучуково поле, 1995–2008. – Т. 5, кн. 1 : Вперед на Запад (1 января – 30 июня 1944 г.). – 2007. – 728 с.
12. *Попов, А. Ю.* Диверсанты Сталина. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Попов. – М. : Яуза : Эксмо, 2004. – 512 с.
13. *Попов, А. Ю.* Спецназ НКВД в тылу врага : Диверсанты Сталина / А. Ю. Попов. – М. : Эксмо : Яуза, 2013. – 480 с.
14. Программа специального цикла по подготовке агентурных разведчиков для засылки в тыл врага (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 3. Д. 16.
15. Рапорт о полученной развединформации (ГАМн). – Ф. 4233. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.
16. Спецсообщение ОЧГ НКВД по БССР (НАРБ). – Ф. 4а. Оп. 33а. Д. 151. Л. 49–59.
17. *Судоплатов, П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы / П. А. Судоплатов. – М. : Олма-пресс, 2003. – 688 с.
18. Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя. – Минск : Междунар. Центр интеграц. информ. обществ. Пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.

БЕЛАРУСЫ Ё МІЖВАЕННАЙ ПОЛЬШЧЫ Ё ДАСЛЕДАВАННЯХ СЕВЯРЫНА ВІСЛАВУХА¹

Севярын Віславух у міжваенны перыяд з'яўляўся даследчыкам нацыянальных меншасцей на ўсходніх тэрыторыях Польшчы. Ён займаўся вывучэннем беларускага пытання, шляхоў інтэграцыі беларускага насельніцтва ў польскую дзяржаву і яго асіміляцыі. Навукова-даследчая дзейнасць С. Віславуха была звязана з Віленскім універсітэтам імя Стэфана Баторыя.

Погляды С. Віславуха на беларускую меншасць у Польшчы знайшлі адлюстраванне ў шэрагу прац, прысвечаных дзейнасці камуністычнай партыі і нацыянальным адносінам у Заходняй Беларусі [1; 2; 3]. Значная частка яго даследаванняў была напісана па жаданні ўлад, але ў той жа час яна ўтрымлівае дастаткова крытычны пункт гледжання на польскую нацыянальную палітыку і не прадстаўляе выключна апалагетыку ўсіх дзеянняў польскіх улад адносна беларусаў. Некаторыя сучасныя польскія даследчыкі называюць С. Віславуха заснавальнікам польскага беларусазнаўства [4], што актуалізуе яго творчасць для разумення станаўлення польскай сучаснай гістарыяграфіі гісторыі Беларусі. Адна з найбольш вядомых прац С. Віславуха, прысвечаная нацыянальным адносінам у Заходняй Беларусі, была выдадзена толькі праз 45 год пасля яго смерці з адзінага асобніка выдання, якім валодаў Е. Гедройц [5].

Даследчык С. Віславух спецыялізаваўся ў гісторыі дзяржавы і права Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы, гэтую праблематыку закранала яго хабілітацыйная праца. Акрамя таго з 1930 г. ён быў звязаны з Навукова-даследчым інстытутам Усходняй Еўропы ў Вільні і Школай палітычных навук, што дзейнічала пры інстытуце. Менавіта ў рамках даследаванняў інстытута С. Віславух займаўся праблематыкай нацыянальных меншасцей і іх інтэграцыі ў польскую дзяржаву, даследаваннямі нацыянальнай палітыцы СССР і беларускай праблематыкай. Фактычна ён займаўся саветалагічнымі даследаваннямі ў міжваеннай Польшчы і разглядаў спецыфіку нацыянальнага пытання і яго ўплыў на Заходнюю Беларусь [6, s. 292].

З беларускімі землямі С. Віславуха звязвала месца нараджэння ў Пірковічах, ён казаў пра сябе, што адзін з «тутэйшых». Шмат увагі гэты даследчык надаваў і пытанню фарміравання нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. З пункту гледжання ўлад, беларускае насельніцтва мела слаба аформленую нацыянальную ідэнтычнасць, што разглядалася як аргумент на карысць палітыкі паланізацыі, яе, аднак, С. Віславух лічыў памылковай адносна беларускай меншасці [7, s. 237–242] ва ўмовах паступовай беларусізацыі сельскага насельніцтва. У канцы 1930-х гг. такія погляды выразна супярэчылі афіцыйнай палітыцы польскіх улад, накіраванай на нацыянальную асіміляцыю беларусаў.

¹ Даследаванне выканана пры падтрымцы БРФФД у рамках навуковага праекта Г20Р-011 «Сучаснае замежнае гістарычнае беларусазнаўства: эвалюцыя метадалагічных падыходаў і ацэнак».

Адной з галоўных думак С. Віславуха была ідэя пра неабходнасць шчыльнага супрацоўніцтва дзяржаўных органаў і польскай супольнасці на «крэсах» з мэтай урэгулявання польска-беларускіх адносін. Па яго меркаванні, гэтыя дзеянні павінны былі быць накіраваныя на падкрэсліванне раўнапраўнасці беларускага і польскага насельніцтва. У сваіх разважаннях ён сыходзіў з ідэі блізкасці «нацыянальных характараў» палякаў і беларусаў, што павінна было забяспечыць магчымае мірнае і спакойнае суіснаванне [5, s. 6–7].

Асаблівую ўвагу С. Віславух звяртаў на палітыку польскіх улад адносна маладой беларускай інтэлігенцыі, бо менавіта ад перспектывы наладжвання добрых стасункаў з адукаваным беларускім колам залежыў вынік палітыкі ў адносінах да беларускага насельніцтва. У гэтым кантэксце ён вельмі крытычна ацэньваў адукацыйную палітыку польскіх улад у Заходняй Беларусі, дзе ў вясковыя беларускія школы на пасады настаўнікаў прызначаліся «чужыя» ў гэтых месцах палякі [Там жа, s. 194–198].

Па меркаванні С. Віславуха, галоўнымі рысамі, што характарызавалі свядомасць беларускага насельніцтва, былі мова, веравызнанне, таксама сацыяльны радыкалізм і непрыхільныя адносіны да польскай дзяржавы [5, s. 212]. Гэтыя фактары ўскладнялі ўзаемаадносіны беларускай меншасці і польскіх улад, але, на думку даследчыка, не рабілі іх немагчымымі пры ўмове змены ўрадавай палітыкі.

Аўтар С. Віславух дастаткова пазітыўна ацэньваў перспектывы развіцця беларускага руху. Лічыў, што ён мае значны патэнцыял і сцвярджаў, што беларусы-католікі ў параўнанні з праваслаўнымі мелі больш выкрышталізаваную нацыянальную самасвядомасць.

Шмат увагі С. Віславух звяртаў на сацыяльныя аспекты беларускай ідэнтычнасці, што абумовіла папулярнасць камуністычных ідэй. Польскія ўлады таксама надавалі вялікую ўвагу неабходнасці барацьбы з бальшавіцкімі ўплывамі сярод нацыянальных меншасцей. Гэтаму павінен быў садзейнічаць пераход ад палітыкі нацыянальнай асіміляцыі, якую прапаноўвалі польскія нацыянал-дэмакраты, да канцэпцыі дзяржаўнай асіміляцыі Ю. Пілсудскага. Разыходжанні канцэптualiных падыходаў не прывялі, аднак, да змены адміністрацыйнай практыкі ў Заходняй Беларусі і адпаведна не пашкодзілі адносінам беларусаў да польскіх улад [8, s. 99–100]. Асаблівы акцэнт улады рабілі на сферы адукацыі. Калі закон Грабскага ад 1924 г. яшчэ прадугледжваў магчымасць існавання беларускіх школ, то, як адзначаў С. Віславух, у 1930-я гг. дзяржаўная адукацыя была накіравана на поўную паланізацыю беларускага вясковага насельніцтва, без уліку іх правоў на атрыманне адукацыі на роднай мове. Звычайна настаўнікамі ў беларускія школы таксама накіроўваліся палякі, якія не ведалі мовы мясцовага насельніцтва. На думку даследчыка, закон аб школах паспрыяў не развіццю адукацыі нацыянальных меншасцей у Польшчы, а, наадварот, яе ліквідацыі, што стварала дадатковыя нагоды для канфліктаў і супраціву паланізацыі.

Найбольшыя дыскусіі выклікае кніга С. Віславуха, прысвечаная нацыянальным адносінам на «крэсах» [5]. Сама кніга была напісана аўтарам у 1939/1940 г., але выдалі яе толькі ў 2013 г. Праца была напісана на падставе

анкетных дадзеных і іншых матэрыялаў, сабраных у 1936–1938 гг. адпаведна планам польскіх улад. У пэўнай ступені даследчык быў адным з распрацоўшчыкаў канцэптуальных асноў польскай нацыянальнай палітыкі. У прадмове да выдання М. Іваноў называе С. Віславуха заснавальнікам польскага беларусазнаўства і выключна высока ацэньвае яго даследаванні. Польскі даследчык Ю. Карэндчык таксама лічыць, што С. Віславух выразна сімпатызаваў беларускаму насельніцтву. Сярод аргументаў прыводзіць той факт, што С. Віславух не падтрымліваў нацыяналістычныя настроі, якія набіралі сілу ў Польшчы ў канцы 1930-х гг., выйшаў з Лагера нацыянальнага аб'яднання і, хутчэй, негатыўна ацэньваў палітыку ўлад [6, s. 300].

Іншы погляд на навуковую спадчыну Віславуха прадстаўляе Я. Ягусь, які крытыкуе яго працы з навукова-метадалагічнай перспектывы і сцвярджае, што ў Віславуха вельмі слабы навуковы патэнцыял даследаванняў і неабгрунтаваныя высновы. Тэзісы аб вялікім патэнцыяле і перспектыве хуткага развіцця беларускага руху ў выпадку ліквідацыі знешніх неспрыяльных умоў, у асноўным у выглядзе палітыкі польскіх улад адносна беларускай меншасці, Я. Ягусь лічыць мала аргументаванымі і непераканаўчымі. На яго думку, С. Віславуху, хутчэй, трэба было сфармуляваць гіпотэзу аб вельмі скромным патэнцыяле беларускага руху [9].

Крытычына да ацэнак С. Віславуха як заснавальніка польскага беларусазнаўства, прапанаваных М. Івановым, ставіцца і С. Богдан [10]. Аўтар лічыць, што такія ацэнкі ўяўляюць сабой некрытычны падыход да постаці С. Віславуха і становішча беларускай меншасці ў міжваеннай польскай дзяржаве. На яго думку, у аналізе навуковага дыскурсу трэба сыходзіць з разумення, што навуковец не быў звычайным даследчыкам, а прымаў самы актыўны ўдзел у распрацоўцы польскай нацыянальнай палітыцы і працаваў ва ўстанове, што фінансвалася і кадрава забяспечвалася Міністэрствам вайсковых спраў Польшчы. Гэтыя акалічнасці абумоўліваюць той факт, што даследаванні С. Віславуха не мелі чыста навуковага інтарэсу, а з'яўляліся часткай каланіяльных практык польскіх улад у Заходняй Беларусі.

Ацэнкі С. Віславуха як сімпатызанта беларусам перабольшаны, бо сімпатыя абумоўлена выключна імкненнем забяспечыць больш выніковую інкарпарацыю Заходняй Беларусі ў склад Польшчы з выкарыстаннем больш мяккіх і нерэпрэсіўных метадаў. Як слушна заўважае С. Богдан, у сваіх працах С. Віславух нават не выказваўся за неабходнасць аўтаноміі для беларускіх земляў, а пасля Другой сусветнай вайны хутка знайшоў працу ў польскіх камуністычных даследчых структурах, якія займаліся пытаннем інтэграцыі былых германскіх зямель.

Вынікі даследаванняў С. Віславуха, выкананыя спецыяльна для польскіх улад, хоць і паказвалі крытычны погляд адносна тагачаснай нацыяналістычнай палітыцы асіміляцыі, аднак не прывялі да яе змены і перагляду падыходу да беларускай меншасці. Польскія ўлады да канца 1930-х гг. фактычна разграмілі амаль усе беларускія інстытуцыі і лічылі, што беларускае пытанне практычна канчаткова вырашана ў Польшчы. Погляды

Віславуха адносна беларускай меншасці можна аднесці да памяркоўнага ўздзеяння прыхільнікаў Ю. Пілсудскага, якія не адмаўлялі перспектывы развіцця самасвядомасці нацыянальных меншасцей у Польшчы, але толькі пры ўсведамленні беларусамі перавагі польскай культуры. Такім чынам, С. Віславух не выходзіў у сваіх разважаннях за рамкі міжваеннага польскага дыскурсу палітыкі асіміляцыі і інтэграцыі беларускага насельніцтва, якое трэба далучыць да больш развітай польскай культуры, а таксама перадухіліць распаўсюджванне камуністычных ідэй сярод беларускіх вясковых жыхароў. Яго даследаванні вылучалі сярод іншых навуковых метады, якія ён прапаноўваў замест агрэсіўнай паланізацыі і каланізацыі Заходняй Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Wysłouch, S.* Rola komunistycznej partji zachodniej Białorusi w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce / S. Wysłouch. – Wilno, 1933. – 71.
2. *S. Wysłouch, S.* Stosunki narodowościowe na terenie województw wschodnich (Wilno 1939/40) / S. Wysłouch ; red. nauk. Mikołaj Iwanow. – Warszawa : Studium Europy Wschodniej, 2013. – 303 s.
3. *Віславух, С.* Нацыятварэнне ў Заходняй Беларусі (міжваенны перыяд) : зб. / С. Віславух. – Мінск : Гайсак, 2018. – 541 с.
4. *Iwanow, M.* Seweryn Wysłouch – założyciel polskiej białorusycystyki / M. Iwanow ; red. nauk. Mikołaj Iwanow. – Warszawa : Studium Europy Wschodniej, 2013. – S. XV–XXXVI.
5. *Wysłouch, S.* Stosunki narodowościowe na terenie województw wschodnich (Wilno 1939/40) / S. Wysłouch ; red. nauk. Mikołaj Iwanow. – Warszawa : Studium Europy Wschodniej, 2013. – 303 s.
6. *Koredczuk, J.* Poglądy Seweryna Wysłoucha na temat mniejszości białoruskiej W II Rzeczypospolitej / J. Koredczuk // Rocznik SNPL. – Wilno. – 2016. – T. 16. – S. 290–305.
7. *Zackiewicz, G.* Seweryn Wysłouch o problemie kształtowania się białoruskiej świadomości narodowej na ziemiach północno-wschodniej II Rzeczypospolitej / G. Zackiewicz // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim / red. : Wojciech Śleszyński. – Białystok : Prymat, 2007. – S. 235–242.
8. *Gomółka, K.* Stan badań nad dziejami Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi w Polsce / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1996. – № 2(6). – S. 99–104.
9. *Jaguś, J.* Seweryn Wysłouch, Stosunki narodowościowe na terenie województw wschodnich / J. Jaguś ; pod red. nauk. Mikołaja Iwanowa // Wschodnioznawstwo. – 2015. – № 1. – S. 391–417.
10. *Bohdan, S.* Ethnic Belarusians under the Polish Rule : 1934–1937 Survey of West Belarus / S. Bohdan // The Journal of Belarusian Studies. – 2015. – V. 7. – № 3. – P. 128–132.

БЕЛОРУСЫ – УЧАСТНИКИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944)

В литературе встречаются упоминания о том, что среди партизан и подпольщиков Беларуси были участники советско-финляндской войны. Однако до настоящего времени назвать их точное число, а также их количество среди командного состава партизанских формирований весьма затруднительно.

По нашим подсчетам, в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. приняло участие более 100 тысяч белорусов и уроженцев Беларуси, а также воинов Белорусского особого военного округа (БОВО). Известно, что к началу конфликта из БОВО в Ленинградский военный округ прибыли только управление 23-го стрелкового корпуса и входившие в его состав 4-я и 8-я стрелковые дивизии. Однако затянувшаяся война потребовала привлечения новых сил и средств из других округов, в том числе из БОВО.

Всего за время войны из БОВО в состав действующей армии на советско-финляндский фронт были направлены управления трех стрелковых (3, 10, 23-й) и одного кавалерийского корпусов (3-й). Всего из БОВО было направлено 10 стрелковых (4, 8, 50, 52, 100, 113, 122, 139, 150 и 164-я) и 3 кавалерийских (7, 24, 36-я) дивизий, одна авиадесантная бригада (214-я), одна танковая бригада (29-я), шесть отдельных артиллерийских полков РКК (198, 116, 124, 136, 375, 402-й), 31-й скоростной бомбардировочный полк ВВС БОВО и ряд других воинских частей и подразделений.

Необходимо отметить, что вклад наших соотечественников в советско-финляндскую войну был весьма значителен. Белорусы, жители БССР присутствовали на всех участках фронта, во всех звеньях управления, от рядового до командующего флотом. Почти 10 тысяч из них погибли, пропали без вести, умерли от ран. Десятки тысяч получили ранения, обморожения разной степени, стали инвалидами и преждевременно ушли из жизни. Нами на основании архивных и опубликованных сведений Российской книги Памяти, районных книг-хроник «Памяць» Республики Беларусь, данных, полученных из областных и районных военкоматов, составлен персональный список с указанием ФИО, года и места рождения, места службы, призыва, места гибели, захоронения и т.п. на **9 508** наших соотечественников, погибших, пропавших без вести и умерших от ран, не вернувшихся с советско-финляндской войны [1, с. 36–38, 91, 92].

Целью данной статьи является попытка на примере командного состава партизанских соединений, бригад (полков) и отрядов (батальонов) Беларуси выявить, а также определить место и роль белорусов – участников советско-финляндской войны в организации и руководстве партизанским движением. Как известно, в 1941–1944 гг. на территории Беларуси действовало **213** партизанских бригад и **1255** партизанских отрядов, **997** из них были в составе партизанских бригад и **258** действовали самостоятельно. Все они входили в состав **8** областных партизанских соединений, созданных по административно-территориальному принципу, и подчинялись Белорусскому штабу партизанского движения (БШПД) [2, с. 16].

В качестве основного источника для подготовки данной статьи послужили материалы сборника «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944)», наградные листы партизан Беларуси, опубликованные на сайте Partizan.by, сведения из других документов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ): личные листки по учету партизанских кадров, представления на присвоение очередных воинских званий, служебные характеристики, списки личного состава и т.д.

В настоящее время нами выявлены сведения на **269** человек, из которых **261** человек входил в состав командования бригадного (86 чел.) и отрядного (175 чел.) звена, а также на **8** человек, входивших в состав командования областных и зональных партизанских соединений.

Среди командования бригадного звена (командир, комиссар, нач. штаба) было **35** белорусов (40,6 %). Из 43 командиров партизанских бригад **15** человек (34, 8 %) были белорусами, **23** человека (44,1 %) – россиянами, **4** человека (9,3 %) – украинцами и **1** – грузином. Комиссарами бригад были **10** белорусов (52,6 %), среди начальников штабов бригад было **10** белорусов, что составляет 41, 6 % (таблица).

Белорусы среди командования партизанских формирований

Национальность	Командование партизанских формирований					
	Бригад (полков)			Отрядов (батальонов)		
	командир	комиссар	нач. штаба	командир	комиссар	нач. штаба
белорусы	15 (34,8 %)	10 (52,6 %)	10 (41,6 %)	14 (15,2%)	12 (35,2%)	15 (30,6%)
россияне	23	8	11	62	17	28
украинцы	4	1	3	14	4	5
грузины	1					
казахи					1	
азербайджанцы				1		
литовцы				1		
молдаване						1
Всего	43	19	24	92	34	49

Среди 15 командиров партизанских бригад из числа белорусов, участников советско-финляндской войны, перед Великой Отечественной войной **8** человек являлись кадровыми военными: М. П. Бумажков, П. И. Гулевич, А. Н. Демченко, И. А. Куксенюк, Н. Д. Курильчик., А. Я. Марченко, Н. Д. Стефанович, П. А. Хомченко; **двое** – С. М. Короткин и Е. Н. Прохоренко работали в партийных и **двое** – Ф. Ф. Дубровский и Ф. И. Ширин – в советских и хозяйственных органах БССР. Радиотехник Э. Л. Смоленский и врач А. И. Шуба в 1939 году были призваны на службу в РККА и начало Великой Отечественной войны встретили в ее рядах.

Среди комиссаров партизанских бригад выделяются имена белорусов – Беляева В. Е., Зайцева Ф. И., Казака И. П., Клецко П. С., Курильчика Н. Д., Лепешкина Д. А., Мартысюка П. Г., Мурашко А. И., Орловского В. К., Шакинко Т. П.

Среди начальников штабов партизанских бригад белорусы: Алисейко В. П., Афанасевич К.А., Ковалев Р. А., Косач А. К., Кулак В. И., Лавков В. П., Прокопович М. А., Рабкевич С. В., Савченко Н. В., Швагринов В. Д.

Выявлены сведения о **92** командирах партизанских отрядов. Из них белорусы – **14** (15,2%) человек (Бурак М. А., Горнак (Гарнак) Б.Т., Гуминский Н. Г., Жуковец И. И., Евтухов А. Ф., Ковалев Д. Ф., Корзюков С. Н., Новицкий С. П., Павлов В. Б., Черняков Я. М., Шеряков Н. Т.).

Из **34** комиссаров партизанских отрядов было **12** (35,2 %) белорусов (Белый М. П., Дубинин В. И., Зайцев Ф. И., Значенок А. М., Капустин В. А., Картавенко Н. П., Клевко А.М., Клецовка Г. М., Ковалев Д. Ф., Лапицкий А. М., Лис Е. Х., Мигурский Б. Л.).

Из **49** начальников штабов партизанских отрядов было **15** (30,6%) белорусов (Алексиевич И. И., Ананько И. Д., Артеменко В. З., Афанасевич К. А., Гатавинус Н. Ф., Демешко Е. Е., Дубин П. Я., Кабанович А. И., Орлов Б. А., Пархомец И. И., Родинский А. М., Целиков Н. Н., Цыбульский А. П., Шарепа М. Ф., Юшкевич И. В.).

Участники советско-финляндской войны были также среди заместителей командиров бригад и отрядов по разведке, командиров рот, взводов, отделений, а также среди рядового состава. Больше всего участников советско-финляндской войны было среди партизанского командования западных областей Беларуси. Так, в Барановичской области в бригадном и отрядном звеньях их было **123** чел., что составляет 51,21 % (**8** чел. – командиры бригад (20,51 %), **4** – комиссары бригад (21 %), **11** – нач. штабов (57,89 %)), в отрядном звене соответственно командиры – **32** чел. (44,4 %), комиссары – **9** чел. (50 %) и нач. штабов – **22** чел. (66, 6 %).

Проведенное нами исследование показывает, что среди партизан Беларуси – участников советско-финляндской войны, были лица как старшего и среднего начальствующего состава (командиры и политработники), так и младшего (сержанты и старшины), а также рядовые бойцы кадрового и призывного состава. По разным причинам они оказались на оккупированной территории и в основной массе являлись военнослужащими воинских частей, дислоцировавшихся накануне Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Они принимали участие в боевых действиях по обороне Беларуси летом 1941 года. Некоторые попали в окружение и, не имея возможности пробиться за линию фронта, вернулись на свои довоенные квартиры или осели в деревнях, на хуторах, прятались по лесам. Другие остались по причине ранения, находясь в военных госпиталях, в больницах или досматривались местными жителями. Третьи оказались во вражеском плену, испытав все его «прелести», и под угрозой смерти от голода и лишения стремились вырваться на волю. Были среди партизан и местные жители – участники советско-финляндской войны из числа партийно-хозяйственного актива, рабочие, колхозники, а также присланные из-за линии фронта.

Свидетельством важного вклада участников советско-финляндской войны в организацию и руководство партизанским движением в Беларуси служит как факт их присутствия в командном составе, так и оценка их деятельности советским руководством. Среди **88** партизан и подпольщиков Беларуси,

удостоенных медали Звезда Героя Советского Союза и ордена Ленина за участие в партизанском движении и подполье Беларуси, **10** человек (11,36%) принимали участие в советско-финляндской войне. Это командиры партизанских бригад **Ф. И. Павловский, Ф. Ф. Дубровский, В. И. Ливенцев, Ф. М. Синичкин, В. А. Квитинский**, командиры партизанских отрядов **С. А. Ваупшасов, Г. А. Токуев**, командиры разведывательной **К. С. Гнедаш (Гнидаш)** и диверсионной групп **Ф. И. Ковалев**, минский подпольщик и партизанский разведчик **И. К. Кабушкин**. Еще **троим** белорусским партизанам-участникам советско-финляндской войны – **П. Н. Буйневичу, Ф. П. Никитину и А. И. Солодышеву**, звание Героя Советского Союза было присвоено за подвиги, совершенные на фронтах Великой Отечественной войны.

Среди **74 (65)** белорусов и уроженцев Беларуси, удостоенных трех орденов Славы за подвиги в годы Великой Отечественной войны и ставших его полными кавалерами, значится имя уроженца д. Якубово Россонского района **Александра Климентьевича Морозова** (23.1.1906 – 9.9.1984). В 1939 году мобилизован на военные сборы. Принимал участие в освобождении Западной Беларуси, а затем в советско-финляндской войне. С первых дней Великой Отечественной войны на фронте. Летом 1941 г. попал в плен, из которого через 27 дней бежал. Будучи бойцом партизанского отряда 11-й Калининской партизанской бригады, принимал участие в шести операциях по подрыву воинских эшелонов, минированию железных и шоссейных дорог. С 1943 года он вновь в рядах Красной армии. После войны полный кавалер ордена Славы трех степеней трудился на Витебском комбинате строительных материалов [3, с. 363, 364].

Мало кто знает, что вместе с Павловским, после ухода в Красную армию **Т. П. Бумажкова**, воевал его брат **Макар Пименович Бумажков**, также участник советско-финляндской войны. Он родился 28 февраля 1915 в г. Иман Приморского края, куда в 1907 г. переехала семья Пимена Бумажкова. После завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке в поисках лучшей доли Бумажковы вернулись в родную Беларусь. Здесь Тихон и Макар учились и начали трудовую деятельность. Война застала **М. П. Бумажкова** в Бобруйске в должности политрука батареи 121-й стрелковой дивизии. С первых дней войны принимал участие в оборонительных боях. Оказавшись в окружении, перешел к партизанским действиям. В январе 1942 г. на базе инициативной группы **М. П. Бумажкова** (15 чел.), выделенной из отряда им. **Н. Ф. Гастелло**, входившего в состав «гарнизона Павловского», был образован отряд им. **А. В. Суворова** под командованием **М. П. Бумажкова**. С образованием в марте 1943 г. в соответствии с приказом штаба партизанского соединения Полесской области 225-й партизанской бригады **М. П. Бумажков** был назначен ее командиром, командовал которой до вылета в Москву в июне 1943 г. [2. С. 404, 625, 636–637].

Одним из руководителей партизанского движения в Барановичской области в годы Великой Отечественной войны был **Павел Иванович Гулевич** (11.8.1910, д. Рудня Столбуновская Ветковского (Светиловичского) р-на Гомельской области – 27.4.1978), белорус, с 1932 г. в РККА. Участник польской кампании 1939 г. и советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Начало Великой Отечественной войны лейтенант Гулевич **П. И.** встретил в должности

начальника батальонной школы 185-го отдельного батальона связи. В партизанах с 19 апреля 1942 г. С июня 1942 – начальник штаба, с октября – командир партизанского отряда, с ноября 1942 по июль 1944 года командир партизанской бригады им. И. В. Сталина Барановичской области. В 1944–1966 гг. на советской и хозяйственной работе. Награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1 ст. [4, с.182].

Командиром 1-й Буда-Кошелевской бригады, созданной в августе 1943 года приказом уполномоченного ЦК КП(б)Б по Гомельской области на базе трех отрядов, выделенных 10-й Журавичской партизанской бригадой, был назначен комиссар 263-го отряда им. М. И. Кутузова **Алексей Николаевич Демченко** (12.10.1915 – 10.04.1970), белорус, уроженец д. Антоновка Буда-Кошелевского р-на, кадровый военный с 1934 года. За боевые заслуги, проявленные во время советско-финляндской войны в 1940 г., награжден орденом Красной Звезды. С 22.06.1941 г. по август 1941 г. старший политрук А. Н. Демченко принимал участие в оборонительных боях на территории Беларуси в составе 151-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии. Получил ранение в ногу и руку. С марта 1942 г. в партизанском отряде. С марта 1943 г. по август 1943 г. – комиссар 263-го отряда им. М. И. Кутузова, организованного в марте 1943 г. в 10-й Журавичской партизанской бригаде. В 1944–1954 гг. на руководящей партийной работе: секретарь Буда-Кошелевского и Гомельского РК КПБ, второй секретарь Гомельского обкома КПБ, затем на хозяйственной работе. Награжден двумя орденами Ленина, Отечественной войны 1 и 11 ст, медалями «Партизану Отечественной войны» 1 и 11 ст. и др.

Вторым из белорусских партизан, удостоенных звания Героя Советского Союза (16.09.1943), был командир Чашникской партизанской бригады **Федор Фомич Дубровский** (17.04.1901–3.03.1970). Он родился в д. Замошье Ушачского района Витебской области. В 1918 г. добровольцем вступил в Красную армию. Участник боевых действий на Западном фронте во время польско-советской войны 1919–1921 гг. С 1929 г. председатель колхоза, сельсовета, директор МТС. В 1939 г. вновь был призван в Красную армию. Принимал участие в польской кампании и советско-финляндской войне 1939–1940 гг., затем работал заместителем председателя Ушачского райисполкома. В августе 1941 г. по заданию Витебского обкома партии из района г. Ржева во главе организаторской группы был направлен в Ушачский район. В апреле 1942 г. создал и возглавил партизанский отряд («Дубова»). С 28 августа 1942 г. – командир Чашникской партизанской бригады «Дубова». Бригада действовала на территории Ушачского, Лепельского, Чашникского, Бешенковичского районов Витебской, Холопеничского и Бегомльского районов Минской области. 16 сентября 1943 г. Ф. Ф. Дубровскому присвоено воинское звание генерал-майор. За боевые заслуги он был также награжден орденами Красного Знамени и Суворова 2-й степени, медалями. Бригада соединилась с частями Красной армии 28 июня 1944 г. в составе 15 отрядов общей численностью 1808 партизан [2, с. 288–289].

Кроме Ф. И. Павловкого и Ф. Ф. Дубровского еще ряд жителей Беларуси – участников советско-финляндской войны из числа партийно-хозяйственного актива, медицинских работников и представителей других профессий, стали

известными организаторами и руководителями партизанской и подпольной борьбы. Среди них необходимо назвать имена секретарей довоенных райкомов КП(б)Б С. М. Короткина и Е. Н. Прохоренко, инструктора райкома партии Ф. И. Ширина, медицинских работников А. И. Шубу и А. К. Косача, радиотехника Э. Л. Смоленского.

Семен Михайлович Короткин (5.3.1903–6.10.1942), уроженец д. Борсуки Оршанского района Витебской области. С 1929 г. на советской и журналистской работе. После возвращения с советско-финляндской войны 1939–1940 гг. работал зав. отделом, секретарем Сиротинского РК КП(б)Б. С началом Великой Отечественной войны ему было поручено сопровождать грузы и семьи эвакуированных в глубокий тыл страны. По состоянию здоровья С. М. Короткин был признан негодным к военной службе и снят с воинского учета. Он написал несколько писем в ЦК КП(б)Б с просьбой послать его на фронт или во вражеский тыл. Наконец его просьба была удовлетворена, и в мае 1942 г. он прибыл в Сиротинский район во главе группы из 20 человек, где в результате объединения с группой первого секретаря райкома В. М. Фролова, прибывшей в район осенью 1941 г., был создан первый в Сиротинском районе партизанский отряд, получивший название «Мститель». С 20 июня 1942 г. командир Сиротинской бригады (с февраля 1943 г. им. Ф. Э. Дзержинского). В июне 1943 года бригаде было присвоено имя ее командира С. М. Короткина, погибшего в 6 октября 1942 г. в авиакатастрофе. Награжден орденом Красной Звезды. Его именем названа улица в г. п. Шумилино и совхоз в Шумилинском районе.

Ефим Николаевич Прохоренко (27.12.1902, д. Нестерово Мстиславского р-на – 12. 05.1964), член ВКП(б) с 1925 г. В 20–30-е годы был на культурно-просветительской и журналистской работе. Участник советско-финляндской войны, с 1941 г. секретарь Богушевского райкома партии. В конце июля 1942 г. из советского тыла в Богушевский район прибыла группа во главе с Е. Н. Прохоренко, направленная в район Витебским обкомом партии. Группа влилась в организованный райкомом партизанский отряд, который на время создания насчитывал 116 партизан. Командиром отряда был утвержден Б. Т. Горак, а комиссаром Е. Н. Прохоренко. Отряд был включен в состав Богушевской партизанской бригады под командованием В. У. Бойко (Батя). В феврале – марте 1943 г. бригада вела тяжелые бои с карателями и 10 марта, понеся тяжелые потери, вынуждена была в составе трех отрядов общей численностью 125 партизан выйти в советский тыл и была расформирована. В августе 1943 г. Е. Н. Прохоренко вновь прибыл в район во главе организаторской группы в составе 18 человек для создания Богушевской партизанской бригады (второго состава), которая была сформирована 9 сентября 1943 г. Командиром бригады был утвержден Е. Н. Прохоренко. Бригада действовала на территории Богушевского, Чашникского, Лепельского районов Витебской и Холопеничского района Минской области. Соединилась с Красной армией 29 июня 1944 г. в составе 6 отрядов общей численностью 651 партизан [2, с. 251, 348–349; 4, с. 507].

Одним из руководителей партизанского движения на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны был **Алексей Иванович Шуба**. Он родился в 1912 г. в д. Подаресье Стародорожского района. С 17-летнего возраста он включается в работу комсомольской ячейки, принимает участие в создании первых сельскохозяйственных артелей. Как лучшего активиста А. И. Шубу в 1931 г. направляют на учебу на рабочий факультет в Бобруйск, после окончания которого он продолжил учебу в Белорусском (с 1947 Минский. – А. Л.) медицинском институте в Минске. В 1939 г. получив диплом врача-хирурга, работает главным врачом Стародорожской больницы. В сентябре 1939 г. был призван в РККА и назначен на должность начальника санитарной службы стрелкового полка только что сформированной в Орше 164-й стрелковой дивизии. Принимал участие в польской кампании 1939 г. и в советско-финляндской войне. За участие в боевых действиях на советско-финляндском фронте военврач А. И. Шуба был награжден медалью «За боевые заслуги». С декабря 1941 г. – организатор подпольной группы в Старых Дорогах, с июня 1942 г. – командир партизанского отряда «Народные мстители», который с 21 марта 1943 г. на основании приказа штаба партизанского соединения Минской области был развернут в 100-ю бригаду «Смерть фашизму». В декабре 1943 г. бригада переименована в 100-ю им. С. М. Кирова. После войны А. И. Шуба с 1952 и до последних дней своей жизни возглавлял 1-ю клиническую больницу г. Минска. В 1969 г. к боевым наградам добавилась высшая трудовая – медаль Героя Социалистического Труда за успехи в организации лечебно-профилактической помощи. Умер А. И. Шуба 26 декабря 1971 года. Именем героя названа улица в д. Осовец Любанского р-на.

Во многом схожим был боевой путь еще одного медицинского работника – **Александра Константиновича Косача** (24.5.1917, д. Грамоша Полоцкого р-на Витебской обл. – 14.11.1989, г. Минск). В 1939 г., будучи студентом Витебского мединститута, был призван на службу в РККА. Принимал участие в польской кампании, советско-финляндской войне и с 22 июня 1941 года в Отечественной войне в должности военфельдшера 59-го медсанбата 87-й стрелковой дивизии. Оказавшись в окружении в составе киевской группировки войск Юго-Западного фронта и не имея возможности выйти в советский тыл, он, как и многие окруженцы, жители захваченных врагом территорий, трудными и опасными путями пробрался к родным местам. Вернувшись на Витебщину, он вскоре связался с подпольщиками и стал партизаном. Исполнял обязанности военфельдшера, командира отделения, а с апреля 1943 по октябрь 1943 года – начальник штаба отряда, с октября 1943 по июль 1944 г. возглавлял санитарную службу и штаб 2-й Дриссенской бригады. За боевые заслуги и самоотверженность, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, А. К. Косач был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны II степени, несколькими медалями, в том числе медалями «Партизану Отечественной войны» I и II ст. После войны А. К. Косач окончил учебу

в Минском медицинском институте, занимал различные должности в системе Минздрава БССР. На протяжении 27 лет возглавлял Главное управление Минздрава БССР. За активную, плодотворную трудовую и общественную деятельность А. К. Косач был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, орденом «Знак Почета» и другими наградами. Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач БССР».

Кроме упоминаемых ранее медицинских работников – командира партизанской бригады А. И. Шубы и начальника штаба партизанской бригады А. К. Косача, возглавлявших одновременно партизанские госпитали в бригадах, начальником санитарной службы Наровлянской партизанской бригады № 27 был военврач 2-го ранга **Владимир Андреевич Юшкевич** (1894–1986). История этого человека и его семьи заслуживает особого внимания. Он родился в 1894 г. в д. Ледники нынешнего Дзержинского района в белорусской крестьянской семье. С 1918 г. по 1923 г. – в Красной армии. Воевал на Западном фронте во время польско-советской войны 1919–1920 гг. В 1933 г. окончил Минский медицинский институт. Как лучший выпускник был награжден Грамотой ЦИК БССР за академическую успеваемость. С 1938 г. – вновь в Красной армии. Участник польской кампании 1939 г. и советско-финляндской войны 1939–1940 гг. С начала Великой Отечественной войны – военврач 110-го медицинского санитарного батальона. При выходе из окружения под Киевом попал в плен. Содержался в лагере для военнопленных в г. Конотопе (Шталаг № 310), работал в лагерном госпитале [5]. Оказавшись в Наровлянском районе, работал в больнице, оказывал помощь подпольщикам и партизанам. С декабря 1942 г. – в партизанском отряде.

В 1946 г. работал в Юровичской больнице Калинковичского р-на. По навету был арестован и провел под следствием 1 год. Был реабилитирован. В 1947 г. в Минске нашел сына Геннадия (1928 г.р.), который был отважным разведчиком разведгруппы «Джек». Жена – Елизавета Константиновна Хацкевич до замужества балерина, перед войной работала в наркомате образования БССР, участница Минского патриотического подполья, погибла от рук оккупантов осенью 1941 г. Дочь Юлия Владимировна – участница Минского подполья, затем в партизанском отряде.

Награжден орденом Красной Звезды (1948), медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени.

Одним из организаторов и руководителем партизанского движения на территории Минской и Пинской областей был уроженец д. Сухая Миля Старобинского р-на **Федор Игнатьевич Ширин** (22.05.1907 – 26.07.1980, г. Пинск). С 1933 г. он на хозяйственной и советской работе. Участвовал в советско-финляндской войне, был командиром взвода в артиллерийском дивизионе ПВО. После завершения войны вернулся домой и работал инструктором Старобинского райкома партии. В первые дни Великой Отечественной войны был оставлен для организации партизанского движения в немецком тылу. В партизанах с июля 1941 г. : командир группы, с марта

1943 года – командир отряда им. К. Е. Ворошилова, а с ноября 1943 по июль 1944 г. командир партизанской бригады им. С. М. Буденного, действовавшей в Ленинском районе Пинской области. Вместе с Ф. И. Шириным в партизанах была вся его семья: отец 1873 года рождения, жена с пятью детьми. В ноябре 1941 были схвачены и расстреляны братья Алексей и Василий. Родная деревня Сухая Миля была сожжена карателями вместе с жителями и больше не возродилась. Бригада им. С. М. Буденного соединилась с частями Красной армии 14 июля 1944 г. в составе 3 отрядов общей численностью 1078 партизан. С июля 1944 г. Ф. И. Ширин находился на советской и партийной работе в Пинской области : председатель Пинского райисполкома, секретарь Пинского и Ивановского райкомов КПБ. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I ст. [2, с. 604–605; 4, с. 644].

Следует сказать также об одном из руководителей партизанского движения на территории Вилейской области, уроженце д. Старина Смоленского района **Эдуарде Люциановиче Смоленском** (1920), о котором мало известно в Беларуси. После окончания техникума он работал радиотехником в Холопеничском районе, в 1939–1940 гг. добровольцем участвовал в советско-финляндской войне. С августа 1941 г. на фронте, принимал участие в обороне Москвы, затем – командир спецгруппы в тылу врага. С августа 1942 г. – начальник штаба, в мае–августе 1943 г. – командир партизанского отряда им. К. Е. Ворошилова, а с сентября 1943 по июль 1944 – командир партизанской бригады им. М. В. Фрунзе Вилейской области, которая соединилась с частями Красной армии 1 июля 1944 г. в составе 4 отрядов общей численностью 844 партизана. После войны на советской, партийной и административной работе [2, с.604–605; 4, с. 568].

Среди командования областного и зонального звена нами выявлено 8 человек – участников советско-финляндской войны. Из них четыре – Г. М. Дорошко, И. А. Сенкевич, С. Г. Сидоренко-Солдатенко, В. Д. Швагринов – наши земляки. Начальником штаба партизанского соединения Полесской области с апреля 1943 г. по апрель 1944 г., а с апреля по июль 1944 г. исполняющим обязанности командира соединения был кадровый военный, белорус, капитан **Григорий Максимович Дорошко**. Он родился 20.11. 1904 г. в д. Михновичи Калинковичского р-на Полесской обл. в крестьянской семье. С августа 1925 г. – курсант Объединенной Белорусской военной школы (ОБВШ) в г. Минске, которую окончил в 1928 году. Член ВКП (б) с 1927 г. Службу проходил в Белорусском военном округе. Как видно из личного листа по учету партизанских кадров, который он заполнил летом 1944 г. перед уходом на фронт, Г. М. Дорошко в 1928–1929 гг. служил командиром взвода полковой школы 81-го пехотного полка в г. Витебске, с июня 1929 по май 1930 – командиром взвода полковой школы 79-го пех. полка в г. Лепель, с мая 1930 по декабрь 1935 г. – начальником моб. отделения гарнизона г. Минска, с января 1936 по февраль 1937 г. – нач. части Логойского райисполкома, с февраля 1937 по сентябрь 1937 г. – нач. продснабжения 19-го от-

дельного танкового батальона в г. Вязьма. Следующая запись: «С октября 1937 г. по февраль 1938 г. - председатель Осоавиахима Мозырского района» свидетельствует о том, что он в это время находился вне рядов Красной армии. Возникает вопрос: Почему? Что произошло? Тем более, что следующая запись: «с февраля 1938 – октябрь 1939 – нач. продснабжения отд. танкового б-на 21 танковой бригады г. Минск» свидетельствует о том что он снова в РККА.

Обнаруженный в его личном деле рукописный документ, написанный Г. М. Дорошко, приоткрывает завесу: «В 1930 году имел партийное взыскание. – строгий выговор с предупреждением «за отрицание окончательной победы социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения». В 1935 г. выговор снят. В 1937 г. в связи с указанным взысканием исключался из партии и в 1938 году восстановлен, как неправильно исключен. В связи с исключением из партии в 1937 г. уволен из Красной Армии по ст. 43 п. «б» и обратно определен в Армию в конце 1938 года».

С октября 1939 по июнь 1940 – командир автороты отдельного автобатальона. «Участвовал на финском фронте в 1939-1940 гг. и на фронте по освобождению Зап. Белоруссии и Украины в 1939 г.». С июня 1940 г. по август 1941 г. – пом. начальника штаба 75-го танкового полка. На фронте с 23 июня 1941 г. по август 1941 г. на минском и могилевском направлениях. С августа 1941 г. по октябрь 1942 г. жил и работал подпольно в Полесской области. С октября 1942 г. в партизанском отряде. С ноября 1942 г. по апрель 1943 г. – командир роты Домановичского партизанского отряда [6, л. 360].

Из наградного листа на представление к награждению орденом Красного Знамени : «Тов. Дорошко находясь в рядах партизан на командных должностях принимал самоотверженное участие в боях по разгрому и уничтожению ряда немецких гарнизонов: Липова, Домановичи, Давыдовка, Новоселки. По разработанному им плану и под его руководством разгромлен крупный немецкий карательный отряд в сентябре месяце [19]43 г., проведено ряд успешных операция по массовому уничтожению рельс на участке железной дороги Житковичи – Василевичи, где уничтожено более 5000 штук рельс. Как начальник штаба соединения настойчиво, смело и тщательно руководит боевой и оперативной работой. Тов. Дорошко преданный делу партии Ленина-Сталина, своей социалистической Родине и заслуживает правительственной награды орден Красное Знамя.

Секретарь Полесского обкома партии, командир соединения И. Д. Ветров. 28 октября 1943 г.» [6].

Наградной утвержден начальником БШПД П. З. Калининым.

После соединения с частями Красной армии продолжил военную службу в Действующей армии. Уволен в запас 28.08.1959 г. Награды: медаль «Партизану Отечественной войны» 1 степени (1944), Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Заместителем (помощником) начальника штаба партизанского соединения Белостокской области был уроженец д. Вирково Узденского р-на белорус **Иван Афанасьевич Сенкевич** (1914 г.р.). В период с февраля по апрель 1944 г. он исполнял обязанности начальника штаба соединения. В РККА с 1934 года. Принимал участие в боевых действиях во время советско-финляндской войны на Карельском перешейке. Отечественную войну старший лейтенант Сенкевич встретил в должности помощника начальника артиллерии 17-й стрелковой дивизии. В партизанском отряде им. К. Е. Ворошилова с июля 1942 г. Занимал должности командира взвода, заместителя командира бригады по разведке.

Большую роль в развитии партизанского движения на Могилевщине в годы Великой Отечественной войны сыграл также кадровый офицер Красной армии **Савелий Герасимович Сидоренко-Солдатенко**. Он родился 2 декабря 1905 г. в д. Красный Берег Быховского р-на. С 1927 г. кадровый военный. В 1938 году он одновременно окончил Московский педагогический институт имени В. И. Ленина и Военную академию имени М. В. Фрунзе. Бывший начальник Белорусского штаба партизанского движения, 2-й секретарь ЦК КП(б)Б П. З. Калинин дал ему следующую оценку: *«Участник гражданской войны, освободительных походов в Западные области Беларуси, войны с белофиннами, С. Г. Солдатенко прошел путь от рядового солдата до командира и крупного штабного работника. Весь свой богатый опыт, все свои знания кадрового офицера, окончившего военную академию имени М. В. Фрунзе, Савелий Герасимович передал партизанам, возглавляя руководящую военную группу в Могилевской области»* [10].

В апреле 1943 года С. Г. Сидоренко-Солдатенко был назначен начальником штаба, а с августа 1943 по июнь 1944 г. являлся командиром Могилевской (областной) военно-оперативной группы (ВОГ) при Могилевском подпольном обкоме КП (б) Б. Среди его наград – орден Кутузова II степени и медаль «Партизану Отечественной войны» I степени. Умер 26.10.1980 г.

Начальником штаба Бельничской ВОГ с мая 1944 г. по июнь 1944 г. был уроженец Могилева капитан **Виктор Денисович Швагринов**, до этого занимавший пост начальника штаба 600-го партизанского полка Могилевской ВОГ.

Большое количество участников советско-финляндской войны было среди командования среднего и особенно рядового звена, а также среди подпольщиков. Участниками советско-финляндской войны были многие организаторы и видные подпольщики Беларуси. Среди них необходимо назвать имена Героя Советского Союза (1965) И. К. Кабушкина, а также одного из руководителей Минского патриотического подполья, секретаря Сталинского подпольного райкома КП(б)Б Н. Е. Герасименко и руководителя одной из групп Витебского подполья В. А. Вербицкого.

Назарий Евстратович Герасименко родился в 1903 году на станции Птич Копаткевичского р-на. Окончил 6 классов. С 1925 по 1930 – РККА, служил в 6-м стрелковом полку помощником командира пулеметного взвода,

г. Минск. После службы – рабочий на стройке кондитерской фабрики «Коммунарка», после окончания строительства рабочий, а затем – мастер цеха. С 1931 г. член ВКП(б). В 1934 окончил вечернее отделение рабфака. С 5 сентября 1938 г. работал в Сталинском РК КП(б)Б г. Минска. В сентябре 1939 г. призван в РККА. Принимал участие в польской кампании, в советско-финляндской войне – политрук батареи в г. Сартавала, зам. комиссара 466-го полка ПВО. В начале 1941 г. вернулся в Минск на прежнюю работу. 9 мая 1941 г. переведен на спецстроительство завода № 453. Осенью 1942 г. арестован СД вместе с женой и 12-летней дочерью. Все погибли [8, с. 47].

Уроженец Минска, житель г. Осиповичи **Федор Андреевич Крылович** был призван в армию в 1937 г. Принимал участие в боевых действиях в районе р. Халхин-Гол, участвовал в боях на советско-финляндской войне. После окончания срока службы вернулся в Осиповичи. С первых месяцев гитлеровской оккупации Ф. А. Крылович включился в подпольную борьбу. В ночь на 30 июля 1943 г. он взорвал на железнодорожной станции Осиповичи четыре немецких воинских эшелона с танками, боеприпасами и горючим. Его подвиг остался в истории Второй мировой войны как крупнейшая диверсия на железнодорожных коммуникациях, совершенная одним человеком. Мужественный патриот в 1949 г. был награжден орденом Ленина.

7 июля 1941 г. ЦК КП(б) Б в Любанский район в составе одной из групп был направлен уроженец г. Минска **Иван Иванович Вишневецкий**. Он родился в 1911 г., белорус. Принимал участие в «освобождении Западной Белоруссии и финских событиях». Был рядовым партизаном, а затем командиром взвода отряда А. И. Далидовича, а с января 1943 г. – оперуполномоченным отряда им. Е. Д. Горбачева. Погиб в 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны 1 ст. (1948) посмертно, медалью «Партизану Отечественной войны» 1 ст. [9].

Командиром взвода в отряде, которым командовал Н. Н. Розов, а затем П. И. Смирнов, с декабря 1941 г. был уроженец г. Пинска мл. политрук **Семен Хаймович Вайнер** (1909 г.р.). В 1921–1923 гг. он работал в частной парикмахеркой в г. Слуцке. С декабря 1931 по ноябрь 1933 служил в Красной армии в 14-м стрелковом полку в г. Полоцке, командир отделения. С ноября 1933 по июль 1936 – заведующий колбасной фабрикой в г. Слуцке, затем до августа 1938 г. – председатель Союза мясохолодильной промышленности г. Слуцка. С сентября 1939 по январь 1940 г. принимал участие в освобождении Западной Беларуси и в боях с белофиннами в должности командира взвода ПВО в/ч 5247 танкового батальона. С февраля 1940 по июнь 1940 г. прошел подготовку на Курсах усовершенствования политсостава запаса политруков в г. Витебске. С ноября 1940 по июнь 1941 г. работал в должности технического директора мясокомбината в г. Слуцке. С 24 июня по 10 октября 1941 г. – политрук роты 257-го стрелкового полка. С октября 1941 по декабрь 1941 г. проживал на оккупированной территории в д. Бариков Любанского района [7].

Командиром отделения разведки отряда П. Е. Тищенко партизанской бригады А. Н. Кривского, созданной в октябре 1943 г. из партизан, выделенных бригадой «Неуловимые» (командир М. С. Прудников), был **Мариненко Калистрат Савельевич** (1912 г.р., д. Сухой Бор Полоцкого района. – 1947 (?), белорус, б/п, в РККА с 1939 г. Он принимал участие в польской, финской и бессарабской кампаниях. Родной брат Героя Советского Союза Т. С. Мариненко. Лично сбил вражеский самолет. Представлен к ордену Ленина (1942).

Краткий обзор сведений об участниках советско-финляндской войны на примере командного состава партизанских формирований Беларуси позволяет сделать вывод о том, что они сыграли несомненно важную роль в организации и руководстве партизанской борьбой, истинное значение которой еще нуждается в дальнейшем изучении и освещении.

Приобретенный ими опыт участия в боевых действиях, а также военные знания и подготовка сказывались на мотивации их выбора продолжения борьбы в условиях оккупации, а личное мужество, отвага и героизм являлись примером для остальных партизан, особенно тех, кто не имел военной подготовки.

Дальнейшее изучение и персонификация будет способствовать более полному и глубокому освещению проблемы партизанской борьбы, а также в целом истории Беларуси периода Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литвин, А. М.* На той войне незначительной : советско-финляндская война и Беларусь (1939–1940 гг.) / А. М. Литвин. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 656 с.
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944) : Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983.
3. Навечно в сердце народном. – 3-е изд., доп. и испр. – Минск : Беларусь, 1984.
4. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ, 1990.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.75sd.ru/load/110_j_mediko_sanitarnyj_batalon/110_j_mediko_sanitarnyj_batalon_lichnyj_sostav/voenvrach_3_go_ranga_jushkevich_vladimir_andreevich_vrach_110_go_mediko_sanitarnogo_batalona/37-1-0-647. – Дата доступа: 12.03.2021.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 8. Д. 72. Л. 360.
7. НАРБ. – Ф.1450. Оп. 8. Д. 35. Л.19–19 об.
8. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Светлагорска, Светлагорскага раёна : у 2 кн. – Минск : Беларусь, 2000. – Кн. 1.
9. *Морщинин А.* Во главе партизанского штаба / А. Морщинин // Русский огонек. – 1994. – 28 окт.–3 нояб. – С.7.
10. *Калинин, П.* Участие советских воинов в партизанском движении в Белоруссии / П. Калинин // Воен. ист. журн. – 1962. – № 10. – С.26.

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ І ДЗЕСЯЦІГОДДЗІ СУПРАЦОЎНІЦТВА

И. С. Благущ

ИННОВАЦИОННОЕ ЛИДЕРСТВО ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: «ПАРАДОКСЫ» ГЕРМАНИИ, ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Под влиянием пандемии валовой продукт мира (ВМП) в 2020 г., по данным UN DESA, сократился на 4,3 % – рекордную со времен Великой депрессии 1929–1933 гг. величину, превысив глубину падения кризиса 2009 г., когда глобальное производство потеряло 1,7 %. Мировая торговля из-за массовых рестрикций и локдаунов уменьшилась на 7,6 %, продемонстрировав уязвимость сервисной специализации [1]. В то время как стоимость глобального товарного экспорта упала на 8 %, экспорт услуг, по данным WTO, снизился в 2020 г. в 2,6 раза (21 %) [2].

Эксперты, прогнозируя ускоренный восстановительный рост глобальных объемов продаж (6,9 % в 2021 и 3,7 % в 2022 г.), говорят о неопределенности перспектив и условности оценок. Тем не менее фундаментальные структурные сдвиги, которые будут определять будущее мировой экономики, уже просматриваются.

Во-первых, это критическая роль промышленности для обеспечения национальной безопасности и, как результат, растущий спрос на продукцию традиционных индустриальных и высокотехнологичных отраслей: так, мировой экспорт текстиля за счет увеличения производства средств индивидуальной защиты в условиях падения мирового ВВП и мировой торговли вырос на 16 %, экспорт медицинских изделий, включая лекарства и медицинское оборудование, – более чем на 16 % [2].

Во-вторых, пандемия продемонстрировала уязвимость сервисной специализации и существенные риски деиндустриализации национальных хозяйственных систем, вынужденных прибегать к увеличению товарного экспорта в условиях острой конкуренции и роста цен на критически значимые позиции, формируя и наращивая отрицательное сальдо торговли.

В-третьих, еще больше подтолкнув процессы цифровизации за счет стремительно растущего спроса на услуги ИТ-сектора, пандемия способствовала формированию новой модели развития промышленного производства. По мнению аналитиков UN DESA, новые технологии, такие как 3D-печать, аддитивное производство и искусственный интеллект, приведут к фундаментальным изменениям бизнес-моделей и перераспределению сравнительных преимуществ в пользу производителей, обеспечивающих эффективность за счет приближения производственных систем к потребителям, а в среднесрочной перспективе – повышению конкурентоспособности посредством перехода от традиционной модели экономики на основе масштаба

производства и концентрации выпуска на крупных предприятиях, обслуживающих глобальные рынки, к сетям небольших, более гибких и географически распределенных предприятий [1].

Конкурентные преимущества, таким образом, смогут обеспечить инновационно активные национальные хозяйственные системы, избежавшие доктринальной сервизации и конъюнктурной деиндустриализации и сохранившие в отраслевой структуре экономики обрабатывающие отрасли промышленности, развивая ориентированный на обслуживание индустриальных производств сектор услуг.

Германия, десятилетиями сохраняя в отраслевой структуре почти без изменений долю промышленности и, вопреки доминирующим в развитых странах трендам, отказавшись от идеи радикальной деиндустриализации и ускоренного создания сервисно ориентированной экономики, продемонстрировала экспортный потенциал отраслей материального производства, что показывает в новых условиях очевидные преимущества и заделы для роста.

По данным World Bank Group, Германия является единственной развитой страной, за период с 2010 по 2018 г. увеличившей долю не только индустрии в целом (с 27 до 28 %), но и обрабатывающих отраслей промышленности в ВВП (с 20 до 21 %), сократив долю сферы услуг в валовой добавленной стоимости (с 62,2 до 61,5 %) [3]. Фактически только Германия в группе наиболее развитых стран демонстрирует статистически выявляемую в долгосрочном периоде тенденцию к реиндустриализации экономики на фоне сохраняющихся процессов деиндустриализации национальных хозяйственных систем США, Великобритании, Франции и других мировых лидеров.

Наиболее конкурентоспособными отраслями немецкой промышленности остаются относящиеся к четвертому техно-технологическому укладу и формирующие отраслевую структуру индустриальной экономики автомобилестроение, транспортное (вагоностроение, самолетостроение) и общее машиностроение (производство станков, приборов), электротехническое производство, точная механика и оптика, химическая, фармацевтическая и парфюмерно-косметическая промышленность, черная металлургия. Глобальные электронная, пищевая, легкая, горнодобывающая, химическая промышленность, автомобилестроение продолжают формировать устойчиво высокий спрос на машиностроительную продукцию Германии. Расширение использования возобновляемых источников энергии, появление новых видов материалов создают новые стратегические возможности, позволяя делать оптимистичные долгосрочные прогнозы относительно динамики спроса и будущего немецкой индустрии.

Германия, формируя 8,1 % мирового ВВП и составляя всего 1,1 % мировой численности населения [4], и в условиях пандемии сохранила за собой позицию третьего крупнейшего экспортера в мире (7,5 % совокупного мирового экспорта товаров и услуг и 7,8 % товарного экспорта) после Китая и США, реализовав в 2020 г. на внешних рынках товаров на сумму 1,380 трлн долл. (табл. 1).

Топ-10 крупнейших экспортеров товаров в мировой экономике в 2020 г.

№ п/п	Страна-экспортер	Экспорт товаров, млрд долл.	Доля в мировом товарном экспорте, %	Годовая динамика экспорта товаров 2019–2020, %
1	Китай	2 591	14.7	4
2	США	1432	8.1	-13
3	Германия	1380	7.8	-7
4	Нидерланды	674	3.8	-5
5	Япония	641	3.6	-9
6	Гонконг (КНР)	549	3.1	3
7	Республика Корея	512	2.9	-5
8	Италия	496	2.8	-8
9	Франция	488	2.8	-14
10	Бельгия	419	2.4	-6

П р и м е ч а н и е. Источник: разработано автором на основе [2].

При этом долгосрочная динамика изменения доли стран и регионов в мировом товарном экспорте демонстрирует существенное сокращение разрыва между Германией и США в значениях индикатора: в 1948 г. Германия обеспечивала всего 1,4 %, в то время как США – 21,6 % глобальных товарных поставок, или в 15,4 раза больше; в 2003 году Германия опередила США с показателем 10,2 % против 9,8 %; к 2020 г. экономика ФРГ формировала 8,1 % мирового товарного экспорта, всего 0,3 процентных пункта уступив США (8,4 %) (табл. 2). Очевидно, что вес Германии на мировом товарном рынке за последние 70 лет существенно вырос (в 5,8 раза), а США – лидера постиндустриальной трансформации – сократился (2,6 раза).

Т а б л и ц а 2

Доля стран и регионов в мировом товарном экспорте в 1948 – 2020 гг, %

Страны и регионы	Доля стран и регионов в мировом товарном экспорте, %							
	1948	1953	1963	1973	1983	1993	2003	2020
Мировая экономика	100	100	100	100	100	100	100	100
Северная Америка	28,1	24,8	19,9	17,3	16,8	17,9	15,8	13,1
США	21,6	14,6	14,3	12,2	11,2	12,6	9,8	8,4
Канада	5,5	5,2	4,3	4,6	4,2	3,9	3,7	2,3
Европа	35,1	39,4	47,8	50,9	43,5	45,3	46,2	38,2
Германия	1,4	5,3	9,3	11,7	9,2	10,3	10,2	8,1
Франция	3,4	4,8	5,2	6,3	5,2	6,0	5,3	2,9
Великобритания	11,3	9,0	7,8	5,1	5,0	4,9	4,2	2,4
Азия	14,0	13,4	12,5	14,9	19,1	26,0	26,1	36,1
Япония	0,4	1,5	3,5	6,4	8,0	9,8	6,4	3,8
Китай	0,9	1,2	1,3	1,0	1,2	2,5	5,9	15,2

П р и м е ч а н и е. Источник: разработано автором на основе [2].

Первой предложив концепцию «Индустрии 4.0» и приступив к системной модернизации промышленности на основе новейших информационных технологий, Германия продемонстрировала, что реализация возможностей получения дохода, созданных внешним спросом, вполне возможна без радикальной трансформации отраслевой структуры экономики в пользу сектора услуг.

Позиции страны на мировом рынке зависят от способности национальной экономики генерировать системные технологические, продуктовые, управленческие и социальные инновации не только в высокотехнологичных, но и в традиционных индустриальных отраслях промышленности, обеспечивая на их основе роботизацию и информатизацию промышленного производства, товарную и географическую диверсификацию промышленного экспорта.

Германия уверенно удерживает позиции в группе мировых инновационных лидеров. В 2020 г. она заняла первую позицию в инновационном индексе Bloomberg, потеснив Южную Корею, сохранявшую лидерство рейтинга на протяжении шести лет.

Эксперты формируют рейтинг Bloomberg Innovation Index, основываясь на семи показателях – расходы на исследования и разработки, производственные мощности, концентрация высокотехнологичных публичных компаний, уровень высшего образования, количество патентов, а также добавленная стоимость производства. Изначально рассматриваются более 200 государств, но в сам рейтинг входят только 60 стран, набравших самые высокие баллы. Германия трижды вошла в топ-5 рейтинга: по производству добавленной стоимости (4-е место), плотности высоких технологий (3-е место) и патентной активности (3-е место), демонстрируя, что «производственный сектор страны по-прежнему высококонкурентен и является источником инноваций» [5].

К преимуществам национальной инновационной системы ФРГ обычно относят: высокий уровень инвестиций в НИОКР в корпоративном секторе, значительное количество инновационных компаний, активную поддержку государством научных разработок в исследовательских центрах и в университетах, большую численность специалистов с высшим образованием и научными степенями. К слабостям – недостаточно развитый рынок венчурного капитала, низкий уровень доходов от продажи патентов и лицензий за рубеж, недружественную среду для появления инновационных стартапов, дефицит высококвалифицированных кадров в сфере информационных технологий, недостаточный уровень инновационной активности на малых и средних предприятиях.

В Глобальном инновационном рейтинге индекса (ГИИ) Германия в течение последних десяти лет стабильно входила в топ-15, а в среднесрочном периоде – в топ-10 наиболее инновационных экономик мира, улучшив рейтинговую позицию с 2012 по 2020 г. на 5 пунктов (табл. 3).

Наиболее существенный сдвиг в сторону улучшения (+13 позиций) наблюдался в оценочной позиции группы индикаторов «Человеческий капитал и исследования» (с 16-го места в 2012 г. Германия переместилась на 3-е к 2020 г.). В группе индикаторов «Уровень развития бизнеса» за десятилетие было отыграно 12 позиций с перемещением с 24-го на 12-е место.

Т а б л и ц а 3

Динамика основных позиций Германии
в Глобальном инновационном индексе (ГИИ) в 2012–2021 гг.

Рейтинговые позиции ГИИ	Позиции Германии в рейтинге ГИИ										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	+/- мест в рейтинге за 2012–2021 гг.
Позиция в рейтинге ГИИ	15	15	13	12	10	9	9	9	9	10	+5
Позиция в группе индикаторов «Институты»	26	21	21	20	18	18	16	16	18	17	+9
Позиция в группе индикаторов «Человеческий капитал и исследования»	16	19	14	10	10	10	10	3	5	3	+13
Позиция в группе индикаторов «Инфраструктура»	16	14	17	18	22	20	19	13	12	21	-5
Позиция в группе индикаторов «Уровень развития рынка»	24	21	25	22	16	16	19	20	24	20	+4
Позиция в группе индикаторов «Уровень развития бизнеса»	24	26	21	20	15	15	13	12	12	12	+12
Позиция в группе индикаторов «Создание знаний и технологий»	12	10	11	10	8	8	10	10	10	9	+3
Позиция в группе индикаторов «Результаты творческой деятельности»	10	14	14	14	7	7	7	10	9	11	-1

П р и м е ч а н и е. Источник: разработано автором на основе [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Германия смогла создать эффективную национальную инновационную систему, предложив более широкий подход к определению инноваций и не ограничивая статистику нововведений, как и их практическое применение, только высокотехнологичными отраслями промышленности и сферой интеллектуальных услуг.

По методологии Федерального отчета по исследованиям и инновациям Германии (2010), инновации подразделяются на рыночные (market innovations), т.е. продукты, которые еще не доступны на рынке в данной форме, и ограниченные (range innovations), а также инновации для компании (company innovations), то есть продукты, которые в данной форме являются для компании новыми, но уже могут (в той же форме) предлагаться другими компаниями [16].

Под *инновацией* немецкие эксперты подразумевают внедрение технических или организационных новшеств в процесс производства, а не только их изобретение. Инновации могут представлять собой как продукты, так и процессы. Инновации как продукт – это новые или значительно улучшенные продукты или услуги, которое предприятие выпустило на рынок. Инновации как процесс – это технологические методы или способы производства или, соответственно, технология оказания услуг, т.е. процессы, которые внедряются на предприятии.

Таким образом, в немецком понимании, инновация – это не некое абстрактное новшество, а новый продукт, востребованный рынком, или процесс, внедренный на предприятии, позволяющий ему более эффективно работать на рынке. Рыночный успех – главное мерило новшества, которое становится собственно инновацией после того, как оно было принято рынком, то есть после стадии коммерциализации.

Основным источником финансирования научных исследований и разработок в Германии являются крупные частные компании, на долю которых приходится около 70 % всех ассигнований. Остальные 30 % средств на науку выделяются государством и местными властями. Основу научно-технического комплекса Германии образуют исследовательские университеты и общества содействия наукам (Research in Germany) – около 350 университетов, из которых 79 – частные, более 800 – государственные научно-исследовательские учреждения, исследовательские и конструкторские центры, способные обеспечить собственный фундаментальный научный задел для первичных инноваций первой и второй волны [17, с. 736].

Затраты Германии на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) – одни из самых высоких в мире и наиболее значительные в ЕС (более 3 %, с 2019 г. стратегическая цель – не менее 3,5 %) [18, с. 125]. В результате ФРГ является одним из мировых лидеров в получении патентов на душу населения, вследствие чего длительное время устойчиво находится на 3-м месте в мире после США и Японии среди стран-производителей высокотехнологичных товаров, занимает ведущие позиции по объемам продаж товаров высокого качества в таких отраслях, как машиностроение, электротехника, автомобильная и химическая промышлен-

ность, а также на рынке технологий. При этом список немецких корпораций, лидирующих по количеству зарегистрированных патентов, не меняется десятилетиями: это крупнейшие концерны из четырех традиционных отраслей, определяющих специализацию немецкой экономики – автомобилестроение, машиностроение, электротехника и химическая отрасль.

Усилия немецкого правительства в сфере инновационной политики и стратегии развития бизнеса сконцентрированы на сохранении и усилении долгосрочных конкурентных преимуществ Германии как одного из мировых лидеров в производстве промышленной продукции и в мировом товарном экспорте. Именно на это направлены стратегия «Индустрия 4.0», «Национальная индустриальная стратегия 2030», программы внедрения цифровых технологий, ускоренного развития искусственного интеллекта.

В Республике Беларусь осознание значимости перевода национальной экономики в режим интенсивного инновационного развития нашло отражение в Национальной стратегии устойчивого развития до 2020 года, Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы, Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года и других документах. Долгосрочная Национальная стратегия развития «Наука и технологии: 2018 – 2040» ставит целью формирование в Республике Беларусь экономики, основанной на интеллекте. Беларусь, согласно заявленным долгосрочным планам развития, «должна войти в число мировых лидеров по перспективным направлениям научно-технологического развития, включая интеллектуальные технологии, умные материалы, машины и их системы, в том числе для модернизации отраслей реального сектора на основе концепции индустрии 4.0, а также разработки, основанные на комплексном применении нано-, био-, космических и IT-технологий» [19].

В результате реализации Стратегии к 2030 г. предполагается модернизация на основе собственных научно-технических заделов традиционных отраслей и формирование точек роста наукоемкой экономики, к 2040 г. – наращивание компетенций в целевых сегментах интеллектуальной экономики с выходом на лидирующие мировые позиции.

Постановка таких целей диктует необходимость выработки новых подходов к формированию модели национальной инновационной системы и инновационной политики Республики Беларусь. Актуальным остается объединение субъектов и объектов инновационной деятельности в целостную систему, объединяющую такие базовые элементы, как подсистемы стратегического прогнозирования и программирования инноваций, финансирования инновационной деятельности, инновационно-активный бизнес, человеческий, интеллектуальный и социальный капиталы инновационного развития, благоприятная правовая среда, инновационная культура общества.

Необходимы качественные изменения, позволяющие перейти к расширенному воспроизводству первичных и вторичных нововведений на основе устойчивой инновативной модели поведения субъектов экономики как главного фактора устойчивого развития в условиях глобальной неопределенности и качественных изменений в глобальной конкурентной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Economic Situation and Prospects 2021 [Electronic resource] / United Nations Department of Economic and Social Affairs. – UN DESA, 2021. – Mode of access: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf. – Date of access: 12.11.2021.
2. World Trade Statistical Review 2021 / World Trade Organisation. – WTO, 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2021_e/wts2021_e.pdf. – Date of access: 14.11.2021.
3. World Development Indicators: Structure of output [Electronic resource] / The World Bank Database. – Mode of access: <https://www.wdi.worldbank.org/table/4.2>. – Date of access: 20.04.2020.
4. World Economic Outlook [Electronic resource] / International Monetary Fund. – IMF, 2021. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economicoutlook-october-2021.pdf>. – Date of access: 18.11.2021.
5. *Jamrisko, M.* Bloomberg Innovation Index: Germany Breaks Korea's Six-Year Streak as Most Innovative Nation [Electronic resource] / M. Jamrisko, Wei Lu. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation>. – Date of access: 21.11.2021.
6. The Global Innovation Index 2021: Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf. – Date of access: 18.11.2021.
7. The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf. – Date of access: 18.11.2021.
8. The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.wipo_pub_gii_2019.pdf. – Date of access: 18.11.2021.
9. The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.gii_2018-report-new.pdf. – Date of access: 18.11.2021.
10. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gii-full-report-2017.pdf>. – Date of access: 18.11.2021.
11. The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.wipo-pub-gii-2016>. – Date of access: 18.11.2021.
12. The Global Innovation Index 2015: Effective Innovation Policies for Development [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.gii-full-report-2015-v6.pdf>. – Date of access: 18.11.2021.
13. The Global Innovation Index 2014: The Human Factor in Innovation [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2014.pdf. – Date of access: 18.11.2021.

14. The Global Innovation Index 2013: The Local Dynamics of Innovation [Electronic resource]. – Mode of access: [http:// https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2013.pdf](http://https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2013.pdf). – Date of access: 18.11.2021.
15. The Global Innovation Index 2012: Stronger Innovation Linkages for Global Growth [Electronic resource] – Mode of access: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf. – Date of access: 18.11.2021.
16. Buckley, P. The services powerhouse: increasingly vital to world economic growthformance [Electronic resource] / P.Buckley, R. Majumdar. – Deloitte.Insights, 2018 – Mode of access: http://www.2.deloitte_com/insights/us/en/economy/issues-by-the-numbers/trade-in-service-economy-growth.html. – Date of access: 23.03.2021.
17. Национальные инновационные системы Японии и Германии: характеристики, особенности, пути развития /А. Б. Петровский [и др.] // Научные ведомости. Сер. Экономика, Информатика. – 2018. – Т. 45, № 4. – С. 728 – 740.
18. Зарицкий, Б. Е. Национальные инновационные системы в условиях глобальной конкуренции (на примере Германии) / Б. Е. Зарицкий // Экономические науки. – 2018. – С. 123 – 130.
19. Стратегия «Наука и технологии: 2018 – 2040» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 16.10.2020.

А. М. Кушнярэвіч

ЛЮТЭРАНСКІЯ КІРХІ БЕЛАРУСІ

У кантэксте стылявой эвалюцыі беларускай архітэктуры часоў Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі асобую адметную групу складаюць культурныя помнікі пратэстантызму. Яго храмы ўвасаблялі ідэалогію, апазіцыйную да контррэфармацыі, што зыходзіла з Ватыкана. Таму пашырэнню эстэтычнай канцэпцыі барока храмабудуўніцтва пратэстантаў супрацьпаставіла ўстойлівую мясцовую готыка-рэнесансную і класіцыстычную традыцыі. Архітэктура пратэстанцкіх бажніц у параўнанні з касцельнай вызначалася большым аскетызмам і лапідарнасцю форм. Гэта абумоўлівалася не толькі імкненнем да больш тонкай і сціплай рэлігійнай абраднасці, але і іншай ідэалагічна-канфесійнай праграмай [1, с. 84].

Найбольш пашыраным рэфармацыйным кірункам на Беларусі быў кальвінізм, у меншай ступені лютэранства і арыянства [2, с. 41].

Усе ніжэй разгледжаныя пратэстанцкія храмы – *кірхі* – належылі да аднаго з найбольш радыкальных кірункаў рэфармацыйнага руху – лютэранства. Кірхай жа называліся храмы гэтай царквы ў германамоўным асяроддзі [3]. Распрацаваныя ў XVI ст. пратэстанцкія архітэктурныя традыцыі надалі кірсе асабліва строгія формы, якія ўзыходзяць да готыкі і рэнесансу, а пратэстанцкае вучэнне – аскетычнае ўнутранае аздабленне. Таму ў кульце лютэранства ўвасабляецца прыныцп таннай царквы.

На землі Беларусі гэтая царква пачала пранікаць у 1520-я гг. з Лівоніі і Усходняй Прусіі. Трапляла яна непасрэдна з Германіі праз студэнтаў з Вялікага Княства Літоўскага, якія навучаліся ў нямецкіх універсітэтах, асабліва ў Лейпцыгскім. Першым значным прапаведнікам лютэранства ў ВКЛ быў А. Кульва, які выкладаў вучэнне Лютэра ў сваёй школе ў Вільне. У 1544 г. ва Усходняй Прусіі быў адкрыты пратэстанцкі Кёнігсбергскі ўніверсітэт, які значна паспрыў распаўсюджванню лютэранства ў ВКЛ і Польшчы. З сярэдзіны 1550-х гг. лютэранскія суполкі з'явіліся ў Вільні, Мінску, Слуцку і інш. У пачатку XX ст. на Беларусі засталіся з іх толькі адзінкавыя. Вернікамі былі пераважна асобы нямецкай нацыянальнасці [4].

На Беларусі кірхі захаваліся толькі ў Гродне і Полацку. Афіцыйнай датай заснавання кірхі ў Гродне лічыцца 1793 г., калі С. А. Панятоўскі перадаў будынак сталовай для галандскіх і нямецкіх рамеснікаў, якіх запрасіў у Гродна гродзенскі стараста А. Тызенгаўз, нямецкай лютэранскай суполцы. Канчатковы выгляд кірхі склаўся ў 1873 годзе. У 1912 г. храм перабудавалі ў неагатычным стылі [5, с. 295]. Кірха дзейнічала ў Гродне да 1944 года. Пасля Другой сусветнай вайны тут знаходзіўся архіў. Зараз будынак кірхі вернуты прыхажанам-лютэранам. Гэта – аднанефавая, аднавежавая з пяціграннай апсідай і двума сакрысціямі пабудова. Галоўны фасад мае сіметрычную выцягнутую па вертыкалі дынамічную кампазіцыю. Высокая вежа-званіца выступае за асноўны аб'ём. Галоўны ўваход аформлены вялікім стральчатым парталам, над ім – акно-«ружа». Вежа завершана высокім ламаным па форме вострым шатром. Сцены бакавых фасадаў абведзены шырокім карнізным поясам і ўмацаваны контрфарсамі. У вокны бакавых сцен устаўлены каляровыя вітражы з гатычным па характары малюнкам. Інтэр'ер храма мае выцягнутую па падоўжнай восі сіметрычную кампазіцыю. Асноўная частка храма перакрыта арыгінальным па форме фігурным скляпеннем: цыліндрычнае перакрыццё пераходзіць каля бакавых сцен у плоскую столь на драўляных кранштэйнах. Апсіда раскрываецца ў асноўны аб'ём арачным праёмам. На другім паверсе вежы размяшчаюцца маленькія хоры [6].

Да гэтай жа групы помнікаў лютэранскага храмабудуўніцтва належыць мінская кірха XIX – пачатку XX стагоддзя. Яна была пабудавана ў стылі класіцызму. Прамавугольны ў плане асноўны аб'ём з паўкруглай алтарнай апсідай і прытворам быў завершаны вежай-званіцай у выглядзе ратонды з васьцю калонамі тасканскага ордэра і паўсферычным купалам. Сцены будынка былі рытмічна падзелены пілястрамі. З паўночнага ўсходу да кірхі быў прыбудаваны двухпавярховы будынак, у якім жыў пастыр. Яго сіметрычны па кампазіцыі галоўны фасад выходзіў на вул. Захар'еўскую (цяпер праспект Незалежнасці) і быў завершаны ступенчатым атыкам. У 1930-я гг. кірха была перабудавана пад дзіцячы кінатэатр, а ў 1940-я гг. разбурана [7].

Полацкая кірха была фундавана ў 1775 г., магчыма, спачатку была драўляная. Мураваная ж узведзена на мяжы XIX–XX стст. у неагатычным стылі. З 1901 г. пры храме існаваў лютэранскі прыход. Да асноўнай прамавугольнай ў плане часткі з боку галоўнага фасада далучаецца двух'ярусная чацверыковая вежа, завершаная невысокім чатырохсхільным дахам з пі-

наклямі на вуглах, з процілеглага боку – чатырохгранная апсіда з рызніцай. Галоўны ўваход у першым ярусе вежы вылучаны стральчатым парталам, над якім размешчана круглае акно. Другі ярус мае два побач размешчаныя стральчатыя аконныя праёмы. Абодва ярусы вежы завершаны ляпнымі накладнымі карнізамі з ажурным арнаментальным поясам, вуглы дэкарыраваны лапаткамі. Кутнія часткі асноўнага аб’ёму на галоўным фасадзе і каля апсіды завершаны пінаклямі. Бакавыя фасады першапачаткова былі прарэзаны стральчатымі аконнымі праёмамі. Цяпер іх форма часткова зменена. У 1948 г. кірха была прыстасавана пад абласны краязнаўчы музей. У працэсе гэтых прац быў надбудаваны другі паверх, зроблена прыбудова да бакавога фасада, зменена ўнутраная планіроўка. Цяпер у будынку Полацкай кірхі размешчаны філіял Полацкага гісторыка-археалагічнага заказніка [8].

Усе разгледжаныя вышэй пратэстанцкія храмы Беларусі XIX – пачатку XX ст. належылі да аднаго з радыкальных кірункаў рэфармацыйнага руху – лютэранства. Выяўленне спецыфікі архітэктуры кірхаў у кантэксце іх канфесійна-ідэалагічнай праграмы дае магчымасць больш выразна ўбачыць розныя бакі этнакультурнага жыцця беларускіх земляў перыяду Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі. Разгледжаныя помнікі з’яўляюцца яркай праявай нацыянальна-рэлігійных і мастацкіх традыцый лютэран Беларусі. Стылістычнае вырашэнне іх цэркваў XIX – пачатку XX ст. было выканана ў стылі неаготыкі і класіцызму.

ЛІТАРАТУРА

1. *Габрусь, Т. В.* Мураваныя харалы : Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
2. *Іванова, Л.* З гісторыі рэфармацыйнай царквы ў Віцебску ў другой палове XVI–XVII ст. / Л. Іванова // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 41–46.
3. Кірха // Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2001. – С. 159.
4. *Казуля, С. В.* Лютэранства / С. В. Казуля, В. Ф. Шалькевіч // Рэлігія і царква на Беларусі : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2001. – С. 184.
5. *Трусаў, А.* Кароткая гісторыя архітэктуры Беларусі / А. Трусаў. – Мінск : Харвест, 2015. – 464 с.
6. *Багласаў, С. А.* Гродзенская кірха / С. А. Багласаў // Архітэктура Беларусі : энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 168.
7. *Дзянісаў, У. М.* Мінская кірха / У. М. Дзянісаў // Архітэктура Беларусі : энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 320.
8. *Чарняўская, Т. І.* Полацкая кірха / Т. І. Чарняўская // Архітэктура Беларусі : энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: А. А. Воінаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – С. 395.

У ИСТОКОВ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Победа революции в России, за которой последовало образование Советского государства, завершение Первой мировой войны привели к перезагрузке всей системы международных отношений. Наибольшее количество вопросов в этом процессе вызывало отношение к Советской России. Установление советской власти привело к тому, что страна оказалась в международной изоляции. В то же время в капиталистических странах возник широкий фронт пролетарской поддержки Советского государства. Победа большевиков в Гражданской войне в России к 1921 г. и спад накала революционного движения в странах Запада практически к этому же времени привели к своеобразному равновесию сил между Советским государством и капиталистическим миром, которое и являлось определяющим элементом в характере международной обстановки начала двадцатых годов прошлого века. И хотя это равновесие было крайне неустойчивым и непрочным, В. И. Ленин, глава правительства РСФСР, считал возможным выразить надежду на то, что наступила не просто передышка, а новая полоса в отношениях между социалистическим государством и капиталистическим миром. «... Мы, – писал он, – отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами...» [1, с. 384].

В капиталистических странах популярность приобретает теория применения экономических методов для трансформации советского общественно-политического строя. Еще в январе 1920 г. Совет Антанты в Париже по инициативе британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа официально отменил блокаду России и отметил, что было бы желательно завязать торговлю «с русскими кооперативными организациями». А 10 февраля, при открытии сессии парламента, Ллойд Джордж лично высказался за расширение торговли с Россией. Именно в это время им было сказано: «Мы ошиблись, пытаясь восстановить Россию вооруженной силой. Я думаю, что можем сделать это с помощью торговли» [2, с. 317–318; 3, с. 113].

Для Советской России налаживание торговли с капиталистическими странами означало прорыв экономической блокады и, в определенной мере, выход из состояния внешнеполитической изоляции, а значит, обеспечение самого существования государства как социалистической республики. По существу внешнеполитические связи страны находились на этапе своего становления. К 1921 г. дипломатические отношения России ограничивались на Востоке Афганистаном и Турцией, а в Европе – четырьмя государствами, которые возникли на руинах бывшей Российской империи, – Эстонией, Литвой, Латвией и Финляндией. Весь внешнеторговый оборот укладывался в 100 млн руб., что составляло немногим более 3 % внешней торговли России в 1913 г. [3, с. 113].

Положение в народном хозяйстве было катастрофическим. Абсолютная разруха была явлением повсеместным. А поэтому в условиях, когда сломить советскую власть военной силой не удалось, какие бы планы экономического давления на Россию не рассматривались в Лондоне и других столицах западных стран, приоритетом внешнеполитических усилий советской власти было превратить достигнутую мирную передышку в длительный мир. «Сейчас, – писал В. И. Ленин – ... необходимо устроиться так, чтобы в капиталистическом окружении существовать» [4, с. 288].

Первой среди западных стран, которая стала на путь налаживания отношений с Советской Россией, была Великобритания. В мае 1920 г. в Лондон для ведения торговых переговоров прибыла советская делегация, возглавляемая Л. Б. Красиным. 31 мая состоялась ее первая встреча с английскими министрами [2, с. 324]. Британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж стремился на этих переговорах решить ряд весьма амбициозных как политических, так и экономических задач: добиться отказа Советской России от поддержки освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока, признания долгов царского и временного правительств, пересмотра законодательства, касающегося национализации промышленности, внешней торговли и концессий. По образному выражению наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, Англия хотела «выкачать от нас все, что мы можем дать, захватить в свои руки весь механизм экономического общения с нами» [5, с. 645].

Выработка условий торгового соглашения затянулась почти на год. Его удалось подписать только 16 марта 1921 года. Однако значение произошедшего стоило такой длительной борьбы. Соглашение положило начало признанию де-факто Советской России капиталистическими державами. Оно выходило далеко за рамки многих документов подобного рода, так как не только восстанавливало торговые отношения, но и предусматривало обмен официальными представителями, которые наделялись правами дипломатических агентов [6, с. 667–614].

Подписание Англией торгового соглашения с Советской Россией являлось сокрушительным ударом по политике экономической изоляции большевистского режима. И этот шаг со стороны Великобритании отнюдь не являлся актом международной благотворительности. Экономика царской России была теснейшим образом вплетена в систему международных хозяйственных связей. Первая мировая война эту систему нарушила, но не отменила ее. Для индустриальных государств Европы Россия всегда была территориально расположенным в непосредственной близости практически неисчерпаемым источником разнообразного сырья и, учитывая многочисленное население страны, емким рынком сбыта промышленной продукции.

Начавшийся после окончания мировой войны процесс восстановления экономики и перевод ее на мирные рельсы потребовал возобновления связей с Россией. Первой это сделала Великобритания как страна в наибольшей

степени зависимость от состояния международных экономических отношений. Но ее действия были и примером для других. Особенно ревностно за торговыми переговорами в Лондоне следили в Берлине.

Первые действия Германии в направлении сближения с Советской Россией были сделаны на неофициальном уровне. Их вдохновителем и наиболее активным сторонником с немецкой стороны был главнокомандующий сухопутными войсками рейхсвера генерал-полковник Х. фон Сект. Еще в августе 1920 г. он установил тайные контакты с Председателем Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцким. Сотрудничество было настолько секретным, что о нем знал только канцлер К. Вирт. Члены кабинета были об этом проинформированы только после заключения Рапалльского договора [7, с. 5].

Переговоры велись при посредстве руководителя советской миссии по делам военнопленных в Германии, одновременно являвшегося и неофициальным представителем Советского государства в Берлине, В. Л. Коппа. Секретные двусторонние переговоры проходили как в Берлине, так и в Москве в течение 1920–1923 годов. В процессе переговоров была выработана концепция двустороннего советско-германского военного сотрудничества. 2 декабря 1920 г., например, В. Л. Копп сообщил наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что в одной из бесед Х. фон Сект заявил о желательности «установить более тесный контакт между германским генштабом и нашими военными властями». При этом Сект настаивал на том, чтобы немецкие военные специалисты приняли участие в создании советской военной промышленности, которую впоследствии можно было бы использовать в качестве «источника вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой». Генерал Сект выразил готовность оказать содействие в закупках советскими представителями оружия и военных материалов в Германии [7, с. 5–6].

В начале 1921 г. в военном министерстве Германии была образована для связей с руководством Красной армии специальная структура «Зондеркоманда Р». В России ее называли Вогру – военная группа. По ее инициативе были созданы две смешанные торгово-транспортные фирмы для обслуживания прежде всего поставок военного характера. Это «Русско-германское транзитное общество» («Русстранзит», немецкое название «Дерутра»), образованное 10 апреля 1922 г., и «Русско-германское общество воздушных перевозок» («Дерулюфт»). По железной дороге из Кёнигсберга в Россию через Литву и Латвию шли товары, не вызывавшие подозрения таможен. Воздушным путем осуществлялись поставки наиболее ценных грузов. Самолеты, предназначенные для учебных целей, и модели для испытаний совершали беспосадочные перелеты на большой высоте. «Дерулюфт» также одним из первых в мире стал осуществлять регулярные воздушные перевозки в Россию на коммерческой основе. Они начались с 30 апреля 1922 года. Базовый аэродром находился в Кёнигсберге. Авиалиния Кёнигсберг–Москва была первой регулярной международной авиалинией в России еще до создания отечественной гражданской авиации [8, с. 43].

Сотрудничество с Германией в военно-промышленной сфере дало возможность Политбюро ЦК РКП(б) принять план восстановления военной промышленности и ее мирных отраслей при помощи деловых кругов Германии. Упомянув об этом, Г. В. Чичерин в своей записке, направленной в ЦК РКП(б) 10 июля 1921 г., отмечал, что немецкая сторона больше всего интересуется военной стороной проблемы [7, с. 6].

Секретные советско-германские консультации проходили на фоне активных усилий РСФСР и Великобритании о нормализации двусторонних отношений и заключении торгового договора. При этом следует иметь в виду, что переговоры, которые вел Л. Б. Красин, вызывали серьезную тревогу в Германии. Немецкие промышленники опасались, что могут быть вытеснены с русского рынка. В этих условиях происходит оживление активности и в политических, и в торгово-промышленных структурах Германии. Депутаты рейхстага поднимают вопросы о возобновлении дипломатических и торгово-экономических связей с Советским государством. В итоге 12 января 1921 г. общее собрание членов Германо-Русского общества развития торговли с Россией решило направить в Москву специальную делегацию для выяснения возможностей двустороннего сотрудничества [9, с. 114].

Но в правительственных кругах Берлина не было единства по этому вопросу. 19 января 1921 г. независимые социалисты внесли в рейхстаг вопрос о возобновлении дипломатических и торговых отношений с Россией. А 22 января министр иностранных дел В. Симонс при обсуждении этого вопроса в парламенте высказался против подобных шагов Берлина. Он связал это с убийством в Москве 6 июля 1918 г. немецкого посла графа В. Мирбаха, заявив, что дипломатические отношения не могут быть установлены пока советское правительство не даст полного ответа за происшедшее. Но этот аргумент был абсолютно надуманным. Инцидент с немецким послом был разрешен еще в 1918 году. Кайзер Вильгельм II, естественно, был возмущен этой ситуацией и потребовал ввода в Москву для охраны посольства батальона немецких солдат. В ответ В. И. Ленин заявил, что это прямое нарушение суверенитета страны и на это правительство никогда не пойдет. Кайзер, в условиях сложной обстановки на Западном фронте, не стал обострять отношений с РСФСР. В Москву был назначен новый посол – К. Гельферих. Тем самым инцидент представлялся исчерпанным. Особенно если учесть, что в августе 1918 г. кайзеровское правительство навязало Советской России грабительское добавочное соглашение о выплате 6 млрд марок контрибуции [10, с. 12].

Между тем публикация торгового договора с Англией от 16 марта 1921 г. заставила германское правительство активизировать усилия по поиску путей достижения взаимоприемлемых соглашений с Советской Россией. В итоге 6 мая 1921 г. в Берлине было заключено Временное соглашение между РСФСР и Германией. Оно предусматривало создание официальных представительств с консультационными функциями и торговых представительств.

Заключение Временного соглашения означало, по существу, признание Советской республики де-факто. «Представительство РСФСР в Германии признается единственным представительством Российского государства в Германии», говорилось в первой статье документа [11, с. 99]. В нем также подтверждались достигнутые договоренности об обмене военнопленными и интернированными. Соглашение еще не означало признания советского правительства де-юре, однако оно расширяло круг деятельности российских дипломатов в Германии по защите прав соотечественников, регулировало вопросы торговли и судоходства. Особое значение также имело признание неприкосновенности имущества Советского государства на немецкой территории [11, с. 99]. Подписание соглашения способствовало возобновлению торгового обмена между двумя странами, прервавшегося в годы Первой мировой войны. Факт улучшения отношений с Германией не преминул отметить и В. И. Ленин, выступая на IX Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве в декабре 1921 г. [12, с. 321–322].

Окончание гражданской войны сопряжено было с очередными тяжелыми испытаниями для Советского государства. Летом 1921 г. более 20 млн человек, проживавших в Поволжье, Северном Кавказе и Украине, в результате неурожая оказались охваченными голодом. Западные державы, несмотря на неприятие установившегося в России общественно-политического строя, предложили свою помощь пострадавшему населению. 20 августа 1921 г. соответствующее соглашение было заключено с Американской администрацией помощи – АРА. Неделью спустя аналогичное соглашение было подписано с уполномоченным Женевского комитета Лиги Наций Ф. Нансеном. 30 августа в Париже начала работать Международная комиссия помощи России во главе с Ж. Нулансом. В октябре 1921 г. вопрос был обсужден в Брюсселе на специальной конференции представителей 20 наиболее развитых государств мира [9, с. 115, 117; 13, с. 109].

Лейтмотивом решения Брюссельской конференции было требование признания большевиками ответственности по дореволюционным финансовым обязательствам в ответ на продовольственную помощь. В этой связи 28 октября советское правительство направило ноту правительствам США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, в которой выразило готовность вступить в переговоры для обсуждения претензий по государственным займам, но при условии официального признания Советской республики, заключения экономических соглашений и предоставления ей определенных льгот. Документ содержал предложение созвать международную конференцию для урегулирования взаимных претензий и выработки мирного договора [10, с. 22].

Руководители стран Антанты усмотрели в этом удобный случай для согласования подходов к решению важнейших международных проблем. Отношения с Советской Россией были среди них приоритетными. Ситуация в области международных экономических отношений, неурегулированность вопросов мировой политики свидетельствовали о том, что без участия одной

шестой части мира решить весь комплекс послевоенных проблем невозможно. Объективная реальность указывала на необходимость вернуть Россию в круг мирового хозяйства и привлечь ее к участию в его оздоровлении. Вместе с тем бывшие союзники России по Первой мировой войне надеялись использовать переговоры для решения вопроса о российских долгах и возвращения национализированной собственности своих граждан.

Собравшийся 6 января 1922 г. в Каннах Верховный совет Антанты поддержал предложение премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа о проведении весной 1922 г. в Генуе широкой общеевропейской финансово-экономической конференции [9, с. 150–151]. На состоявшейся 25 февраля в Булони встрече руководителей правительств Великобритании и Франции Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре было решено созвать конференцию на 10 апреля [9, с. 150–151, 158].

Позиции капиталистических государств, входивших в состав Антанты, были согласованы в марте 1922 г. на совещании экономических экспертов в Лондоне. Принцип возврата всех долгов, довоенных и военных, а также реституции иностранной собственности оставался неизменным. Это составляло примерно 18,6 млрд золотых рублей [13, с. 115].

Позиция советской делегации была всесторонне рассмотрена на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 28 февраля 1922 года. Требования о выплате долгов и реституции отвергались. Советская делегация должна была заявить, что все российские долги покрываются встречными советскими претензиями по возмещению убытков, нанесенных России державами Антанты в период интервенции и экономической блокады. Контрпретензии достигали 39 млрд золотых рублей [13, с. 113]. Эта сумма более чем в два раза превосходила претензии стран Антанты. Вряд ли она основывалась на каких-то финансовых расчетах, сделать которые в то время было нереально. А поэтому сумма была условной, рассчитанной на последующее обсуждение, политический торг с целью поиска приемлемого компромисса.

Время, предшествовавшее конференции, руководители правительств европейских стран активно использовали для укрепления позиций своих стран на предстоящей встрече. Целью России было добиться признания советской власти. Нормализация отношений могла облегчить будущие переговоры о частных кредитах и концессиях с крупными предпринимателями, налаживание торговых связей. В. И. Ленин писал по этому поводу, что большевики идут в Геную «как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами ... безусловно необходима, и что мы идём туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только» [14, с. 2].

Особые надежды на строительство полноценных политических и экономических отношений в Москве возлагали на Германию. После завершения Первой мировой войны и Гражданской войны в России обе страны, хотя и по разным причинам, оказались в сложной ситуации, близкой к международной изоляции. Достижение советско-германских договоренностей по широкому кругу вопросов означало бы разрыв этого своего рода «порочного круга».

Это понимали и в Берлине, и в Москве. Неслучайно с 15 января по 17 февраля 1922 г. в обеих столицах, а затем в первых числах апреля в Берлине шли переговоры о двусторонних контактах на предстоящей Генуэзской конференции. В апреле конкретных результатов достигнуть не удалось. Поскольку главным вопросом Генуэзской конференции был российский долг своим кредиторам, советская делегация добивалась полного отказа Германии от возмещения убытков; это могло бы послужить прецедентом для переговоров и с другими государствами в Генуе. Но немецкие представители упорствовали. Очевидно, их главной целью было не соглашение с Советской Россией, а поиски путей для договоренности с Англией и Францией по смягчению условий Версальского мирного договора.

Но была и другая сторона проблемы, которая очень волновала немецких дипломатов. Переговоры в Генуе советских представителей с делегациями западных стран, и в первую очередь Англии и Франции, могли завершиться компромиссом, когда Советская Россия сможет получить свою долю германских репараций, а это 16 млрд золотых рублей, т.е. сумма почти эквивалентная основной части российского долга. Таким образом вся послевоенная долговая проблема в Европе решалась бы за счет Германии. И хотя в апреле 1922 г. в Генуе такого компромисса между советской делегацией и делегациями западных стран достигнуто еще не было, руководители немецкой делегации К. Вирт и В. Ратенау, канцлер и министр иностранных дел, сочли целесообразным повторно рассмотреть те предложения, которые были оглашены Г. В. Чичериным в Берлине в начале апреля 1922 года. И 16 апреля 1922 г. в предместье Генуи Рапалло в резиденции германской делегации был подписан договор о нормализации отношений между Советской Россией и Германией [9, с. 180].

Для немецкой стороны подписание этих договоренностей было результатом преодоления многочисленных внутренних разногласий и противоречий, сомнений и колебаний, непоследовательности и двуличия. Одним из серьезных препятствий для немецкой делегации в Генуе была позиция Берлина. Президент страны Ф. Эберт и его однопартийцы социал-демократы придерживались западной ориентации и являлись противниками соглашения с большевиками. Канцлеру К. Вирту, стороннику договора с Советской Россией, предстоял длительный и трудный разговор по телефону с президентом с целью переубедить его в необходимости одобрить соглашение

В основу Рапалльского договора был положен так называемый «нулевой вариант». Советская сторона предлагала его еще в начале апреля на берлинских переговорах. РСФСР отказывалась от репараций, положенных ей по Версальскому мирному договору в сумме 16 млрд золотых рублей, а Германия – от дореволюционных займов (1 млрд золотых рублей) и своей собственности в России, конфискованной во время войны (300 млн золотых рублей), при условии, что большевики не будут удовлетворять аналогичных претензий других государств [13, с. 117].

Между двумя странами немедленно возобновлялись дипломатические и консульские отношения. Была достигнута договоренность о всестороннем развитии экономических связей на принципах наибольшего благоприятство-

вания. Статья 5 договора допускала также возможность двусторонних связей в военной области [13, с. 117]. Отмечая значение военного сотрудничества с Германией, а оно, как уже говорилось, начало складываться еще до Генуэзской конференции и Рапалльского договора, нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин уже тогда считал, что это «один из главнейших факторов нашей внешней политики» [7, с. 7].

В Москве рассматривали Рапалльский договор как несомненный дипломатический успех. Советское правительство видело в нем образец регулирования отношений с капиталистическими странами. Он усиливал на международной арене позиции как Советского государства, так и Германии и, что самое важное, не допускал создания в Европе единого антисоветского фронта.

Вместе с тем договор был резко враждебно встречен странами Антанты. Германию обвинили в нарушении отдельных статей Версальского договора. Западная пресса подняла невообразимый шум вокруг Рапалльского договора. Американский посол в Италии Р. Чайльд в частности заметил: «Это потрясет мир! Это сильнейший удар по конференции» (Гаагской конференции, которая должна была решить вопросы выплаты Советской Россией долговых обязательств прежних правительств. – *И. Л., Ю. Л.*) [9, с. 181].

Общественное мнение и политические силы в Германии поддержали Рапалльский договор. Он был единогласно ратифицирован рейхстагом. Сотрудничество с Советским государством становилось главным козырем в руках Берлина в борьбе за смягчение условий Версальского договора.

Соглашением, подписанным в Берлине 5 ноября 1922 г., в сферу действия Рапалльского договора включались и шесть советских республик: Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения и Дальневосточная республика. Правительство Германии признавало их де-юре и выражало желание установить дипломатические и консульские отношения. К этому времени Москва и Берлин уже обменялись полномочными представителями – послами, что свидетельствовало о завершении процесса нормализации отношений между двумя странами [10, с. 29]. Интересы РСФСР в Германии представлял видный функционер РКП(б) Н. Н. Крестинский, Германии в Москве – Виденфельд [15, с. 207].

Отмечая успехи советской внешней политики, В. И. Ленин заявил на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г. о постоянно расширяющихся международных связях РСФСР со странами мира. «Мы сейчас добились, – сказал он, – признания своих прав нашими врагами как в экономической, так и в торговой политике. Это доказывает заключение торговых договоров» [14, с. 303].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 31. – 670 с.
2. *Виноградов, К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж / К. Б. Виноградов. – М. : Мысль, 1970. – 412 с.

3. *Айрапетян, М. Э.* Этапы внешней политики СССР / М. Э. Айрапетян, Г. А. Деборин. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 536 с.
4. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 32. – 605 с.
5. Документы внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1958. – Т. II. – 804 с.
6. Документы внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1959. – Т. III. – 724 с.
7. *Горлов, С. А.* Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы / С. А. Горлов // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 9. – С. 4–11.
8. *Горлов, С. А.* Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе / С. А. Горлов // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 6. – С. 39–44.
9. История дипломатии. – М. ; Л. : Политиздат, 1945. – Т. 3. – 833 с.
10. Летопись внешней политики СССР, 1917–1978 гг. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
11. Документы внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1960. – Т. IV. – 836 с.
12. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1975. – Т. 45. – 455 с.
13. *Сидоров, А. Ю.* История международных отношений. 1918–1939 / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М. : Центрполиграф, 2008. – 640 с.
14. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений в 55 т. – М. : Изд-во полит. лит., 1970. – Т. 44. – 725 с.
15. *Соколов, В.* «Я не признаю себя виновным». Полпред СССР в Германии Николай Крестинский / В. Соколов // Архивы раскрывают тайны ...: Междунар. вопросы: события и люди / сост. Н. В. Попов. – М. : Политиздат, 1991. – С. 202–243.

П. А. Концевой

РЕПАРАЦИОННЫЕ ПОСТАВКИ В БССР КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА ИЗ ГЕРМАНИИ (1945–1947)

В годы Великой Отечественной войны в результате боевых действий и оккупации территории БССР нацистскими захватчиками был нанесен значительный урон сельскому хозяйству республики. Общий имущественный ущерб в данной сфере экономики составил 22 млрд 471,9 млн рублей [1].

Сильно пострадало в период оккупации и животноводство БССР. Для его восстановления осуществлялись поставки сельскохозяйственных животных из других регионов СССР, а также репарационные поставки из Германии. Репарационные поставки сельскохозяйственных животных в основной своей массе включали в себя лошадей, а также крупный и мелкий рогатый скот.

Проведение мероприятий по перегону крупного рогатого скота в СССР было закреплено в постановлении ГКО СССР от 9 марта 1945 г. «О перегоне трофейного племенного скота с территории Германии и Польши в районы Советского Союза, освобожденные от немецкой оккупации, для передачи этого скота колхозам и семьям воинов Красной Армии» [2, с. 350]. В соответствии с этим постановлением началось поступление сельскохозяйствен-

ных животных в БССР. С правовой точки зрения данные документы закрепляли именно трофейные поставки сельскохозяйственных животных, а не репарационные. Политическое решение вопроса о репарациях в то время еще только вырабатывалось союзниками по антигитлеровской коалиции, а частичное возмещение ущерба сельскому хозяйству СССР было крайне необходимо в кратчайшие сроки.

Начало практического осуществления процесса перегона германских сельскохозяйственных животных связано с поездкой во второй половине марта 1945 г. руководителя опергруппы при СНК БССР, заместителя председателя СНК и председателя Госплана БССР Г. Б. Эйдинова в штаб 2-го Белорусского фронта, который тогда находился в городе Конитц (Померания). Во время этой поездки 17 марта 1945 г. произошла встреча Г. Б. Эйдинова с командующим фронтом Маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским и членом Военного совета фронта генерал-лейтенантом Н. Е. Субботиным. В ходе беседы К. К. Рокоссовский заметил, что по его указанию военные приступили к сбору бесхозного скота на специально утвержденные пункты, но этот процесс отнимает у них значительное количество времени и сил. К 24 марта 1945 г. для БССР уже было отобрано 40 тыс. голов крупного рогатого скота высокопродуктивной породы остфриз. Командование 2-го Белорусского фронта просило Г. Б. Эйдинова ускорить прибытие колхозников из БССР, которые должны были помогать военным в сборе скота [3, л. 1–2].

Организацию перегона скота СНК БССР возложил на наркоматы земледелия и мясо-молочной промышленности, а также привлек к этой операции ряд других наркоматов и ведомств. В ходе подготовительных работ на границе республики были организованы 11 контрольно-входных пунктов, а также были определены 12 основных трасс перегона скота с расположенными по пути следования 54 ветеринарно-контрольными и 49 диспетчерскими пунктами. На путях следования скота были отведены выпасные участки, завезен корм, благоустроены водопой и переправы через реки. Саперные подразделения произвели проверку и разминирование перегонных трасс. В феврале и апреле 1945 г. в зону действия фронтов было направлено из БССР 16 069 колхозников, а также 421 уполномоченный, каковыми являлись в основном секретари обкомов и райкомов КП(б)Б, заместители председателей облисполкомов и райисполкомов, 255 ветеринарных врачей и зоотехников, которые провели значительные мероприятия по сбору животных и обеспечению их содержания до начала перегона на белорусскую территорию. Всего к перегону сельскохозяйственных животных привлекли 17 038 специалистов и подсобных работников из БССР [2, с. 351]. Например, в зону 2-го Белорусского фронта уже в начале февраля 1945 г. были командированы: 650 человек из Гомельской области, 700 – из Могилевской и 750 – из Полеской. В свою очередь в зону 3-го Белорусского фронта в тот же период направили: 700 человек из Бобруйской области, 900 из Минской, 600 из Витебской и 600 из Полоцкой. В общей сложности из пяти областей в расположение 2-го и 3-го Белорусских фронтов в указанный период отправились 4900 человек [4, л. 46].

Исследователь И. Ю. Воронкова отмечает, что процесс перегона репарационного скота осуществлялся с немалыми трудностями и опасностью, в том числе военного характера. Так, по приведенным ею данным, на пограничной с БССР территории Белостокского воеводства Польши белорусские колхозники, сопровождавшие скот, зачастую подвергались нападениям групп Армии Краевой: например, такие случаи фиксировались в районах Граева и Августова весной 1945 г. После этого по инициативе и при участии заместителя начальника Главного управления военной контрразведки СМЕРШ и одновременно уполномоченного НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши генерал-майора Н. И. Селивановского был разработан план нейтрализации формирований Армии Краевой в Белостокском воеводстве, поэтому в дополнение к уже находившимся там 7 полкам войск НКВД и отдельному мотострелковому полку были отправлены еще 2 полка войск НКВД. Данными подразделениями была организована охрана гуртов скота на перегонных трассах, которые были разбиты на участки. На каждом участке охрана составляла порядка 100 человек, вооруженные посты выставлялись через каждые 35–40 км, а на особо опасных участках пути заставы распределялись через каждые 10–15 км. Причем трассы между стационарными постами круглосуточно патрулировались [2, с. 351].

Уже к 10 июля 1945 г. через входные пункты Малышки, Цышканы (Молодечненская область); Татарка, Нача, Гродно, Индура, Крушенияны (Гродненская область); Высоко-Литовск, Брест (Брестская область) в БССР поступило 39 905 голов крупного рогатого скота, 19 399 голов овец, 12 676 голов лошадей [5, л. 1]. Данный скот был направлен в Бобруйскую, Витебскую, Гомельскую, Минскую, Могилевскую, Полесскую и Полоцкую области [Там же].

Рассматривая репарационные поставки крупного рогатого скота в БССР, следует отметить, что этот процесс сопровождался существенными потерями перегоняемых животных. Так, по данным республиканской конторы «Заготскот» на 20 августа 1945 г. из отправленного в БССР крупного рогатого скота в количестве 40 030 голов фактически поступило только 36 849 голов. В пути пало 308 голов, сдано на мясо больных и истощенных – 2 567 голов [6, л. 403].

Потери скота в пути объяснялись истощением животных, а также недостатками в организации перегона и безответственным отношением работников заготконтор. Например, большинство актов о падеже животных в пути составлялось самими гуртовщиками и на них отсутствовали печати и т. д. [Там же].

Еще одной формой нарушений при перегоне скота была его сдача на «поправку» различным лицам и учреждениям. Так, в докладной записке от 2 сентября 1945 г. начальник перегонной трассы № 1 Петрович отмечал, что в Островце было оставлено на поправку 17 коров, из них: у заведующего Райза – 1 корова; у райветврача – 1; у ветфельдшера – 1; сельсовету д. Шоверенки – 5 коров [Там же]. Также обращает на себя внимание и значительный процент забивавшегося скота. Например, начальник пере-

гоночной трассы № 2 Волков в своей докладной записке отмечал, что Ошмянской райконторой «Заготскот» из принятых от гуртов 225 голов рогатого скота отправлено на убой 115 голов, а Сморгонской райконторой было забито 219 голов из 341. Также характерной чертой перегонки репарационного скота являлось то, что, несмотря на значительное количество поступивших в БССР коров и овец, молоко фактически не сдавалось государству. Например, в Витебской области, по данным на 6 сентября 1945 г., имела место сдача молока всего лишь одним гуртом [6, л. 403].

При следовании по территории СССР гуртов скота, в которых присутствовали дойные коровы, сопровождающие скот лица должны были 75 % надоенного молока сдавать молокоприемной сети Главмолоко и Главмаслосырпрому, которые были обязаны вносить в доход союзного бюджета стоимость принятого от гуртов молока по государственным закупочным ценам. При передаче репарационного скота мясокомбинатам «Заготскот» должен был уплачивать его стоимость по единой расчетной цене за вычетом не возвращаемых мясокомбинатом расходов по его доставке: 100 рублей с головы крупного рогатого скота и 20 рублей с головы мелкого скота. Однако на практике были нередки случаи нарушения установленных правил. Так, приплод, полученный от репарационного скота в пути, почти никогда не учитывался, шкуры с павших животных заготовительным организациям, за редким исключением, не сдавались. Частыми были случаи, когда прибывшие лошади не соответствовали по возрасту, масти и тавро описям отправленных из Германии лошадей. Некоторая часть скота передавалась не по назначению, причем допускалась передача скота отдельным организациям бесплатно, а колхозам – без получения от них обязательств его оплаты сельхозпродукцией [7, л. 46, 51].

По данным на октябрь 1946 г. в БССР поступило по репарациям 133 231 голова крупного рогатого скота, из которых 100 170 голов передали в хозяйства всех форм собственности [8, л. 206]. Причем восточные области БССР получили 116 878 голов (данные на октябрь 1946 г.), а западные – 16 353 головы крупного рогатого скота (87,7 % и 12,3 % соответственно). В хозяйства всех форм собственности восточных регионов были переданы 96 805, а западных – 3 355 голов, что составило 96,7 % и 3,3 %. Низкий процент животных, переданных в хозяйства западных регионов БССР, объяснялся тем, что плановых поставок крупного рогатого скота в эти районы изначально не предусматривалось. И скот сюда направлялся слабый, который уже не мог двигаться дальше, поэтому значительный процент скота в западных регионах республики передавался мясокомбинатам. Так, 17 842 и 11 371 голов слабых животных в восточных и западных областях соответственно было передано мясокомбинатам. Пало на базах 866 и 1 627 голов в восточных и западных областях соответственно. По данному показателю западные области опережают восточные почти в два раза, хотя животных они получили почти в семь раз меньше¹.

¹ Подсчитано автором на основании [8, л. 205–206].

В качестве иллюстрации особенностей поставок скота в западные регионы республики можно привести данные о таких поступлениях в Брестскую область. Брестская облгаготживконтора получала скот в основном от гуртов, проходящих по территории Брестской области, так как последние сдавали скот, который из-за истощения не мог следовать дальше. Данный скот оформлялся соответствующими актами передачи-приемки. Например, на этих основаниях Брестской облгаготживконторой было получено, по данным на 19 ноября 1945 г., 27 голов крупного рогатого скота – на сумму 22,8 тыс. рублей. Кроме того, проходящими гуртами было сдано в кассу Брестской облгаготживконторы 275 тыс. польских злотых за лошадей и скот, реализованный на территории Польши. Эти деньги были направлены в Госбанк для зачисления в фонды Министерства финансов СССР [7, л. 36, 41]. Реализация скота на территории Польши, на наш взгляд, была вынужденной мерой, так как животные находились в истощенном состоянии и при дальнейшем перегоне велика была вероятность еще больших потерь.

Еще одной важной ролью скота, полученного по репарациям, стало его участие в возрождении племенного животноводства в БССР. Например, в докладной записке заместителя начальника Могилевского областного заготовительного отдела Монгалева на имя секретаря Могилевского обкома Петушкова отмечалось, что в 1945 г. ряд районов Могилевской области получил племенной скот из Восточной Пруссии. Ввиду того что данный крупный рогатый скот был исключительно высокопродуктивным и чистопородным (породы остфриз), в их распределение по районам и колхозам вносился ряд предложений.

1. Предполагалось выделять племенной скот сравнительно сильным в экономическом плане колхозам (по 40–50 голов на хозяйство), которые имели хорошие помещения для животных (или могли их построить до начала зимы 1945–1946 гг.). Данные хозяйства также должны были располагать хорошей кормовой базой.

2. Также обосновывалась необходимость распределения племенного скота только крупными партиями. Это объяснялось тем, что со скотом поступило малое количество производителей, поэтому для сохранения породы скот и распределялся крупными партиями.

3. В докладной записке отмечается, что есть возможность создать хорошие племенные фермы уже к 1946 г. и снабжать другие колхозы племенным молодняком. Автор записки предполагал, что порода остфриз станет в БССР основной плановой породой, так как другой племенной породы в республике в таком количестве не было.

4. В восточных районах Могилевской области предполагалось создать в среднем по 4–5 племенных ферм на район [9, л. 4].

В соответствии с постановлениями СНК СССР от 13 и 16 апреля 1945 г. и СНК БССР от 23 мая 1945 г. репарационный скот передавался бесплатно только семьям воинов Красной армии и инвалидам Великой Отечественной войны, которые такового не имели [10, с. 121]. Всем остальным гражданам, колхозам и совхозам, организациям и предприятиям скот передавался на

условиях его оплаты сельскохозяйственными продуктами: зерном, масло-семенами, картофелем, сеном. Например, за 100 кг живого веса скота подлежало к сдаче 300 кг зерна. Вносимая деньгами стоимость скота, а также молоко, мясо и шерсть, полученные от него, должны были зачисляться в доход союзного бюджета [7, л. 50, 51]. Например, весь поступивший в Гродненскую область на 1 октября 1946 г. скот был оценен на сумму в 2 760 272 рубля. Причем 729 446 рублей на момент проверки уже поступило в союзный бюджет. Задолженность составляла 774 826 рублей и 26 820 кг натуральных платежей [8, л. 293].

Скот, полученный по репарациям, передавали не только колхозам, совхозам и пострадавшим семьям, но и подсобным хозяйствам учреждений и организаций. Так, в июне 1945 г. для укомплектования подсобных хозяйств торговых организаций города Минска им было передано 200 коров [2, с. 350].

Таким образом, крупный рогатый скот, полученный по репарациям, стал одним из источников восстановления поголовья сельскохозяйственных животных в хозяйствах БССР, он также доминировал в воссоздании племенного животноводства в республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Режим доступа : <http://archives.gov.by/index.php?id=697135>. – Дата доступа : 24.10.2019.
2. *Воронкова, И. Ю.* К вопросу о трофейных и репарационных поставках из Германии в Белорусскую ССР (1945–1948 гг.) / И. Ю. Воронкова // Великая Отечественная война в исторической судьбе белорусского народа : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию победы в Великой Отечеств. войне, Гродно, 4–5 мая 2010 г. / НАН Беларуси [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 342–354.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 821.
4. НАРБ. – Ф. 48. Оп. 10. Д. 3.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 309.
6. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 9. Д. 1037.
7. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 786. Оп. 3. Д. 22.
8. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 9. Д. 1040.
9. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 87.
10. *Бушчык, Г. П.* Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля Другой сусветнай вайны / Г. П. Бушчык // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. пр. удзельнікаў Трэцяй Міжнар. навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г. : у 2 ч. / Магілёўс. дзярж. ун-т харчавання ; рэдкал.: І. А. Пушкін [і інш.]. – Магілёў, 2003. – Ч. 1. – С. 119–127.

**НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК КАК ПРОПУСК В АФРИКУ:
РАБОТА ВЫПУСКНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГПИИЯ
В КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ЗОНАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
(1960–1980)**

В Законе Республики Беларусь «О ветеранах» обозначено 13 иностранных государств, на территории которых наши соотечественники принимали участие в боевых действиях во второй половине XX века. Успешная коммуникация с подсоветной стороной и реализация военных и политических задач оказывалась невозможной без знания языка конкретной страны-союзника. Соответственно, для этого требовалось большое количество переводчиков. Их подготовка, помимо знаменитого «института военных переводчиков» – Военного института иностранных языков (сейчас это Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации), осуществлялась и в гражданских учреждениях высшего образования, одним из которых стал открывшийся в 1948 г. Минский государственный педагогический институт иностранных языков.

В статье мы обозначим основные ключевые моменты становления в институте так называемого военно-языкового направления, используя в качестве основных источников информации протоколы партийных собраний первичной организации КПБ МГПИИЯ 1948–1987 гг. (фонд 1154 Национального архива Республики Беларусь), а также воспоминания тех выпускников института, которым довелось выезжать в качестве переводчиков в воюющие страны и принимать непосредственное участие в боевых действиях. К сожалению, сегодня не все из них официально имеют этот статус.

Немецкий язык вынесен нами в заглавие статье также не случайно. Когда новый институт открылся в составе трех факультетов (английского, немецкого и французского языков) и принял в свои стены первых студентов – в 1949 г. туда поступило 150 человек – то хоть большинство из них и было зачислено на факультет английского языка (75 человек), а меньшинство – на факультет немецкого (30), однако именно немецкий язык был для начинающих лингвистов единственным знакомым. Во-первых, именно его тогда массово преподавали в школах, а во-вторых, многие студенты учили его не по своей воле: среди них отмечено большое количество побывавших в плену или насильно вывезенных в Германию [1, л. 8]. В последующем в учреждении высшего образования продолжалась практика, когда абитуриенты, особенно из сельской местности, сдавали при поступлении немецкий язык, но в последующем с ноля изучали другие – в том числе и те, которые становились билетом в воюющую «одну из развивающихся стран» [2, л. 87; 3, л. 70]. Будущий участник войны в Анголе, выпускник факультета испанского языка С. П. Демидчик при поступлении в МГПИИЯ сдавал именно немецкий язык, а испанский выбрал позже [4, с. 172].

Испанский язык – сначала в лице только одного преподавателя [5, л. 58], позже – в виде отдельной кафедры, позже в формате отделения факультета французского языка – появился в 1952 г. (в документах периодически мелькает формулировка «факультет французского и испанского языков»). Именно специализация на испанском языке оказалась для многих студентов «пропуском» в воюющие страны Африки.

Еще один примечательный момент – это появление в учреждении высшего образования второй языковой специальности. Протоколы партийных собраний сохранили для исследователей достаточно интересные дискуссии на эту тему, датированные 1959 годом: стоит или не стоит вводить в качестве второй специальности второй иностранный язык или оставить русский или белорусский (под предлогом того, что лучше владеть одной специальностью хорошо, нежели двумя плохо) [6, л. 1–2]. Однако именно студенты факультета немецкого языка настояли в каком-то смысле на введении 2-й языковой специальности. Впервые это требование они озвучили на партийном собрании в 1958 г., когда студентка 3 курса Морозова заявила: 95 % студентов ее группы хотели бы в качестве дополнительной специальности изучать английский язык, а такой возможности им не предоставляют, выделяют всего несколько мест и заставляют тянуть жребий [7, л. 130]. Инициатива была удовлетворена.

Военное назначение учреждения высшего образования было обозначено с самого начала. Идея подготовки «специалистов, в совершенстве владеющих иностранным языком, воспитать студента, переводчика или другого специалиста» [1, л. 8], прозвучала уже на первом организационном партийном собрании института – 8 сентября 1948 года. Несмотря на подчеркивание именно педагогической направленности, уже в мае 1949 г. прозвучали требования увеличить в новых наборах числа мужчин именно «в целях обороны» [8, л. 41]. А спустя 10 лет явно обозначились и конкретные географические направления работы выпускников: оказание технической и экономической помощи «странам, которые вышли и выйдут из-под ига капитализма» [7, л. 129–130]. Осенью 1952 г. планировалось организовать 3 стрелковых кружка для студентов [9, л. 72]; позднее постоянно обсуждались проблемы военной подготовки студентов. И тогда же прозвучало предложение организовать на каждом факультете кружки военного перевода: по одному – на факультетах английского и французского языков, а также два – на факультете немецкого языка [Там же].

В ноябре 1962 г. руководство института, «учитывая острую потребность в высококвалифицированных переводчиках», постановило ходатайствовать перед органами КПБ и Министерством высшего образования БССР об открытии в МГПИИЯ переводческого факультета [10, л. 66]. А в декабре 1963 г. отмечалось, что «расширение связей Советского Союза с зарубежными странами потребовали огромного количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки, умеющих работать преподавателями... за рубежом, переводчиками. Это привело к невиданному в прошлом увеличению контингентов всех институтов иностранных языков, в т.ч. и нашего, который теперь каждый год увеличивает число студентов, а следовательно и преподавателей, на одну треть» [5, л. 58].

Именно немецкий язык открыл студентам МГПИИЯ дорогу в зарубежные страны: выезды – сперва только на недельные либо 3–6-месячные стажировки – с 1958 г. начались именно с ГДР, и поехали туда первыми студенты соответствующего факультета. И если верить докладу преподавателя Л. Е. Стариковой на партсобрании, показали они себя там не с лучшей стороны: «не было в достаточной степени чувства гордости за свою Родину» [7, л. 84]. По результатам этих поездок в институте озаботились вопросом «партийного подхода» к подбору переводчиков, обслуживающих иностранные делегации в Минске и советские делегации в ГДР: чтобы студенты не стали «источником экономической информации», преподаватели обязаны были тщательно инструктировать их, «что и как говорить о Советском Союзе, о жизни своего города, деревни, колхоза», а также о чем можно переписываться с иностранцами, а о чем – нет [Там же, л. 125].

Начиная с 1960 г. преподаватели и студенты института стали активно выезжать на стажировки в страны изучаемого языка – сначала европейские. И с этого же года – с ноября – практически на каждом заседании партийного бюро МГПИИЯ утверждались характеристики группам студентов и преподавателей, рекомендованных для работы за границей: в качестве переводчиков – или преподавателей русского языка [11, л. 7]. В состав этих групп входили преимущественно женщины – что не удивительно, ведь их было большинство.

Примечательны варианты формулировок, с которыми утверждались характеристики: «для работы за границей (без указания страны)», «для преподавания русского языка в одной из развивающихся стран», «для работы переводчиком». Страны назначения в протоколах начали указывать с начала 1962 года – и первой названной страной, куда была рекомендована группа студентов факультета английского языка, была Индонезия [12, л. 148].

Первая группа, сформированная «для отправки за рубеж» исключительно из студентов-мужчин, зафиксирована в документах МГПИИЯ в сентябре 1962 года: не названы ни страна назначения, ни цель [Там же, л. 101]. Сроки позволяют предположить их участие в операции «Анадырь», однако подтверждений этому пока не обнаружено. Первую характеристику для военкомата – студенту 1 курса ФАЯ – партбюро утвердило в феврале 1963 года [13, л. 22]. Конкретная же формулировка «для работы в качестве военных переводчиков» появилась в характеристиках студентов МГПИИЯ в сентябре 1964 года: именно так утверждались характеристики 6 студентов 5 курса факультета немецкого языка и 3 выпускников 1964 г. факультета английского языка [14, л. 106]. Страна назначения осталась неизвестной.

В последующем протоколы заседаний партийного бюро МГПИИЯ дают нам очевидную дифференциацию студентов, рекомендованных к отправлению за границу: отдельными списками шли студенты и студентки с указанными странами назначения, и отдельными – с неуказанными. Первыми названными странами, куда рекомендовались переводчики, стали Индия (с сентября 1963 г.) [13, л. 53–54], максимальное число в одном протоколе –

10 человек в декабре 1966 г. [15, л. 89]); Бирма (с сентября 1963 г., не более 1–2 человек в каждом протоколе); Мали (с января 1964 г. [Там же, л. 18]); Пакистан (с марта 1964 – г.; примечательно, что в эту страну рекомендовались только мужчины [Там же, л. 45]); Камбоджа (с октября 1964 г. [14, л. 154]); Алжир (с октября 1964 г. [Там же]; в эту страну направлялись самые большие группы, в 1966 г. вплоть до 26 человек одним списком [15, л. 89]); Сирия (с сентября 1965 г. [16, л. 52]); Египет (с ноября 1965 г.) [Там же, л. 70], в документах обозначен по терминологии того времени ОАР (Объединенная Арабская Республика) до 1971 г. и АРЕ (Арабская Республика Египет) позже); Эфиопия (с ноября 1966 г. [15, л. 65]). Позже в протоколах заседаний партбюро МГПИИЯ появились рекомендации студентов для работы переводчиками в Гвинее (с ноября 1966 г. [Там же]); Афганистане (с декабря 1966 г. [Там же, л. 89]); Сомали (с декабря 1966 г. [Там же]). В декабре 1966 г. секретарь партбюро факультета испанского языка заявил обеспокоенность тем, что студенты-испанисты находятся в менее выгодном положении по сравнению с остальными, поскольку им негде применять разговорные навыки [17, л. 75], а спустя 4 месяца в протоколе появилась первая группа студентов (3 человека), рекомендованных для работы на Кубе [18, л. 25]. С 1970 г. к странам назначения добавились Турция [19, л. 17], Чад [Там же], Камерун [Там же, л. 35], Иран [Там же, л. 90]. В эти же страны преподаватели института и чаще студенты направлялись в качестве преподавателей русского языка. В 1960-е гг. «абсолютным чемпионом» среди стран назначения студентов переводчиками был Алжир; и хотя официально боевые действия в этой стране завершились в 1964 году, еще в течение года там продолжались работы по разминированию территории, потому командировки в эту страну нельзя считать особо безопасными [21, с. 28.]. Боевые действия велись в это время в Египте: только в Законе «О ветеранах» обозначено несколько периодов с октября 1962 по март 1974 год. То же самое можно сказать о Сирии – на интересующий нас временной отрезок пришлось 4 арабо-израильские войны; о Камбодже на протяжении 1970 г. Отдельными блоками с 1965 года в протоколах заседаний партбюро института появляются списки студентов, рекомендованных для командирования за границу именно по линии Министерства обороны СССР: первый такой список (причем без указания фамилий) обозначен 23 декабря 1965 г. [16, л. 76]. Как правило, страна назначения не указывается, что не удивительно: ведь она была не известна до последнего, и более того, от утверждения характеристики до самой поездки могло пройти несколько лет. Ниже мы приведем подобные примеры.

С весны 1967 г. в протоколах заседаний партбюро МГПИИЯ появляются длинные пофамильные списки студентов, которым утверждали характеристики с общей формулировкой «для поездки за границу» или «для работы за рубежом». Например, в протоколе № 4 от 27.12.1967 с факультета французского языка утверждали характеристики 52 студентам – одним списком, и 36 – с факультета английского языка [18, л. 59–60]. В 1970 г. появилась и другая формулировка – «студентов 4 курса, рекомендованных для работы

переводчиками в заграничных командировках в 1971 г.; список прилагается»; сам список при этом отсутствует, количество студентов неизвестно [19, л. 195]. В январе 1970 г. с подобной формулировкой утверждали характеристики 85 студентам, из них 71 – с факультета английского языка [Там же, л. 10]. С середины 1970-х гг. страны назначения практически исчезают из документов – остаются только в случае утверждения характеристик студентов, рекомендуемых для прохождения стажировки, либо если это Куба и Афганистан. Зато появляются большие списки выпускников, рекомендуемых «для работы в качестве переводчиков сроком на 1 год (реже – на 2) в одну из развивающихся стран» [21, л. 20]. С такой формулировкой в феврале 1976 г. утверждены характеристики 50 студентов 5 курса факультетов английского и французского языков, среди которых привлекает внимание фамилия «Е. Н. Ревин»: выпускник ФИЯ воин-интернационалист С. П. Баягин в своих воспоминаниях о службе в Анголе в 1980–1982 гг. упоминал о гибели в транспортном самолете своего сокурсника Евгения Ревина [4, с. 136]. К сожалению, других сведений об этом пока не найдено.

Встречаются и конкретно «военные» формулировки: «в одну из развивающихся стран по линии Министерства обороны СССР в качестве переводчика» или «для службы в ВС СССР и по выезду за границу». С этими формулировками в январе 1976 г. утверждены характеристики 3 преподавателями французского языка [22, л. 2]. В апреле 1977 г. 18 преподавателям и студентам, из них 8 – испанисты [Там же, л. 65]. В июне того же года – 3 преподавателям французского и испанского языков [Там же, л. 91]. В сентябре – 2 преподавателям военной кафедры [Там же, л. 117]. В декабре – 42 студента с конкретной специализацией «для службы в СА в качестве борт-переводчиков» (все языки) [Там же, л. 186]; уточним, что борт-перевод в МГПИИЯ не преподавался. И этим же протоколом – 61 студент, рекомендуемый «к командированию в заграничную командировку» [Там же, л. 187]. Среди последних отмечена фамилия А. С. Шлыка, направленного спустя 2 года в Анголу: его воспоминания о службе в этой стране в качестве переводчика (в том числе борт-переводчика) в 1979–1982 гг. опубликованы (см. [4, с. 137–155]). Еще раз его фамилия упомянута в протоколе от 21 декабря 1978 г. [24, л. 123, 134]. С 1979 г. в документах появляются списки выпускников всех факультетов, рекомендованных конкретно для призыва в Советскую армию на 2 года (первый такой список из 30 имен утвержден протоколом заседания партбюро от 19 декабря 1979 г.) [25, л. 93]; с уточнением – с перспективой выезда за рубеж либо без перспективы. С этого же года выросло количество преподавателей МГПИИЯ, рекомендованных для выезда за границу, в том числе преподавателей военной кафедры. В конце 1980 г. в списке рекомендованных (26 студентов и 2 преподавателей) значится имя преподавателя Виктора Белюкина [26, л. 46] (1942–2009): в 1980–1983 гг. он служил военным переводчиком в Мозамбике, в 1986–1989 гг. – в Анголе. Позже под его началом в Анголе служили его студенты: Сергей Демидчик, Олег Грицук, Александр Штукин и другие. Сергей Демидчик вспоминал

о его отеческом отношении к подчиненным: помощи во время нахождения в боевых округах, в предоставлении отпуска, в бытовом обустройстве [4, с. 182]. Теплые воспоминания сохранили о нем и другие переводчики [27].

Исследование участия выпускников языковых учреждений высшего образования – и конкретно Минского государственного педагогического института иностранных языков – в военных конфликтах второй половины XX века, их работы в зонах боевых действий, только начинается. Многие документы вводятся в научный оборот впервые. Эта тема является очень важной составляющей военной истории Беларуси XX века, его новаторским направлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1154. Оп. 2, Д. 1.
2. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 45.
3. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 51.
4. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе: 1975–1992 / А. В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларус. навука, 2017. – 352 с.
5. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 35.
6. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 27.
7. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 25.
8. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 3.
9. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 12.
10. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 33.
11. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 30.
12. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 34.
13. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 36.
14. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 38.
15. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 42.
16. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 40.
17. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 41.
18. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 44.
19. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 50.
20. *Окороков, А. В.* Секретные войны СССР : Самая полная энциклопедия / А. Окороков. – М. : Яуза, Эксмо, 2014. – 736 с.
21. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 61.
22. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 63.
23. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 65.
24. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 67.
25. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 70.
26. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 72.
27. Союз ветеранов Анголы: официальный сайт // Архив гостевой книги: октябрь 2009. – Режим доступа : <https://www.veteranangola.ru/main/arhivgostevoy/god2009/october>. – Дата доступа : 16.04.2021.

КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ НЕМЕЦКИХ ЗЕМЕЛЬ КАК ИНСТИТУТ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Союзническая оккупация Германии привела к ликвидации центральных немецких органов власти и сосредоточению управления преимущественно на уровне земель или оккупационных зон. В условиях не только зонального разобщения, но и ограничений перемещения немецкие политики предпринимали различные способы межзональной коммуникации с целью постепенного восстановления политического единства страны. Помимо партийной консолидации и межпартийного диалога, общение между собой выстраивали и представители земельных органов власти. В первую очередь, это касалось премьер-министров земель. Ведая преимущественно хозяйственными вопросами, они располагали ограниченным административным ресурсом, а также поддержкой региональных элит. Важной составляющей их работы был коалиционный состав земельных правительств, благодаря чему премьер-министры могли легко взаимодействовать с различными политическими силами и вести надпартийную линию [10, с. 297–298, 302]. Происходившие встречи глав правительств земель западных оккупационных зон характеризовались также устойчивым составом участников, довольно продолжительным опытом совместной работы и достижения компромиссов, оказывая тем самым серьезное воздействие на многие ключевые решения оккупационного периода.

Первые межзональные конференции были созваны еще в начале 1946 г. между представителями американской и британской оккупационных зон и до середины 1947 г. проводились исключительно в бizonaльных рамках. Преимущественно обсуждались вопросы, непосредственно входящие в компетенцию земельных правительств (в основном хозяйственные дела) и требовавшие при этом межзональной кооперации. Однако, помимо этого, участники безуспешно пытались договориться о создании межзонального органа земельных правительств, представляющего немецкие земли. Представители южногерманских земель настаивали на максимально децентрализованной форме устройства и строго федералистском сценарии развития, потому наиболее оптимальной для межзональной координации считали модель Совета земель (Länderrat) американской зоны (т.е. в виде органа из премьер-министров); в британской зоне, в свою очередь, склонялись к преимущественно партийному принципу представительства [Там же, с. 291–292].

Новый импульс формату конференций премьер-министров земель придала знаменитая речь американского госсекретаря Дж. Бирнса 6 сентября 1946 года. В ней не только провозглашалось будущее экономическое объединение американской и британской зон, но и содержались призывы к советским и французским властям присоединиться к этому процессу. Дж. Бирнс также подчеркнул необходимость формирования временного центрального правительства, которое могло бы заключить мирный договор

и выработать будущую конституцию. При этом состоять оно должно было из премьер-министров земель [4, р. 496–501]. В речи Дж. Бирнса одновременно обозначились не только готовность предпринять практические шаги к объединению оккупационных зон, но и американский подход к конституированию объединенной Германии, которому как раз в наибольшей степени соответствовал уже существующий формат межзональных конференций премьер-министров земель.

Заявление госсекретаря США побудило главу Бремена В. Кайзена инициировать созыв в своем городе новой конференции премьер-министров на 4–5 октября 1946 года. Она уже задумывалась как первая встреча глав правительств всех оккупационных зон. Однако идея не вызывала отклика у советской и французской сторон, чьи военные администрации даже не пустили на конференцию своих премьер-министров. Французы считали преждевременным пробуждать чувства германского единства, а СВАГ была встревожена продвижением федералистской идеи [5, р. 52]. Таким образом, встреча не вышла за бizonальные рамки, а ее рекомендации о федералистском решении германского вопроса и позиционировании конференции как одной из форм национального представительства серьезного политического воздействия не имели.

Одновременно стала обозначаться несовместимость советского и американского подходов к формированию центральных общегерманских органов. СССР настаивал на скорейшем проведении общегерманских выборов по пропорциональной системе, а временное правительство рассматривал как орган с участием демократических партий и профсоюзов. Особенно отчетливо эти противоречия проявились на Московской сессии СМВД (март–апрель 1947 г.) [10, с. 296–297]. В этой связи бizonальные конференции премьер-министров рассматривались советской стороной как механизм продавливания американского видения конституирования Германии, способ отстранения широких народных масс от управления и сосредоточение всей власти в землях, что могло стать прямым путем к расчленению Германии. Параллельно СВАГ и СЕПГ взяли курс на постепенный отказ от федеративной модели.

Разница в подходах союзников отражалась и на политических партиях, и на позиции земельных правительств, что особенно ярко было продемонстрировано на Мюнхенской конференции премьер-министров 6–7 июня 1947 года – единственной встрече, которая в первый и последний раз до раскола Германии смогла уже реально собрать за одним столом глав земельных правительств. Ее ход отчасти копировал «большие» переговоры Востока и Запада [9, с. 185]. Премьер-министры советской зоны отказались от участия в конференции уже на предварительном обсуждении повестки, центральным пунктом которой они предложили сделать формирование «немецкого центрального управления путем согласия демократических партий и профсоюзов на создание единого немецкого государства». Западногерманские коллеги отклонили данное предложение, призвав сосредоточиться на вопросах, по которым возможно реальное достижение

компромисса (экономические и продовольственные проблемы, снятие межзональных барьеров, оккупационное право, положение беженцев, возвращение военнопленных, денацификация). После отъезда восточно-германской делегации из Мюнхена СЕПГ начала масштабную чистку федералистов в своих рядах и избегать подобных форумов с «западниками». В июле 1947 г. руководство партии окончательно осуществило поворот к политике создания движения народного конгресса в качестве основной формы борьбы за германское единство. Мюнхенская конференция являлась не столько последней попыткой наладить общегерманский диалог, сколько последней крупной демонстрацией несовместимости воззрений политиков на Западе и Востоке Германии по вопросу дальнейшего конституционного развития [10, с. 298–300].

Сама Мюнхенская конференция, которая прошла уже только при участии западногерманских глав земельных правительств, стала точкой отсчета тризональной интеграции и пересмотра французскими оккупационными властями прежней изоляционистской политики. Кроме того, проявленные в Мюнхене способности премьер-министров находить конструктивные решения в условиях существовавших ограничений, выработать программу конкретных действий, уравнивать федералистские и централистские силы, подключать к диалогу партийную элиту всё больше вызывали интерес у западных союзников. Во второй половине 1947 г. конференции премьер-министров подключают к обсуждению всех крупных реорганизаций Бизонии и они замыкаются исключительно на западногерманских проблемах [Там же, с. 301]. При этом главы земельных правительств строго контролировались союзниками и руководством своих партий и ввиду двустороннего давления часто на своих конференциях принимали решения рамочного или обтекаемого характера.

Новым этапом утверждения конференций премьер-министров земель стали итоги Лондонской сессии СМВД (25 ноября – 15 декабря 1947), на которой, с одной стороны, СССР и западные союзники в очередной раз показали несовместимость своих подходов к достижению германского единства; с другой стороны, Великобритания и США приняли решение еще больше углубить бizonальную интеграцию и сближение с французской зоной. Для этого во Франкфурте 7–8 января была созвана конференция с участием представителей военных администраций, премьер-министров и функционеров бizonальных органов. Следствием крупной реорганизации Бизонии на Франкфуртской конференции стали регулярные совещания немецких политиков и оккупационной администрации, а принятие решений всё меньше носило односторонний характер [1, S. 40].

В начале 1948 г. заметно расширились и форматы участия премьер-министров в межзональной политике Западной Германии. Среди них: 1) конференции с военными губернаторами и главами бizonальных органов; 2) совещания с военными губернаторами; 3) конференции премьер-министров земель американской, британской и французской зон; 4) заседания Совета земель Объединенной экономической зоны, куда входили и премьер-министры.

Различные форматы работы премьер-министров на межзональном уровне позволяли им принимать участие в обсуждении практически всех ключевых проблем западных зон оккупации. Подобное положение выгодно отличало глав региональных правительств от других немецких субъектов власти. Координационную функцию для всех вышеперечисленных форматов выполняли трехзональные конференции, на которых согласовывалась общая стратегия деятельности премьер-министров. По этой причине за отсутствием конституции именно конференции стали связующим звеном, с которого начиналось формирование конституционного аппарата [7, S. 70].

14 мая 1948 г. на специальном совещании военных губернаторов американской и британской оккупационных зон с премьер-министрами последним была обещана особая роль при подготовке конституции и учредительного собрания. Отныне главы земельных правительств стали основным переговорным партнером западных союзников, совещания с ними проходили каждый месяц, а обсуждения носили характер подготовительного этапа принятия решений [11, с. 376]. В центре внимания находились, как правило, проблемы земельного законодательства (строительство жилья, распределение беженцев, финансовое выравнивание), однако все чаще обсуждались и внешнеполитические вопросы, в частности изменение земельных границ, оккупационный статут, возвращение военнопленных и Рурский статут [1, S. 502–514, 598–618, 823–830, 906–914, 963–971; 2, S. 133–146, 251–263, 329–336, 398–407, 488–495, 689–698, 977, 985, 1091–1109].

Важность института трехзональных конференций премьер-министров, где чаще всего обсуждали механизмы выполнения рекомендаций военных губернаторов, была также связана с необходимостью дальнейшей интеграции французской зоны. Ее представители не могли полноценно участвовать в реорганизованных бizonaльных органах власти, располагая там лишь правом совещательного голоса. Потому именно конференции премьер-министров были фактически единственной трехзональной площадкой с немецкой стороны, которая могла решать проблемы присоединения французской зоны к бizonaльным структурам [11, с. 376–377].

Высшей точкой влияния института конференций премьер-министров стали события вокруг обсуждения «Франкфуртских документов», принятых после Лондонского совещания шести держав (февраль – июнь 1948 г.), на нем западные союзники окончательно выбрали курс на создание сепаратного западногерманского государства. Именно главы земельных правительств первыми с немецкой стороны получили рекомендации союзников 1 июля 1948 г. и могли вносить в них частные поправки, не имея возможности предлагать изменения фундаментального характера [3, S. 338].

Выбор премьер-министров в качестве основного переговорного партнера был обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, резко отрицательно на «Франкфуртские документы» отреагировали партийные лидеры, немецкая общественность и СМИ, которых возмущал раскол Германии, международная юрисдикция над Руром и передача Саара под контроль Франции, что воспринималось как расчленение страны [9, с. 275–276].

Во-вторых, в отличие от органов Бизонии компетенция земельных правительств отчасти затрагивала политические вопросы и основывалась уже на принятых земельных конституциях, тем самым позволяя им выступать в качестве легитимных представителей немецкого народа. Важным было еще и то, что организация выборов в учредительное собрание, которое предусматривалось «Франкфуртскими документами», ложилось на плечи именно земельных властей. В-третьих, преследуя цель выстроить будущее государство на федеративной основе, союзники рассматривали премьер-министров как естественную уравнивающую силу в отношении централистских тенденций многих партийных лидеров и функционеров Экономического совета Бизонии.

Обсуждению «Франкфуртских документов» были посвящены конференции премьер-министров в Кобленце (8–10 июля 1948) и Нидервальде (15–16, 21–22 июля, 31 августа 1948). Рассмотрение союзнических рекомендаций проходило в тесном контакте с партийными лидерами и с военными губернаторами. С последними переговоры проходили особенно сложно и даже неоднократно могли закончиться провалом [3, S. 55–56]. На Нидервальдской конференции премьер-министрам удалось всё-таки убедить западных союзников несколько скорректировать рамочные условия образования западногерманского государства: вместо конституции принять «основной закон», вместо утверждения его референдумом ограничиться ратификацией ландтагами, вместо Национального собрания созвать Парламентский совет [8, S. 273–282]. Фактически в Кобленце и Нидервальде премьер-министры были лишены самостоятельного позиционирования в качестве защитника земельных интересов и оказались в положении медиатора между партийными лидерами и союзниками, имея изначально скромные возможности для политического маневра. Выполняя роль некоего связующего звена между партиями, бизональными функционерами и военными губернаторами, главы земельных правительств для достижения компромиссов всё чаще вынуждены были поступаться собственными интересами.

После июльских решений 1948 г. и созыва Парламентского совета инициатива в конституировании Западной Германии окончательно перешла к партийным лидерам. Однако регулярные конференции премьер-министров продолжали оказывать влияние на процесс формирования западногерманских государственных институтов вплоть до осени 1949 года. Так на конференции в Нидервальде 22 июля 1948 г. было принято решение предложить Парламентскому совету конституционный проект с федеративной основой. Для этого по инициативе баварского премьер-министра Г. Эхарда 10–23 августа 1948 г. был организован конвент в баварском местечке Херренхимзее, работа которого велась экспертами по конституционному праву. Конвент завершился подготовкой отчета и конституционного проекта с ярко выраженным федералистским уклоном. На очередной конференции в Нидервальде 31 августа 1948 г. мнение премьер-министров разделилось по вопросу поддержки проекта и ему было отказано в статусе правительственных предложений. Однако собранные проекты были переданы в Парламентский совет и явились первоначальной основой для дальнейших

обсуждений. Тем самым были заданы не только организационные, но и содержательные рамки для будущих дискуссий вокруг Основного закона [11, с. 383–384].

После 1 сентября 1948 г. главы земельных правительств официально позиционировали свое невмешательство в дела Парламентского совета и его исключительную компетенцию в разработке Основного закона. Вместе с тем они продолжали активно наблюдать за его работой, в том числе и обсуждать ход дебатов на своих конференциях, особенно когда это касалось земельных интересов (границы земель и финансовая конституция). Отдельные премьер-министры даже прямо вмешивались в содержание дискуссий Парламентского совета, особенно когда речь шла о проблемах федерализма. К примеру, фракция ХСС была очень тесно связана с баварским правительством и зачастую представляла его интересы. Когда на начальном этапе обсуждения ХДС и ХСС не смогли договориться по спорным вопросам федеративного устройства, премьер-министр Баварии Г. Эхард напрямую вел переговоры с социал-демократами. Однако отстаивать позиции строгого федерализма баварцам так и не удалось, поскольку СДПГ была заинтересована в более централизованной форме федерации, заручившись к тому же поддержкой оккупационных властей [6, S. 56, 63–65].

После принятия Основного закона значительную роль премьер-министры сыграли в подготовке к формированию новых конституционных органов власти ФРГ, восполняя образовавшийся временный вакуум центральных органов. Для выполнения определенных задач создавались неформальные рабочие комитеты (организационный, юридический, финансовый, технический), которые вели подготовительную работу по определенным направлениям. В частности, разрабатывались первые законы о государственной службе и политических партиях, проводилась подготовка к переезду в Бонн и выделению соответствующей и офисной, и жилой площади, были даны первые толкования Основного закона, выработаны практические предложения по учреждению Конституционного суда, сверстан первый федеральный бюджет на переходный период, даны рекомендации по горизонтальному финансовому выравниванию между землями, были разработаны первые проекты разграничения компетенции между министерствами, произведена подготовка к выборам в Бундестаг и учреждению Бундесрата [2, S. 540–546, 566–561, 619–648, 657–677, 699–786, 795–871, 882–887, 924–976, 1059–1091]. Предложения рабочих комитетов аккумулировались на конференциях премьер-министров, а после проведения выборов в Бундестаг были направлены новым федеральным органам.

Таким образом, конференции премьер-министров германских земель являлись важнейшим политическим феноменом для становления государственного строя Боннской республики и процесса формирования федеральной власти. Большую заинтересованность в этом институте как противовесе партийным лидерам проявляли западные союзники, и прежде всего США. Именно премьер-министры являлись по факту связующим звеном между союзниками, политическими партиями и бizonaльными

органами власти. Это позволяло им не только способствовать достижению компромисса между этими тремя сторонами, но и отчасти компенсировать отсутствие необходимых центральных учреждений. Однако такое положение медиатора между различными субъектами власти не позволяли в конечном счете премьер-министрам проводить самостоятельную политику и полноценно стать выразителем региональных интересов. В итоге с учреждением Боннской республики и формированием Бундесрата как органа представительства земель надобность в конференциях глав земельных правительств окончательно отпала, поскольку ранее решаемые ими задачи отныне брали на себя готовые федеральные структуры. В начале 1950-х гг. усилиями Г. Эхарда конференции вновь будут пытаться реанимировать, но уже в качестве органа взаимодействия между германскими землями [7, S. 74].

ЛИТЕРАТУРА

1. Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949 / bearb. von Ch. Weisz, H.–D. Kreikamp, B. Steger ; hrsg. von Bundesarchiv und Inst. für Zeitgeschichte. – München : Oldenbourg, 1983. – Bd. 4 : Januar 1948 – Dezember 1948 – 1076 S.
2. Akten zur Vorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949 / bearb. von H.–D. Kreikamp ; hrsg. von Bundesarchiv und Institut für Zeitgeschichte. – München : Oldenbourg, 1981. – Bd. 5 : Januar 1949 – September 1949. – 1160 S.
3. *Blank, B.* Die westdeutschen Länder und die Entstehung der Bundesrepublik: Zur Auseinandersetzung um die Frankfurter Dokumente vom Juli 1948 / B. Blank. – München : Oldenbourg, 1995. – 375 S.
4. The Department of State bulletin (Washington, D. C.). – Vol. XV. – № 376 (September 15, 1946). – P. 496–501.
5. *Dorondo, D. R.* Bavaria and the German federalism : Reich to republic, 1918–33, 1945–49 / D. R. Dorondo. – N. Y. : St. Martin's Press, 1992. – XIX, 165 p.
6. *Lange, E. H. M.* Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 2 : Der Einfluß der Ministerpräsidenten auf den Parlamentarischen Rat / E. H. M. Lange // Geschichte im Westen. – 1990. – Jg. 5. – H. 1. – S. 55–68.
7. *Leusser, C.* Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945 / C. Leusser // Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard. – München : R. Pflaum, [1957]. – S. 60–84.
8. Der Parlamentarische Rat, 1948–1949 : Akten und Protokolle. Bd. 1, Vorgeschichte / bearb. von J. V. Wagner. – Boppard am Rhein : Boldt, 1975. – LXXXVII. – 457 S.
9. *Космач, В. А.* Германия и германский вопрос в 1945–1949 гг. : страницы истории и оценки историков / В. А. Космач. – Витебск : ВГУ имени В. П. Машиера, 2017. – 338 с.
10. *Попов, И. Д.* Конференции премьер-министров германских земель в 1945–1947 годах как предпосылка становления Федеративной Республики Германия / И. Д. Попов // Научный диалог. – 2020. – № 12. – С. 290–307.
11. *Попов, И. Д.* Конференции премьер-министров германских земель в 1948–1949 годах и их политическое значение / И. Д. Попов // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 371–391.

МИНСК И МИНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август 1914 – сентябрь 1915)

Первая мировая война 1914–1918 гг., развязанная правящими кругами двух группировок империалистических держав – Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанты (Англия, Франция, Россия), не явилась полной неожиданностью для белорусских губернских и уездных властей. Нестабильность миропорядка в Европе тут была замечена задолго до начала военного конфликта. Минский губернатор Я. Е. Эрдели еще 11 марта 1912 г. под грифом «Совершенно секретно. Циркулярно» сообщал полицмейстерам и уездным исправникам губернии о том, что «по подготовительным работам учреждений Красного Креста и воинских частей, квартирующих в г. Минске, можно предположить, что политический горизонт омрачен некоторыми разногласиями соседних с нами государств и что при всем нежелании войны, наша империя может очутиться в таких условиях, при которых нельзя будет уклониться от военных действий». Губернатор предписал полицейским властям «немедленно дополнить, поправить, слить и согласовать все свои подготовительные работы [по мобилизации] с работами местных уездных по воинской повинности присутствий, приняв меры к тому, чтобы эти работы... находились в полном порядке...» [1, л. 30].

В связи с этим в г. Минске и губернии активизировалась работа военных и полицейских властей по уточнению и совершенствованию мобилизационных планов, отрабатывались временные рамки мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, оповещения их и населения путем проведения «учебных» мобилизаций и решения всех связанных с этим вопросов.

Минским городским полицейским управлением был разработан «Перечень работ во время мобилизации и соображения о мерах для поддержания порядка при мобилизации», а также составлен «Список расквартирования» в полицейских участках г. Минска войсковых частей. Из этого документа видно, что накануне войны в Минске квартировались штаб 4-го армейского корпуса, входившая в его состав 30-я пехотная дивизия со своими 119-м Коломенским и 120-м Серпуховским пехотными полками, 30-я и 76-я артиллерийские бригады, другие подразделения [Там же, л. 35–36, 76].

Телеграфное сообщение о мобилизации из Петербурга в Минск, поступило вечером около 22 часов 17 июля. Оно не застало врасплох губернские и уездные власти. Минский полицмейстер в течение двух часов нарочным порядком разослал участковым приставам города заранее заготовленные «особые красные конверты» с объявлениями для населения и личного оповещения мобилизуемых. По распоряжению Минского уездного воинского начальника началась организация и оборудование сборного пункта для приема и осмотра мобилизуемых, временного их расквартирования и обеспечения

порядка. Явка чинов запаса в соответствии с предписанием была назначена на 8 часов утра 18 июля. Минский уездный воинский начальник полковник Горбачёв отдал распоряжение установить «подвижной забор» у места сбора мобилизуемых чинов запаса «на улицах Монастырская и Мало-Монастырская» для прекращения на них движения и назначить на сборный пункт и в районы расквартирования запасных нижних чинов наряды полиции для поддержания порядка [2, л. 11, 19, 20].

Благодаря разработанным и «отрепетированным» на практике правилам, мобилизация в Минске была проведена оперативно и в полном порядке. Единственным недостатком, по словам старшего врача Минского местного лазарета, в котором мобилизуемые проходили медицинскую комиссию, можно считать, что их «родственники и знакомые, несмотря на запрещение, буквально осаждали с целью свидания с испытуемыми и целыми часами простаивали у запертых ворот, нарушая тишину и спокойствие».

Но и в этом был установлен порядок, так как старший врач уже 21 июля обратился к минскому полицмейстеру с просьбой «для восстановления необходимого порядка работы лечебного заведения и предотвращения нарушения необходимой тишины» назначить полицейский пост к лазаретным воротам со стороны Госпитальной улицы [Там же, л. 80].

Прошедшие медицинскую комиссию и признанные годными к военной службе направлялись на пополнение квартировавшихся в Минске воинских частей: 4-го армейского корпуса, 30-й пехотной дивизии в составе 119-го Коломенского и 120-го Серпуховского пехотных полков, 30-й и 76-й артиллерийских бригад, других подразделений. Там новобранцы проходили кратковременное обучение по строевой, боевой и огневой подготовке [Там же, л. 78, 87]. Одновременно с пополнением и формированием войсковых частей в соответствии с военно-конской и обозной повинностью производилась мобилизация перевозочных средств (лошадей, повозок и упряжи). Один из сборных пунктов находился на Троицкой горе – Троицкая базарная площадь, прием лошадей, повозок и упряжи осуществлялся специально созданной комиссией с 18 по 24 июля.

В срочном порядке производилось комплектование и подготовка к отправке к местам сосредоточения и развертывания войск артиллерийских средств, вооружения и обозов.

На территории Минской губернии мобилизация чинов запаса также производилась оперативно и в установленные сроки. Ими пополнялись дислоцировавшиеся в Несвиже 40-я артиллерийская бригада, в Барановичах – 6, 9 и 10-й железнодорожные батальоны, в Бобруйске – 157-й Имеретинский и 158-й Кутаисский пехотные полки, 12-й обозный батальон и были сформированы новые 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й пехотной дивизии [3, с. 16].

После укомплектования войсковых частей личным составом в ряде уездов Минской губернии на сборных пунктах оставался излишек мобилизованных. Уже начиная с 22 июля в штаб Виленского военного округа

об этом сообщали воинские начальники из Минска, Борисова, Бобруйска, Игумена, Мозыря, Речицы, на сборных пунктах которых в общей сложности насчитывалось около 4 500 мобилизованных. Причем их численность продолжала увеличиваться. Например, только в Речице излишек на 26 июля составлял более 2 000 человек. Воинский начальник был озабочен их размещением, просил «спешный наряд на большее количество, чтобы избежать задержки запасных на сборном пункте», так как «сборный пункт для ратников и запасных тесен» [3, с. 18].

В ответ начальник штаба округа распорядился «излишек пока задерживать при управлениях для пополнения недоукомплектованных ещё воинских частей». В соответствии с этим распоряжением уже в ночь на 24 июля из Бобруйска была отправлена команда в 500 человек на комплектование 171-го Кобринского пехотного полка в Гродно. Из Речицы были отправлены 500 человек на комплектование 108-го пехотного Саратовского полка в Белую Олиту. Кроме того воинскому начальнику штабом округа предписывалось немедленно отправить 200 человек в виленскую хлебопекарню, 291 запасных пехоты – начальнику стрелковой бригады в Сувалки, 300 пехотинцев – в Симно, 300 человек» передать в Вильно офицеру 107-го Троицкого пехотного полка; в общем количестве по состоянию на 28 июля, по сообщению воинского начальника, из Речицы было отправлено на доукомплектование частей в Виленской губернии 1 017 запасных нижних чинов [4, л. 115, 124–125].

Кроме пополнения дислоцировавшихся на территории Минской губернии и формирования новых полков действующей армии здесь, в соответствии с мобилизационным расписанием формировались 23 дружины государственного ополчения. Согласно «Положению об устройстве государственного ополчения» их формирование началось на шестой день мобилизации, т.е. после того, как в основном были сформированы части действующей армии. Дружинам присваивались общие номера, причем к номеру дружины добавлялось название губернии: Минская. Формирование дружин и команд производилось при управлениях уездных воинских начальников, а также при войсковых частях. Их обучение начиналось уже по прибытии первых партий ратников офицерами с помощью унтер-офицеров, ранее проходивших войсковую службу [3, с. 29].

Из-за недостатка офицеров при формировании ополченских частей возникли сложности с назначением на командные должности, особенно на должности низшего звена. Об этом свидетельствуют сообщения уездных воинских начальников в штаб военного округа. В связи с этим последовали указания Главного управления Генерального штаба (ГУГШ I) призвать всех отставных офицеров, перешедших предельный возраст, но годных к службе по состоянию здоровья и пожелавших добровольно служить в ополчении. Об этом был уведомлен минский губернатор и это позволило решать вопросы с недостающим контингентом офицерского состава, так как последовали добровольцы – старшие и младшие офицеры [Там же, с. 21].

На должности младших офицеров в дружины государственного ополчения назначались вольноопределяющиеся ратники с образованием 1-го или 2-го разряда, а также не проходившие службы в войсках, но имевшие образовательный ценз. Предпринятыми мерами властям в основном удалось решить проблему с комплектованием ополченских дружин и других подразделений командным составом. Об этом 17 августа сообщал в штаб военного округа минский губернатор [5, л. 593].

Мобилизационным расписанием была предусмотрена поставка от населения технических средств передвижения: автомобилей и мотоциклов. В дни мобилизации такая поставка производилась по заранее составленным учетным спискам с 9 часов утра 21 по 26 июля. Для приема от населения Минской губернии автомобилей и мотоциклов по распоряжению командующего 1-й армией в Минске была создана комиссия под председательством уездного предводителя дворянства. Сразу же было отдано распоряжение полицмейстеру и приставам объявить всем владельцам Минска к 9 часам утра 26 июля прибыть на сдаточный пункт – Троицкую базарную площадь. Поставщиками являлись зажиточные владельцы: помещики, купечество, мещане. Количество поступивших в основном легковых автомобилей было незначительным. По Минску и Минской губернии было принято 28 автомобилей (в основном марки «Мерседес», «Опель», «Форд») и 13 мотоциклов. Неисправные и непригодные для войск возвращались владельцам [2, л. 103–136].

Следует сказать, что мобилизация чинов запаса и ратников ополчения в Минской губернии в основном прошла в установленные сроки и в законопослушании. Хотя имели место случаи проявления социально-классового антагонизма, выразившегося в буйствах и погромах, насильственных акциях мобилизованных крестьян по отношению к помещикам, особенно там, где были застарелые конфликты на почве потрав и захватов сенокосов, лесных порубок. Также недовольство мобилизованных было вызвано запретом властями продажи спиртных напитков и закрытием всех казенных и частных лавок в местах расположения сборных пунктов и по пути следования. Погромы помещичьих имений и винных лавок в Минской губернии имели место в Мозырском, Игуменском и Новогрудском уездах. Все эти разбойного и преступного характера действия совершались под влиянием морально-психологического заблуждения во вседозволенности и безнаказанности в условиях военной обстановки [3, с. 26].

Соединения и части, дислоцировавшиеся на территории Минской губернии, спешно выдвигались в места сосредоточения и развертывания для начала военных действий. В частности, квартировавшийся в Минске штаб 4-го армейского корпуса уже в конце четвертого дня мобилизации, вечером 21 июля, производил погрузку на железнодорожной станции Минск для отправления к границам Восточной Пруссии. По прибытии эшелона в пункт Меречь командование в тот же день, 24 июля, произвело рекогносцировку местности с целью предстоящего выдвижения войск. 26 июля была «закончена

высадка» управления 30-й пехотной дивизии и бригады 40-й пехотной дивизии в Друскениках, 28 июля – 120-го пехотного Серпуховского полка в Друскениках, 30-й и 40-й артиллерийских бригад – в Гродно [7, л. 20, 62, 64].

Выступившие из пределов Минской губернии пехотные дивизии и артиллерийские бригады влились в состав 1-й армии Северо-Западного фронта. Принимали участие в сражениях 1914 г. в Восточной Пруссии и на территории Царства Польского. Имели успехи и неудачи. Причинами последних являлись поспешность выступления в места сражений в угоду союзной Франции, военно-техническая отсталость русских войск перед противником, плохое управление войсками. Все это привело к большим потерям и отступлению русских армий под ударами противника вглубь своей территории весной – летом 1915 года.

В начале отступления, с целью замедлить продвижение противника, лишить его возможности использовать в своих целях людские, производственные и продовольственные ресурсы, Верховное командование русских войск прибегло к применению тактики «выжженной земли» на оставляемой территории. Население насильственным образом снималось с насиженных мест и обращалось в беженцев. Все оставляемое имущество и посеы уничтожались военными и гражданскими властями. Сотни тысяч семей, захватив с собой самое необходимое, на повозках, а большей частью пешком порядком, двигались на восток. Уже в начале июля 1915 г. начальник Минского военного округа барон Рауш фон Траубенберг был извещен о направлении в Минскую губернию 150 тысяч беженцев только из Плоцкой губернии, о таком же количестве отправленных сообщал варшавский генерал-губернатор, сюда же направлялись беженцы из Люблинской губернии и Волыни [3, с. 157].

Следует сказать, что Минская губерния, как самая большая из белорусских губерний по территории, занимавшая центральную и южную части белорусских земель, приняла на себя наибольший поток беженцев с их повседневными проблемами. Уже 4 июля министр МВД князь Н. Б. Щербатов в телеграмме губернатору Минской губернии А. Ф. Гирсу предложил «немедленно выяснить места, где выселяемые могли бы найти... приют и заработок», определить виды и объемы работ, организовать в губернском и уездных городах комитеты с широким привлечением «лиц могущих оказать пользу», возложив на них заботу о помещении, питании и врачебно-санитарной помощи беженцам [8, л. 498].

Власти Минской губернии проводили большую организационную работу по оказанию помощи беженцам. Вопрос об их размещении был рассмотрен на Особом совещании 5 июля, на котором было определено, что для этого пригодны только шесть уездов – Минский, Слуцкий, Игуменский, Борисовский, Бобруйский и Новогрудский, так как в Пинском, Мозырском и Речецком уездах наблюдались случаи заболевания холерой. Предводителям дворянства благополучных в санитарном отношении уездов было рекомендовано «создать экстренные совещания» ранее образованных комитетов

по оказанию помощи беженцам для разработки планов размещения и трудоустройства беженцев, наметить маршруты их передвижения из Барановичей в назначенные уезды. Также местным властям предписывалось оборудовать на станции Барановичи продовольственный, врачебный и изоляционно-распределительный пункты для их обслуживания и «рассеивания» в уездах губернии; «озаботиться принятием исчерпывающих мер» по предоставлению беженцам работы в местах их размещения [3, с. 159].

С ростом потока беженцев в июле – августе 1915 г. губернские и уездные власти были поставлены перед необходимостью организации врачебно-санитарных отрядов для их обслуживания на пути следования по Московско-Брестскому шоссе от границ Гродненской до Могилёвской губерний и создания питательных пунктов в Синявке, Лубенце, Киевичах, Лядках, Слуцке, Горках, Бобруйске, а также по линии Александровской ж.д. – на станциях Барановичи, Столбцы, Минск, Ново-Борисов; Полесской ж.д. – в Пинске, Лунинце, Житковичах, Мозыре, Калинковичах и Либаво-Ромеской ж.д. – в Минске, Осиповичах, Бобруйске. Беженцев, следовавших в Смоленскую губернию железной дорогой через Минскую губернию, обеспечивали питанием военное ведомство, а врачебной помощью – военно-санитарный надзор и врачи железнодорожного ведомства [Там же, с. 161].

На заседании Минского отделения Татьянинского комитета 5 августа 1915 г. при рассмотрении вопроса об оказании помощи пострадавшим от войны председатель отделения, губернатор А. Ф. Гире в своем докладе, обрисовав движение беженцев, которое, по его словам, «с половины июля приняло огромные размеры», сообщил о принятых организационных мерах по открытию и оборудованию в пределах губернии врачебно-питательных пунктов, расселению беженцев по селам и деревням, их трудоустройству, обеспечению планомерного передвижения следовавших транзитом. В проведении этих мероприятий он отметил оказанную финансовую помощь отделению Центральным Татьянинским комитетом и из военного фонда. Выступивший затем заместитель главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта член Государственной думы А. Зарин признал, что принятые в Минской губернии меры по призрению беженцев следует считать «пока достаточными для удовлетворения их первых запросов», но в дальнейшем это «должно самым быстрым образом получить возможно широкое развитие», так как в связи с «условиями переживаемых на театре военных действий событий число беженцев ежедневно растёт и немедленная эвакуация их необходима в интересах нашей армии» [8, л. 561].

В завершение работы совещания было принято решение открыть дополнительно к ранее созданным по Московско-Брестскому шоссе врачебно-продовольственным пунктам чайные с выдачей горячей пищи и хлеба в Городище, Лубенце, Лядках, Слуцке, Олехновичах и Симоновичах; больницу с отделением для заразных больных в Новых Дорогах, построить новые или арендовать для нужд беженцев имеющиеся в Слуцке и Бобруйске бани. Решались вопросы об аренде прилегавшего к шоссе луга и пастбища,

о покупке фуража для лошадей и скота беженцев, ремонте перевозочных средств, устройстве колодцев с питьевой водой; о немедленном командировании на линию шоссе пяти врачебно-санитарных отрядов в Остров, Киевичи, Слуцк, Горки и Бобруйск.

Ставился вопрос о строительстве барака с кухнями и прачечной и обустройстве больницы для беженцев в Минске, о постройке барачков и поиске наемных помещений для жилья, устройстве больниц в уездах губернии. Проявлялась забота об организации снабжения теплой одеждой, лекарствами и молоком для малолетних в местах проживания семей беженцев.

К осени 1915 г. «беженский процесс» в центральной части Беларуси – Минской губернии – достиг огромного размаха. В ранее образовавшиеся потоки беженцев из губерний Царства Польского и Волыни влились беженцы из Гродненской губернии. Огромное их скопление образовалось в Минске и его окрестностях, достигшее, по словам минского губернатора, «нескольких десятков тысяч с детьми, повозками, лошадьми и рогатым скотом». Только на привокзальной территории их скопились более 6000 человек, в надежде уехать на поездах в глубинные районы империи [8, л. 753]. Однако это не всегда удавалось, так как следовавшие через Минск железнодорожные составы были переполнены перевозками военных грузов, эвакуируемых учреждений и оборудования предприятий. Чтобы облегчить положение несчастных людей губернскими властями было «признано необходимым устроить» близ вокзала в бывшем помещении склада убежище для них. Одновременно ставился вопрос перед военными властями о «крайне необходимой подаче хотя бы по одному поезду в сутки» на ж.д. станцию Минск, а также в Старые Дороги и Бобруйск, где было «огромное скопление безлошадных беженцев, достигающее многих десятков тысяч» [Там же, л. 759].

С наступлением осенних холодов положение переселенцев стало еще более критическим. Было очевидно, что без организации перевозок беженцев железнодорожным путем эту проблему не решить. Наконец, 1 октября 1915 г. в Могилёве в Ставке Верховного главнокомандующего состоялось совещание высокопоставленных лиц по обеспечению железнодорожных перевозок, главноуполномоченных по устройству беженцев, губернаторов прифронтовых губерний, на котором было принято решение организовать с 5 по 15 октября вывоз беженцев вглубь России и выделять для этого ежедневно 1200 вагонов [9, л. 519–520].

Одновременно продолжалось их размещение на незанятой противником территории белорусских губерний. Наибольшее их число осело в Минской губернии – 123 900 человек. В основном они были устроены по крестьянским хатам, где проживали совместно с хозяевами как с оплатой, так и без оплаты за жилье. Продовольствие, хотя и в недостаточном количестве, беженцы получали в организованных благотворительными организациями «Северомощь», Всероссийским союзом городов, Всероссийским земским союзом питательных пунктах (Старобине, Березино, Пуховичах, Долгиново, Ракове

и т.д.). Также помощь для них поступала от благотворительных национальных обществ и местных крестьян. Местные жители, по результатам опросов, относились к беженцам в основном «сочувственно», «доброжелательно», «миролюбиво», «снисходительно» [3, с. 174–175].

В конце сентября 1915 г. линия русско-германского фронта стабилизировалась на западной окраине Минской губернии. Ее города и местечки были переполнены войсками, их штабами, госпиталями и другими учреждениями.

Таким образом, Минская губерния была важной составной форпоста Российской империи на западе. Уже в первый день войны на ее территории было объявлено военное положение. Население губернии в дни мобилизации явилось надежным источником для быстрого пополнения до штатов военного времени дислоцировавшихся на ее территории частей, формирования новых полков русской армии и дружин государственного ополчения, выдвинутых затем в места боевых действий. Сражаясь с противником в составе войск 1-й армий Северо-Западного фронта, вышедшие из Минской губернии воины имели успехи и неудачи. Причинами неудач являлись военно-техническая отсталость русских войск перед противником, поспешность выступления в угоду союзной по Антанте Франции, плохое управление войсками.

В результате «великого отступления» русских войск вглубь своей территории Минская губерния и ее население приняли на себя большой груз по размещению войск, военных госпиталей и лазаретов; эвакуированных с занятых противником территорий предприятий, учреждений и многочисленных беженцев с их повседневными проблемами в продовольственном и фуражном обеспечении и многом другом. Несмотря на огромные трудности губернские и уездные власти, опираясь на всех жителей губернии, справлялись с решением возникавших проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) в Минске. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 33.
2. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 63.
3. *Смолянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. – 3-е изд. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 493 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6.
5. РГВИА. – Ф. 1932. Оп. 8. Д. 134.
6. Документы и материалы по истории Белоруссии : в 3 т. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1953. – Т. 3.
7. РГВИА. – Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1849.
8. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 67.
9. РГВИА. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 42.

**ЖИЗНЬ И СУДЬБА АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Рубеж XIX и XX веков в истории России – один из самых сложных периодов. С одной стороны, российское государство по многим магистральным направлениям экономики показывало высокие темпы развития, но с другой стороны, это было время социальных потрясений в истории Европы и России.

Адмирал А. В. Колчак оказался на острие главных событий. В его биографии, как в зеркале, отразилась история всей России той поры. А. В. Колчак был известен как полярный исследователь, чье имя увековечено на карте Северного Ледовитого океана, реформатор флота после русско-японской войны, боевой адмирал в годы Первой мировой войны. Гражданская война выдвинула этого незаурядного человека на вершину антибольшевистского Белого движения. Он стал Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим сухопутных и морских сил, признанным другими вождями Белого движения. Однако попытка сбросить большевистскую диктатуру оказалась провальной. Трагически оборвалась жизнь российского патриота: по распоряжению большевиков он был расстрелян.

В целом, круг источников, позволяющих изучать жизнь и деятельность А. В. Колчака, значителен. Важнейшим из документов являются протоколы допроса А. В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией 21 января – 6 февраля 1920 года. Впервые они увидели свет в 1923 г. в 10-м томе «Архива русской революции» в Берлине. В дальнейшем протоколы неоднократно перепечатывались. В несколько сокращенном виде они вновь появились спустя 35 лет, а в последние годы трижды полностью в изданиях ряда авторов (например, в книге Ю. Каюрова «Арестант пятой камеры» [1]). А. В. Колчак с момента ареста определенно предчувствовал, что будет казнен, и показания на допросах старался давать как можно более подробные. Он привел основные биографические сведения, много внимания уделил участию в полярных экспедициях, реформированию управления военноморским флотом России, командной работе в Балтийском и Черноморском флотах, своей деятельности в дни революции 1917 г., встречам с русскими и зарубежными дипломатами, участию в Гражданской войне. Документы свидетельствуют, что А. В. Колчак был достаточно откровенен и объективен. Он явно стремился в предоставившейся форме зафиксировать важнейшие события не только в жизни собственной, но и в истории своей Родины, дать им оценку.

Имя А. В. Колчака за десятилетия советской власти довольно часто появлялось на страницах научной и художественной литературы, публицистики. Ни одна работа, посвященная истории Гражданской войны в России, тем более в Сибири, не обходилась без упоминания о А. В. Колчаке. Однако следует отметить, в советской литературе о нем всегда было принято говорить в негативном ключе, подтверждая идеологическую установку о «кровавом Колчаке», «закоренелом монархисте» и т.п.

При рассмотрении событий, связанных с А. В. Колчаком, обычно акцент делался на героической борьбе большевиков с его армией. Примером может быть работа «Разгром армии Колчака», созданная к юбилею Октябрьской революции в 1957 г. известным советским историком Л. М. Спириным [2]. Конечно, здесь соблюден идеологический канон в показе «борьбы советского народа и его Красной Армии против организованной и вдохновлявшейся международным империализмом колчаковщины» [2, с. 38]. Тем не менее в семи главах сборника изложен большой фактический материал, поставлен и освещен ряд важных проблем. Рассматривается установление военной диктатуры в Сибири и события на Восточном фронте зимой 1918–1919 гг. При этом указывается, что военная диктатура Колчака принесла «неисчислимыя бедствия миллионам трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока» [2]. Большое внимание в книге уделено военным действиям Красной армии на Восточном фронте и ее успехам в начале 1919 г. на Южном Урале. Затрагиваются также вопросы, связанные с подготовкой колчаковского похода на Москву, анализируются бои на Восточном фронте в марте – первой половине апреля 1919 года. Подробно рассматривается летнее наступление Красной армии, сражение на Тоболе, в результате которого белогвардейцы потерпели сокрушительное поражение. При этом автор постоянно подчеркивает, что Белое движение активно поддерживалось западными странами, направлялось и руководилось ими, практически отказывая А. В. Колчаку в самостоятельности.

Выходили в советское время и сборники воспоминаний участников боев с армией А. В. Колчака («Суровое время» (Новосибирск, 1959) [3], «Разгром Колчака» (М., 1969) [4]). В этих изданиях также всячески превозносилась миссия Красной армии как освободительницы Сибири и Урала, указывалось на то, что местное население массово не поддерживало «Верховного Правителя».

В книге Г. Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака: март – апрель. 1919 г.» (М., 1960) [5] исследуется одна из крупных операций гражданской войны на Востоке, в ходе которой А. В. Колчак рассчитывал прорваться к Волге для совместного с Деникиным похода на Москву. Автор стремится доказать, что несмотря на крупные оперативно-тактические успехи противника, Уфимская операция не принесла Колчаку стратегической победы. Автор книги Г. Х. Эйхе (сам активный и видный участник гражданской войны на Урале и в Сибири) занимал посты командира бригады, начальника дивизии, командующего 5-й армией. Книга написана им на основе личных воспоминаний, а также обширных документальных материалов, многие из которых публикуются впервые. В книге освещается ряд принципиальных вопросов гражданской войны на Восточном фронте, однако в оценках действий Красной и Белой армий автор вполне традиционен.

Ситуация начинает несколько меняться в 1980-е годы. В 1983 г. Вышла в свет монография Г. З. Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах» [6]. Хотя автор и отдает дань традиционным советским оценкам, характеризует А. В. Колчака и его дело в целом отрицательно, он все же прослеживает его поступки и действия перед занятием поста Верховного правителя и после того и в значительной мере опровергает бытующую в то время версию о полной зависимости этого политического деятеля от правительства западных стран.

Трехтомная монография известного русского историка С. П. Мельгунова до настоящего времени остается одним из крупнейших исследований о А. В. Колчаке как Верховном правителе России, политическом, военном деятеле и личности. Автор стремится дать объективную оценку как успехам, так и неудачам А. В. Колчака. С. П. Мельгунов выступает против тех историков и публицистов, которые с приходом к власти А. В. Колчака восхваляли его, а после поражения единодушно стали осуждать и оскорблять, даже не пытаясь анализировать его деятельность. Благодаря тому, что С. П. Мельгунов стремился к объективности, его труд не потерял своего значения и сегодня [7].

Среди работ, посвященных А. В. Колчаку, можно выделить первое биографическое исследование – книгу М. И. Смирнова «Адмирал Александр Васильевич Колчак» (Париж, 1930). Надо сказать, данная публикация носит преимущественно мемуарный и только отчасти исследовательский характер. М. И. Смирнов учился в том же Морском кадетском корпусе, что и А. В. Колчак, только несколькими классами младше, знал его в молодости, затем в течение многих лет служил вместе с ним в Балтийском и Черноморском флотах. С лета 1917 г. М. И. Смирнов был в составе российской правительственной военно-морской миссии, возглавляемой Колчаком и посланной в США, входил в качестве морского министра во Всероссийское правительство А. В. Колчака, был личным другом адмирала. Конечно, в силу данных обстоятельств контр-адмирал М. И. Смирнов выступает с позиций апологетики и оценивает деятельность, политику А. В. Колчака как Верховного правителя исключительно в положительном ключе [8].

В начале 1990-х гг. в публикациях о А. В. Колчаке был сделан заметный шаг к пересмотру советских оценок его деятельности и роли в истории России. Одни авторы делали это робко, едва выходя за рамки прежней отрицательной его характеристики, другие – более заметно, третьи писали о А. В. Колчаке исключительно в позитивных тонах.

Появлению многочисленных публикаций о личности А. В. Колчака, а также других деятелях Белого движения способствовало расширение доступа к документам, спецфондам библиотек и архивов, к эмигрантской и зарубежной литературе. Вновь открытые источники позволили исследователям, публицистам, писателям более обстоятельно, а главное – разносторонне познакомиться с жизненным путем А. В. Колчака. Научно-объективному освещению роли этой личности в истории, конечно, в большой степени способствовали переоценка ценностей эпохи Гражданской войны, публикация ранее неизвестных документов. В условиях гласности читатели впервые обрели возможность воспринимать различные точки зрения на историю Гражданской войны.

Заметным явлением в начале 1990-х гг. стали книги В. Г. Краснова «Огонь и пепел. Неизвестный Колчак. Штрихи к портрету» (М., 1993) [9] и К. А. Богданова «Адмирал Колчак» (СПб., 1993) [10]. В них в научно-публицистическом плане, в основном, освещается заключительный этап деятельности А. В. Колчака, но уделяется внимание и ранним этапам его жизни. Отдается дань его талантам как военного моряка и полярного исследователя. Вместе с тем наблюдается заметное следование советской

историографической традиции возложения большей вины за Гражданскую войну, ее жестокий характер на Белое движение, его вождей, лично на А. В. Колчака. Так, В. Г. Краснов фактически утверждает, что А. В. Колчак был реакционером и с «фанатичным упорством, силой стремился вернуть старое» [9, с. 232], тогда как, скорее, адмиралу был присущ либерализм.

Можно отметить также исследование Ю. П. Власова «Огненный крест. Гибель адмирала» (М., 1993), посвященное Октябрьской революции и Гражданской войне [11]. В биографическом плане жизнь и деятельность А. В. Колчака с акцентами на те или иные их этапы освещена в брошюрах, журнальных и газетных публикациях С. В. Дрокова, В. Кара-Мурзы и А. Полонского, Е. Леонтьева, В. И. Пестерева, А. Смирнова, Н. Черкасова, В. Камши.

В 2002 г. московским издательством «Центрполиграф» в рамках серии «Россия забытая и неизвестная» был опубликован труд известного уральского ученого, доктора исторических наук, одного из ведущих российских специалистов по истории Гражданской войны на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке И. Ф. Плотникова «Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России» [12]. Жизнь и деятельность А. В. Колчака освещается в научно-просветительском биографическом очерке, в многочисленных приведенных в издании документах, материалах, примечаниях и комментариях. Автор старается объективно и документировано прояснить, уточнить многие ранее неизвестные или запутанные, а то и фальсифицированные страницы жизни и деятельности А. В. Колчака. В книге приводятся извлечения из редких исторических документов, писем, воспоминаний. Издание снабжено комментариями, библиографией, именованным указателем и указателем географических названий. В итоге читатель получает возможность узнать правду о личности Колчака, его подлинной исторической роли в контексте событий, происходивших в России. Писатель-маринист и историк флота Н. А. Черкашин представляет свое видение личности А. В. Колчака в издании «Адмирал Колчак: диктатор поневоле» (М., 2005) [13]. Для автора А. В. Колчак – это прежде всего выдающийся путешественник, занимавшийся вопросами океанологии, гидрологии, исследованиями Арктики и ледокольного судостроения, виднейший русский флотоводец, превосходный военный специалист. Автор отмечает противоречивость взглядов в обществе на деятельность Колчака во время Гражданской войны, однако несомненными для него являются заслуги полководца перед Россией. Именно на них делается акцент в издании.

В 2006 г. биография А. В. Колчака стала частью знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» [14]. Известный историк П. Н. Зырянов стремится воссоздать подлинный облик адмирала на основе большого массива исследований и источников. В результате в издании А. В. Колчак представлен со всеми своими поисками, разочарованиями и ошибками, что не умаляет его мужества, стойкости, искренней преданности России, чьи интересы он ставил выше интересов режима и своей собственной судьбы.

В 2014 г. в серии «Последние герои Империи» московским издательством «Эксмо» была выпущена книга «Легендарный Колчак. Адмирал и Верховный Правитель России» В. Рунова и Р. Португальского [15]. Авторы считают А. В. Колчака яркой личностью в истории России, подчеркивают его заслуги перед Отечеством как океанографа, гидролога, перво-

открывателя ряда островов Северного архипелага, военного моряка, компетентного эксперта по военно-морским вопросам. Однако последние годы политической деятельности все же оцениваются авторами больше в отрицательном ключе. В. Рунов и Р. Португальский не идеализируют героя своего исследования, не превращают его в «святого» (как нередко происходит в научно-популярной литературе). В своем исследовании авторы опираются на документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГА ВМФ), Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива народного хозяйства, Русского архива, сборник документов и директив Главного командования РККА в период Гражданской войны, воспоминания сослуживцев и близких А. В. Колчака. Приводятся послужные списки А. В. Колчака, выдержки из его служебной переписки, оперативные сводки, боевые приказы, фрагменты отчетов и протоколов допроса адмирала Иркутской чрезвычайной следственной комиссией.

Исследование деятельности А. В. Колчака привело к следующим результатам. А. В. Колчак в качестве не только морского специалиста, но и ученого, принял участие в нескольких экспедициях: Русской полярной экспедиции (1900–1902), экспедиции, направленной для спасения Э. В. Толля на остров Беннетт, в экспедиции 1910 г., целью которой было изучение вопроса о Северном морском пути. Экспедициями были уточнены очертания арктических побережий и рельеф местности, открыто несколько островов, исследованы биологические и геологические особенности малоизученных территорий. По итогам полярной экспедиции А. В. Колчак создал ряд статей, отчетов, а также монографию «Лед Карского и Сибирского морей».

Поражение России в Русско-японской войне показало необходимость перестраивать флот. Немалый вклад в разработку идей о реорганизации флота внес А. В. Колчак. Им были написаны доклады «О постановке мин заграждения с миноносцев» (1906), «Какой нужен России флот» (1907) и др., в которых он предлагал создать сильный и передовой в техническом отношении флот. В Морском генеральном штабе А. В. Колчак заведовал Отделением русской статистики. Он предлагал схему реорганизации Моргенштаба. Однако многие идеи А. В. Колчака так и остались в то время нереализованными.

Во время Первой мировой войны проявил себя как талантливый флотоводец, специалист по ведению минной войны. Он командовал морскими силами Рижского залива. Российскому флоту под его командованием удалось предотвратить прорыв германской армии к Кронштадту, в восточную часть Финского залива, а также отразить атаку противника на Ригу. За мужество и доблесть А. В. Колчак был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, орденом Святого Владимира 3-й степени. Ему было присвоено звание вице-адмирала. А. В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом.

Октябрьский большевистский переворот и установленную в его результате советскую власть А. В. Колчак не принял. Он не мог наблюдать, как разрушается все, что он создавал, как ведется подготовка к заключению Брестского мира, который больше напоминал капитуляцию. А. В. Колчак стал Верховным правителем России и Верховным главнокомандующим

Вооруженными силами Белой армии, а другие вожди Белого движения признали за ним эти титулы. Режим, установленный А. В. Колчаком в Сибири, принято называть диктатурой. Для поддержания общественного порядка адмирал часто прибегал к использованию сугубо военной силы. Однако попытки создать на подконтрольных ему территориях эффективную систему административных органов, обеспечить соблюдение законности провалились. Произвол на местах, тяжелая социально-экономическая обстановка, военные неудачи привели к поражению как А. В. Колчака, так и всего Белого движения в целом.

Личность А. В. Колчака противоречива и до сих пор вызывает много дискуссий и споров. Однако нельзя не признавать его заслуги перед Российским государством, которое он защищал от внешних врагов, перед российской геологической и военной наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каюров, Ю.* Арестант пятой камеры: о А. В. Колчаке / Ю. Каюров. – М. : Политиздат, 1990. – 478 с.
2. *Спирин, Л. М.* Разгром армии Колчака / Л. М. Спирин. – М. : Политиздат, 1957. – 296 с.
3. *Суровое время: воспоминания / сост.-ред. А. В. Высоцкий.* – Новосибирск : Книжное изд-во, 1959. – 208 с.
4. *Разгром Колчака : воспоминания / сост. Л. М. Спирин.* – М. : Воениздат, 1969. – 295 с.
5. *Эйхе, Г. Х.* Уфимская авантюра Колчака : март–апрель 1919 г. / Г. Х. Эйхе. – М. : Воениздат, 1960. – 295 с.
6. *Иоффе, Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах / Г. З. Иоффе. – М. : Мысль, 1983. – 294 с.
7. *Мельгунов, С. П.* Трагедия адмирала Колчака (из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири) : в 2 кн. / С. П. Мельгунов. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 2 кн.
8. *Смирнов, М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак : краткий биографический очерк / М. И. Смирнов. – Париж : Военно-морской союз, 1930. – 60 с.
9. *Краснов, В.* Огонь и пепел. Неизвестный Колчак. Штрихи к портрету / В. Краснов. – М. : Олма-Пресс, 1992. – 321 с.
10. *Богданов, К. А.* Адмирал Колчак : биографическая повесть-хроника / К. А. Богданов. – СПб. : Судостроение, 1993. – 298 с.
11. *Власов, Ю.* Огненный крест. Гибель адмирала / Ю. Власов. – М. : Прогресс : Культура, 1993. – 655 с.
12. *Плотников, И. Ф.* Колчак Александр Васильевич : исследователь, адмирал, верховный правитель России / И. Ф. Плотников. – М. : Центрполиграф, 2002. – 702 с.
13. *Черкашин, Н. А.* Адмирал Колчак : диктатор поневоле / Н. А. Черкашин. – М. : Вече, 2005. – 368 с.
14. *Зырянов, П. Н.* Адмирал Колчак верховный правитель России / П. Н. Зырянов. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 635 с. – (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий ; вып. 1172 (972)).
15. *Рунов, В. А.* Легендарный Колчак. Адмирал и Верховный Правитель России / В. Рунов, Р. Португальский. – М. : Яуза : Эксмо, 2014. – 477 с.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ ВЫДАНИЯЎ

Д. Г. Киенко

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ «НАКАНУНЕ-2» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ РАЗВЕДОТДЕЛА ЗапОВО (январь – июнь 1941)

Весной 2021 г. вышел сборник документов «Накануне-2: Разведсводки Западного особого военного округа (ЗапОВО) накануне войны: январь – июнь 1941 г.»¹. Она является логическим продолжением темы сборника документов Д. Киенко «Накануне: Документы НКВД БССР по разведке, контрразведке и охране границы (1940–1941 гг.)», вышедшего в 2017 году².

В публикации «Накануне-2» представлены материалы разведывательного отдела штаба Западного особого военного округа периода 1941 г., имеется 11 карт-схем и пять рисунков.

В научный оборот впервые вводятся 19 объемных исторических документов разведывательного характера, из которых десять разведсводок, три спецсообщения и шесть справок, на основе которых формировалось представление руководства СССР о силах и средствах Германии на белорусском направлении.

В сборнике представлены материалы разведывательного отдела штаба Западного особого военного округа периода 1941 года. Офицеры этого отдела при составлении документов вовсе не «заботились» о стилистике изложения, знаках препинания, соблюдении аббревиатур, на которые, по большому счету, не обращали внимания и сами адресаты их сообщений.

При изучении массива документов установлено, что за 1941 г. в архиве хранятся 14 разведсводок, последняя из которых выявленная в архиве, датируется 25 мая. В фондах Национального архива Республики Беларусь отсутствуют четыре разведсводки (№ 3, 4, 5, 11). Однако их отсутствие не сильно меняет общую картину обстановки того периода, которую отражают оставшиеся разведсводки и спецсообщения.

Исходя из того, что разведсводки подавались ежемесячно в начале и в середине месяца, весьма вероятно, что до начала войны были подготовлены еще две сводки за 1 и 15 июня. По всей вероятности, в эвакуируемый минский партиархив они не попали, так как могли находиться все еще в «настошных» делах партийных чиновников-бюрократов.

Сообщения для ЦК КП(б)Б, которые сохранились в архиве, представлялись из штаба ЗапОВО в виде машинописных экземпляров. Все разведсводки сводились в брошюры, которые издавались типографией ЗапОВО и,

¹ Киенко, Д. Накануне: Документы НКВД БССР по разведке, контрразведке и охране границы (1940–1941 гг.) / Д. Киенко. – Минск : Рубон ; Смоленск : Хартекс, 2017. – 167 [4] с.

² Киенко, Д. Накануне-2: Разведсводки Западного особого военного округа накануне войны: январь – июнь 1941 г. / Д. Киенко. – Минск : Рубон ; Смоленск : Хартекс, 2020. – 195 с.

по всей вероятности, рассылались в штабы армий и, возможно, корпусов и дивизий. Несколько таких изданных брошюр имеется в фонде, они подшиты в дела вместе с оригинальными сообщениями.

В разведсводках отражаются сведения о передвижении и дислокации частей в период с января до начала июня 1941 года, об аэродромах, инженерной подготовке немецких позиций, приграничных укреплений в Восточной Пруссии и Генерал-губернаторстве. Строительство и ремонт дорог у границы СССР, настроение внутри немецкой армии, а также мероприятия немецких властей в отношении местного населения. Также предметом интереса были экономическое состояние на территории Генерал-губернаторства и Восточной Пруссии, расположение средств ПВО, информация о строительстве складов, завозе боеприпасов и горючего, мобилизационные мероприятия, дислокация штабов соединений и фамилии командиров армейских пехотных и других соединений. Отдельно представлены сведения о немецких аэродромах в виде общего описания схем, а также данные об аэродромах и посадочных площадках.

Велся учет фактов строительства казарм и барачных корпусов для размещения войск с описанием и привязкой к населенным пунктам, в качестве примера можно привести описание нескольких населенных пунктов:

«Носажево. Вблизи ст. Носажево, в северо-восточном направлении немцы вырубали лес и построили много барачных корпусов для войск. Работы по строительству продолжаются и в настоящее время. Сюда подвозятся цемент, железо. В этом же месте строят большие подземные склады. На работах по строительству заняты немецкие солдаты и немецкая молодежь.

Млава. Агентскими установлено, что шоссе между Млава и Найденбург, на расстоянии 10 км от Млава огорожено колючей проволокой и охраняется патрулями. Движение по шоссе Остров-Брок и Остров-Рожан закрыто. В Остров прибыло 40 вагонов боеприпасов. По этим же данным указывается, что в лесах м. Брок и г. Рожан, в шахматном порядке подготовлены поля, с которых убран мох. Поля заложены ветками и жердями. Вся эта территория огорожена проволокой и охраняется солдатами-артиллеристами. Назначение этих полей не установлено. Возможно, что здесь подготовлены артиллерийские позиции. Данные подлежат уточнению. Сведения о прибытии боеприпасов заслуживают доверия. В течение второй половины февраля и начале марта месяца, ежедневно на Варшаву и на Седлец отправляются по 2–3 эшелона с боеприпасами и транспортом, которые разгружаются и передаются воинским частям в срочном порядке. В районе д. Невиски (7 км сев.-западнее Седлец) в лесу, проводятся земляные работы по сооружению подземного бензохранилища. Данными на 6 марта производилось расширение этой базы по объекту и доведение ее емкостей до 5000 т. В р-он расположения базы продолжает прибывать большое количество бочек с бензином. Данные о строительстве базы горючего в этом районе поступают вторично. Особое внимание немцами обращается на шоссе на Янув-Подляски, на Морды, Седлец, Минск-Мазовецки. На этом участке шоссе полностью переоборудуется, “одежда”

шоссе полностью обновляется, ширина проезжей части увеличивается. На всем участке дороги производится усиленная подвозка камня, щебня и др. материалов. Подвозка производится на автомашинах из г. Минск-Мазовецки и г. Седлец. На большинстве участков работы ведутся круглосуточно. Строительство дороги должно быть закончено к 31 мая 1941 г. Ускоренное переоборудование этого шоссе, по-видимому, предназначено для бесперебойного передвижения по нему механизированного автотранспорта на случай войны с СССР»¹.

«Рембертов. По данным на 20 марта, требующим проверки, в Рембертов отмечено наличие 192 танкового полка и школы унтер-офицеров. На вооружении полка, в числе других танков, отмечены танки, весом в 11 тонн, вооружение – одна пушка и один пулемет. (Предположительно это легкий оружейный танк с экипажем из 3 человек, вооруженный одной 20 мм пушкой и одним пулеметом).

11 марта в Рембертов выгружено 30 орудий и конский состав. Возможно, что эта часть (видимо артполк) прибыла для проведения артиллерийских стрельб на Рембертовском артполигоне. (Ранее в Рембертов нами отмечался 217 артполк).

Цеханов. По данным от 25 марта, требующим проверки, в Цеханов впервые отмечена дислокация штаба армейского корпуса и штаба пехотной дивизии (предположительно 11), в состав армейского корпуса входят пехотные дивизии, дислоцирующиеся в Остров, Рожан и Цеханов. Здесь же отмечена дислокация 12 пехотного полка, 561 пехотного полка, прибывшего из Варшавы и 18 артполка. Дислокация 506 пехотного полка – не подтверждается»².

Интересно отметить, что разведотдел округа имел источник, который отслеживал списки на розыск дезертиров из вермахта, расквартированных на территории Генерал-губернаторства. Такие списки подавались вместе с именами немецких солдат-дезертиров и датами их рождения. Подобные сведения могли быть использованы и использовались для проверки в случае, если бы дезертиры, избегая наказания, проникли бы на территорию СССР.

По достоверным данным, на 17.03.1941 г. из германской армии дезертировали следующие солдаты.

1. Пехотинец Мейшек Иосиф 1910 года рожд.
2. Пехотинец Лессинг Вильфрид 1921 года рожд.
3. Пехотинец Бенш Эрих 1913 года рожд.
4. Пехотинец Гартман Карл 1919 года рожд.

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18359. Разведывательные сводки разведотдела штаба ЗапОВО о передвижении войск и грузов Германии к границам СССР и обзоры о настроениях в армии и др. Разведсводка № 6. Л. 43–62.

² НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18359. Разведывательные сводки разведотдела штаба ЗапОВО о передвижении войск и грузов Германии к границам СССР и обзоры о настроениях в армии и др. Л. 84–124.

5. Пехотинец Смола Иоганн 1908 года рожд.
6. Пехотинец Ланг Иоганн 1920 года рожд.
7. Артиллерист Пика Франс 1911 года рожд.
8. Сапер Рехтиштейн Антон 1921 года рожд.
9. Ст. ефрейтор Гельбиг Горст 1915 года рожд.»¹.

В апреле 1941 г. по гарнизонам Генерал-губернаторства и полицией разыскивались уже 22 беглых солдата имена которых так же приводятся в сборнике документов.

Из анализа разведсводок видно, что основная масса войск будущего противника, отмеченных в сообщениях, вела перегруппировку и рассредоточивалась у границы с СССР до мая 1941 г. После чего интенсивность их движения резко спала, и советская разведка не замечала каких-либо серьезных изменений в полосе ЗапОВО отмечая лишь усиление фортификационно-оборонительных работ².

Получая сведения о концентрации войск, по всей вероятности, в конце мая или после получения первой июньской разведсводки ЗапОВО и ощущая беспокойство, глава правительства БССР П. К. Пономаренко обратился к НКГБ республики с требованием «предоставить имеющиеся материалы, свидетельствующих о подготовке военных мероприятий к выступлению Германии против СССР». Эти материалы были ему представлены 11 июня в виде аналитической записки, составленной от имени заместителя наркома госбезопасности Белорусской ССР Духовича. В этой записке, опубликованной в сборнике «Накануне-2», анализируются слухи, а также сведения от немецкой резидентуры, которая отправляя своих агентов в СССР, ориентировала их возвращаться не позднее 20 июня, а в случае невозможности в связи с началом боевых действий «ложиться на дно» и ждать германских войск³. Там же предоставляются сведения, полученные от немецких дезертиров, перешедших советскую границу о настроениях в армии и идеологической «накачке» солдат⁴.

В качестве примера приведем одно из нескольких свидетельств о том, что возможность начала боевых действий против СССР не исключается в июне. Эти сведения стали известны за месяц до начала войны и были представлены командованию ЗапОВО и высшему руководству БССР.

¹ НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18359. Разведывательные сводки разведотдела штаба ЗапОВО о передвижении войск и грузов Германии к границам СССР и обзоры о настроениях в армии и др. Л. 84–124.

² НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18359. Разведывательные сводки разведотдела штаба ЗапОВО о передвижении войск и грузов Германии к границам СССР и обзоры о настроениях в армии и др. Л. 121.

³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18436. Спецсообщения НКГБ и разведотдела ЗапОВО о подготовке Германией войны против СССР. Л. 156.

⁴ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18436. Спецсообщения НКГБ и разведотдела ЗапОВО о подготовке Германией войны против СССР. Л. 24–26.

По сведениям, требующим проверки, 24.05.1941 г. филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой: вернуться не позже 05.06.1941 года.

Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока и Гродно он возвратиться не успеет. Майор-начальник разведпункта на это ответил, что после 05.06.1941 г. возможно начало военных действий с СССР, потому он не может вне этих сроков гарантировать жизнь агента, поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили.

Агенты пошли в районы: Кольно, Ломжа, Червонны Бор (ст. 13 км юго-вост. Ломжа) и Замбров.

Всем агентам было поручено выполнение следующих задач:

1) установить процент офицеров бывшей царской армии, состоящих сейчас на службе в Красной армии и их отношение к советской власти;

2) определить процент советских офицеров, получивших подготовку от офицеров бывшей царской армии, их отношение к большевикам и их моральные облик.

3) выяснить процент офицеров-выходцев из большевистских училищ и подготовленных только большевистскими офицерами;

4) уточнить, призываются ли в Красную армию офицеры бывшей польской армии. Если да, то каково их отношение к этому мероприятию, а также каков их моральный облик;

5) выяснить настроение германского населения: что говорят поляки, белорусы и особенно евреи, поддерживающие контакт с англо-американскими евреями. Считают ли они возможным то, что СССР будет в состоянии оказать сопротивление немцам?

Польское население, по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 г. и германские солдаты по существующему опыту ведения войны, также считают неизбежным начало военных действий в СССР в ближайшее время¹.

В сборнике «Накануне-2» отражены новые сведения которые будут полезны в вопросе изучения предвоенной подготовки округа. Широкий спектр представленной информации позволяет понять сферу интереса разведотдела штаба ЗапОВО на сопредельной территории.

¹ НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18436. Спецсообщения НКГБ и разведотдела ЗапОВО о подготовке Германией войны против СССР. Л. 10–17.

IN MEMORY

СЯРГЕЙ ПАЎЛАВІЧ КУБЕКА

28.09.1954 – 23.11.2020

СЯРГЕЙ ПАЎЛАВІЧ КУБЕКА – АДЗІН З ЗАСНАВАЛЬНІКАЎ ТРАДЫЦЫІ ПРАВЯДЗЕННЯ ШТОГАДОВАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ Ў МДЛУ

З 2002 г. старшы выкладчык С. П. Кубека з’яўляўся сталым чальцом аргкамітэта штогадовай міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць». Гэта азначае, што дзякуючы яго ўдзелу, арганізатары здолелі паспяхова забяспечваць правядзенне шматлікіх мерапрыемстваў, сярод якіх – экскурсіі, наведванні музеяў і канцэртаў, сустрэчы з навукоўцамі і гасцямі канферэнцый. Яго расповеды падчас такіх вандровак па гістарычных мясцінах сталіцы і нашай краіны назаўсёды застануцца ў памяці многіх з тых, каму давялося не раз аказацца побач з непаўторным расказчыкам.

На сённяшняй юбілейнай XX сустрэчы навукоўцаў Беларусі, Германіі, Расіі і Польшчы ён не з намі – паўгода назад перастала біцца яго сэрца, ён заўчасна пакінуў гэты свет, дзе аб ім памятаюць не толькі яго калегі, сябры, студэнты, але ў першую чаргу ваенныя гісторыкі. Для беларускіх чытачоў ён быў добра вядомы праз публікацыі, прысвечаныя зусім новай крыніцазнаўчай тэме – калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў», якая захоўваецца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і ўяўляе маладаследаваную прастору гісторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. у адлюстраванні нямецкіх матэрыялаў.

Кажучы пра навуковыя распрацоўкі С. П. Кубека, хацелася б асобна адзначыць яго ўклад у даследаванне тэматыкі, якая выконвалася на кафедрах: з 1996 па 2000 гг. ён уваходзіў у склад часовага навуковага калектыву, які распрацоўваў тэму НДР «Беларусь на карце Еўропы: гісторыя і сучаснасць». З 2001 г. з’яўляўся сувыканаўцам тэмы НДР «Палітыка Германіі ў дачыненні да Беларусі 1939–1945 гг.», якая выконвалася з удзелам выкладчыкаў кафедры і студэнтаў факультэта нямецкай мовы на працягу 2001–2005 гг. С. П. Кубека працаваў над дакументальнымі крыніцамі з Нацыянальнай калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы». Дзякуючы ім, гісторык пазнаёміў чытачоў з арыгінальнымі матэрыяламі з нямецкіх трафейных крыніц, захаваных у фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Новы напрамак у айчыннай гістарыяграфіі стаў для гісторыка тэмай для асобнага дысертацыйнага даследавання «Дакументы калекцыі “Александрыйскія мікрафільмы” як крыніца па гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гг.». З 2006 г. ён уваходзіў у склад часовага навуковага калектыву па выкананні НДР «Гісторыя Беларусі перыяду Другой сусветнай вайны ў замежнай гістарыяграфіі (1945–2010)», якая выконвалася з удзелам выкладчыкаў кафедры і студэнтаў факультэта нямецкай мовы ў рамках Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў «Гісторыя беларускай нацыі, дзяржаўнасці і культуры» (2006–2010).

Увогуле С. П. Кубека – аўтар звыш 30 навуковых артыкулаў і вучэбна-метадычных выданняў.

Сёння, калі мы ўспамінаем С. П. Кубеку, дазвольце мне больш дэталёва спыніцца на яго біяграфіі, ажывіць вам малавядомыя старонкі яго працоўнай дзейнасці ў МДЛУ.

Нарадзіўся ён 28 верасня 1954 г. у в. Слабодка Круглянскага раёна Магілёўскай вобласці ў сям’і рабочых, у якой, акрамя яго, выхоўваліся старэйшы брат Віктар і малодшая сястра Тамара.

У 1961 г. пайшоў у першы клас Круглянскай сярэдняй школы. У 1971 г. пасля заканчэння школы і няўдалай спробы паступлення ў ВНУ быў прыняты на працу слесарам механічнага цэха льнозавода ў г.п. Круглае, дзе працаваў да лістапада 1972 года.

З 1972 па 1974 г. праходзіў армейскую службу ў г. Івана-Франкоўск (Украіна) у адной з часцей ваенна-паветраных сіл Савецкай арміі. У снежні 1974 г. становіцца слухачом падрыхтоўчага аддзялення МДП імя А. М. Горкага.

З верасня 1975 г. пачынаюць адгортвацца студэнцкія старонкі жыцця юбіляра на гістарычным факультэце, дзе ён вывучае не толькі гісторыю, але і авалодвае ведамі выкладання французскай мовы. Будучаму педагогу пашанцавала пачуць лектарскае слова і пазнаёміцца з выкладчыцкім майстэрствам прафесійных гісторыкаў – А. А. Васілеўскага, В. І. Гарамыкінай, М. Г. Гнеўкі, Я. Н. Марголіна, А. Р. Праніка, А. П. П’янкава, В. Р. Федарасавай, а таксама выкладчыкаў французскай мовы – Л. Г. Бандарчук, А. Г. Дабрынінай, М. Г. Лапотка, А. А. Макаёнак, Ж. С. Паўлоўскай.

На працягу ўсіх гадоў навучання Сяргей Кубека быў сярод тых студэнтаў, хто ўдзельнічаў у летніх працоўных семестрах. У той час яму ўдалося папрацаваць на будоўлях розных народнагаспадарчых аб’ектаў у Беларусі, Якуціі, Карэліі.

У 1980 г. ён закончыў МДП імя А. М. Горкага з прысваеннем кваліфікацыі настаўніка гісторыі, грамадазнаўства і французскай мовы. З таго часу працуе ў адной з лепшых ВНУ краіны – Мінскім дзяржаўным педагогічным інстытуце замежных моў, на цяперашні час – у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце.

З верасня 1980 г. – на пасадзе выкладчыка кафедры гісторыі КПСС, якая забяспечвала вучэбную і выхаваўчую работу сярод замежных студэнтаў на падрыхтоўчым факультэце для замежных грамадзян, адкрытым у 1979 годзе. З кастрычніка 1982 г. – выкладчык гісторыі СССР кафедры рускай мовы для замежных грамадзян гэтага ж факультэта. У 1983 г. кіраваў штабам «Абітурыент-83», працаваў у прыёмнай камісіі на ўступных экзаменах па гісторыі і грамадазнаўстве. На працягу некалькіх гадоў з’яўляўся куратарам, старшым куратарам зямляцтваў і суполак замежных грамадзян. З 1984 года – намеснік дэкана падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян па выхаваўчай працы. Агульны працоўны стаж Сяргея Паўлавіча – 49 гадоў, з якіх у нашай ВНУ – 40 гадоў. На цяперашні час ён стала працаваў на кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму.

З 1984 г. – саіскальнік аддзела замежных сувязяў Беларускай ССР Інстытута гісторыі Акадэміі навук Беларусі. У 1986–1989 гг. удзельнічаў разам з выкладчыкамі кафедры ў распрацоўцы НДР «Камуністычнае выха-

ванне студэнтаў», сумесна з С. Я. Новікавым падрыхтаваў вучэбна-метадычны дапаможнік «Гісторыя СССР» для студэнтаў падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян.

З верасня 1989 г. працаваў на пасадзе выкладчыка, з 1993 г. – старшага выкладчыка агульнаўніверсітэцкіх кафедраў – айчыннай гісторыі, гісторыі і паліталогіі, гісторыі і беларусазнаўства, з 2010 г. – на кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму. Шмат увагі надаваў выхаваўчай і вучэбна-метадычнай працы са студэнтамі. Падрыхтаваў шэраг вучэбна-метадычных работ для студэнтаў дзённай і завочнай формаў навучання. Шматлікія яго матэрыялы выкарыстоўваліся пры выкладанні студэнтам універсітэта базавай вучэбнай дысцыпліны «Беларусазнаўства» і напісанні вучэбна-метадычнага выдання «Курс беларусазнаўства» (Мінск, 1998).

З 2002 г. С. П. Кубека ўваходзіў у склад аргкамітэта па правядзенні міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», у якой бралі ўдзел гісторыкі Аўстрыі, Беларусі, Германіі, ЗША, Польшчы, Латвіі, Літвы, Расіі і Украіны. З яго непасрэдным удзелам было праведзена 19 канферэнцый. Апрача таго, выкладчык сам пастаянна выступае на гэтай міжнароднай канферэнцыі, прадстаўляючы ўдзельнікам новыя аспекты ваеннай гісторыі Беларусі, раскрываючы іх на аснове малавядомых дагэтуль архіўных дакументаў Нацыянальнай калекцыі «Александрыйскія мікрафільмы».

Выкладчык шмат працаваў над развіццём творчых здольнасцей таленавітай студэнцкай моладзі. Штогод з'яўляўся навуковым кіраўніком цікавых навуковых прац, якія праходзяць апрабачую на студэнцкай навуковай канферэнцыі ў рамках Дзён навукі ў МДЛУ. У 2010 г. студэнцкая навуковая работа, падрыхтаваная студэнтам III курса перакладчыцкага факультэта Д. Стрэж пад кіраўніцтвам Сяргея Паўлавіча, заняла III месца ў VI Рэспубліканскім конкурсе творчых работ вучняў і студэнтаў па сацыяльна-гуманітарных навук на тэму «Вялікая Перамога ў нашай памяці жыве», прысвечаным 65-й гадавіне Вялікай Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 гг.

Ён плённа працаваў на ніве выхавання студэнцкай моладзі, актыўна ўдзельнічаў у шматлікіх кафедральных мерапрыемствах, у рамках якіх у Цэнтры беларускай мовы і культуры адбыліся сустрэчы з цікавымі людзьмі, ветэранамі Вялікай Айчыннай вайны, ветэранамі ўніверсітэта, знакамітымі асобамі, беларускімі і замежнымі гісторыкамі. Пры творчым удзеле Сяргея Паўлавіча на працягу некалькіх гадоў захоўвалася добрая кафедральная традыцыя – правядзенне штогадовага фотаконкурсу сярод першаккурснікаў універсітэта на тэму «Мая Радзіма – Беларусь!».

За шматгадовую навуковую, арганізацыйную і педагагічную работу, высокія паказчыкі і плённае выхаванне студэнцкай моладзі Сяргей Паўлавіч Кубека ўзнагароджаны Граматай Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў, Ганаровай граматай Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, Дыпламам III ступені Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Мы, яго калегі, сябры і студэнты ўніверсітэта глыбока смуткуем з нагоды яго страты. Шчыра ўдзячны яму за невычэрпную энергетыку душэўнага аптымізму і жыццёвай бадзёрасці, за добры настрой і гумар, без чаго ніхто

не ўяўляе сабе шматгадовую працоўную паўсядзённасць універсітэцкага жыцця. Наш калега – цэнтр прыцягнення аматараў вострага слова, трапнай думкі і рэдкага факта, якія знаходзяць у яго вытанчаных выказваннях непаўторную адметнасць, своеасаблівую інтэрпрэтацыю і ўнікальны сэнс. Для студэнтаў, сяброў і калег ён быў цікавым суразмоўцам, адкрытым дарадцам, шчырым настаўнікам, надзейным паплечнікам.

23 лістапада 2020 г. стаў апошнім днём жыцця С. П. Кубекі – на 67-м годзе яго спыніла заўчасная смерць.

Светлая памяць пра Сяргею Паўлавічу Кубеку – гісторыка, паважанага калегу, цікавага суразмоўцу, адкрытага дарадцу, шчырага настаўніка, адказнага паплечніка, апантанага расказчыка і надзейнага сябра – застанеца ў нашых сэрцах.

*С. Я. Новікаў,
кандыдат гістарычных навук*

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ – ОПЫТНЫЙ НАСТАВНИК И МУДРЫЙ СОВЕТЧИК

Тяжело характеризовать человека, с кем провел много времени, к которому привык, когда разум отказывается принимать факт, что его уже нет с нами. Это кажется невозможным, нереальным, логика говорит, что это не должно было случиться так рано и скоропостижно.

С Сергеем Павловичем Кубеко мне довелось в 2006–2009 годах проработать вместе на кафедре в Минском государственном лингвистическом университете, когда мы виделись практически каждый рабочий день, да и позднее наше дружеское общение не прерывалось.

По общему признанию, он был душой нашего коллектива. Когда повседневные реалии приводили к упадку сил, несколько минут общения с этим неординарным человеком – и все менялось к лучшему. Его умение тонко пошутить (а шутить он любил часто и помногу), соответственно ситуации удачно рассказать анекдот, которые он умел рассказывать мастерски, разряжало атмосферу, вызывало улыбки у окружающих, давало заряд позитива.

А еще с Сергеем Павловичем можно было поговорить о многом, о чем не стал бы делиться с начальником, другими коллегами, или рассказывать дома. Честный, искренний, открытый человек располагал к этому. Сергей Павлович был другом для каждого из тех, кто работал с ним рядом.

А еще Сергей Павлович искренне любили студенты. Даже по виду, по выражению лица студента, вошедшего на кафедру, можно было определить, что он спросит именно про него.

Утрата непередаваемая, этот прекрасный человек ушел из жизни слишком преждевременно, но оставил о себе светлую память!!!

*Е. А. Гребень,
кандидат исторических наук*

С. П. КУБЕКА – ДУША НАШЕГО КОЛЛЕКТИВА

Говорят, что незаменимых людей нет. Но это неправильная формулировка. И жизнь, работа, общение Сергея Павловича на работе и в жизни в целом закрепляют нас в убеждении о неповторимости личностных качеств человека, в основе которых лежат глубинные оттенки многообразных проявлений душевных черт.

Душевные качества Сергея Павловича неповторимы, уникальны. Они составляют настоящий океан душевности, который проявлялся во всех параметрах его жизни. Такие люди, как Сергей Павлович отдают себя другим без остатка, откликаются в полной мере, абсолютно альтруистично, на малейшие просьбы других людей. Сергей Павлович отдавал практически все ступки своей жизненной энергии семье, а также членам нашего коллектива на кафедре и ничего не просил взамен.

При оказании помощи людям он шел как по лезвию бритвы, которая в любое время могла больно ранить его незащищенную душу, нанести вред океану душевных переживаний, который определял суть его личности. Он не боялся этой бритвы, он был смел и решителен в своих поступках. И особенно это проявлялось в тех ситуациях, когда необходимо было помочь людям добрым словом, советом, реальными практическими делами. Абсолютное отсутствие индивидуалистических наклонностей – фундаментальная черта его личности, позволявшая ему быть частицей каждого из нас, преподавателей кафедры, его коллег.

Светлая память о Сергее Павловиче навсегда останется в наших сердцах.

*А. М. Захаров,
кандидат философских наук*

УСПАМІН ПРА МЕСЯЧНАЕ ПАВЫШЭННЕ КВАЛІФІКАЦЫІ Ў БРЭСЦКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ ІМЯ А. С. ПУШКІНА

У чарговы раз даводзіцца пісаць пра чалавека не з нагоды юбілею, а з нагоды смерці. Заўчасна сышоў з жыцця Сяргей Паўлавіч Кубека. Наша знаёмства спачатку адбылося завочна.

У пачатку 2000-х я пачаў працаваць над доктарскай дысертацыяй па гістарыяграфіі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Адным з накірункаў майго даследавання было вывучэнне працэсу фарміравання крыніцавай базы. Важнай першакрыніцай для вывучэння гісторыі часова акупаванай тэрыторыі Беларусі з’яўляюцца “Александрыйскія мікрафільмы” – мікрафільмы з Патсдамскай калекцыі. Пра наяўнасць у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь дадзенай калекцыі я ўпершыню даведаўся з публікацый вядомага спецыяліста па нямецкіх крыніцах Сяргея Яўгенавіча Новікава.

Аднак праз непрацяглы час у якасці распрацоўшчыка дадзенай стужкі стаў згадвацца С. П. Кубека. Так я праз публікацыі даведаўся пра яшчэ аднаго даследчыка “Александрыйскіх мікрафільмаў”. Асабістае знаёмства адбылося на адной з канферэнцый “Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць”, якая, дарэчы, стала візітнай карткай Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта і кафедры, якую больш за 20 гадоў узначальвае С. Я. Новікаў. Першае, што кінулася ў вочы, – гэта чалавечнасць і спакой. Гэтыя якасці асабліва ярка праявіліся ў снежні 2018 г., калі Сяргей Паўлавіч прыехаў да нас на стажыроўку, якая істотна адрознівалася ад усіх ранейшых форм павышэння кваліфікацыі, што адбываліся на базе нашага ўніверсітэта. Да гэтага часу аб стажыроўцы дамаўляліся загадчыкі кафедраў, якія атрымлівалі дазвол на яе арганізацыю і правядзенне ад свайго кіраўніцтва. Рыхтаваўся план, а ў канцы стажор трымаў справаздачу на дзвюх кафедрах. Больш ніякіх папер не патрабавалася. Складанасць дадзенай сітуацыі заключалася ў тым, што стажыроўка была арганізавана Міністэрствам адукацыі, пад яе былі выдзелены сродкі, а пасля заканчэння стажыроўкі неабходна было выдаць адпаведны сертыфікат. Аднак Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна не меў права выдаваць такі дакумент. І наогул, мы не былі падрыхтаваны да такой стажыроўкі. Да таго ж дакументы, з якімі прыехаў С. П. Кубека, не адпавядалі патрабаванням. Скажаць, што ва ўсіх быў шок, не скажаць нічога. Аднак, Сяргей Паўлавіч быў спакойны і ўпэўнены, што ўсё закончыцца добра. Як не дзіўна, але ўсё так і атрымалася. Зараз я разумею, што дабрыва і спакой Сяргея Паўлавіча, акрамя асабістых якасцей, у значнай ступені падтрымліваліся і яго сябрамі, у першую чаргу Сяргеем Яўгенавічам Новікавым, з якім С. Я. Кубеку звязвалі дзесяцігоддзі сяброўства, якое пачалося яшчэ ў педагагічным інстытуце.

*У. В. Здановіч,
доктар гістарычных навук*

АДМЕТНЫ ЗНАЎЦА РЭЦЭПТАЎ ЖЫЦЦЯ

Многа добрых слоў ужо было сказана і яшчэ будзе гаварыцца ў гонар гэтага светлага чалавека. Дазвольце і мне запоўніць чарговую старонку памяці аб ім.

Хоць я ведала Сяргея Паўлавіча не так ужо і даўно, але яго незвычайнае абаянне, чалавечнасць, веліч, іскрыстасць, шчырая ўвага і павага да людзей, якія яго акружалі, пакінулі ў маёй душы гарачы след.

Калі адчыняліся дзверы Цэнтра і ўваходзіў Сяргей Паўлавіч, разам з ім у пакой заплывалі вясёлыя прыказкі, анекдоты, жыццёвыя гісторыі, што, безумоўна, спрыяла стварэнню і падтрыманню добрага настрою.

Ён часта наведваў наш Цэнтр і, калі прыходзіў, мы жартавалі, што госці павінны адчыняць дзверы нагамі, бо рукі павінны быць занятыя ўсялякімі прысмакамі. Жартавалі, жартавалі і дажартаваліся. Аднаго дня чуюм грукат

у дзверы. Пайшлі паглядзець, што робіцца. А там... Сяргей Паўлавіч, у якога рук на дзверы ўжо не хапіла... Нават фотаздымак зрабілі на памяць аб гэтым. Дык і што далёка хадзіць... Многія жанчыны нашай бібліятэкі прайшлі ў яго курс, як правільна складаць пакеты з крамы. Некаторыя ўжо і не працуюць ва ўніверсітэце, а пакеты складаюць па-кубекаўску.

Немагчыма забыць і смак сала кубекаўскай засолкі, а гурочкі, а квашаную капустку. Толькі паслухаўшы аповеды пра гэтыя стравы, можна было наесціся. А што ўжо казаць, якая асалода паспытаць іх у рэальнасці. А знакамітая “Клюкаўка”, рэцэпт якой Сяргей Паўлавіч даў і мне. Але тут ёсць яшчэ і перадагісторыя. Бо пра “Клюкаўку” гаварылася многа і доўга. Аж дух займала ад прадчування. Гаварылася і гаварылася... Гады два ці нават болей чакалі мы гэты рэцэпт, урэшце рэшт дачакаліся. І што ж вы думаеце, нягледзячы на мае старанні і бездакорнае выкананне рэцэптурных патрабаванняў, кубекаўская “Клюкаўка” ўсё ж была значна лепшая. Не хапіла, мабыць, маёй “Клюкаўцы” яго незвычайнай энергетыкі...

З гумарам ён падыходзіў да любой справы, за якую браўся. Кубекаўская рэакцыя на заўвагі да яго “Ну, уваліў, як маманту” стала нашым любімым выказваннем, і гэта часта падымала нам настрой у складаных сітуацыях. А безліч анекдотаў на любую тэму. Некалькімі словамі ён мог падбадзёрыць, падтрымаць, развесяліць чалавека.

Часам ў нашым Цэнтры праводзяцца заняткі. І, вядома, што заняткі Сяргея Паўлавіча былі нашымі любімымі. На некаторы час мы маглі нават забыць пра свае справы, бо назіраць, як ён узаемадзеінічае са студэнтамі, было надзвычай цікава. Напружаная праца па тэме нярэдка перапынялася на некалькі хвілін вясёлым жартам ці анекдотам. На тварах студэнтаў узнікалі светлыя ўсмешкі, з’яўляліся сілы працаваць далей, нават калі гэта была трэцяя ці чацвёртая пара.

Прыгадаем таксама, з якой павагай Сяргей Паўлавіч ставіўся да жанчын, дзяўчат... З цёплым, нейкім добрым гумарам ён мог падыйсці як да студэнткі, так і да выкладчыцы, прыбіральшчыцы... Як казалі б раней: “Гжэчны кавалер!”. Аднак у той жа час і добры сем’янін, які з цеплынёй, любоўю і павагай згадваў пра сваю жонку, якая рана пайшла з жыцця і назаўсёды засталася для яго адзінай... Многа цёплых слоў ад яго мы чулі таксама і пра маці, і пра сястру...

Такі вось наш Сяргей Паўлавіч – жартаўнік з народнай кемлівасцю, з хітрынкай у вачах. Добры гаспадар, які не дзяліў заняткі на мужчынскія і жаночыя. Ён з радасцю ішоў па жыцці і нават у складаных будзённых сітуацыях заставаўся верным сабе – пазітыўным, жыццялюбным чалавекам. Яго жыццёвыя рэцэпты дапамагаюць жыць, а, бывае, што і выжываць у наш складаны час.

А. П. Заяц

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Агеенка Таццяна Мікалаеўна – навуковы супрацоўнік Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Баранава Наталля Пятроўна – кандыдат педагагічных навук, прафесар кафедры педагогікі Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Благуш Ірына Сяргееўна – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічных навук Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Брыгадзіна Вольга Васільеўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Вазнясенскі Уладзімір Канстанцінавіч – архівіст аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Васілеўскі Валерый Барысавіч – кандыдат ваенных навук, дацэнт кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Васкабойны Мікалай Аляксеевіч – намеснік начальніка кафедры ваеннай стратэгіі факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Ганцар Крысціян – доктар гісторыі (г. Ляйпцыг)

Грэбень Яўген Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Дземянюк Андрэй Канстанцінавіч – дырэктар Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Зайко Паліна Віктараўна – малодшы навуковы супрацоўнік сектара навукова-даследчай работы Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны (г. Мінск)

Захараў Аляксандр Міхайлавіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Заяц Ала Пятроўна – бібліятэкар 1-й катэгорыі Цэнтра беларускай мовы і культуры Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Здановіч Уладзімір Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Каваленя Аляксандр Аляксандравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, акадэмік-сакратар аддзялення гуманітарных навук, член-карэспандэнт НАН Беларусі (г. Мінск)

Канцавы Пётр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры педагогікі і псіхалогіі Магілёўскага дзяржаўнага абласнога інстытута развіцця адукацыі

Кіенка Дзмітрый Генадзьевіч – старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кіраўнік навукова-даследчай групы вайскавой гісторыі і археалогіі Беларусі «Рубон» (г. Мінск)

Крыварот Анатоць Аляксеевіч – кандыдат гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кузняцоў Ігар Мікалаевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры дыпламатычнай і консульскай службы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Кузняцова-Ціманова Аляксандра Уладзіміраўна – старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – кандыдат гістарычных навук, загадчык аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – доктар мастацтвазнаўства, прафесар, прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Літвін Аляксей Міхайлавіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Літвіноўская Юлія Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі (г. Мінск)

Лютко Сяргей Рыгоравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Неліхаў Віталь Юр’евіч – супрацоўнік навукова-даследчай групы вайскавой гісторыі і археалогіі Рэспублікі Беларусь «Рубон» (г. Мінск)

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Панцьё Дзмітрый – доктар гісторыі, галоўны навуковы спецыяліст Музея Другой сусветнай вайны ў Гданьску

Папоў Іван Дзмітрыевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Паўночнага (Арктычнага) федэральнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава (г. Волагда)

Поль Гундула – магістр гуманітарных навук, навуковы супрацоўнік даследчага аддзела Мемарыяла Берлін-Хоэншонхаўзен

Пцічкіна Святлана Аляксееўна – старшы выкладчык кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Смальянінаў Міхаіл Мітрафанавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік Цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры гуманітарных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Сюзюмава Тамара Сяргеёўна – загадчык Цэнтра беларускай мовы і культуры Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Тарасевіч Ларыса Аляксандраўна – доктар філалагічных навук, прафесар, прарэктар па навуковай працы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Тукала Сяргей Мікалаевіч – загадчык сектара навукова-даследчай работы Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны

Хісамутдзінава Равіля Рахімянаўна – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі, методыкі выкладання гісторыі і грамадазнаўства Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта

Хмяльніцкая Ларыса Яўгенаўна – заснавальнік турыстычнай фірмы ТРЭВЭЛ, намеснік дырэктара па маркетынгу і развіццю (г. Мінск)

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Шацько Вячаслаў Іванавіч – кандыдат ваенных навук, прафесар, прафесар кафедры ваеннай стратэгіі факультэта Генеральнага штаба Узброеных Сіл Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Шыманская Наталля Анатольеўна – вядучы архівіст аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Янеке Крысціна – доктар гісторыі, навуковы дырэктар Ваенна-гістарычнага музея бундэсвера ў Дрэздэне

З М Е С Т

Прывітальнае слова прарэктара ўніверсітэта па навуковай працы Ларысы Аляксандраўны Тарасевіч	3
Приветственное слово профессора кафедры педагогики Натальи Петровны Барановой.....	4
Прывітальнае слова акадэміка-сакратара аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў, члена-карэспандэнта НАН Беларусі А. А. Кавалені ўдзельнікам навуковай канферэнцыі.....	5
Приветствие заместителя директора Военно-исторического музея г. Дрездена, доктора истории Кристины Янеке	10
Приветствие главного специалиста научно-воспитательного отдела Музея Второй мировой войны в г. Гданьске, почетного профессора КГУ им. Ш. Уалиханова, доктора истории Дмитрия Пантьо	12
Приветствие директора Национального архива Республики Беларусь Андрея Константиновича Демянюка	13

80-ГОДДЗЕ ПАЧАТКУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: ДАКУМЕНТАЛЬНЫ НАРАТЫЎ І ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПАДЫХОДЫ

<i>Сюзюмава Т. С.</i> Кнігі, падзеі, людзі ў летапісе Цэнтра беларускай мовы і культуры.....	14
<i>Новікаў С. Я.</i> 20-гадовы рубеж красавіцкіх сустрэч: галоўныя вынікі і новыя выклікі.....	17
<i>Ганцэр К.</i> 80 лет истории обороны Брестской крепости: наука vs пропаганда	23
<i>Поль Г.</i> Малы Тростенец в измерении научного анализа	30
<i>Гребень Е. А.</i> Германская оккупация Беларуси 1941–1944 гг. глазами детей	34
<i>Здановіч У. В.</i> Баявыя дзеянні летам 1941 г. у Беларусі на старонках айчынных энцыклапедычных выданняў.....	40
<i>Шат'ко В. И., Василевский В. Б.</i> Искажение причин начала Великой Отечественной войны в работах фальсификаторов истории.....	46
<i>Лютко С. Г.</i> Противовоздушная оборона Минска в июне 1941 года.....	50
<i>Воскобойный Н. А.</i> Управление и связь в операции «Багратион»	55
<i>Тукало С. Н.</i> Предпосылки создания и особенности организации минского гетто в июле–августе 1941 года (на основе анализа документальных и историографических источников)	58
<i>Хисамутдинова Р. Р.</i> Герои первых дней Великой Отечественной войны	67
<i>Цымбал А. Г.</i> Калекцыя дакументаў Генеральнай акругі “Беларусь” (1941–1943) як крыніца па эканамічнай палітыцы акупацыйных улад.....	78

ВЯЛКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

<i>Кузнецов И. Н.</i> Катынская трагедия в контексте белорусско-польских отношений	83
<i>Кулинок С. В.</i> Агентурная работа немецких спецслужб в 1939–1945 гг. (по материалам судебно-следственных дел из фонда № 1363 Национального архива Республики Беларусь).....	93
<i>Крыварот А. А.</i> Беларускія партызаны і польскае прасавецкае падполле: праблемы даследавання ўзаемаадносін	98
<i>Агеенка Т. М.</i> Дакументы германскіх акупацыйных уладаў як біяграфічныя крыніцы.....	107
<i>Вознесенский В. К.</i> Действия отряда 121-й стрелковой дивизии в тылу группы армий «Центр» (июль–август 1941 г.)	111
<i>Зайко П. В.</i> Столбцовское гетто: к вопросу об историографии	118
<i>Нелихов В. Ю.</i> Всего одна ночь боевых действий 16-й гвардейской Сталинградской бомбардировочной авиационной дивизии	122
<i>Стрелец М. В., Птичкина С. А.</i> Дмитрий Тимофеевич Язов: штрихи к портрету известного советского военачальника.....	127
<i>Хмельницкая Л. Е.</i> Военная судьба кличевского героя – моего отца Мельничука Евгения Иосифовича	132
<i>Шиманская Н. А.</i> Усовершенствование разведывательной работы органов государственной безопасности за период оккупации территории Беларуси (1941–1944).....	142
<i>Цымбал А. Г.</i> Беларусы ў міжваеннай Польшчы ў даследаваннях Севярына Віславуха	150
<i>Литвин А. М.</i> Беларусы – участники советско-финляндской войны в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны (1941–1944)	154

БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ВЯКІ ГІСТОРЫІ І ДЗЕСЯЦГОДДЗІ СУПРАЦОЎНІЦТВА

<i>Благуш И. С.</i> Инновационное лидерство индустриальной экономики: «парадоксы» Германии, вызовы для Беларуси	167
<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Лютэранскія кірхі Беларусі	175
<i>Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И.</i> У истоков советско-германских отношений.....	178
<i>Концевой П. А.</i> Ремонтные поставки в БССР крупного рогатого скота из Германии (1945–1947)	186
<i>Кузнецова-Тимонова А. В.</i> Немецкий язык как пропуск в Африку: работа выпускников и преподавателей МГПИИЯ в качестве переводчиков в зонах военных действий (1960–1980).....	192

<i>Попов И. Д.</i> Конференции премьер-министров немецких земель как институт конституирования Западной Германии	198
<i>Смолянинов М. М.</i> Минск и Минская губерния в начальный период Первой мировой войны (август 1914 – сентябрь 1915).....	205
<i>Бригадина О. В.</i> Жизнь и судьба адмирала А. В. Колчака. Основные направления и результаты исследования	213

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ ВЫДАНИЯЎ

<i>Киенко Д. Г.</i> Сборник документов «Накануне-2» как источник сведений разведотдела ЗапОВО (январь – июнь 1941)	219
--	-----

IN MEMORY

СЯРГЕЙ ПАЎЛАВІЧ КУБЕКА
28.09.1954 – 23.11.2020

<i>Новікаў С. Я.</i> Сяргей Паўлавіч Кубека – адзін з заснавальнікаў традыцыі правядзення штогадовай канферэнцыі ў МДЛУ	224
<i>Гребень Е. А.</i> Сергей Павлович – опытный наставник и мудрый советчик	227
<i>Захаров А. М. С. П.</i> Кубека – душа нашего коллектива	228
<i>Здановіч У. В.</i> Успамін пра месячнае павышэнне кваліфікацыі ў Брэсцкім дзяржаўным універсітэце імя А. С. Пушкіна.....	228
<i>Заяц А. П.</i> Адметны знаўца рэцэптаў жыцця.....	229
Аўтары дакладаў і паведамленняў.....	231

INHALT

Grußwort der Vicerektorin für wissenschaftliche Arbeit Larissa Alexandrowna Tarasewitsch	3
Grußwort der Professorin des Lehrstuhls für Pädagogik Natalia Petrowna Baranowa	4
Begrüßungsrede des Akademiker-Sekretärs der Abteilung für humanitäre Wissenschaften und Künste Mitglied der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Belarus A. A. Kowalenja	5
Grußwort des stellvertretender Direktorin des Militär-historischen Museums in Dresden, Dr. Kristiane Janeke.....	10
Grüße vom leitenden wissenschaftlichen und pädagogischen Spezialisten Abteilung des Museums des Zweiten Weltkriegs in Hdanjsk, Honorarprofessor der KSU von Sh. Ualikhanov, Dr. Dmitry Pantio	12
Grüße vom Direktor des Nationalarchivs von der Republik Belarus Andrei Konstantinovich Demyanyuk	13

80. JAHRE DES ANFANGS DES GROSSEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES: DOKUMENTARISCHES NARRATIV UND FORSCHUNGSANSÄTZE

<i>Sjuzjumowa T. S.</i> Bücher, Ereignisse, Personen in der Chronik des Zentrums der belarussischen Sprache und Kultur	14
<i>Novikau S. Ya.</i> 20-jähriger Meilenstein der April-Konferenzen: Hauptergebnisse und neue Herausforderungen.....	17
<i>Ganzer Ch.</i> 80 Jahre Geschichte der Verteidigung der Festung Brest: Wissenschaft vs Propaganda	23
<i>Paul G. Maly</i> Trostenets in der Dimension der wissenschaftlichen Analyse.....	30
<i>Hreben E. A.</i> Deutsche Besetzung Weißrusslands 1941–1944 durch die Augen der Kinder	34
<i>Zdanovich U. V.</i> Kamphandlungen im Sommer 1941 in Weißrussland auf den Seiten einheimischer enzyklopädischer Veröffentlichungen.....	40
<i>Shatko V. I., Vasilevsky V. B.</i> Verzerrung der Ursachen des Beginns des Großen Vaterländischen Krieges in den Werken der Geschichtsfälscher.....	46
<i>Ljutko S. G.</i> Luftverteidigung von Minsk im Juni 1941	50
<i>Woskoboyny N. A.</i> Kontrolle und Kommunikation in der Operation „Bagration“..	55
<i>Tukala S. N.</i> Voraussetzungen für die Gründung und Funktionen der Organisation Ghetto Minsk im Juli – August 1941 (basierend auf einer Analyse der dokumentarischen und historiographischen Quellen)	58
<i>Khisamutdinowa R. R.</i> Helden der ersten Tage des Großen Vaterländischen Krieges	67
<i>Tsymbal A. G.</i> Dokumentensammlung des Generalbezirks Weißrussland (1941–1943) als Quelle zur Wirtschaftspolitik der deutschen Besatzungsbehörden	78

DER GROSSE VATERLÄNDISCHE KRIEG: EREIGNISSE – FAKTEN – MENSCHEN

<i>Kuznetsov I. N.</i> Katyn Tragödie im Kontext der belarussisch-polnischen Beziehungen.....	83
<i>Kulinok S. V.</i> Verdeckte Arbeit des deutschen Sonderdienstes 1939–1945 (basierend auf Materialien der Verfahrensfälle aus dem Fonds Nr. 1363 des Nationalarchivs der Republik Belarus).....	93
<i>Krywarot A. A.</i> Belarussische Partisanen und der polnische Untergrund: Probleme beim Studium der Beziehungen.....	98
<i>Aheenka T. M.</i> Dokumente der deutschen Besatzungsbehörden als bibliographische Quelle	107
<i>Woznesenskij V. K.</i> Die Aktionen der Abteilung der 121. Schützendivision im Rücken der Heeresgruppe „Mitte“ (Juli–August 1941).....	111
<i>Zajko P. V.</i> Stolbtzower Ghetto: zur Frage der Geschichtsschreibung.....	118
<i>Nelikhov V. Yu.</i> Eine Nacht der Kampfhandlungen der 16. Garde Luftdivision von Stalingrad.....	122
<i>Strelets M. V., Ptichkina S. A.</i> Dmitry Timofeewitsch Jazov: Details das Porträt des berühmten sowjetischen Militärführers.....	127
<i>Khmelnitskaya L. E.</i> Das militärische Schicksal des Klichev-Helden – vom meinen Vater Melnichuk Yevgeny Iosifovich.....	132
<i>Shimanskaya N. A.</i> Verbesserung der Aufklärungsarbeit von staatlichen Sicherheitsbehörden während der Besatzung das Territorium von Weißrussland (1941–1944)	142
<i>Tsymbal A. G.</i> Weissrussen im polen der zwischenkriegszeit in den studien von Sewerin Wisslawukh.....	150
<i>Litvin A. M.</i> Weißrussen – Teilnehmer am sowjetisch-finnischen Krieg in der Partisanenbewegung während des Großen Vaterländischen Krieges (1941–1944)	154

BELARUS UND DEUTSCHLAND: JAHRHUNDERTE DER GESCHICHTE UND JAHRZEHNTELANGE ZUSAMMENARBEIT

<i>Blagush I. S.</i> Innovative Ledership der industriellen Wirtschaft: „Paradoxe“ Deutschlands, Herausforderungen für Belarus.....	167
<i>Kuschnerewitsch A. M.</i> Lutherische Kirchen in Weißrussland.....	175
<i>Litvinovskiy I. A., Litvinovskaya Yu. I.</i> An den Ursprüngen der sowjetisch-deutschen Beziehungen.....	178
<i>Kontsevoy P. A.</i> Reparationslieferungen an die BSSR Rinder aus Deutschland (1945–1947).....	186

<i>Kuznetsova-Timonova A. V.</i> Deutsch als Pass nach Afrika: die Arbeit von Absolventen und Lehrern des Minker Staatlichen Pädagogischen Instituts als Übersetzer in Kriegsgebieten (1960–1980).....	192
<i>Popov I. D.</i> Die Konferenzen der Ministerpräsidenten der deutschen Länder als Institution für die Verfassung der Bundesrepublik Deutschland	198
<i>Smolyaninov M. M.</i> Minsk und die Provinz Minsk in der Anfangsphase Erster Weltkrieg (August 1914 – September 1915).....	205
<i>Brigadina O. V.</i> Das Leben und Schicksal von Admiral A. V. Kolchak. Die wichtigsten Richtungen und Ergebnisse der Forschung	213

PRÄSENTATION NEUER AUSGABEN

<i>Kienko D. G.</i> Dokumentensammlung „Nakanune-2“ als Informationsquelle des Nachrichtendienstes der ZapOVO (Januar – Juni 1941)	219
---	-----

IN MEMORY

SIARHEY PAULAWITSCH KUBEKA

28.09.1954 – 23.11.2020

<i>Novikau S. Ya.</i> Siarhei Paulawitsch Kubeka ist einer der Gründer der Tradition der Abhaltung der Jahreskonferenz an der MSLU	224
<i>Greben E. A.</i> Sergei Pavlovich – ein erfahrener Mentor und weiser Ratgeber	227
<i>Zakharov A. M.</i> S. P. Kubeka – die Seele unseres Teams	228
<i>Zdanovich U. V.</i> Erinnerungen an die monatliche Fortbildung in Brester Staatlichen Universität von A. S. Puschkin	228
<i>Zayats A. P.</i> Ein ausgezeichnete Kenner von Lebensrezepten	229
Verfasser der Beiträge und Berichte	231

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
Мінск, 2 красавіка 2021 г.

В ы п у с к 20

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Рэдактары: *В. М. Васілеўская, В. С. Забродская, К. І. Кавалёва*
Ст. карэктар *С. А. Іванова*
Камп'ютарная вёрстка *К. А. Запека*

Падпісана ў друк 04.03.2022. Фармат 60×84 1/16. Папера афсетная. Гарнітура Таймс.
Рызаграфія. Ум. друк. арк. 13,95. Ул.-выд. арк. 16,46. Тыраж 100 экз. Заказ 13.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 ад 10.07.2020 г.

Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.